ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ
ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

З.И. КАЛУГИНА

РЫНОЧНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА РОССИИ

Социологический дискурс

НОВОСИБИРСК
2015

УДК 338.97
ББК 65.9(2Р)32+60.55

К 176 ***Калугина З.И.*** **Рыночная трансформация аграрного сектора России:** Социологический дискурс. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. – 342 с.

ISBN 978-5-89665-290-8

В книге представлены избранные труды автора, посвященные проблемам реформирования аграрного сектора России в 1990–2000-х годах. В них рассмотрены основные этапы, экономические результаты и социальные последствия рыночной трансформации аграрного сектора России; в контексте основных направлений государственной аграрной политики проанализированы адаптационные стратегии предприятий, семей и групп; процесс становления новых хозяйствующих субъектов; показаны механизмы возникновения институциональных ловушек и депривации сельского населения, дана оценка социальных рисков модернизации аграрной экономики страны, изложено авторское видение посткризисного развития отечественного АПК и социально-экономических механизмов оздоровления аграрной экономики.

Книга рассчитана на широкий круг читателей: экономистов, социологов, ученых-аграрников, практиков, студентов и всех, кому не безразличны трудные судьбы российской деревни.

Рецензенты:
д.э.н. Щетинина И.В., к.с.н. Фадеева О.П.

ISBN 978-5-89665-290-8

УДК 338.97
ББК 65.9(2Р)32+60.55

© Калугина З.И., 2015 г.
© ИЭОПП СО РАН, 2015 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА 4
ТРАНСФОРМАЦИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ И АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ 10
СТАНОВЛЕНИЕ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В РЕФОРМИРУЕМОМ АГРАРНОМ СЕКТОРЕ РОССИИ 80
СЕЛЬСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ 113
СОЦИАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ РАЗВИТИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ (ФЕРМЕРСКИХ) ХОЗЯЙСТВ 152
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 1990–2000-х ГОДОВ 165
СЕЛЬСКИЙ РЫНОК ТРУДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 183
ИНВЕРСИЯ СЕЛЬСКОЙ ЗАНЯТОСТИ: ПРАКТИКА И ПОЛИТИКА 207
ДЕПРИВАЦИЯ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ В УСЛОВИЯХ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ 230
СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ АГРАРНОЙ ЭКОНОМИКИ 246
ИТОГИ РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ АГРАРНОГО СЕКТОРА РОССИИ 261
СОЦИАЛЬНЫЙ ВЕКТОР РОССИЙСКИХ АГРАРНЫХ РЕФОРМ 277
НОВАЯ ПАРАДИГМА СЕЛЬСКОГО РАЗВИТИЯ 295
ВЕКТОР ПОСТКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ 317

ОТ АВТОРА

Двадцатилетний срок с начала реформ достаточен для подведения итогов, для осмысления положительных и отрицательных последствий реформирования общества, для выявления причин неудач, для поиска новых решений. Экономические преобразования, осуществленные в России по инициативе властных структур в 1990-е годы, сопровождались серьезными социальными издержками. Суммарные негативные потери общества оказались намного выше положительных результатов. Стремительное снижение уровня жизни и социальной защищенности населения, резкое расслоение общества на бедных и богатых, рост безработицы, нестабильность, неуверенность в будущем, набирающая темпы криминализация общества – вызывали социальную усталость и разочарование отдельных групп населения в проводимых реформах. Но некоторые группы, оказавшиеся в нужном месте и в нужное время при дележе общественного пирога, оказались в выигрыше.

Данная книга подводит некоторый итог большому отрезку пройденного автором пути в науке, посвященному судьбам российской деревни. Предметом моих изысканий в данной области были, главным образом, социальные процессы в аграрном секторе России, происходившие в период проведения радикальных экономических реформ. Решающую роль в моей судьбе и выборе магистрального направления исследований сыграло знакомство и совместная работа с выдающимся ученым-социологом и экономистом академиком Татьяной Ивановной Заславской.

Конец 1980-х – начало 1990-х годов был переломным моментом в жизни не только всего российского общества, но и коллектива Новосибирской экономико-социологической школы. В 1988 году по приглашению М.С. Горбачева академик Т.И. Заславская покинула Новосибирск и переехала в Москву, чтобы организовать первый в стране Центр по изучению общественного мнения. Коллектив НЭСШ, лишившийся пассионарного лидера, начал самостоятельное плавание в бушующем море общественных перемен. Все было зыбко, неустойчиво, противоречиво. Как изучать этот безумный, безумный, изменчивый мир?

Но уезжая, лидер школы оставила нам в наследство бесценный дар – методологию системного изучения деревни, теорию социальных механизмов трансформационных процессов, а также богатый опыт непосредственного наблюдения социальной реальности во время многочисленных социологических экспедиций в сельские районы Новосибирской области, Алтайского края и других регионов страны. На этой базе и были развернуты исследования трансформационных процессов аграрного сектора России.

Вначале под руководством д.э.н. Ф.М. Бородкина, ставшего заведующим отделом социальных проблем ИЭОПП СО АН СССР, были разработаны «Предложения к научно-социологическому сопровождению программы перехода России к рыночной экономике». Главная цель социологического сопровождения рыночных реформ, по мнению авторского коллектива, заключалась в своевременном обнаружении, диагностировании и прогнозировании динамики возникающих в обществе социальных напряжений, формулировании предложений по разрешению или обходу выявленных в процессе мониторинга проблем. Достижение этой цели было возможно двумя путями. Первый связан с привычными конкретными социологическими исследованиями, а второй – нетрадиционный (на тот период времени) путь, связанный с организацией социологического мониторинга, т.е. систематического и регулярного отслеживания изменений в социальной ситуации путем сбора социологической и статистической информации.

В данной книге представлены наиболее значимые работы автора, опубликованные в России и за рубежом. Они основаны на результатах социологического мониторинга хода аграрной реформы, проведенного сотрудниками отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН под руководством и при личном участии автора в сельских регионах Сибири в 1990–2014 гг. К анализу привлечены также данные государственной статистики, выборочных обследований, многочисленные литературные источники.

Перед социологами – аграриями стояла трудная задача: ответить на вопрос, а есть ли социальная база для проведения рыночных аграрных реформ? С этой целью был проведен анализ состояния общественного сознания, уровня информированности

и понимания сути происходящих перемен разными социальными группами, их готовности жить и работать в новых условиях. Необходимо было понять, как сельское население восприняло радикальные реформы, что одобрялось и принималось большинством, а что категорически было неприемлемым с их точки зрения, с какими последствиями сельские жители могли смириться, а с какими – категорически были не согласны. Присутствуя на сельских сходах и собраниях тех лет, мы были живыми свидетелями слома социалистических производственных отношений и перехода к новым непривычным для колхозников и рабочих совхозов «закрытым и открытым акционерным обществам», «товариществам всех мастей», «кооперативам», «фермерским хозяйствам». Представители местного руководства сами толком еще не могли разобраться в сути многочисленных форм собственности, в навязываемых сверху организационно-правовых формах сельскохозяйственного производства и труда. Реформирование аграрного сектора проводилось по традиционной советской «технологии», характерными чертами которой были директивность, тотальность, форсированность и формальность преобразований.

В ходе исследования было выявлено противоречие между коллективистским духом значительной части аграрного населения и индивидуальными ценностями, декларируемыми новой экономической политикой. Формальное изменение статуса хозяйствующих субъектов АПК не приводило автоматически к радикальному изменению экономического мышления и формированию рыночных моделей экономического поведения сельского населения. Существующие дефекты действующего хозяйственного механизма, тормозя процесс формирования новых субъектов хозяйствования, сдерживали процесс модернизации аграрного сектора.

Исследование новых социальных феноменов и процессов было посвящено, в частности формированию фермерского сектора аграрной экономики. Накопленный опыт исследования села под руководством академика Т.И. Заславской, позволил автору этих строк на входе реформ очертить социальные границы развития фермерских хозяйств в России. По прошествии 20 лет можно сказать, что основная часть выводов относительно развития фермерского аграрной экономики, сделанных автором в начале реформ, оказались верными.

Вторым крупным направлением мониторинга можно считать исследование адаптационных стратегий сельскохозяйственных предприятий и семей. Оно реализовано с использованием методологии case-study в двух сельских районах Новосибирской области летом 1998 г. Для выявления альтернативных моделей адаптации в качестве объектов исследования с помощью экспертов были отобраны четыре предприятия, различающиеся по уровню социально-экономического развития.

Мониторинг хода аграрной реформы осуществлялся коллективом НЭСШ и в последующие годы. Его результаты свидетельствовали о том, что на колхозно-совхозном пространстве России сформировалась специфическая модель аграрных отношений, характерными чертами которой стали: хозяйственная, технологическая и институциональная «многоукладность»; высокая доля неформальных и теневых отношений; отсутствие надежных механизмов артикуляции, реализации и согласования интересов ключевых субъектов сельского развития, возникновение институциональных ловушек.

В более широком контексте были исследованы институциональные основы и социальные практики сельского предпринимательства в ходе реализации международного коллективного проекта, поддержанного INTAS. Исследование было проведено в Башкирии, Закарпатье и в Новосибирской области.

В этот период времени без преувеличения можно сказать, что весь мир следил за тем, что же происходит на постсоветском российском пространстве? Многие научные центры в разных концах земного шара пытались постичь исторические перемены в России. Результаты проводимых исследований были широко востребованы научной общественностью. Зарубежных ученых, пристально следивших за трансформационными процессами в аграрном секторе России, поражало то, что не все коллективные хозяйства рухнули и что во главе успешных реорганизованных хозяйств нередко стояли так называемые «красные директора». Молодые же реформаторы, одобряя новое мирохозяйственное устройство на идейном уровне, на практике не всегда могли сориентироваться в стихии рынка.

Удивление вызывало также то, что предоставленной свободой в аграрной сфере воспользовались далеко не все сельские жители. «Им дают землю для самостоятельного хозяйствования, а они отказываются. Ох уж эта загадочная русская душа»!

В начале реформ многократно обманутое государством российское крестьянство не откликнулось на попытки активизировать частную инициативу сверху массовым исходом из «коллективного агрогулага». Практика показала, что выбранная крестьянами стратегия оказалась вполне оправданной и прозорливой. Государство в тот период не смогло гарантировать права частной собственности, не проводило внятной и последовательной политики в отношении частного сектора экономики и не смогло обеспечить соблюдение контрактных обязательств всеми участниками рынка.

Переход страны к рынку, резкое ослабление роли государства в решении социально-экономических задач обусловили необходимость поиска и нахождения новых источников сельского развития, а соответственно и смены традиционной парадигмы сельского развития. Новая парадигма сельского развития предполагает, на наш взгляд, смену ориентиров: переход от государственного патернализма к саморазвитию с опорой на внутренние ресурсы и равноправное партнерство государства, бизнеса и населения.

Но жизнь не стоит на месте и перед аграриями страны уже встают новые задачи по импортозамещению продуктов питания, восстановлению утраченных направлений научных исследований, модернизации сельской экономики, сохранению и развитию социальной инфраструктуры села. И если судьба позволит, то и автор постарается внести свою малую лепту в решении этих задач.

Публикации, посвященные итогам аграрных преобразований 1990–2000-х годов, и представленные в данной книге, интересны тем, что в них отражена эволюция взглядов автора через 10 и 20 лет после начала аграрных реформ в России. Результаты исследования автора неоднократно докладывались на мировых и европейских социологических конгрессах и других международных конференциях и симпозиумах. Анализ трансформационных процессов в современной России всегда вызывал неподдельный интерес аудитории. Основные результаты мониторинга аграрных реформ в России были опубликованы в России и за рубежом: в частности, в Великобритании, Германии, Италии, Израиле, Канаде, Польше, США, Японии.

На разных этапах работа выполнялась при финансовой поддержке авторитетных российских и зарубежных научных

фондов. Полевые исследования, в ходе которых получен основной массив социологической информации, проводились при финансовой поддержке Президиума СО РАН.

Пользуясь случаем, автор благодарит всех своих коллег, без самоотверженной работы которых в трудных полевых условиях было бы невозможно собрать богатый и информативный социологический материал. Применение оригинальных программ математического анализа социологических данных, разработанных под руководством к.т.н. П.С. Ростовцева, а также бесценные консультации В.С. Костина и Ю.Г. Корнюхина обеспечили бóльшую надежность выводов. Поддержка и ценные замечания моих коллег помогали расставить нужные акценты, более тщательно аргументировать выводы и прогнозы. Автор выражает глубокую признательность Н.С. Кошелевой, которая оказала неоценимую помощь в сборе, подготовке и обработке материалов. Особая благодарность О.П. Фадеевой – сподвижнику, соисполнителю и соавтору многих работ.

Низкий поклон нашим терпеливым, великодушным и гостеприимным респондентам – сельским жителям Сибири и других регионов. Глубокая признательность литературным редакторам печатных работ, значительно улучшившим авторский слог.

Работы, представленные в этой книге, будут интересны читателю тем, что все они были написаны по горячим следам свидетелем и очевидцем реальных событий, происходивших в российской сельской глубинке.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ И АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ[1]

Данная статья посвящена социологическим аспектам аграрной реформы России. Результаты реформ оцениваются в человеческом измерении. Основная цель – проанализировать тенденции развития реформируемого аграрного сектора и их последствия с позиций интересов разных социальных групп. В статье представлены ответы на вопросы: как восприняты идеи реформ различными социальными группами, насколько они адаптированы к новым условиям, как изменились их социальные позиции, каково их социальное самочувствие. Особое место уделено анализу адаптационных стратегий сельскохозяйственных предприятий, представлено авторское видение социальных механизмов оздоровления аграрной экономики. Анализ базируется на материалах социологического мониторинга хода аграрной реформы в регионах Сибири[2].

---

[1] Данная статья (опубликована в журнале «Мир России. Социология. Этнология», 2000, № 3), может быть использована в качестве учебного материала к курсу экономической социологии.

[2] На разных этапах работа выполнялась при финансовой поддержке авторитетных российских и зарубежных научных фондов. Исследовательские проекты «Субъекты хозяйствования в АПК: нормо-ценностное сознание, поведение, самоидентификация» (№ 96-03-04433), «Адаптационные стратегии сельскохозяйственных предприятий и семей в условиях нестабильности» (№ 99-03-00170) были поддержаны Российским гуманитарным научным фондом, а проект – «Сельское население Сибири в условиях нестабильности: проблемы адаптации и самоидентификации» (№ 99-57254) – фондом Джона и Кэтрин Макартуров. Полевые исследования, в ходе которых получен основной массив социологической информации, проводились при финансовой поддержке Президиума СО РАН. Результаты исследования рыночной трансформации аграрного сектора России неоднократно публиковались за рубежом: «The Structural Changes in the Russian Agrarian Sector: Success and Failure" in Proceedings of the Workshop: Changing Agricultural Structure and Policies in Europe toward the Twenty First Century. 16–21 August 1998, Haifa University, Izrael; "Paradoxes of Agrarian Reform in Russia" In: Russian Views of the Transition in the Rural Sector. Structures, Policy Outcomes, and Adaptive Responses / L. Alexander Norsworthy, editor. Washington DC: The World Bank, 2000; Rural Reform in Post-soviet Russia. Edited by David J.O'Brien and Stephen K.Wegren. Woodrow Wilson Center Press. Washington D.C. The Johns Hopkins University Press Baltimore and London, 2002; Agrarian Actors in the Localities in Explaining Post-Soviet Patchworks. Volume 1. Actors and Sectors in Russia between Accommodation and Resistance to Globalization. Ashgate. Aldershot. Burlington USA. Singapore. Sydney, 2001; Private Farming in Russia: a Thorny Path to Revival in Farming and Rural Systems Research and Extension. Local Identities and Globalisation. IFSA European Group, Florence, Italy, 2002; Rural Transformation in Russia: Inconsistencies and Results in Ieda Osamu (ed.) Transformation and Diversification of Rural Societies in Eastern Europe and Russia. Slavic Research Center, Hokkaido University, Sapporo, Japan, 2002 etc.

Введение

Радикальные общественные преобразования, осуществленные в России по инициативе властных структур в 1990-е годы, привели к неоднозначным результатам. Экономические преобразования сопровождались серьезными социальными издержками. Суммарные негативные потери общества оказались намного выше положительных результатов. Стремительное снижение уровня жизни и социальной защищенности населения, резкое расслоение общества на бедных и богатых, рост безработицы, нестабильность, неуверенность в будущем, набирающая темпы криминализация общества вызвали социальную усталость и разочарование населения в проводимых реформах.

Десятилетний срок с начала реформ достаточен для подведения некоторых итогов, для осмысления положительных и отрицательных последствий реформирования общества, для выявления причин неудач и для поиска новых решений.

Начиная с 1991 г. радикальные экономические реформы проходили и в аграрном секторе России. Анализу результатов аграрных преобразований посвящено множество работ отечественных и зарубежных специалистов. Эти работы, в основном, касаются правовых, финансовых, организационных, научно-технических и экономических аспектов преобразования аграрного сектора. В данной статье основное внимание будет уделено социальным аспектам реформирования.

Анализ базируется на материалах социологического мониторинга аграрной реформы в регионах Сибири, проведенного сотрудниками отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН под руководством и при личном участии автора в сельских регионах Сибири в 1990–2000 гг.

Основные направления современной аграрной реформы

Ситуация в аграрном секторе накануне реформ

На рубеже веков России не удалось решить многие социальные проблемы, в том числе и продовольственную. Ситуация ухудшалась в связи с тем, что с середины 1970-х годов увеличе-

ние номинальных денежных доходов населения стало опережать рост производства продовольствия. Темпы прироста продовольственной продукции были недостаточными, чтобы обеспечить потребности населения страны в полноценном и сбалансированном питании. В ряде районов продажа продовольственных товаров регламентировалась [1, с. 168]. Если по производству многих сельхозпродуктов на душу населения наша страна приблизилась к уровню США, а по некоторым даже превосходила его, то по качеству продовольствия и уровню снабжения им населения – оказалась в худшем положении. Так, среднедушевое потребление мяса составляло в 1990 г. 54% американского уровня, зерна – 70%, овощей и картофеля – 80%, молока – 140%.

В течение двух-трех десятилетий, предшествовавших распаду СССР, катастрофически снижалась эффективность сельскохозяйственного производства. За 1970–1990 гг. отставание от США по производительности труда в сельском хозяйстве возросло с 4 до 10 раз. К 1990 г. в СССР затраты труда на производство 1 ц продовольственного зерна (в основном пшеницы) были выше, чем в США, в 4,3 раза, молока – в 11 раз, говядины – в 17 раз, свинины – в 22 раза.

Урожайность всех зерновых снизилась, в то время как размер посевных площадей в расчете на душу населения (без площадей, используемых для производства на экспорт) в нашей стране более чем в 2 раза превосходил соответствующий показатель в США. Все это усугублялось огромными потерями сельскохозяйственного сырья: не менее трети его приходилось на прямые потери, не считая скрытых – от неэффективного использования. В СССР производилось мяса в расчете на 1 т зерновых в 1,5 раза меньше, чем в США, в расчете на 1 га сельхозугодий – в 5 раз меньше. Сравнительно высокий уровень производства животноводческой продукции поддерживался импортом фуражного зерна.

К 1990 г. 1% прироста мощностей в сельском хозяйстве давал в 9–10 раз меньший прирост производительности труда, чем в США. Это замедлило сокращение занятости в сельском хозяйстве, обусловило относительный рост затрат на социальные нужды села [2].

Попытки административно-командной системы изменить положение с помощью косметических поправок не давали долговременных результатов. Внедряемые социально-экономические новации, будь то внутрихозяйственный расчет, различные виды

подряда, интенсивные технологии и т. п., не меняли существа дела. Они лишь на короткий срок, да и то в экспериментальных хозяйствах, где искусственно создавались более благоприятные условия для «маяков», приводили к кратковременному улучшению положения в сельской экономике. После окончания очередной кампании все возвращалось на круги своя. Социалистическая система отторгала чуждые ей элементы рыночных производственных отношений. Для качественного изменения ситуации были необходимы радикальные реформы.

Замыслы реформаторов

Экономическая реформа, развернувшаяся в начале 1990-х годов, предусматривала конструктивные преобразования в аграрном секторе страны. Она включала в себя проведение земельной реформы, реорганизацию колхозов и совхозов, являющихся доминирующей формой социалистического хозяйствования в аграрной сфере, развитие фермерского сектора.

Главной цепью земельной реформы было перераспределение земли между хозяйствующими субъектами для равноправного развития различных форм хозяйствования и рационального использования земель на территории России. Закон о земельной реформе, принятый в декабре 1990 г., отменял государственную монополию на землю на всей территории страны и возрождал институт частной собственности на землю [3]. Право частной собственности на землю было закреплено в Конституции Российской Федерации. Однако второй (внеочередной) Съезд народных депутатов РФ в том же 1990 г. ввел 10-летний мораторий на куплю-продажу земли, который фактически действует и поныне, несмотря на Указы Президента РФ, направленные на реализацию конституционных прав граждан на землю и отмену установленного моратория [4, 5]. Дебаты по поводу свободной купли-продажи земли продолжаются и поныне. Земельный кодекс России до сих пор не принят.

В целом ход земельной реформы можно проиллюстрировать данными, представленными в табл. 1. Как видно из приведенных данных, земельный рынок в России развит слабо. В основном, практикуется аренда земли и обмен земельных паев. В конце декабря 1991 г. Правительством РФ были приняты постановления о реорганизации колхозов и совхозов и порядке приватизации государственных сельскохозяйственных предпри-

ятий [6]. Эти меры были нацелены на изменение организационно-правового статуса коллективных хозяйств, на реализацию права свободного выбора формы предпринимательства с закреплением за работниками имущественных паев и земельных долей с правом свободного выхода из состава коллективного хозяйства без согласия на то трудового коллектива. Реорганизации подлежали все коллективные хозяйства независимо от эффективности их деятельности. На их базе могли быть созданы товарищества, акционерные общества, сельскохозяйственные производственные кооперативы, крестьянские фермерские хозяйства и их ассоциации. Трудовым коллективам предоставлялось право сохранить прежнюю форму хозяйствования. Реорганизация должна была быть завершена к концу 1992 г.

Таблица 1

Оценка хода земельной реформы, % от числа обследованных хозяйств*

Показатель	Сельскохозяйственные предприятия	Крестьянские (фермерские) хозяйства
Продажа земли	1	6
Сдача земли в аренду	24	33
Залог земли	3	4
Оформление права собственности на земельные паи	70	45
Продажа, сдача в аренду и обмен земельных паев	21	21

* Всего обследовано 559 с/х предприятий и 493 фермерских хозяйства.

Источник: Российский статистический ежегодник/ Госкомстат России. – М., 1999, с. 377.

Развитие фермерского сектора в России началось с принятием в декабре 1990 г. Закона РФ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [7], который определил экономические, социальные и правовые основы организации и деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств и их ассоциаций как формы свободного предпринимательства, осуществляемого на принципах экономической выгоды.

Таким образом, в начале 1990-х годов была заложена законодательная база для формирования многоукладной экономики в аграрном секторе страны и свободного выбора каждым сельским тружеником формы хозяйствования на земле.

Тенденции развития аграрной экономики в 1990-е годы

Реорганизация коллективных хозяйств, тенденции их развития

Реорганизация колхозов и совхозов практически завершилась к началу 1994 г., когда 95% коллективных хозяйств прошли перерегистрацию. В результате проведенной реорганизации 66% коллективных хозяйств изменили свой организационно-правовой статус, а 34% воспользовались правом сохранить прежнюю форму хозяйствования. На базе реорганизованных хозяйств было создано 0,3 тыс. акционерных обществ открытого типа, 11,5 тыс. товариществ (всех видов), 1,9 тыс. сельскохозяйственных кооперативов, 0,4 тыс. подсобных хозяйств предприятий и организаций, 0,9 тыс. ассоциаций крестьянских хозяйств, 81,6 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств, 2,3 тыс. прочих формирований. Сохранили свой прежний статус 3,6 тыс. совхозов и 6,0 тыс. колхозов. По формам собственности сельскохозяйственные предприятия распределились следующим образом: государственная – 26,6%, муниципальная – 1,5, частная – 66,8, смешанная – 5,1% [8, с. 48–49].

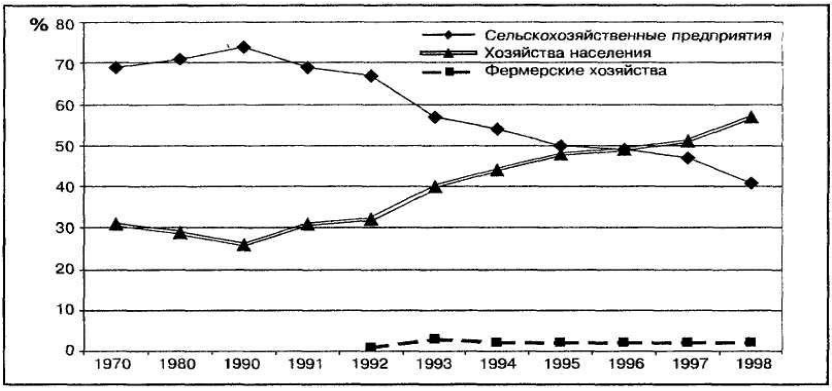
Таким образом, в результате реорганизации коллективных хозяйств был сделан первый шаг на пути создания многоукладной аграрной экономики на базе равноправия всех форм собственности и способов хозяйствования на земле. Однако ощутимых положительных результатов в повышении эффективности сельскохозяйственного производства и увеличении его объемов эта реорганизация не принесла. Объемы производства и доля коллективных сельскохозяйственных предприятий в производстве продукции после их реорганизации неуклонно падает (табл. 2; рис. 1, 2). Если в 1990 г. сельскохозяйственные предприятия производили 73,7% от общего объема продукции, то в 1998 г. – только 40,6% [9, с. 350].

Таблица 2

Индексы объема продукции сельского хозяйства России по категориям хозяйств, % к предыдущему году (в сопоставимых ценах)

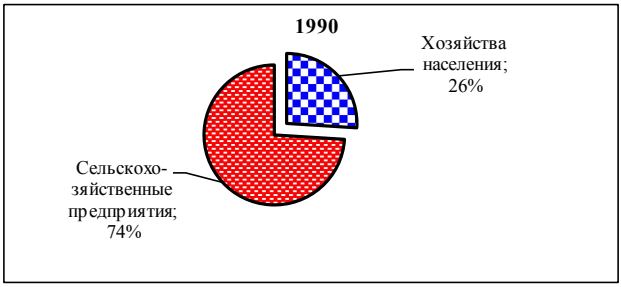
Год	Хозяйства всех категорий	В том числе		
		с/х предприятия	хозяйства населения	фермерские хозяйства
1991	95,5	91,0	108,7	–
1992	90,6	82,7	108,1	в 5,7 раз
1993	95,6	90,9	102,7	166,7
1994	88,0	83,9	95,3	86,2
1995	92,0	84,6	103,4	97,4
1996	94,9	89,9	100,4	95,2
1997	101,5	102,4	99,4	126,3
1998	87,7	81,2	94,9	80,2

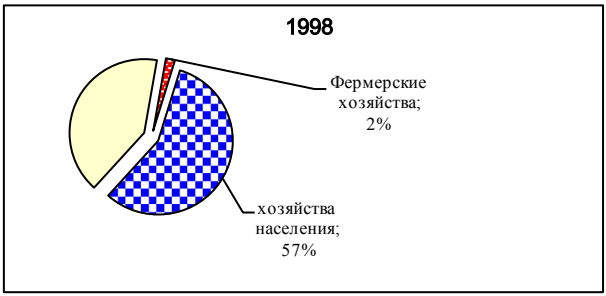
Источник: Российский статистический ежегодник/ Госкомстат России. – М., 1999, с. 350.

Источник: Российский статистический ежегодник / Госкомстат РФ. М., 1998. С. 379; 1999, с. 203.

Рис.1. Удельный вес различных категорий хозяйств в сельскохозяйственном производстве России в 1970–1998 гг. (в действующих ценах)

Источник: Российский статистический ежегодник / Госкомстат РФ. М., 1998. С. 379; 1999, с. 203.

Рис. 2. Структура сельскохозяйственного производства в России по категориям хозяйств (в действующих ценах)

Большинство сельскохозяйственных предприятий России находятся в тяжелом экономическом положении. Если 1991 г. они закончили с уровнем рентабельности в 43%, то 1995 г. – с рентабельностью минус 2%, а 1996 г. – минус 20,5% [9. с 43][1].

По мнению специалистов, основными причинами критического положения в сельском хозяйстве России являются: постоянно нарастающий диспаритет цен на продукцию отрасли и материально-технические ресурсы, используемые на ее производство; крайне слабая государственная поддержка; низкие закупочные цены; несвоевременные расчеты за реализованную продукцию; монополизм перерабатывающих, заготовительных и обслуживающих предприятий и организаций [10, с. 7].

[1] Рентабельность (убыточность) характеризуется отношением прибыли (убытка) к себестоимости реализованной продукции, работ и услуг.

Развитие фермерских хозяйств

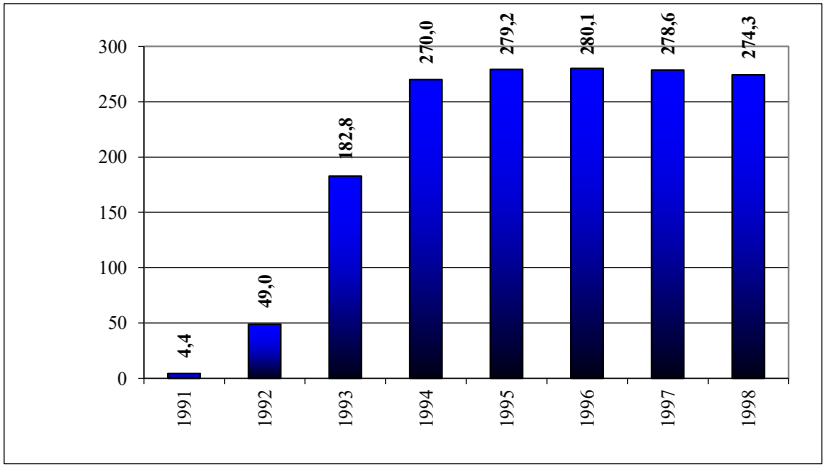
Со времени вступления в силу Закона РФ о крестьянском (фермерском) хозяйстве и реорганизации колхозов и совхозов у российских крестьян появилась реальная возможность стать самостоятельными хозяйствующими субъектами. Динамика численности крестьянских хозяйств в России свидетельствует о том, что к началу реформ в стране имелась социальная база для развития частного сектора аграрной экономики. За 1991–1998 гг. число фермерских хозяйств выросло до 274,3 тыс. Но начиная с 1994 г. темпы прироста фермерских хозяйств стали сокращаться. При этом нарастает процесс разорения крестьянских хозяйств, отказ крестьян от земли, от самостоятельного ведения хозяйства. Число хозяйств, прекративших свою деятельность, составило в 1992 г. 5,1 тыс., в 1993 г. – 19,1 ив 1994 г. – 45,9 тыс. [8, с. 53]. Начиная с 1997 г., их число стало превышать число вновь создаваемых крестьянских хозяйств (рис. 3, 4).

Уменьшение вновь создаваемых хозяйств на фоне увеличивающихся темпов их разорения привели к абсолютному сокращению числа фермерских хозяйств в стране. В 1997 г. их число сократилось на 1,5 тыс. по сравнению с предыдущим годом, в 1998 г. соответственно на 4,3 тыс., в 1999 г. – на 4,1 тыс. [9, с. 283].

Исследования, проведенные во многих регионах страны, свидетельствуют о том, что главными причинами неустойчивости крестьянских хозяйств в России являются [11, 12]:

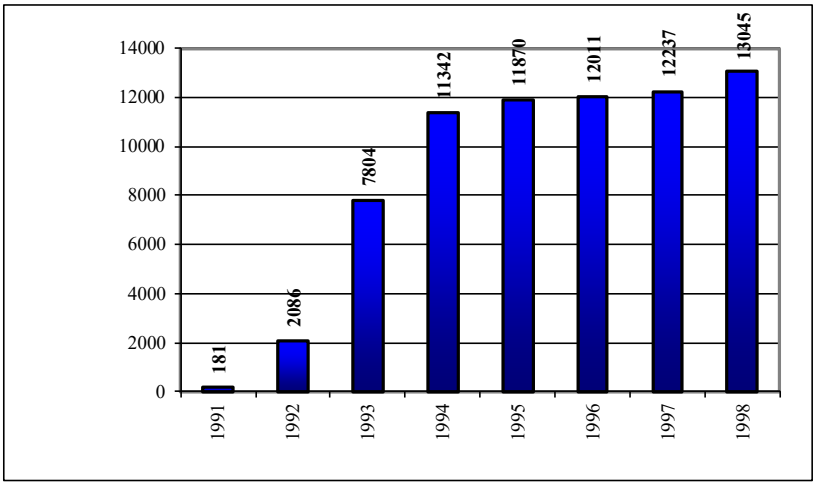
- чрезвычайно высокие налоги;
- высокие цены на сельскохозяйственную технику, горючее и прочие ресурсы;
- незащищенность прав собственника;
- слабая поддержка со стороны государства;
- предоставление фермерам земельных наделов низкого качества, удаленных от мест основной застройки;
- отсутствие коммуникаций и дорог.

Однако мы отдаем себе отчет в том, что часть неудач обусловлена субъективными причинами, связанными с недостатком опыта у российских крестьян в самостоятельном ведении хозяйства, нехваткой знаний, неготовностью к работе в условиях экономического и социального риска.

Источники: Российский статистический ежегодник / Госкомстат РФ. М., 1997, с. 383; Россия в цифрах / Госкомстат РФ. М., 1998, с. 217.

Рис. 3. Число фермерских хозяйств в России в 1991–1998 гг., тыс.

Источники: Российский статистический ежегодник / Госкомстат РФ. М., 1997, с. 383; Россия в цифрах / Госкомстат РФ. М., 1998, с. 217.

Рис. 4. Площадь земельных участков фермерских хозяйств, тыс. га.

По состоянию на 1 января 1999 г. в России насчитывалось 270,2 тыс. фермерских хозяйств с площадью земли 13,8 млн га, в среднем по 51 га на хозяйство [13, с. 283]. Более половины фермеров имели по 20 га и менее, пятая часть – по 21–50 га и только 9% хозяйств – свыше 100 га земли.

Доля фермерских хозяйств в производстве продукции отрасли стабильно низкая и составляет примерно 2%.

Еще в 1991 г., анализируя необходимые и реальные условия для развития фермерских хозяйств в стране, нами был сделан вывод о преждевременности сплошной деколлективизации. Исходя из состояния общественного сознания, уровня развития промышленного потенциала, разработанности нормативной базы, особенностей социально-политической ситуации в стране и с учетом длительности процесса становления рыночных отношений, мы пришли к заключению о том, что фермерские хозяйства в обозримой перспективе не смогут стать господствующей формой сельскохозяйственного производства в российской деревне. С уверенностью можно было говорить лишь об имеющихся предпосылках для становления многоукладной аграрной экономики, одним из секторов которой мог бы стать фермерский сектор. Эти прогнозы оправдались [14].

Развитие личных подсобных хозяйств населения

Личное подсобное хозяйство (ЛПХ) – специфический сегмент аграрной экономики, базирующийся на использовании ресурсов и трудового потенциала сельских семей. ЛПХ как специфическая форма производства при социализме зародилась в конце 1920-х годов в процессе коллективизации индивидуальных крестьянских хозяйств и было основано на государственной форме собственности на основные средства производства, включая землю, и личном труде владельцев ЛПХ и членов их семей. С 1991 г. приусадебные участки земли, используемые в личном подсобном хозяйстве, согласно Конституции РФ переданы в собственность граждан. Как правило, ЛПХ является сферой вторичной занятости населения, включая занятость в общественной сфере сельскохозяйственного производства.

В условиях реформирования аграрных отношений, трансформации, а частично и распада колхозно-совхозного производства, длительности и сложности процесса становления новых хо-

зяйственных форм в АПК роль личного подсобного хозяйства как наиболее гибкой, достаточно устойчивой и самонастраивающейся организационно-правовой формы в производстве сельскохозяйственной продукции возросла.

Если в общественном секторе наблюдался заметный спад сельскохозяйственного производства, то в хозяйствах населения производство сельскохозяйственной продукции, напротив, возросло и составило в 1998 г. 57,3% от общего объема производства в России [13, с. 350].

По имеющимся статистическим данным, в 1997 г. 16,4 млн семей в России имели приусадебные участки общей площадью 5,9 млн га, или по 36 соток на семью. Помимо этого, 15,2 млн семей имели земельные участки в коллективных садах общей площадью 1,3 млн га, или по 8,3 сотки в расчете на одну семью. Коллективными огородами общей площадью 0,6 млн га пользовались 6,6 млн семей. В расчете на одну семью приходилось по 8,2 сотки земли. На 1 января 1999 г. в хозяйствах населения содержалось 9,9 млн голов крупного рогатого скота, в том числе 6 млн коров, а также 7,4 млн голов свиней, 9,3 млн – овец и коз [15, с. 207, 218].

Однако в 1994 г. произошло заметное сокращение объемов производства в хозяйствах населения, некоторая стабилизация производства сельскохозяйственной продукции в этой категории хозяйств произошла в 1995–1996 гг., а затем падение объемов производства возобновилось (табл. 2). Наметившаяся тенденция к сокращению производства в хозяйствах населения, на наш взгляд, обусловлена рядом причин.

Во-первых, подорвана материальная база развития ЛПХ вследствие разрушения производственного потенциала коллективных хозяйств, ресурсы которых (корма, посадочный материал, сельскохозяйственная техника, транспортные средства и пр.) предоставлялись владельцам ЛПХ на льготных условиях.

Во-вторых, существенно сократились финансовые возможности сельской семьи из-за резкого падения уровня жизни, вт. ч. обесценивания денежных сбережений.

В-третьих, практически исчерпан трудовой потенциал сельской семьи. Анализ бюджетов времени сельского населения показал, что многие семьи ведут подсобное хозяйство на пределе своих физических возможностей [16].

Несмотря на это, личные хозяйства населения являются в настоящее время ведущим сектором аграрной экономики. На 1 ян-

варя 1999 г. в них содержалось 34,8% крупного рогатого скота, в том числе 44,4% коров, а также 42,9% свиней, 59,7% овец и коз. По данным Госкомстата за 1998 г., в них производится 61% растениеводческой продукции и 54% продукции животноводства [9, с. 370, 350].

В настоящее время созданы законодательные и экономические предпосылки для развития личного подсобного хозяйства как равноправной формы сельскохозяйственного производства и ее возможной трансформации в самостоятельные крестьянские хозяйства.

1. Законодательно закреплено равноправие всех форм сельскохозяйственного производства, которое признает личное подсобное хозяйство населения как полноправную форму хозяйствования в аграрном секторе. А всем трудовым коллективам и индивидам предоставлено право выбора формы хозяйствования в соответствии с их желаниями, возможностями и потребностями.
2. Сняты все ограничения на количество скота, содержащегося в личном подсобном хозяйстве.
3. Согласно действующему законодательству приусадебные участки могут быть увеличены до одного гектара за счет земель, находящихся в ведении местных советов. Помимо этого, сельские жители, получившие земельные паи (работники сельского хозяйства, пенсионеры и часть работников социальной сферы), имеют право использовать их для расширения личного подсобного хозяйства.
4. Согласно действующей Конституции РФ земля и другие средства производства могут находиться в частной собственности.

В этих условиях у сельского населения появилась возможность выбора: вести свое хозяйство как подсобное, кооперируясь в своей деятельности с другими экономическим субъектами АПК и опираясь на помощь коллективных хозяйств, или преобразовать ЛПХ в самостоятельное крестьянское хозяйство. Возможность такой трансформации допускают около 20% сельских респондентов. Базой для превращения части ЛПХ в самостоятельные крестьянские хозяйства могли бы стать крупные ЛПХ товарного типа, на ведение которых ориентированы около четверти сельских семей. Однако больше половины опрошенных сельских семей считают трансформацию ЛПХ в фермерские хозяйства невоз-

можной, поскольку, по их мнению, ЛПХ не могут существовать без помощи коллективных хозяйств. Последние даже в трудных экономических условиях продолжают оказывать своим работникам всевозможную помощь в ведении ЛПХ путем выделения молодняка животных, семян, сельхозтехники и транспортных средств по льготным ценам или бесплатно.

Оценка перспектив трансформации ЛПХ в фермерские хозяйства, данная экспертами (руководителями и специалистами сельского хозяйства, N=566), более пессимистична. Только 3% экспертов считают, что ЛПХ может рассматриваться в качестве переходной формы от коллективного к частному хозяйству; более 60% экспертов считают, что ЛПХ может успешно развиваться только в союзе с коллективными хозяйствами.

На наш взгляд, сохранению ЛПХ в их прежнем виде способствует существующий порядок налогообложения, согласно которому приусадебные хозяйства не облагаются подоходным налогом. Выплачиваемый владельцами ЛПХ земельный налог, в силу своей незначительной величины, не оказывает существенного влияния на рентабельность этой категории хозяйств. Рентабельность значительно увеличивается также благодаря использованию (бесплатно или на льготных условиях) ресурсов коллективных хозяйств. Такое положение ЛПХ как специфической формы неофициальной аграрной экономики осознается большинством сельского населения и отражается на их поведении. Сельские жители понимают, что трансформация ЛПХ из неформального сектора экономики в формальный грозит им непосильным налоговым прессом, прекращением помощи коллективных хозяйств в ведении ЛПХ.

Неслучайно поэтому в стране наблюдается обратный процесс перерегистрации фермерских хозяйств в личные подсобные. Так по данным Пыталовской лаборатории ВИАПИ, в течение 1999 г. главы 34 крестьянских (фермерских) хозяйств (12% от их общего числа в районе) подали заявление в администрацию с просьбой о перерегистрации их в ЛПХ при сохранении прежних размеров земельных участков [17, с. 159]. Роль ЛПХ в процессе становления частного сектора аграрной экономики неоднозначна. Развиваясь наряду и, в значительной степени, за счет ресурсов и помощи коллективных хозяйств, оно как бы консервирует, сохраняет прежнюю систему экономических отношений. С другой стороны, ЛПХ способствует приобретению навыков экономного и эффек-

тивного хозяйствования на земле, формированию у сельского населения социальных качеств, адекватных рыночной экономике, таких как деловитость, предприимчивость, самостоятельность. Характерными чертами функционирования владельцев ЛПХ и членов их семей являются свобода экономической деятельности, самостоятельность в принятии хозяйственных решений и полная экономическая ответственность за результаты своей работы. Иными словами, личное подсобное хозяйство способствует формированию субъектов хозяйствования нового типа.

Большинство сельских жителей пока не решаются вести самостоятельные крестьянские хозяйства, но реалии сегодняшней жизни (спад производства в общественном секторе, чрезвычайно низкая заработная плата, систематическая задержка ее выплаты, рост безработицы) вынуждают их увеличивать масштабы и товарность своих подсобных хозяйств. В настоящее время личные подсобные хозяйства по своим масштабам и функциям приближаются к фермерским. Сами же бывшие колхозники и работники совхозов как бы поневоле превращаются в самостоятельных хозяев. При этом сельскохозяйственные предприятия выполняют функции по снабжению ЛПХ техникой, транспортными средствами и другими ресурсами, необходимыми для их эффективного ведения.

Протекающие в современной российской деревне латентные процессы еще не осознаны обществом и требуют самого тщательного изучения. Именно эти процессы, на наш взгляд, могут предопределить тенденции и характер изменений в российской деревне на ближайшую и среднесрочную перспективы. Эти процессы и тенденции необходимо учитывать при разработке аграрной политики страны.

Экономические результаты и социальные последствия реформ

Формальные показатели свидетельствуют, что задуманные преобразования достигли определенной цели: сократилось число колхозов и совхозов, появились признаки многоукладности экономики, разнообразия форм собственности. Но какова эффективность этих преобразований, какова их социальная цена? Постараемся ответить на эти вопросы с позиции социолога.

Парадоксы аграрной реформы

Динамика развития трех сегментов аграрной экономики ярко показывает первый парадокс аграрной реформы, проявившийся в экспансии мелкотоварного производства. Вопреки намерениям реформаторов ведущими секторами сельскохозяйственного производства стали не фермерские хозяйства и не акционированные коллективные хозяйства, а личные подсобные хозяйства сельских жителей. Не имея никаких средств механизации (отчасти в силу неразвитости рынка малогабаритной техники, приспособленной для использования в приусадебных хозяйствах, но в большей степени из-за отсутствия средств у сельского населения для их приобретения), владельцы ЛПХ смогли удвоить объемы производства и товарности этой категории хозяйств исключительно за счет увеличения затрат собственного труда. Однако экспансия мелкотоварного производства имеет и много минусов – происходит натурализация хозяйства, возврат к натуральным (бартерным) формам обмена, к архаичным способам производства, несоблюдение требований агротехники, обострение экологических и социальных проблем.

Второй парадокс современных аграрных преобразований заключается в неэффективности «капитализации» аграрной экономики. Субъекты политики вынуждены признать, что вместо неэффективного государственного сектора экономики после реформирования они получили неэффективный частный сектор. При этом негативные тенденции сохраняются (табл. 3). В результате проведенных преобразований резко увеличилось как число убыточных хозяйств, так и их удельный вес.

На наш взгляд, главными причинами этого является формальность проведенных преобразований. Организационно-правовой статус колхозов и совхозов был изменен, но суть экономических отношений осталась прежней. Положение работника в системе производственных отношений практически не изменилось.

Большинство работников так и не ощутило разницы между их положением на предприятии как наемных работников и как совладельцев средств производства, а потому не произошло существенного изменения мотивации труда и моделей их трудового поведения. Установленные разграничения прав и ответственности между собственниками (акционерами) и управляющими (директорами) соблюдаются не всегда. Во многих случаях директора фактически отстраняют акционеров, в том числе крупных, от

принятия важнейших решений, относящихся к непосредственной компетенции собственника. В связи с этим защита прав акционеров, четкое разграничение прав и ответственности собственников и управляющих – первоочередные задачи совершенствования механизма корпоративного управления [18].

Таблица 3

Убыточность* сельскохозяйственных предприятий России в 1970–1998 гг.

Год	Число убыточных хозяйств, тыс.	Доля убыточных хозяйств, % от общего числа с/х предприятий
1970	2,9	13
1980	16,8	71
1990	0,7	3
1991	1,3	5
1992	1,3	5
1993	2,6	10
1994	15,9	59
1995	15,4	57
1996	2,13	79
1997	22,0	82
1998	23,9	88

* Рентабельность (убыточность) характеризуется отношением прибыли (убытка) к себестоимости реализованной продукции, работ и услуг.

Источник: Российский статистический ежегодник/ Госкомстат России. – М., 1999, с. 351.

Не заработал пока и экономический механизм реализации права собственности крестьян на земельные доли и имущественные паи. Как показали наши исследования в Новосибирской области, более 80% опрошенных ничего не получают на свои имущественные паи и земельные доли, переданные ими в пользование сельскохозяйственных предприятий. Большинство предприятий из-за крайне тяжелого экономического положения не в состоянии выплачивать какие-либо дивиденды своим работникам. Такая же ситуация складывается и в других регионах страны.

Сами же предприятия, согласно материалам выборочного обследования Госкомстата РФ на 559 сельскохозяйственных предприятиях и 493 крестьянских (фермерских) хозяйств в мае 1999 г., главными факторами, ограничивающими развитие сельскохозяйственного производства, считают следующие (в% от числа обследованных хозяйств) [13, с. 378]:

- неплатежеспособность покупателя – 48;
- недостаток финансовых средств – 78;
- высокие ставки по кредитам – 55;
- высокие налоги – 75;
- диспаритет цен на материально-технические ресурсы и продукцию сельского хозяйства – 87;
- недостаток оборотных средств – 50;
- изношенность материально-технической базы – 93;
- истощенность природных ресурсов хозяйства (почвы, генофонда растений, животных) – 50;
- недостаток реальных прав и полномочий у руководителей хозяйства – 14;
- неэффективная государственная поддержка товаропроизводителя – 84.

За годы реформ почти на 30 млн га, или на 1/4, сократились посевные площади, более чем на 50% – поголовье продуктивного скота и птицы. Капитальные вложения в АПК (в сопоставимых ценах) уменьшились в 20 раз, объемы мелиоративных работ – в 30 раз. Парк основных видов сельскохозяйственных машин сократился на 40–60% [19, с. 3–12].

Третий парадокс проводимых реформ заключается в том, что они не только не содействуют формированию рыночного сознания и поведения работников в сфере экономики, но практически разрушают трудовую мотивацию. Наиболее ярко эти проблемы проявились именно в аграрной сфере, где усилился дисбаланс между растущей ориентацией работников на заработок и снижающимися возможностями сельскохозяйственных предприятий для материального стимулирования работников. На сегодняшний день заработная плата работников сельского хозяйства – самая низкая в экономике страны, она составляет менее половины общероссийского уровня средней заработной платы, не соответствует прожиточному минимуму, а ее выплата систематически задерживается в течение

нескольких месяцев и на более длительный срок. Кроме того, разрушена связь зарплаты с результатами и квалификацией труда работников. По мнению одной трети сельских работников, размер их заработка практически не зависит от результатов деятельности предприятия, на котором они работают. Полностью отсутствуют моральные стимулы к труду, резко сократились возможности сельскохозяйственных предприятий решать социальные проблемы работников за счет собственных средств.

Заработная плата для сельских работников перестает быть основным источником существования. По данным опроса сельского населения, проведенного в 1997 г. (N=553), около 40% опрошенных считают заработную плату основным источником существования, для других 40% респондентов основным источником денежных и натуральных доходов является личное подсобное хозяйство. Следствием этого явилось резкое снижение мотивации профессиональной, качественной и эффективной работы, а также резкое падение престижа труда в общественном производстве, особенно среди сельской молодежи. Последние опросы показали, что более 30% сельских жителей согласились бы вообще не работать, если бы пособие по безработице было достаточным для безбедной жизни. Между тем в 1993 г. положительно на этот вопрос ответил лишь каждый десятый сельский респондент. На наш взгляд, наметившаяся тенденция является очень тревожным симптомом.

Таким образом, формирующееся институциональное пространство, действующий хозяйственный механизм деформируют систему ценностей индивида, снижая или сводя к нулю инструментальную ценность труда в общественном секторе аграрного производства; скорее способствуют социальному иждивенчеству, нежели развитию рыночных стандартов поведения и сознания, лишая социальной базы преобразования аграрного сектора; сдерживают процесс его модернизации.

Наконец, четвертый парадокс заключается в том, что социальным итогом всех проведенных преобразований в аграрном секторе явилось резкое обнищание сельского населения, деградация социальной сферы села, обусловленная в значительной степени передачей социальной сферы с баланса сельскохозяйственных предприятий на баланс местных Советов. Последние не располагают на сегодняшний день ни финансовыми, ни материально-техническими ресурсами для содержания и развития

объектов социально-бытовой инфраструктуры. Сельскохозяйственные предприятия России также не в состоянии финансировать развитие социальной сферы в силу своей убыточности. В результате резко сократились темпы развития социальной инфраструктуры села (табл. 4).

Таблица 4

Ввод в действие объектов социальной сферы в сельской местности России, в среднем за год

Объекты	1991–1995	1991–1995, % к 1986–1990	1996	1996,% к 1991–1995
Жилые дома, млн м. кв. общей площади	10,3	53,6	7,8	75,7
Дошкольные учреждения, тыс. мест	29,0	25,2	6,0	20,7
Общеобразовательные школы, тыс. мест	94,7	42,7	54,0	57,0
Клубные учреждения, тыс. мест	38,7	30,0	11,0	27,4
Больницы, тыс. коек	2,5	39,7	1,1	44,0
Амбулаторно-поликлинические учреждения, тыс. посещений в смену	8,2	55,0	3,0	37,8

Источник: Социальное развитие сельской местности: проблемы и тенденции (экономическое обозрение) // АПК: экономика, управление. 1998. № 2, с. 26, 30.

Ухудшение экономического положения сельскохозяйственных предприятий привело к появлению такого феномена как систематическая невыплата заработной платы. Так, за период с 1994 г. по август 1998 г. задолженность по заработной плате увеличилась в сельском хозяйстве с 114 до 401%, т.е. в 3,5 раза [15, с. 319]. При этом заработная плата работников сельского хозяйства остается одной из наиболее низких в стране. По отношению к среднероссийскому ее уровень снизился с 66% в 1992 г. до 45% в 1998 г. [13, с. 156]. По итогам 1998 г. покупательная способность среднемесячной заработной платы работников сельского хозяйства по отношению к прожиточному минимуму составила 84%, в то время как в 1992 г. это соотношение составляло – 190%. (Рассчитано по [9, с. 155–156]).

Систематические невыплаты заработной платы обостряют проблему бедности сельского населения. По материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, уровень бедности в сельской местности значительно выше, чем в городской. При этом негативные тенденции нарастают. Если в 1997 г. удельный вес домашних хозяйств, имеющих среднедушевые располагаемые ресурсы ниже величины прожиточного минимума, в городской местности Российской Федерации составлял 23,5%, то среди сельского населения – 31,5%, а в 1998 г. это соотношение составило 28,3 и 36,3% [13, с. 166].

Резкое сокращение уровня жизни, ухудшение социально-бытового обслуживания на селе стали причиной возрастающей социальной эксклюзии сельского населения.

Концепция социальной эксклюзии имеет два равнозначных аспекта:

а) эксклюзия от средств жизнеобеспечения и эксклюзия от политических и социальных прав;

б) эксклюзия от средств жизнеобеспечения включает эксклюзию от рынка труда, определенных типов работ, земли, отдельных потребительских товаров, нормальных жилищных условий, от гарантированного социального обеспечения;

в) эксклюзия от политических и социальных прав включает эксклюзию от ряда важнейших социальных институтов, социальной защиты, прав и возможностей создавать организации, возможностей представительства своих интересов, от правозащитных систем [20, с. 80].

Имеющиеся материалы позволяют нам судить в определенной мере об этих процессах в современной российской деревне. Приведенные в табл. 5 данные свидетельствуют о том, что в современных условиях многие сельские семьи лишены возможности общения со своими родственниками и друзьями, организации полноценного отдыха во время трудовых отпусков, доступа к средствам массовой информации, медицинскому и бытовому обслуживанию.

За период проведенных реформ резко сократился уровень жизни городского и сельского населения, в том числе потребление основных продуктов питания. По уровню потребления продовольствия на душу населения Россия оказалась на 67 месте в мире и находится на грани утраты продовольственной безопасности [19, с. 4]. По данным Госкомстата РФ, в 1995 г. 54% потребляемого населением продовольствия Россия импортировала, используя внеш-

ние кредиты на оплату импорта. По данным обследования бюджетов домашних хозяйств, энергетическая ценность потребляемых продуктов питания в расчете на одного члена домашнего хозяйства в сутки составила в 1998 г. – 2775 ккал в сутки, тогда как с учетом природно-климатических условий ему требуется не менее 3200 ккал [13, с. 168]. Ухудшение питания в числе других факторов негативно сказалось на состоянии здоровья населения, динамике смертности и продолжительности жизни [21, 22]. Последний показатель снизился с 68 лет в 1990 г. до 62 лет в 1996 г. [23, с. 44].

Таблица 5

Индикаторы депривированности сельского населения, % к числу опрошенных*

Позволяли ли Вам доходы Вашей семьи (денежные и натуральные) в течение последнего года	Не всегда позволяли	Не позволяли
Обеспечивать нормальное питание	27,9	19,4
Покупать одежду, обувь, белье, хозяйственные товары	46,4	26,5
Покупать бытовую технику и электронику, мебель, ковры	15,1	67,4
Пользоваться службой быта (ателье, парикмахерской, химчисткой, и т. п.)	5,5	38,3
Покупать книги, газеты, подписаться на печатные издания	20,2	33,4
Приобрести квартиру, построить, перестроить дом, надворные постройки	2,9	76,4
Приобретать транспортные средства, запчасти, сельхозтехнику	6,6	66,8
Отмечать крупные семейные события (свадьбы, юбилеи, проводы)	14,0	38,8
Помогать родственникам	11,7	51,9
Оплачивать лечение, лекарства, другие медицинские услуги	13,2	21,7
Оплачивать обучение детей, других членов семьи	2,8	11,0
Оплачивать поездки в отпуск, путешествия, отдых в санатории	1,8	79,4

* По данным опроса сельского населения Новосибирской области 1997 г. (число опрошенных 553 чел.).

Высокая социальная цена реформ привела к разочарованию населения, потере уверенности в ее целесообразности. Растет ностальгия по прежним временам, прежней жизни, по социализму. По данным последних социологических опросов сельского населения, более 60% опрошенного сельского населения считают, что их надежды на улучшение ситуации в связи с реформами не оправдались, у 20% они оправдались частично и лишь у каждого десятого – полностью.

Причины неудач

Не умаляя значимости экономических, технических, экологических и прочих факторов развития аграрного сектора, отметим недостаточно освещаемые и, на наш взгляд, не до конца осознаваемые обществом, но не менее важные социальные корни неудач аграрных преобразований.

- Выбранная модель аграрных отношений, насаждаемая сверху, не учитывала национальные традиции и исторический опыт ведения сельскохозяйственного производства, а также коллективно-индивидуальный характер развития аграрных отношений в России. Игнорировались ценностные предпочтения сельского населения, значительная часть которого ориентирована, как и прежде, на коллективные формы ведения хозяйства, корпоративную солидарность, государственную форму собственности. В результате главные идеи реформы (свобода предпринимательства, введение частной собственности на землю, ее свободная купля-продажа, реорганизация коллективных хозяйств, развитие фермерства и др.) не были восприняты основной массой населения. Преобразования в деревне осуществлялись также при отсутствии широкой поддержки руководителей и специалистов сельского хозяйства. Реформа, не понятая народом и не поддерживаемая руководителями, была обречена на провал!
- Реформаторы не использовали в полной мере тот социальный потенциал, который имелся в обществе к началу реформ. Высокая социальная цена реформ привела к разочарованию населения и потере уверенности в ее целесообразности.

- Реформирование аграрного сектора проводилось по традиционной советской «технологии», характерными чертами которой являются директивность, тотальность, форсированность и формальность преобразований.
- Часть директорского корпуса оказалась неготовой к работе в новых экономических условиях. По нашему мнению, именно директорский корпус в перспективе должен сыграть решающую роль в преобразованиях российской деревни. Практика показала, что хозяйственные руководители демонстрируют два типа экономического поведения: консервативно-выжидательный и новаторски-активный. При этом отмечается несоответствие, рассогласование сознания и поведения руководителей. Нередко ярые противники реформ (на когнитивном уровне) в реальной жизни демонстрируют стандарты рыночного поведения. Напротив, «сторонники реформ» (по их собственным оценкам) на деле становятся пассивными наблюдателями инновационных процессов. Результаты деятельности сельскохозяйственных предприятий свидетельствуют о том, что в нынешних условиях успешно работать могут лишь единицы.
- Государственные структуры сами не были готовы к чрезмерным масштабам и скорости проводимых реформ, что проявилось в непоследовательности проводимого курса реформ, постоянной смене «правил игры», преждевременном отказе от государственного регулирования деятельности аграрно-промышленного комплекса страны.

Положительные следствия реформ

Проведенные преобразования на селе не только не решили многих проблем аграрно-промышленного комплекса страны, но и породили новые. Однако проведенные реформы принесли и ряд положительных результатов.

1. *Становление новых форм хозяйствования и многоукладной аграрной экономику, зарождение конкуренции товаропроизводителей на аграрном рынке.* Разнообразие форм хозяйствования, обеспечивающее наиболее рациональное использование земельных трудовых и материально-технических ресурсов от-

расли, позволит использовать преимущества как крупного, так и мелкого производства.

2. *Расширение экономической самостоятельности хозяйствующих субъектов АПК.* Анализ адаптационных стратегий сельскохозяйственных предприятий выявил способность многих хозяйственных руководителей находить наиболее рациональные и эффективные формы и способы выживания в современных условиях.

3. *Расширение социальных свобод.* Речь идет о праве выбора форм хозяйствования, адекватных интересам, потребностям и возможностям индивида или группы, подкрепленном возможностью выхода из состава коллективного хозяйства с имущественным и земельным паем без согласия администрации и коллектива.

4. *Зарождение рынка земли.* Согласно действующему законодательству РФ владельцам земельных паев предоставлены широкие права по распоряжению землей:

- получать свой земельный пай в натуре при выходе из состава коллективного хозяйства с целью создания крестьянского (фермерского) хозяйства, частного предприятия по ремонту, строительству, обслуживанию, торговле и других предприятий;
- внести свой земельный пай в качестве взноса в создаваемое товарищество, акционерное общество или кооператив;
- продать, обменять (на имущественный пай) или сдать в аренду гражданам или юридическим лицам;
- передать его по наследству;
- использовать свой земельный пай для расширения (в установленных пределах) личного подсобного хозяйства. Кроме того, сельское население, как и все граждане России, получило право свободной купли-продажи приусадебных, садово-огородных и дачных участков.

5. *Формирование класса собственников в деревне.* В результате земельной реформы в собственность сельских товаропроизводителей передано более 90% сельскохозяйственных угодий, 18 млн сельских семей увеличили площадь своих личных земельных наделов.

6. *Зарождение рыночного сознания.* Сюда можно отнести осознание (хотя и медленное) сельскими жителями того, что земля – это капитал, стремление коллективов сохранить целост-

ность хозяйства и сельхозугодий, нежелание большинства опрошенных продавать свой земельный пай, осознание необходимости свои проблемы решать собственными силами. По данным опроса 1997 г., более 60% сельских респондентов в решении своих жизненных проблем полагаются только на себя, на собственные силы.

7. *Повышение социальной активности населения.* Это проявляется в сфере предпринимательской и коммерческой деятельности, в создании фермерских хозяйств, в расширении личных подсобных хозяйств.

Возникновение положительных социальных явлений свидетельствует о наметившемся процессе адаптации населения и социальной системы к новым экономическим условиям. Задача правительства состоит в разработке механизмов закрепления этих положительных сдвигов, а также в существенной коррекции проводимых преобразований с целью устранения или, по крайней мере, смягчения, негативных следствий реформы и динамичного развития данного сектора экономики в перспективе.

Адаптация предприятий, семей и социальных групп к новым социально-экономическим условиям

Адаптационные стратегии сельскохозяйственных предприятий и семей

Исследование адаптации сельскохозяйственных предприятий и семей к новым социально-экономическим условиям реализовано с использованием методологии case-study в двух сельских районах Новосибирской области летом 1998 г. Для выявления альтернативных моделей адаптации в качестве объектов исследования с помощью экспертов были отобраны четыре предприятия, различающиеся по уровню социально-экономического развития. Основные методы получения информации – анкетный опрос работников этих предприятий (число опрошенных 404 человека), неформализованные и фокусированные интервью с руководителями и специалистами предприятий (60 человек), анализ статистических данных за 1992–1998 гг. (период радикальных экономических реформ), анализ документов.

В центре внимания были хозяйственная, социальная и кадровая стратегии предприятия. Особенности хозяйственных стратегий анализировались по следующим параметрам: выбор организационно-правовой формы хозяйствования, диверсификация производства, инновационная политика, развитие перерабатывающих производств и несельскохозяйственных видов деятельности, политика в отношении личных подсобных и фермерских хозяйств. Социальная политика оценивалась по двум критериям: развитие социальной инфраструктуры и поддержание уровня жизни работников. Кадровая политика характеризовалась изменением численности занятых на предприятии, ситуацией на внутреннем рынке труда, политикой, проводимой в отношении молодежи, возможностями для повышения квалификации и образования работников.

Такой подход позволил:

- выявить особенности реализуемой хозяйственной, социальной и кадровой политики, определить объективные и субъективные факторы экономического роста и социальной стабильности предприятий;
- проанализировать различия в условиях и возможностях реализации трудового потенциала работников при разных адаптационных стратегиях предприятий;
- оценить социальные издержки выбранных стратегий как с позиции предприятия, так и с позиции работников и их семей;
- определить остроту социальной напряженности в коллективах, масштабы солидарного участия и степень отчуждения работников;
- выявить формы, способы и результаты адаптационного поведения работников и их семей, направленного на поддержание и улучшение уровня жизни, на компенсацию социальных издержек и обеспечение будущего семьи при разных моделях адаптации сельскохозяйственных предприятий.

Хозяйственные стратегии и формы адаптации предприятий

Особенность современного адаптационного периода российских предприятий и населения заключается в том, что одновременно происходит как появление новых институтов, новых процессов, новых социальных явлений, так и модернизация старых. В первом случае адаптация является ответом на инновации, во втором – ответом на трансформацию действующих институтов, организаций и пр. [24]. Адаптации также могут быть ответом на изменения во внутренней структуре самого адаптанта (субъекта адаптации), имеющие характер инноваций или модификаций [25]. В период тотальной реорганизации сельскохозяйственных предприятий исследование адаптации экономических субъектов к своему новому статусу, функциям и роли весьма актуально. В нашем исследовании в качестве субъектов адаптации выступают сельскохозяйственные предприятия и сельские семьи. При этом хозяйственные стратегии предприятия можно рассматривать как способ приспособления к резко меняющимся социально-экономическим условиям.

Анализ полученной информации позволил выделить четыре типа (модели) хозяйственных стратегий, адекватных им форм адаптации сельскохозяйственных предприятий и доминирующих семейных стратегий в условиях нестабильного российского общества.

Модель 1. Активная рыночная стратегия – конструктивная инновационная адаптация предприятия

Характерные черты хозяйственной стратегии: активная инновационная политика, внедрение передовых технологий, сотрудничество с наукой, зарубежными фирмами, развитие переработки и хранения производимой продукции, применение эффективной системы стимулирования труда, высокий уровень основного и вспомогательного производства, в частности, ремонта сельскохозяйственной техники, устойчивые связи с хозяйственными партнерами, в том числе по сбыту продукции.

Вид адаптации предприятия – конструктивный инновационный. В ее основе лежит поиск и реализация новых оригинальных способов взаимодействия с внешней средой. Этот вид адаптации содержит элементы созидательности, рациональности и плодотворности, характеризуется ясно поставленными це-

лями и использованием для ее достижения новых эффективных способов и мер [25, с. 59]. Условия функционирования и возможности выхода из кризиса для всех хозяйствующих субъектов аграрного сектора повсеместно неблагоприятны и примерно одинаковы, однако в каждой области России есть сельскохозяйственные предприятия, которые работают успешно. Они быстро адаптируются к новым экономическим условиям: изучают конъюнктуру рынка, перестраивают в соответствии с его требованиями структуру производства, успешно организуют переработку продукции, определяют наиболее выгодные каналы реализации продукции, формируют собственную сеть фирменных магазинов. Некоторые из этих хозяйств являются учредителями крупных коммерческих структур, создают современные агропромышленные компании. Но таких хозяйств, по оценкам специалистов, не более 5–7% от общего числа сельскохозяйственных предприятий России [26, с. 14].

Минсельхозпрод обнародовал список 300 наиболее рентабельных сельскохозяйственных предприятий России. Среди них 147 акционерных обществ, 37 товариществ и обществ с ограниченной ответственностью, 32 сельскохозяйственных кооператива и колхоза, 75 государственных предприятий и совхозов, 2 подсобных предприятия, 7 предприятий других организационно-правовых форм и одна ассоциация крестьянских хозяйств. За 1995–1998 гг. они произвели 14,5% всей сельхозпродукции, заработали треть всего валового дохода [2]. Это доказывает, что в аграрном секторе, несмотря на все трудности и сложности трансформационного периода, сформировалась группа эффективных хозяйств, которые сумели приспособиться к рыночным условиям. Специалисты считают, что именно такие предприятия заслуживают доверия кредиторов, инвесторов, поставщиков ресурсов, покупателей продукции, а также государственной поддержки.

Социальная политика: сохранение и развитие социальной инфраструктуры села, оказание помощи акционерам и наемным работникам в ведении личного подсобного хозяйства, организация отдыха детей во время летних каникул, обустройство населенных пунктов.

Кадровая политика характеризуется сохранением коллектива предприятия (численность работников увеличилась за период 1992–1998 гг. на 11 человек), введением контрактной системы

трудовых отношений, систематической выплатой заработной платы в денежном выражении, стимулированием эффективной работы и экономии производственных ресурсов путем введения повышающего коэффициента к заработной плате в размере 50%. Нарушители трудовой дисциплины исключаются из акционерного общества. В нынешних условиях потеря рабочего места означает не только потерю заработной платы. Работа в сельском хозяйстве обеспечивает основным профессиональным группам доступ в той или иной мере к ресурсам, необходимым для ведения личного подсобного хозяйства, которые работники получают либо в виде натуроплаты, зерном, сеном, молодняком животных и т. п., либо могут приобрести их по сниженным расценкам. Кроме того, механизаторы имеют в своем распоряжении сельскохозяйственную технику и транспортные средства и используют их для предоставления платных услуг населению. «Чем больше разрыв между реальным доходом, определяемым всей совокупностью материальных благ и услуг, которые прямо или косвенно получает обладатель конкретного рабочего места, и его "номинальной" величиной, отраженной в ведомости на выдачу заработной платы, тем более "ценным" является данное рабочее место» [27, с. 234]. Акционерное общество выделяет средства на обучение молодежи в вузах, выплачивая по 7 тыс. руб. за семестр за одного студента; организует зарубежные стажировки работников. Отслужившие армию юноши получают по 5 окладов на обустройство. При этом председатель акционерного общества ориентирует молодежь на покупку акций своего акционерного общества; уходящим на пенсию в виде премии выплачивается от 3 до 7 тыс. руб., что примерно равно одной-двум годовым оплатам труда.

Экономическое положение хозяйства. Рентабельность производства – 40%, дебиторская задолженность превышает кредиторскую. За период рыночных преобразований площадь сельскохозяйственных угодий уменьшилась незначительно, поголовье скота уменьшилось на 20%, в том числе коров – на 10%, продуктивность скота – снизилась незначительно.

Характерные высказывания руководителей и специалистов предприятия:

- *«Наше акционерное общество "процветает" только на фоне других хозяйств, по сравнению с другими хозяйствами».*

- *«Если бы была направлена в сельское хозяйство та дотация, которая за "ножки Буша" уходит за рубеж, наше сельское хозяйство процветало бы».*
- *«А нам вообще не надо производить ни муку, ни хлеб. Есть специально отработанные технологии и есть специальные подразделения, которые этим занимаются, хлебокомбинаты, мясокомбинаты, молочные комбинаты. Зачем нам это производить? Наша задача – производить зерно и мясо. Нас только нужда заставляет это делать».*
- *«Выплата дивидендов? Ну какие дивиденды, сейчас хотя бы обеспечить производство и минимальный уровень зарплаты. Рассчитаться с налогами своевременно, чтобы хозяйство не посадить».*
- *«Вот был я во Франции, 400 франков отдал за туфли, а мясо там по 80–100 франков за 1 кг. Выходит, за 4 кг мяса я взял туфли, а у нас надо поросенка за эти туфли отдать. Представляете, какой диспаритет, а мы говорим – перспектива развития села!»*

Модель 2. Традиционная хозяйственная стратегия – компенсационная адаптация предприятия

Характерные черты хозяйственной стратегии: бывший совхоз мясомолочного и зернового направления реорганизован в акционерное общество закрытого типа, специализация хозяйства после реорганизации не изменилась, на кооперативных началах построены цех по охлаждению и пастеризации молока. В дальнейшем планируется более широкая переработка молока-производство кисломолочных продуктов: сметаны, йогурта, сыра. На паевых началах пользуются услугами мельницы, построенной на кооперативных началах хлебоприемным пунктом. Зерно сдается на хранение на хлебоприемные пункты за определенную плату, но распоряжается зерном АОЗТ. Имеются постоянные партнеры по сбыту продукции и по переработке. Но АОЗТ считает экономически более выгодным развивать свою розничную торговлю. С этой целью в районном центре строится фирменный магазин. Имеется строительный цех, который помимо внутренних нужд оказывает платные услуги населению, открыта собственная пекарня.

Вид адаптации предприятия – компенсационный. Компенсационные виды адаптации – это такие формы приспособления к изменениям внешней среды, которые совершаются посредством механизма переключения взаимодополнительных режимов функционирования субъекта адаптации [28, с. 177]. В данном конкретном случае речь идет о сочетании основной производственной деятельности предприятия с развитием на паевых или кооперативных началах переработки сельскохозяйственной продукции. В нынешних условиях такая комбинация основной и дополнительной деятельности позволяет предприятиям, во-первых, решать проблемы сбыта продукции, во-вторых, – решать финансовые вопросы, получая «живые» деньги, в третьих, – получать более высокую прибыль. Такой способ адаптации обеспечивает предприятиям устойчивое развитие: предприятия хотя и не процветают, но стабильно работают в сложных экономических условиях. По нашим оценкам, доля таких предприятий в аграрном секторе России примерно 10–15%.

Социальная политика. Социальная сфера – торговые предприятия, школа, предприятия связи, медицинские учреждения, вновь построенный профилакторий – включены в состав акционерного общества. Работники социальной сферы свои земельные доли передали в акционерное общество по договору. Работающим акционерам и пенсионерам оказывается помощь в ведении личного подсобного хозяйства: они обеспечиваются сеном, зерном, всеми кормами, молодняком животных путем натуроплаты (животноводам выдавали телят в счет оплаты труда). Один раз в квартал на каждого работающего акционера выдавали по 15–20 ц зерна бесплатно. Работники, не являющиеся акционерами, покупали зерно по сниженным расценкам. Для обеспечения личного скота кормами акционерам выдают по 20–30 ц сена, а солому – в неограниченном количестве. Во время уборочной кампании механизаторам обеспечивается питание в поле по сниженным ценам. Малоимущим работникам разрешено брать продукты питания в магазинах в долг под зарплату. Самая острая проблема – строительство жилья.

Кадровая политика. Массовых сокращений не было, численность занятых в АОЗТ даже немного увеличилась в основном за счет приема на работу вынужденных мигрантов из бывших союзных республик. Молодым акционерам, которые обзаводятся семьей, выплачивается единовременная денежная

помощь, оказывается содействие в обзаведении личным подсобным хозяйством, выпускникам средних школ предоставляются рабочие места.

Экономическое положение предприятия. Рентабельность составляет 11%, дебиторская задолженность превышает кредиторскую в 5 раз. Площадь сельскохозяйственных угодий увеличена на 300 га за счет арендуемых земель, поголовье крупного рогатого скота сократилось на 30%, в том числе коров – на 35%, но увеличилось поголовье свиней. При этом продуктивность скота повысилась. Надои в 1997 г. составляли 3490 кг на одну корову, в 1998 г. они выросли до 4000 кг (средние аналогичные показатели по области составили менее 2000 кг). Тракторный парк сократился на 7 единиц. Новой техники в хозяйстве практически не осталось. Выходят из положения за счет того, что покупают подержанную технику или ремонтируют старую собственными силами, используя неизношенные детали. Приобретают технику, в основном, у фермеров, которые не выдержали сложных условий и прекращают свое существование. В целом же это хозяйство не утратило после реорганизации своих позиций представителя «золотой середины». В перспективе здесь думают расширить производство, повысить урожайность и продуктивность скота, возможности для этого, по оценкам специалистов, имеются.

Характерные высказывания руководителей и специалистов предприятия:

- *«Какие у нас нововведения? Во-первых, массовая, повальная экономия материальных затрат. Этим сейчас заболели все, начиная от директора и кончая рядовыми работниками».*
- *«Со своими "несунами" боремся, но массовой растащиловки у нас нет».*
- *«Усилился спрос с работника за каждую мелочь, дисциплина улучшилась. На этом только мы и сыграли: на экономии и усилении дисциплины».*
- *«Мы постоянно на совещаниях, на собраниях говорим: вы – собственники, вы – акционеры, Но чувство хозяина очень трудно просыпается».*
- *«Человек, опираясь на коллективное хозяйство, может максимально использовать и подсобное хозяйство».*

- *«До реформы мы надаивали по 3000 л молока на корову, совхоз был миллионером. Многие рабочие совхоза тогда покупали личные автомобили. Достаток был. И детей учили. Сейчас стали работать лучше, а жить в 10 раз хуже».*
- *«Сейчас работать очень интересно, но и очень трудно. Сейчас – самостоятельность – как сумеешь, так и получишь. Это прекрасно!».*

Модель 3. Неадекватная (мимикрическая) хозяйственная стратегия – депривационная адаптация предприятия

Этот тип хозяйственной стратегии отличается слабой инновационной активностью предприятия. Ее характерные черты: незначительная диверсификация производства, слабое развитие перерабатывающих производств и несельскохозяйственных видов деятельности. По мнению специалистов хозяйства, время уже упущено, строительство перерабатывающих цехов и производств надо было начинать на 6–7 лет раньше. В настоящее время это не планируется из-за отсутствия средств и трудностей с получением кредитов. Товарные кредиты получают через продовольственную корпорацию, хотя стараются этого избежать из-за того, что устанавливаемые корпорацией цены на сдаваемую сельскохозяйственную продукцию очень низкие, а на отпускаемые товарные ресурсы, напротив, очень высокие. Строительство молочного цеха, которое продолжается уже 4 года, не завершено, хотя на эти цели вложены значительные средства. Открыта пекарня. Имеется небольшой столярный цех, где работает всего два человека.

Комплекс защитных мер и приспособлений, отраженных в реализуемой хозяйственной стратегии, направлен скорее на самосохранение, выживание, нежели на развитие. Этой стратегии соответствует депривационная модель адаптации, в основе которой лежит, как правило, самоограничение, снижение уровня притязаний и стандартов потребления [25]. В нашем конкретном случае это проявилось в том, что ранее одно из лучших хозяйств в районе и области ухудшило свои позиции по всем основным параметрам. После проведенной реорганизации и попытки перехода к рыночной экономике в таком положении оказалось более половины сельскохозяйственных предприятий.

Социальная политика. Акционерное общество сохранило всю социальную инфраструктуру в прежнем виде: музыкальную шко-

лу, детский сад, дом культуры, но жилищное строительство практически заморожено. Положение в малых селах значительно хуже, в некоторых из них закрыты школа, клуб, магазин. В случае острой необходимости работникам выдаются денежные ссуды под 10%. Обычно берут ссуду на год-полтора в пределах 1000–3000 руб. Эти средства, как правило, расходуются на текущее потребление, а не для приобретения товаров длительного пользования. Если заработная плата не выплачивается, то работники берут товары в магазине в долг под зарплату. Задержка по зарплате – два месяца.

Кадровая политика. Среднесписочная численность работников с 1992 по 1998 год сократилась на 27 чел. По мнению специалистов, одной из причин сменяемости кадров является усиление различий между селом и городом, низкие заработки работников сельского хозяйства по сравнению с другими отраслями народного хозяйства. Среднемесячная заработная плата в АО составляла в 1997 г. 498 руб., что ниже прожиточного минимума. Поэтому абсолютное большинство сельских жителей ведет личное подсобное хозяйство, хотя это требует высокой трудовой нагрузки. Молодежь старается либо уехать из деревни, либо найти место на внутридеревенском рынке труда, но в несельскохозяйственном секторе. Молодежь можно было бы привлечь, предоставляя им жилье, но в настоящее время эта проблема для предприятия трудно разрешимая. Хотя уровень квалификации работников, в основном, соответствует сегодняшним требованиям, есть необходимость его постоянно поддерживать и повышать. Из года в год, никуда не выезжая, ни с кем не общаясь, работникам делать это очень трудно. Заметно падает квалификация и у специалистов, поскольку большинство курсов функционируют на платной основе, а у хозяйства нет денег на оплату поездок специалистов для повышения квалификации.

Экономическое положение предприятия. Износ автопарка и другой сельскохозяйственной техники, по мнению специалистов, достигает 80–100%. Число тракторов сократилось на 5, а комбайнов – на 3 единицы. Новую технику покупали последний раз 5–7 лет назад. Приобретается, как правило, бывшая в употреблении техника и частично в долг. Поголовье крупного рогатого скота, включая коров, сократилось примерно на 1/3, а продуктивность – на 1/4. Посевные площади остались в прежних размерах. Рентабельность производства за исследуемый период

сократилась в 3 раза, и составила в 1998 г. 10,6%; кредиторская задолженность превышает дебиторскую в 15 раз. По итогам всей хозяйственной деятельности за 1997 г. предприятие имело 3396 руб. непокрытых убытков. Характерные высказывания руководителей и специалистов:

- *«Демократии сильной в деревне нет. Осталось все, как было: есть один руководитель, есть специалисты – так оно и осталось. А самое большое значение имеет директор хозяйства, коллектив в руках держит и направляет. Совхозы, которые находятся поблизости, развалились, а у нас коллектив остался, и работаем».*
- *«Директор стоит за то, чтобы сохранить хозяйство, чтобы люди жили стабильно и чувствовали, что у них есть работа, социальная защищенность, не говоря уже о высоких заработках, материальном благополучии».*

Модель 4. Пассивно-выжидательная хозяйственная стратегия – деструктивная разрушительная адаптация (дезадаптация) предприятия

Характерные черты хозяйственной стратегии: реорганизация в акционерное общество закрытого типа, пассивное ожидание перемен и помощи сверху, безынициативность специалистов и рядовых работников, отсутствие инноваций, полная амортизация основных фондов, отсутствие собственной переработки, устойчивых связей по сбыту продукции, принудительная вынужденная диверсификация производства. Раньше это предприятие входило в состав Птицепрома и специализировалось на выращивании птицы, в настоящее время имеет мясомолочное направление.

Такая «стратегия» свидетельствует о том, что данное предприятие не смогло найти свою нишу в новом экономическом пространстве. Попытки приспособиться к новым условиям хозяйствования, лишенные созидательного начала, носили чаще всего спонтанный, беспорядочный характер и не способствовали успешной адаптации, что привело, по существу, к распаду коллектива, разрушению хозяйства. Иными словами, налицо деструктивная разрушительная адаптация или, точнее, дезадаптация предприятия. В таком положении, по нашим оценкам, находится примерно каждое пятое хозяйство.

Социальная политика направлена на оказание помощи работникам и пенсионерам в ведении личного подсобного хозяйства, услуг населению по сниженным тарифам, на решение транспортных проблем школьных и медицинских учреждений. Сокращение возможностей предприятия решать многие социальные вопросы усиливает социальную напряженность в коллективе, вызывает множество конфликтов.

Кадровая политика: численность работников за 1992–1998 гг. сократилась в 2,3 раза, и этот процесс продолжается. Оставшимся работникам длительное время не выплачивается заработная плата, а лишь выдаются небольшие денежные авансы. Выплаты заработной платы в 1998 г. были единичными. До реорганизации хозяйства долгов по заработной плате не было.

Экономическое положение хозяйства. Поголовье крупного рогатого скота сократилось на 75%, в том числе коров – на 70%, продуктивность скота снизилась по сравнению с 1992 г. на 6% и составила в 1998 г. 1628 литров в год на одну корову. Число тракторов за этот период сократилось на 104 единицы, комбайнов – на 38 единиц. 4–5 лет назад технику взяли по лизингу, но рассчитаться не смогли, и ее описали за долги. Кредиторская задолженность превышает дебиторскую в два с лишним раза.

Характерные высказывания руководителей и специалистов хозяйства:

- *«Никто, ни в чем не помогает, никому мы не нужны».*
- *«Нет, никаких идей не было, ничего не внедрялось».*
- *«Все разбито, техника описана за долг».*
- *«Из молодежи приходят на работу единицы, пытаются устроиться недисциплинированные, употребляющие спиртное, те, кто больше нигде не нужен».*
- *«Работники тащат все, что можно использовать, растаскиваются здания, которые не функционируют, корма, оборудование, воруют все, что можно».*
- *«Все старым понятием живут, что это не мое, а общее».*
- *«Положение безвыходное».*

Таким образом, исследование хозяйственных стратегий предприятий позволяет сделать следующие выводы:

- После реорганизации экономическое положение практически всех сельскохозяйственных предприятий ухудшилось.

- Стартовый уровень не всегда был решающим фактором в успешности адаптации к новым условиям и современного экономического положения предприятий.
- Несмотря на сходство внешних условий, сельскохозяйственные предприятия демонстрируют принципиально различные модели экономических стратегий и способов адаптации к новой социально-экономической реальности.
- Выбор и результативность адаптационных стратегий во многом детерминированы личностью руководителя предприятия. Во главе успешно функционирующих предприятий стоят нередко так называемые «красные директора». Они хотя и не принимают проводимый курс реформ на когнитивном уровне, но на практике демонстрируют истинно рыночные модели экономического поведения. В противоположность им, молодые руководители, принимая и одобряя курс реформ, но, не имея практического опыта, проявляют свою неспособность эффективно работать в рыночных условиях.
- Решающая роль лидеров осознается сельскими работниками. По данным нашего опроса, более 40% работников связывают ухудшение экономического положения своих предприятий с неумелым руководством и неправильными действиями начальства. Примерно столько же респондентов связывают свои беды с ошибочным курсом реформ, непродуманной государственной политикой в отношении аграрного сектора, несовершенством налоговой системы. Затруднились дать ответ 16% респондентов.
- Перспективы своих предприятий работники связывают с изменением аграрной, налоговой и финансово-кредитной политики государства, со сменой руководства своих предприятий. Каждый пятый работник считает необходимым улучшить стимулирование труда селян и укрепить трудовую дисциплину. Характерно, что только 2% опрошенных свои надежды возлагают на возврат к старой системе и менее 1% считают, что уже ничто не поможет их предприятиям. Превалирующими способами выживания предприятий в сложных социально-экономических условиях являются диверсификация производства, активная инновационная политика,

развитие мелких перерабатывающих производств. Последнее направление мотивируется стремлением ослабить монопольное давление перерабатывающих предприятий, получить наличные денежные средства, а также способствовать удовлетворению потребностей жителей села.

- Большинство хозяйств не имеют отлаженных и надежных каналов сбыта продукции коллективных и личных подсобных хозяйств, обеспечивающих им надежные источники пополнения финансовых ресурсов. Условия на продовольственном рынке нередко диктуют перекупщики, представители криминальных структур, процветает бартеризация хозяйственных связей. Например, в Новосибирской области доля бартерных сделок в общем объеме реализации зерна увеличилась с 1992 г. по 1998 г. в 10 раз – с 2 до 22%.
- Высокий износ сельскохозяйственной техники обусловливает «декапитализацию» аграрного производства. Отсутствие средств для закупки минеральных удобрений и проведения профилактической ветеринарной работы приводит к несоблюдению требований технологии, установленных стандартов качества продукции.

Таблица 6

Адаптационные стратегии предприятий и социальная ситуация в коллективе, % к числу опрошенных

Ситуация	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Удовлетворенность работой	62,0	47,5	44,0	38,5
Конфликты с администрацией	30,1	35,0	52,4	53,8
Удовлетворенность жизнью	26,6	7,5	9,4	6,2

Таблица 7

Адаптационные стратегии предприятий и актуализированные проблемы труда, % к числу опрошенных

Проблема	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Невыплаты зарплаты	1,1	20,0	61,9	30,8
Угроза безработицы	1,1	2,5	7,1	9,2
Низкие заработки	26,9	28,8	22,6	23,1
Как улучшить работу	39,8	13,8	29,8	26,2

- Отсутствуют условия для систематического повышения квалификации работников и специалистов. Платность обучения, а также рост стоимости жизни сокращают возможности сельской молодежи получить среднее или высшее профессиональное образование в городах.
- Тяжелое экономическое положение многих сельскохозяйственных предприятий приводит к свертыванию социальных программ, жилищного строительства, что увеличивает социальную напряженность и конфликтность в коллективах (табл. 6, 7).

Стратегии выживания сельских семей

Наблюдаемые различия в хозяйственных стратегиях сельскохозяйственных предприятий оказывают существенное влияние на доминирующие стратегии семей. Концепция стратегии домохозяйств подразумевает, что у людей есть выбор, и это имеет большое значение. Утверждается, что объединяя ресурсы, работая как в формальной, так и в неформальной экономике, самостоятельно строя себе жилье, основываясь на самообеспечении и умелом использовании социальных сетей, семьи избегают ловушек нищеты, попав в которые трудно вырваться, поскольку культура нищеты склонна к самовоспроизводству. Рассматриваемые нами семейные стратегии относятся, по Б. Робертсу, к числу «краткосрочных оборонительных стратегий» в отличие от «долгосрочных стратегий социальной мобильности» [29, с. 315, 323].

Основными способами выживания сельских семей в настоящих условиях являются ведение личного подсобного хозяйства и дополнительная оплачиваемая работа. Об этом можно судить по ответам респондентов на вопрос «Что Вы предпринимаете, когда Вам длительное время не выплачивают заработную плату?» (табл. 8).

Легко заметить, что чем ниже уровень социально-экономического развития предприятия, тем большую роль в выживании семей имеет личное подсобное хозяйство. Однако, по мнению 71% сельских жителей, в настоящее время прожить в деревне только за счет личного подсобного хозяйства невозможно. Другую точку зрения разделяет только каждый десятый респондент.

Таблица 8

Меры, предпринимаемые работниками в случае задержки заработной платы, % к числу опрошенных

Мера	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Расширение личного подсобного хозяйства, занятие промыслами	1,1	18,8	23,5	33,3
Поиск любой дополнительной работы	2,2	6.2	6,2	12,7
Расчет на пенсию, детские и другие пособия	–	11,2	11,1	7,9
Отоваривание	–	5,0	6,2	9,5
Заем	1,1	11,2	4,9	–
Аванс	–	6,2	16,0	12,7
Ожидание	8,6	67,5	48,1	31,7
Митинги	–	1,2	4,9	1,6
Другое	2,2	5,0	6,2	1,6
Задержки заработной платы отсутствуют	86,0	–	2,5	1,6

Доля ищущих любую дополнительную работу также дифференцирована по предприятиям. В целом более одной трети опрошенных работников имели дополнительную оплачиваемую работу, а еще примерно половина хотели бы ее иметь, и только 40% респондентов не изъявили такого желания.

Общим в поведении сельских семей является долготерпение, отсутствие протестного поведения («терпим, ждем»), экономия имеющихся средств («живем за счет пенсий и детских пособий»). Лишенные средств существования сельские работники вынуждены униженно выпрашивать, вымаливать заработанные деньги у администрации. Последние во избежание социального взрыва прибегают к таким архаичным способам экономических отношений как «отоварка», когда работникам предприятия разрешено под заработную плату набирать продукты питания в сельских магазинах. Как правило, ассортимент выдаваемых таким способом продуктов очень скуден и часто ограничивается только хлебом.

Поставленные в условия физического выживания сельские жители нередко прибегают к неправовым действиям, которые проявляются, в частности, в хищениях общественного (коллективного) имущества. Подавляющее большинство опрошенных сельских жителей считают, что люди идут на воровство не от хорошей жизни, а из-за низких доходов. Каждый десятый респондент видит главную причину в распространении пьянства, бесконтрольности и безнаказанности расхитителей, еще 7% связывают эти негативные явления с общим падением нравов и морали. При этом одна треть сельских жителей не осуждают такую форму поведения, так как считают, что по-другому сейчас не прожить, еще 45% оправдывают хищения частично, понимая вынужденность асоциального поведения односельчан. И только примерно каждый пятый сельский житель определенно осуждает хищения и считает, что воровство нельзя оправдать ничем. Иными словами, можно сказать, что современные социально-экономические условия формируют на селе новую нехристианскую мораль, оправдывающую неправовые действия людей. Воровство становится нормой поведения на селе.

Исследуя феномен социокультурного симбиоза предприятий и семей в России, специалисты отмечают, что он живуч и проявляется многопланово в мощном и разнообразном потоке ресурсов между формальными предприятиями и неформальными общностями (сельскими семьями) [30, с. 218–229].

Доминирующей стратегией семей в эффективных хозяйствах (модель 1) – является ориентация на повышение или стабилизацию имеющегося уровня жизни (соответственно 26 и 49% семей) в основном за счет ведения товарного личного подсобного хозяйства (доля товарных ЛПХ здесь 76%) и дополнительной оплачиваемой работы (35,5%). Более 60% опрошенных предпочли бы перерабатывать по основному месту работы, чтобы получать более высокие доходы. Систематические выплаты заработной платы в сочетании с личным подсобным хозяйством обеспечивают работникам приемлемый уровень жизни. Более 1/4 опрошенных на этом предприятии вполне довольны своей жизнью (табл. 6).

На средне эффективных предприятиях, реализующих традиционную хозяйственную стратегию (модель 2), большая часть семей ориентируется на сохранение имеющегося уровня жизни без расчета на его повышение в складывающейся ситуации.

Каждый второй работник согласился бы иметь дополнительную оплачиваемую работу или работать сверхурочно на основной работе ради дополнительных заработков. Примерно половина семей имеет дополнительные денежные доходы от продажи продукции, произведенной на приусадебном участке.

Среди семейных стратегий, доминирующих на нерентабельных предприятиях с депривационной моделью адаптации (модель 3), преобладают ориентации на выживание или сохранение имеющегося уровня жизни (40 и 42% семей соответственно), 16% семей стремятся повысить свой жизненный уровень за счет ведения ЛПХ и дополнительной оплачиваемой работы (табл. 9, 10).

Таблица 9

Адаптационные стратегии предприятий и динамика материального положения семей, % к итогу

Установка	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Жить богаче	26	15	16	6
Сохранить уровень жизни	49	44	42	25
Просто выжить	23	36	40	66
Затруднились ответить	2	5	2	3

Таблица 10

Адаптационные стратегии предприятий и динамика материального положения семей, % к итогу

Изменение материального положения	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Материально живем лучше	21	6	6	3
Изменений нет	41	43	32	22
Материально живем хуже	36	47	62	72
Затруднились ответить	2	4	0	3

Разрушительная деструктивная модель адаптации (дезадаптация) предприятия (модель 4) ставит работников на грань физического выживания. Более 70% работников данного предприятия отмечают ухудшение своего материального положения за последние 2 года (см. табл. 9, 10). Основным источником доходов, в том числе натуральных, является для них личное подсоб-

ное хозяйство, ведение которого резко увеличивает трудовую нагрузку работников. По мнению 40% работников, в настоящее время они работают на износ. Семейные стратегии здесь направлены, главным образом, на выживание, и лишь 6 пытаются улучшить свое материальное положение, в том числе за счет неправовых действий. Следует отметить, что подавляющее большинство (89%) сельских респондентов полностью или частично оправдывают такое поведение, объясняя это тем, что люди идут на правовые нарушения не от хорошей жизни. При этом примерно половина работников бедственное положение своих семей связывает с плохим экономическим положением предприятия. Половина работников этого хозяйства не могли припомнить ни одного радостного события из их жизни за последний год, а еще 5% ответили, что прошедший год принес им одни только беды. Выживают же эти семьи благодаря высокой товарности приусадебных хозяйств. Доля товарных ЛПХ здесь наибольшая и составляет 77%. Большинство респондентов на этих предприятиях выразили готовность иметь дополнительную оплачиваемую работу.

Другими словами, в современных условиях экономическая эффективность предприятия при прочих равных условиях значительно дифференцирует уровень жизни и стратегии выживания сельских семей.

Адаптация малых этнических групп

Радикальные экономические реформы затронули интересы всех слоев и групп российского общества, в том числе малых этнических групп. Изменение отношений собственности, реорганизация колхозов и совхозов, появление новых форм хозяйствования, необходимость функционирования в условиях экономических и социальных рисков потребовало ускоренной адаптации социальных групп к быстро меняющейся социально-экономической среде. В кратчайшие по историческим меркам сроки основные группы сельского населения должны были воспринять, осмыслить и приспособиться к новой системе экономических отношений, радикально изменить традиционные стереотипы мышления, стандарты поведения, усвоить новые социальные роли, найти адекватную своим потребностям и возможностям социально-экономическую нишу. Однако, как было показано выше, зна-

чительная часть сельского населения оказалась психологически неготовой к таким стремительным переменам, многие группы сельского населения по-прежнему ориентированы на коллективные формы ведения хозяйства, привычные стандарты поведения, традиционные ценности, что существенно затрудняет процесс их адаптации к новым условиям, тормозит развитие реформ и снижает их эффективность. В связи с этим становится актуальным исследование проблем адаптации разных групп сельского населения к новым условиям жизнедеятельности.

Исследование проблем адаптации этнических групп к новым социально-экономическим условиям актуально в связи с тем, что изменения, происходящие в экономической и социальной сферах России, не влекут за собой адекватных изменений в социальных ориентациях и экономическом поведении большинства населения. Несоответствие вектора реформ предпочтениям и поведению населения приводит, в свою очередь, к резкому замедлению социально-экономических преобразований и снижению их эффективности.

В современной России адаптивная нагрузка на социум как бы удваивается: происходит адаптация к новым рыночным ценностям и реалиям и, одновременно, к новым информационным технологиям и стандартам жизни. Адаптивный потенциал населения в этих условиях подвергается серьезному испытанию. В настоящее время, с одной стороны, у людей возрастают шансы реализовать свой жизненный потенциал, а с другой, – увеличивается риск «не успеть» за ходом общественных преобразований [25, с. 12–13]. К тому же теперь населению приходится решать более сложные задачи в процессе приспособления к изменяющимся социально-экономическим условиям: если в прежние годы следовало лишь выполнять определенные предписания вышестоящих инстанций, то сегодня надо самим принимать решения. В связи с этим изменения, происходящие в экономике, «всколыхнули глубинные пласты психики на личностном и групповых уровнях» [31, с. 63].

Особенностью трансформационных процессов в современной России является их непредсказуемость, непрогнозируемость траектории развития общества. В кризисных системах с непредсказуемым вектором развития (по определению Л.В. Корель, «бифуркационных» средах) многие средства адаптации, прежде всего институциализированные и нормативно-регулятивные, раз-

рушаются, и на первый план выходят личностные и статусные характеристики субъектов [25, с. 124].

Изменения в среде побуждают субъектов искать способы приспособления к ним. При этом происходит мобилизация их адаптивных ресурсов, составляющих адаптивный потенциал, от которого напрямую зависит возможность овладеть ситуацией, освоиться в новых условиях. Адаптивный потенциал определяет скорость процесса адаптации, его конечные результаты, степень адаптированности субъекта. Одним из элементов адаптивного потенциала является этнический статус субъекта. «Этническое самосознание индивида выступает не просто как определитель этничности, но и своего рода ценностно-ориентационным маятником, помогающим адаптироваться в сложном мире общественных отношений» [32, с. 41]. В этом плане встает вопрос о том, каким адаптационным потенциалом обладают различные этносы, и как этот потенциал сказывается на результативности их адаптации.

Согласно классификационной системе адаптаций, построенной Л.В. Корель по 30 основаниям, одним из видов адаптации - является экономическая адаптация. Как и другие виды, она определяется адаптивным потенциалом субъектов, одним из компонентов которого является принадлежность к той или иной этнической группе. Предметом нашего анализа будет экономическая адаптация, а эмпирическим объектом – проживающие в сельской местности малые этнические группы, выделенные по критерию самоидентификации респондентов с той или иной этнической группой.

При этом мы исходим из следующих гипотетических предположений:

1) различные этнические группы обладают разным адаптивным потенциалом, что проявляется в различной степени адаптированности к новым социально-экономическим условиям;

2) этнические группы различаются не только по степени адаптированности к новым социально-экономическим условиям, но и по формам и способам адаптации, по целями и средствами их достижения.

Информационной базой анализа послужили материалы социологического обследования, проведенного сотрудниками отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН в 1997 г. в Новосибирской

области. Были опрошены жители двух сельских районов области, выборочная совокупность – 553 человека. Данные репрезентировали население Новосибирской области по полу, возрасту, образованию. Распределение выборочной совокупности по национальному признаку было следующим: русские составили 81,7% , немцы – 6,2%, татары – 3,8%, украинцы – 3,7%, остальные национальности – 4,6%. Различия же в составе этнических групп по полу, возрасту и уровню образования, на наш взгляд, отражают реальные особенности социально-демографического состава этих групп, поскольку, выборочная совокупность по указанным признакам репрезентировала все сельское население области.

Для сравнения полученных данных использовались результаты обследования, проведенного в 1995 г. в Кемеровской области (рук. СВ. Соболева). Данное исследование носило пробный характер, поэтому результаты анализа использованы для обоснования гипотез или для описания формирующихся тенденций.

Особенности информационной базы, характерной чертой которой является малая представительность национальных групп, потребовали применения адекватных методов анализа. Для получения обоснованных выводов использовались специальные методы работы с малыми группами. Так, для описания связи между значениями переменных использовалось отношение правдоподобия [33]. Значимость этого критерия характеризует вероятность случайно получить большее значение, чем выборочное. При существенной связи значимость критерия близка к нулю. Как правило, гипотеза о независимости переменных отвергается при значимости критерия правдоподобия, равном 0,05 и меньше. Данный критерий демонстрирует ощутимую чувствительность к смещениям распределений, полученных на малых выборках.

Помимо этого для описания связи использовались Z-статистики[1], которые представляют отклонения расчетной частоты N_{ij} от ожидаемой E_{ij}, измеряемые в числе стандартных отклонений.

[1] Z-отклонение рассчитывается по формуле $Z_{st} = (N_{st} – E_{st})/\sigma$, где N_{st} – число наблюдений в клетке (s, t) таблицы сопряженности; E_{st} – ожидаемое число наблюдений в этой клетке в условиях независимости; σ^2 – дисперсия, рассчитываемая исходя из гипергеометрического распределения, т.е. из предположения, что итоговые частоты N_s и E_t фиксированы, а переменные независимы (подробнее см. [34, с 657–677]).

При большом числе объектов значение стандартизированного смещения в предположении независимости переменных Z-статистика распределена нормально с параметрами N(0,1). Это позволяет оценить двустороннюю или одностороннюю значимость. Двусторонняя значимость – это вероятность случайно получить большее по абсолютной величине, чем выборочное, значение Z. Начиная с Z-отклонения, равного 1,96 и больше, можно высказывать гипотезу о существовании такой связи.

Упомянутые методы использовались в сочетании с дихотомическим («черно-белым») анализом – методом обнаружения основных тенденций связи пары переменных [35]. Этот метод состоит в поиске такого дихотомического («черно-белого») разбиения значений переменных, при котором полученная четырехклеточная таблица была бы максимально контрастной. Степень устойчивости полученных дихотомий выявляется при помощи многократной имитации повторного сбора данных и повторения поиска дихотомии. На основании полученных разбиений появилась возможность, объединив группы, проанализировать степень связи между переменными. Результаты, полученные с использованием данных методов, позволяют описать формирующиеся тенденции, подтвердить или опровергнуть гипотезу о существовании связи между этнической принадлежностью респондентов и их адаптированностью к новым социально-экономическим условиям.

Адаптированность этнических групп к новым социально-экономическим условиям

Для анализа адаптированности этнических групп к новым социально-экономическим условиям были использованы индикаторы, характеризующие отношение респондентов к экономическим новациям, рыночным институтам и ценностям, готовность работать в новых условиях хозяйствования, а также степень и результативность адаптации к изменившимся условиям (по самооценкам респондентов).

Отношение этнических групп к частной собственности на землю. Наиболее острым вопросом нынешних общественных преобразований, расколовшим российское общество, по существу, на два противоборствующих лагеря, является возрождение института частной собственности на землю. Несмотря на то, что

право частной собственности на землю закреплено в российской Конституции, дебаты по этому поводу продолжаются. До сих пор не принят Земельный кодекс, регулирующий земельные отношения. В связи с этим знать позиции разных социальных групп, в том числе и национальных, относительно частной собственности на землю весьма актуально для разработки и принятия мер, регулирующих как экономические, так и социальные отношения в обществе.

Анализ полученной информации выявил достаточно четкие различия между национальными группами относительно частной собственности на землю и к свободной купле-продаже земли. Наиболее кардинальную «рыночную» позицию занимают немцы. Среди них более половины опрошенных считают, что земля должна находиться в частной собственности, в то время как среди русских – одна треть, а среди украинцев – менее одной пятой (табл. 11).

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что земля должна находиться в частной собственности?»,% к итогу

Вариант ответа	Русские	Немцы	Татары	Украинцы	В среднем
Полностью согласен	32,2	56,5	46,7	18,3	34,7
Частично согласен	14,2	26,1	6,7	9,1	14,8
Не согласен	39,7	17,4	26,7	54,5	37,6
Затрудняюсь ответить	13,9	0,0	20,0	18,2	13,0

Расчет Z-отклонений в данном случае подтверждает наличие связи между рассматриваемыми двумя признаками[1]. Доля русских, считающих, что земля должна находиться в частной собственности, меньше ожидаемой в условиях независимости переменных на 2,2 стандартных отклонения, а доля немцев – больше на 2,3 стандартных отклонения. В то же время, Z-отклонение давших отрицательный ответ среди немцев составило 2,1, а среди русских – 1,9. Таким образом, математический анализ позволяет предположить, что немцы в большей степени ориентированы на

[1] Расчеты коэффициентов связи выполнены студенткой НГУ А.В. Клапцовой.

частное владение землей, а среди русских, напротив, больше доля тех, кто против введения частной собственности на землю. Проведенный «черно-белый» анализ выявил четкие, устойчивые группы. С одной стороны, это группа русских и украинцев, т. е. славянская группа, в основном негативно относящаяся к частной собственности на землю, а с другой, – немцы и татары, поддерживающие возрождение института частной собственности на землю. Достаточно устойчивой оказалась и группа не определившихся, т.е. тех, кто затруднился ответить. Значимость отношения правдоподобия, составляющая 0,02, говорит о возможном наличии связи между этнической принадлежностью и отношением к частной собственности на землю.

Отношение к купле-продаже земли. Этот показатель также различается по этническим группам. Доля одобряющих рыночные операции с землей среди немцев оказалась в два раза выше, чем среди русских, и втрое выше, чем среди татар. Украинцев, полностью или частично поддерживающих свободную куплю-продажу земли, практически не оказалось (табл. 12). Отчасти это можно объяснить возрастным составом опрошенных: в выборочной совокупности группа украинцев самая «старшая», что также сказалось на характере полученных ответов.

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что земля должна быть предметом купли-продажи?»,% к итогу

Вариант ответа	Русские	Немцы	Татары	Украинцы	В среднем
Полностью согласен	18,1	43,5	12,5	0,0	19,2
Частично согласен	8.6	13,0	6,3	0,0	8,3
Не согласен	60,0	30,4	62,5	83,3	58,5
Затрудняюсь ответить	13.3	13,0	18,8	16,7	14,0

Z-отклонение частоты от ожидаемой в группе немцев, полностью согласных с тем, что земля должна быть предметом купли-продажи, составило 3,1, а среди немцев, не согласных с таким мнением – 2,8. Это свидетельствует о существовании связи между этнической принадлежностью и отношением к купле-продаже земли. Эта группа в 100% экспериментов имитации выборки ока-

зывалась не согласной с тем, что земля должна быть предметом купли-продажи. После разделения всех объектов на 4 класса по указанному признаку значимость отношения правдоподобия составила 0,007.

Таким образом, можно утверждать, что между этнической принадлежностью и отношением к купле-продаже земли существует связь.

Ориентации этнических групп на новые формы хозяйствования. Одним из индикаторов, характеризующих процесс адаптации этнических групп к новым условиям хозяйствования, может быть их готовность открыть собственное дело, стать фермером или трансформировать свое личное подсобное хозяйство в фермерское. Другими словами, речь идет о готовности использовать новые возможности, появившиеся в процессе аграрных преобразований. В ходе анализа были обнаружены следующие различия. Так, немцы и татары на ментальном уровне оказались более готовыми к самостоятельному хозяйствованию по сравнению с другими этническими группами. Готовность открыть собственное дело выразили 66% немцев и 67% татар. Среди русских доля проявивших такую готовность составила 54%, а среди украинцев – 40%. Подобные тенденции выявлены и в ходе исследования 1995 г. Анализ поведения сельского населения на рынке труда показал, что в случае потери работы немцы чаще, чем другие этнические группы, были готовы к самостоятельной хозяйственной деятельности. Среди немцев были готовы открыть собственное дело в случае потери работы 6%, а среди русских – 3%. Следует отметить, что в конкретной ситуации желающих заняться самостоятельным делом оказывается намного меньше, чем в прожективной ситуации.

Однако «черно-белый» анализ не выявил устойчивых групп по данному критерию, а значимость отношения правдоподобия (0,30) не позволяет говорить о наличии связи между этнической принадлежностью респондента и его готовностью открыть собственное дело. Полученные результаты свидетельствуют о том, что выявленные ориентации носят скорее ситуативный, нежели глубинный характер, а, следовательно, при определенных условиях высока вероятность перехода представителей одной группы в другую. Значит правомерно говорить скорее о формирующихся тенденциях, нежели об устойчивых различиях.

Примерно те же тенденции наблюдаются и при анализе планов относительно возможной трансформации подсобного хозяйства в фермерское. Абсолютное большинство сельских респондентов не ориентируются на ведение фермерских хозяйств. Не согласились бы превратить свое подсобное хозяйство в фермерское 94% татар, 90% украинцев, 82% русских и 74% немцев. Результаты, полученные в «черно-белом» анализе, не подтверждают существование связи между принадлежностью к этнической группе и возможностью трансформации личного подсобного хозяйства в фермерское.

Работа в частном секторе экономики наиболее предпочтительна для украинцев. Согласились бы работать на частном предприятии более 90% украинцев, что значительно превышает долю обнаруживших такую готовность в других этнических группах (табл. 13).

Таблица 13

Распределение ответов на вопрос:
«Согласны ли Вы работать на частном предприятии?»,
% к итогу

Вариант ответа	Русские	Немцы	Татары	Украинцы	В среднем
Да	67,1	77,4	58,9	92,8	67,3
Нет	23,2	22,6	37,4	7,2	23,7
НЕ знаю	9,7	–	3,7	–	9,0

Z-отклонение частоты от ожидаемой равняется 1,97 и позволяет предположить наличие связи между рассматриваемыми признаками. Наиболее «устойчивой» относительно готовности работать в частном секторе оказалась группа украинцев. После объединения групп в блоки, значимость отношения правдоподобия составила 0,039, что позволяет отвергнуть гипотезу о независимости переменных и предположить, что принадлежность к этнической группе влияет на готовность работать на частном предприятии. К этому следует добавить, что по результатам опроса 1995 г. именно для немцев, в случае потери работы, работа на частном предприятии оказалась более предпочтительной.

В целом наблюдаются определенные различия в ориентациях этнических групп на новые формы хозяйствования, хотя математический анализ не во всех случаях подтверждает наличие устой-

чивой связи между этими признаками. Для окончательных выводов необходимы дополнительные исследования.

Ориентация на материальный успех и способы его достижения. Важным показателем успешной адаптации к новым социально-экономическим условиям является ориентация на материальный успех, а также готовность работать в условиях экономического риска. Эти показатели, с одной стороны, отражают отношение респондентов к рыночным ценностям, а с другой – характеризуют те способы, которые они выбирают для повышения материального благосостояния. Анализ показал, что ориентация на получение высоких доходов, но с риском для себя, слабо выражена для всей выборочной совокупности этнических групп (8,3%), а среди татар готовых к экономическому риску вообще не оказалось. В группе татар самая высокая доля тех, кто для повышения своих доходов предпочитает переработки экономическому риску, – 65,5%. Среди немцев такой путь повышения доходов выбирают 58,5% опрошенных, среди русских – 53,5%, а среди украинцев – 41%. К тому же среди украинцев наблюдается наибольшая доля предпочитающих стабильный, не очень высокий заработок, но без переработок (40%). Иными словами, для всех этнических групп характерно стремление улучшить свое материальное положение за счет дополнительной оплачиваемой работы, в меньшей степени они склонны работать в условиях экономического риска.

Освоенность в новых условиях. В качестве интегрального показателя, характеризующего степень адаптированности групп в новых социально-экономических условиях, нами была выбрана оценка респондентами их освоенности в новых условиях. Анализ показал, что для всех этнических групп характерна слабая освоенность в новых социально-экономических условиях. В целом по массиву доля вполне адаптированных, освоенных в новых условиях была чуть выше 10%, хотя наблюдается некоторая дифференциация ответов по этническим группам.

Наибольшая доля лиц, которым удалось полностью освоиться в новых экономических условиях, оказалась среди татар, – в этой группе она составила пятую часть всех опрошенных. Наименьшая доля лиц, которым удалось полностью освоиться в новых условиях, оказалась среди немцев – 8,6%. Среди татар также оказалась наибольшей доля тех, кто считает, что пока освоился лишь частично, но в будущем освоится полностью, – одна пятая часть

(табл.14). Очевидно, этой этнической группе удалось в новых условиях найти адекватную их потребностям и возможностям социальную нишу.

Таблица 14

Распределение ответов на вопрос: «Удалось ли Вам полностью освоиться в новых экономических условиях?», % к итогу

Вариант ответа	Русские	Немцы	Татары	Украинцы	В среднем
Да, вполне	11,5	8,6	19,0	15,0	11,5
Пока освоился лишь частично, но освоюсь	15,7	17,1	19,0	5,0	15,5
Освоился частично и вряд ли освоюсь полностью	8,8	2,9	4,8	15,0	8,3
Еще не освоился, но со временем освоюсь	11,9	8,6	4,8	15,0	12,1
Совсем не освоился и вряд ли освоюсь	38,9	25,7	38,1	45,0	37,8
Затрудняюсь ответить	7,1	28,6	4,8	5,0	9,0
Другое	5,9	8,6	9,5	–	5,8

Дихотомический анализ сгруппировал выборочную совокупность следующим образом. В одну группу вошли русские, украинцы, татары, а во вторую – немцы и представители других национальностей. При этом Z-отклонение частот от ожидаемых составило 3,79, что говорит о возможной связи между переменными. С целью более подробного представления данных, объекты были разбиты по национальности на три, а не на два блока: 1) русские, украинцы; 2) татары; 3) немцы и другие. Ответы на вопрос: «Удалось ли Вам полностью освоиться в новых экономических условиях?» были объединены в четыре группы. В первую группу отнесены ответы типа «да, освоился»; «освоился частично, но освоюсь»; во вторую – ответы типа «не освоился и не освоюсь когда-либо»; «освоился лишь частично и вряд ли освоюсь полностью»; третью группу образуют ответы типа «еще не освоился, но со временем освоюсь»; в четвертую группу ответы тех, кто затруднился с оценкой и другие ответы. При таком разбиении

наблюдаемая частота в группе не освоившихся русских и украинцев отличалась от ожидаемой на 2,3 стандартных отклонения, а в группе немцев и представителей других национальностей, затруднившихся ответить – на 3,8. Таким образом, дихотомический анализ данных с определенной долей вероятности позволяет сделать вывод о на линии связи между национальностью респондента и степенью его освоенности в новых социально-экономических условиях. Значимость отношения правдоподобия (в данном случае она равна 0,015) также подтверждает правомерность такого вывода.

Материальное положение семей. В качестве индикатора результативности адаптации был выбрана самооценка респондентами материального положения семьи. Математический анализ не выявил наличия связи между материальным положением семьи и национальностью респондента. Значимость отношения правдоподобия составила 0,64. Это свидетельствует о том, что материальный статус семьи в современных условиях обусловлен множеством факторов, среди которых этнический статус не играет решающей роли. Можно лишь отметить некоторые особенности. Доля респондентов, оценивших свое материальное положение выше среднего, очень мала: по всем этническим группам она составляет 0,9%. Большинство же опрошенных отнесли себя к среднеобеспеченным и обеспеченным ниже среднего уровня. Среди немцев доля таких респондентов составила 80%, среди татар и украинцев – по 67%.

Выводы

В результате проведенного анализа удалось выяснить некоторые особенности экономической адаптации этнических групп. В частности, русские менее успешно адаптированы к произошедшим социально-экономическим изменениям. Это выражается в неприятии большинством из них частной собственности на землю, а также возможности рыночных операций с землей, в более слабой готовности трудиться на частном предприятии. Выявленная склонность к экономическому риску в сочетании с меньшей значимостью труда как самоценности может говорить о склонности к поиску легких заработков. В качестве показателя низкой результативности экономической адаптации среди русских может служить более выраженное, по сравнению с другими

этническими группами, ощущение неосвоенности в новых социально-экономических условиях.

Среди украинцев также высокий процент тех, кто негативно относится к частной собственности на землю, к ее купле-продаже. Они проявили также меньшую готовность работать в условиях экономического риска и меньшую ориентацию на материальный успех. В то же время большая доля украинцев проявила готовность работать на частном предприятии. Можно предположить, что произошла вынужденная адаптация к формирующимся рыночным отношениям, когда приходится корректировать свои жизненные ориентиры и находить адекватную социальную нишу в новом экономическом пространстве. Но и здесь отмечается относительно низкий уровень адаптированности. Украинцы более негативно оценивают свои возможности освоиться в новых экономических условиях. Не исключено, что в данном случае сказывается влияние демографической структуры группы (значительное преобладание в этой группе лиц старших возрастов).

Группа татар разнородна по степени, формам и способам адаптации к новым условиям. По отношению к собственности на землю и ее возможной купле-продаже заметны сдвиги в сторону их одобрения. Относительно работы на частном предприятии и готовности идти на риск с целью получения высоких доходов ответы скорее отрицательные, чем положительные. Но смещения не являются достаточно значимыми, чтобы говорить об устойчивой тенденции. Для получения более четких результатов необходимы дополнительные специализированные исследования. Как тенденцию стоит отметить более позитивные оценки освоенности в новых экономических условиях. Возможно, этой этнической группе удалось более успешно адаптироваться к существующим социально-экономическим условиям.

Группа немцев предстала как наиболее ориентированная на рыночные отношения. По ответам на вопросы о частной собственности на землю, о купле-продаже земли, о готовности работать на частном предприятии вырисовывается картина относительно высокой степени адаптации немцев к экономическим новациям в аграрном секторе. Но, судя по неопределенности в оценке степени освоенности в новых экономических условиях, налицо расхождение адаптированности на ментальном и поведенческом уровнях. Можно предположить, что адаптация на

ментальном уровне является необходимым, но недостаточным условием для успешности адаптации групп к реальным изменениям в экономической сфере.

Математический анализ полученных данных позволяет утверждать, что существует значимая связь между этнической принадлежностью респондентов и их адаптированностью (по отдельным критериям) к изменяющимся социально-экономическим условиям. Однако эти результаты нуждаются в дополнительной проверке, так как малая наполненность этнических групп в выборочной совокупности не позволяет сделать окончательные выводы. Для получения более определенных результатов, на основании которых можно будет говорить об особенностях экономической адаптации этнических групп, необходимо, чтобы этнические группы в выборочной совокупности были однородными по социально-демографическому составу. Это позволит при анализе адаптированности нивелировать влияние социально-демографических характеристик и других факторов, не относящихся к этническому статусу групп.

Особенности адаптации этнических групп могут служить основанием для проведения дифференцированной социально-экономической политики в многонациональных районах, в местах компактного проживания национальных общностей. Внедряемые формы хозяйствования должны быть адекватны ориентациям и предпочтениям этнических групп. В противном случае процесс модернизации аграрного сектора будет замедляться, а социальная напряженность – расти.

Адаптация сельских женщин

Социально-экономическое положение сельских женщин

Как уже отмечалось ранее, в результате проведенных преобразований основная сфера сельскохозяйственного производства переместилась из крупных коллективных хозяйств в личные подсобные хозяйства населения, при этом резко ухудшилось экономическое положение большинства сельскохозяйственных предприятий, что повлекло за собой упадок социальной инфраструктуры села. Подобные результаты реформ значительно повлияли на положение сельских женщин.

Таблица 15

Оценка общей трудовой нагрузки сельскими жителями Новосибирской области, % к итогу

Вариант ответа	В среднем по всем опрошенным	В том числе:	
		мужчины	женщины
Работаю слишком много, на износ, отдых не позволяет полностью снять усталость	28,6	23,1	37,7
Нормальная нагрузка, есть возможность отдохнуть, восстановить силы	45,0	45,6	44,3
Мог бы работать и больше, если бы была возможность зарабатывать	24,2	28,3	17,3
Другие ответы	1,2	1,5	0,7
Затрудняюсь ответить	0,9	1,5	0,0

Во-первых, резко возросла общая трудовая нагрузка сельских женщин. По данным опроса сельского населения Новосибирской области 1997 г. (число опрошенных, 553 чел., в том числе 292 женщины) около 40% селянок считают, что в настоящее время они работают слишком много, на износ. Кратковременный отдых, который они могут себе позволить, не дает им возможности полностью снять усталость. Доля мужчин, подобным образом оценивающих свою нагрузку, вдвое меньше (табл. 15).

При этом почти половина сельских женщин указали на увеличение трудовой нагрузки в личном подсобном и домашнем хозяйстве за последние 3–4 года. Увеличение трудовой нагрузки при отсутствии полноценного отдыха, обусловленного ухудшением социального обслуживания населения, приводит к нарастанию физической усталости, нервной напряженности и ухудшению их здоровья, что в свою очередь, негативно сказывается на воспроизводстве населения.

Во-вторых, как отмечалось ранее, экономический упадок сельскохозяйственных предприятий привел к систематической невыплате заработной платы, что обостряет проблему бедности сельского населения.

Ситуация усугубляется отсутствием в обозримом будущем перспектив на улучшение материального положения. При этом женщины чаще, чем мужчины ощущают всю бесперспективность

своего положения. По данным нашего обследования, 29,4% опрошенных женщин считают, что их шансы на улучшение материального благополучия крайне низки, в то время как среди мужчин такой ответ дали лишь 17,5%. Более пессимистично оценивают женщины и возможности улучшения жизненного уровня за счет добросовестного и честного труда.

В-третьих, достаточно остро стоит проблема соблюдения трудовых прав женщин. Имеют место факты их дискриминации при найме на работу и оплате труда. Так, по данным специального обследования, проведенного в июле 1997 г., средняя заработная плата женщин составляла 65% средней заработной платы мужчин. По данным социологического исследования, проведенного в 1994 г. под эгидой Международной ассоциации «Женщины и развитие», в среднем до 18% опрошенных женщин подвергались дискриминации по признаку пола при решении вопроса об увольнении. Результаты исследования, проведенного Госкомитетом труда Республики Татарстан, также свидетельствуют о нарушении прав женщин в сфере труда. О том, что они испытали такую дискриминацию на себе сообщили 39,5% респондентов [36, с. 128].

В-четвертых, продолжающийся спад производства на крупных сельскохозяйственных предприятиях резко сокращает их потребность в рабочей силе, что приводит к росту реальной и скрытой безработицы на селе. Анализ имеющейся информации показал, что сельские женщины чаще мужчин попадают в число безработных (табл. 16).

Таблица 16

Основные показатели безработицы в сельской местности

Показатель	1993	1994	1995	На 01.07.1996
Численность зарегистрированных безработных всего, тыс.чел.	209,9	445,1	671,7	762,2
Удельный вес в их составе, %: Женщин Молодежи	 65,7 38,5	 62,6 36,3	 60,8 36,5	 60,0 35,7
Уровень безработицы, %	1,4	2,8	4,6	5,2
Удельный вес неработающих свыше 8 мес., %	11,4	30,5	37,3	39,5

*И*сточник: Концепция аграрной политики России в 1997-2000 гг. / под ред. Е.С. Строева. М., 1997, с. 344.

Среди опрошенных в 1997 г. сельских безработных более 70% составляли женщины. При этом женщины чаще мужчин оказывались в числе лиц, увольняемых по сокращению штатов. Если среди зарегистрированных безработных мужчин доля высвобожденных работников составляла на 1 января 1996 г. 25,1%, в 1997 г. – 15, 2%, а в 1998 г – 19,1%, то среди женщин, соответственно – 23,5, 27,2 и 30,6%. При этом период безработицы у женщин был более продолжительным по сравнению с мужчинами. Если у мужчин этот показатель составил в 1996 г. – 5,9, в 1997 г. – 6,7, а в 1998 г – 6,9 месяцев, то у женщин этот показатель был соответственно 6,4, 7,0 и 7,5 месяцев. Доля хронически безработных женщин также выше, чем мужчин (за те же годы – 15,0%, 19,2% и 24,5% у женщин и 12,3, 16,7 и 20,4% – у мужчин).

Женщины намного чаще мужчин испытывают страх потерять работу. Постоянную тревогу, опасение испытывает каждая третья женщина, а среди мужчин – только каждый шестой, соответственно доля женщин, не испытывающих угрозу безработицы – в 1,5 раза меньше по сравнению с мужчинами. Основными причинами такой тревоги женщины назвали плохое экономическое положение предприятия (43,5%), боязнь не найти другую работу (21,7%), а также – плохое состояние здоровья (8,7%).

Неуверенность в будущем вынуждает женщин чаще мужчин во избежание безработицы соглашаться на неподходящую (77,1 против 59,8%) или на однообразную работу (61,5 против 33,3%), а также на понижение в должности (30,1 против 24,9% среди мужчин). В то же время женщины по сравнению с мужчинами выразили большую готовность к дополнительному обучению по своей специальности (55,6 против 33,3%), к обучению новой специальности (43,6 против 40,0%), а также к более самостоятельной и ответственной работе (51,3 против 34,6%) и к территориальной мобильности (21,3 против 11,2% среди мужчин), если бы это потребовалось для трудоустройства.

Другими словами, в условиях реформирования женщины оказались наиболее незащищенной группой населения на рынке труда, хотя по некоторым параметрам конкурентоспособность женщин по сравнению с мужчинами выше.

Адаптированность сельских женщин к новым социально-экономическим условиям

В качестве индикаторов, характеризующих успешность адаптации, рассматривались:

- субъективная оценка освоенности в новых условиях;
- личные шансы на улучшение материального положения;
- удовлетворенность жизнью;
- удовлетворенность работой;
- отношение к проводимым реформам.

Субъективное мнение об освоенности в новых экономических условиях. Неравенство адаптивных способностей и возможностей, различия в умении преодолевать существующие социальные барьеры обусловили низкий уровень освоенности в новых экономических условиях. Для анализа были выделены пять групп освоенности: «вполне освоились», «освоились частично, но со временем могут освоиться», «освоились частично и вряд ли освоятся полностью», «не освоились, но могут освоиться», «совсем не освоились и вряд ли когда-нибудь освоятся».

Самую многочисленную группу (36,4%) составили те, кто «не освоился вовсе или частично и вряд ли освоится полностью», при этом доля неадаптированных женщин здесь несколько выше мужчин (39,4 против 34%), а среди полностью освоившихся доля женщин, напротив, несколько ниже (10,2 против 14,3%). Среди других групп освоенности тендерных различий не наблюдалось. Примерно каждый пятый сельский респондент оптимистично оценивает свои шансы освоиться в новых условиях в перспективе. Каждый десятый респондент затруднился оценить степень своей адаптированности (освоенности) в новых экономических условиях. При этом доля мужчин и женщин среди них была примерно равной.

Предшествующие исследования проблем адаптации женщин к рыночным преобразованиям в России также показали, что женщины, судя по их самооценкам, осваиваются в новых социально-экономических условиях гораздо медленнее мужчин. В начале 1990-х годов, когда рыночные преобразования в стране только разворачивались, «женщины заметно труднее и медленнее встраивались в рынок. Так, среди опрошенных женщин доля «консерваторов» была в 1,5 раза выше по сравнению с мужчинами (45 против 30% соответственно), а доля «реальных рыночни-

ков», напротив, – втрое меньше (3 и 9%). Среди женщин в два раза меньше оказалась и доля «потенциальных рыночников» (9 и 16%) [37, с. 22].

Отношение к проводимым реформам. Проведенные ранее исследования выявили существование взаимосвязи между адаптированностью и отношением к проводимым реформам. Так, Е.Н. Сметанин разделил респондентов на 3 типа в зависимости от степени адаптированности и пришел к заключению, что лица с высокой степенью адаптации однозначно считают реформы необходимыми и полезными. Лица с низкой степенью адаптации пессимистично воспринимают экономические преобразования. Лица со средней степенью адаптации от хорошо адаптированных отличаются большей критичностью в оценке реформ [38, с. 82–83]. Исходя из этого, мы предположили, что отношение к реформам может служить косвенным показателем адаптированности индивида к новым социальным реалиям.

По имеющейся информации мы смогли выделить несколько индикаторов, характеризующих отношение сельского населения к современным аграрным реформам. Среди них: отношение к частной собственности, в том числе на землю, ее купле-продаже, к расслоению общества на бедных и богатых, ориентации на гарантированный заработок и др. (табл. 17).

Из приведенных данных следует, что женщины по сравнению с мужчинами болезненнее реагируют на разделение общества на бедных и богатых, более осторожны в отношении частной собственности на землю и ее купли-продажи. Женщины в большей степени ориентированы на гарантированные, хотя и небольшие заработки. На наш взгляд, это обусловлено неуверенностью сельских женщин найти свое место в рыночной экономике. Больше половины женщин считают, что за годы реформ ухудшились их возможности найти постоянную работу или работу по специальности. Три четверти сельских респонденток убеждены в том, что реформы лишили их возможности хорошо зарабатывать, 41% – проявлять свои способности, знания, инициативу. Более одной трети женщин считает, что в настоящее время им стало труднее отстаивать свои трудовые права и интересы. В таких условиях примерно 37% сельских женщин согласились бы вообще не работать, если бы им платили пособие по безработице, достаточное для безбедной жизни.

Таблица 17

Мнений сельских жителей относительно новых феноменов и реалий, % к числу опрошенных*

	Полностью согласен	Частично согласен	Не согласен	Трудно ответить
Было бы лучше, если бы нынешних реформ не было вовсе				
Мужчины	53,2	23,4	11,7	11,7
Женщины	50,9	24,1	8,0	17,0
В обществе не должно быть резкого расслоения на бедных и богатых				
Мужчины	67,3	7,3	17,7	7,7
Женщины	88,6	7,1	3,8	0,5
О своем благополучии люди должны заботиться сами				
Мужчины	64,6	14,6	16,3	4,5
Женщины	62,1	23,2	9,0	5,7
Земля должна находиться в частной собственности				
Мужчины	38,9	13,8	38,1	9,3
Женщины	30,7	15,6	37,3	16,5
Земля должна быть предметом купли-продажи				
Мужчины	23,3	9,4	57,6	9,8
Женщины	15,6	7,1	59,4	17,9
Лучше иметь небольшой, но гарантированный заработок, чем стремиться получать высокие доходы с риском для себя				
Мужчины	59,7	8,1	24,6	7,7
Женщины	75,8	7,6	9,5	7,1
Частная собственность – благо для общества				
Мужчины	28,3	21,5	31,2	19,0
Женщины	28,0	20,4	26,1	25,6

* По данным опроса сельского населения Новосибирской области 1997 г. (число опрошенных 553 чел.).

Барьеры адаптации. Адаптация населения к экономическим условиям происходит под воздействием большого числа социальных факторов – как препятствующих этому процессу, так и стимулирующих его. Природа этих факторов достаточно разнообразна. Специалисты выделяют три группы факторов: социально-психологические, статусные и социетальные. К первым относятся особенности характера, воспитания, социально-психологические черты. Они не изменяются в одночасье и, естественно, определяют скорость усвоения населением новых рыночных ценностей и стандартов поведения, социальные издержки адаптации. Статусные факторы включают особенности социально-экономического и социально-демографического положения, что обусловливает неравенство стартового потенциала для вхождения в рынок и, в конечном счете, формирует разные возможности для успешной адаптации к быстро меняющейся социальной среде. И наконец, социетальные факторы – особенности социально-экономического и политического положения в стране, избранная властными структурами стратегия и тактика осуществления рыночных реформ – также в значительной степени определяет темпы, характер и успешность протекания адаптации [37, с. 18–19].

Среди барьеров адаптации, называемых сельскими женщинами, чаще других упоминались: неподходящая профессия, неважное здоровье, большое число иждивенцев, отсутствие средств, экономическое и политическое положение в стране. Каждая десятая женщина считает, что ей в наибольшей степени мешают освоиться в новых экономических условиях черты характера, не соответствующие требованиям рынка. Среди них назывались отсутствие жесткости, бойцовских качеств; недостаток деловой хватки, предприимчивости; неуверенность в своих силах, успехе, удаче; боязнь крупных перемен, а также излишняя честность, порядочность, принципиальность. Примерно 40% женщин считает, что им ничто не мешает освоиться в новых условиях.

В целом же можно отметить, что женщины значительно реже мужчин ссылаются на внешние обстоятельства, препятствующие освоению в новой социально-экономической обстановке, и чаще – на собственные социально-психологические и статусные характеристики.

Удовлетворенность работой и жизнью. Интегральным показателем, характеризующим успешность адаптации к изменяющимся условиям, может служить удовлетворенность работой и жизнью. По самооценкам, примерно половина довольна своей нынешней работой, одна треть – удовлетворена лишь частично, полностью не довольна – примерно пятая часть. В условиях депрессивного рынка труда сельские женщины вынуждены удовлетворяться имеющейся работой, несмотря на те ущемления, которые они испытывают как по условиям найма, так и по оплате труда.

Низкий уровень жизни, воспринимаемый большинством населения (72% ответов) как несправедливый, является одной из причин низкой удовлетворенности собственной жизнью сельским населением, ностальгии по прежним временам. По данным нашего опроса, примерно половина (47%) сельских жителей ощущает тревогу за будущее своих детей и внуков, 41% – беспокоит угроза нищеты, бедности, пятую часть сельского населения беспокоит невозможность получить или дать образование своим детям из-за ограниченности материальных возможностей семьи, каждый десятый – испытывает угрозу потерять работу, стать безработным. Среди опрошенных не испытывают чувство тревоги 12% мужчин и лишь 3% женщин.

Все это вызывает ностальгические чувства по прежним временам. На вопрос о том, что бы они хотели сохранить из прошлого, из той жизни, которая была до начала реформ, сельские респонденты назвали стабильность, социальные гарантии, отсутствие безработицы, регулярную выплату заработной платы, отсутствие инфляции. Каждый десятый сельский респондент хотел бы вернуть всю прежнюю жизнь (табл. 18).

Итак, в условиях реформ сельские женщины оказались менее защищенной социальной группой. Однако и среди них формируется когорта, готовая (пусть на когнитивном уровне) быть свободной, независимой в хозяйственной деятельности и нести полную экономическую ответственность за свою деятельность (37%), открыть собственное дело (52% ответов), работать на частном предприятии (66%). Примечательным является тот факт, что только 18% опрошенных сельских женщин согласились бы стать фермером, а три четверти выразили свое твердое несогласие самостоятельным сельскохозяйственным трудом на собственной ферме.

Таблица 18

Распределение ответов на вопрос: «Если бы это зависело только от Вас, то что бы Вы хотели сохранить из прошлого, из той жизни, которая была до начала реформ?», % к числу опрошенных

Вариант ответа	Мужчины	Женщины	В среднем
Ничего бы не хотел сохранить	7,3	3,1	5,3
Стабильность, уверенность в будущем	23,2	25,3	24,1
Социальные гарантии	17,2	22,1	19,5
Порядок	8,1	12,8	10,2
Отсутствие расслоения на бедных и богатых	5,6	10,3	7,7
Отсутствие безработицы	12,2	23,2	17,2
Государственную собственность предприятий	1,3	0,9	1,1
Веру в идеалы	0,8	1,5	1,1
Регулярную оплату труда	30,8	35,9	33,1
Прежние отношения между людьми	9,8	13,4	11,5
Стабильность рубля, цен, отсутствие инфляции	25,5	20,0	23,0
Всю ту жизнь	22,5	16,4	10,6
Затрудняюсь ответить	9,6	11,8	10,6

Социальные ресурсы возрождения российской деревни

На наш взгляд, в преодолении современного кризисного состояния агропромышленного производства значительную роль могут сыграть социальные механизмы оздоровления аграрной экономики. Суть их заключается в повышении социальной активности всего сельского населения и каждого работника в отдельности, в формировании рыночного сознания и стандартов поведения хозяйствующих субъектов, адекватных новым экономическим условиям, в становлении новой системы социальных взаимодействий, способствующих выявлению и использованию внутренних резервов и рычагов развития деревни. При этом мы не умаляем значения научно-технического прогресса, денежно-кредитной и налоговой политики государства, научной организации труда и производства, природных и других факторов.

На наш взгляд, для того, чтобы заработали социальные механизмы оздоровления аграрной экономики, необходимо:

- Во-первых, чтобы российская модель аграрных отношений опиралась на доминирующую систему ценностей населения и учитывала высокую значимость корпоративной солидарности для значительной его части. Даже западные эксперты признали ошибочность стремления российских реформаторов искоренить «антикапиталистическую ментальность» народа и их неспособность превратить широко распространенные в массовом сознании коллективистские ценности в конструктивную силу реформ.
- Во-вторых, темпы, масштабы и глубина преобразований должны быть приведены в соответствие с наличием в обществе социальной, экономической и правовой базы.
- В-третьих, необходимо разумное сочетание коллективных форм хозяйствования с частной инициативой крестьян, ориентация на сбалансированное развитие трех сегментов аграрной экономики с учетом складывающихся тенденций их развития. Особое внимание целесообразно уделить успешно функционирующим личным подсобным хозяйствам, создавая, с одной стороны, возможности для их интеграции с коллективными хозяйствами, а с другой, – для трансформации ЛПХ в фермерские хозяйства.
- В-четвертых, особое внимание должно быть уделено проблемам становления новых субъектов хозяйствования, способных работать в условиях формирующихся рыночных отношений, экономического и социального риска. Для этого необходимо:

а) обеспечение реальной экономической свободы (возможность выбора формы и сферы деятельности, партнеров по бизнесу, соблюдение гарантий по реализации прав собственности, в том числе на землю);

б) создание адекватного формирующимся экономическим отношениям информационного пространства, обеспечивающего объективность информации о социально-экономических результатах и последствиях проводимых преобразований;

в) формирование правосознания сельского населения, развитие в сельской местности сети юридических консультаций и служб;

г) создание условий для формирования и проявления хозяйской мотивации работников. Для этой цели должны заработать экономические стимулы трудовой деятельности, связанные с улучшением социально-экономического положения сельскохозяйственных предприятий. Для решения этой задачи целесообразно использовать положительный опыт санации и реорганизации малоэффективных сельскохозяйственных предприятий, а также разработать систему мер по поддержанию доходности сельскохозяйственных предприятий всех форм собственности.

- В-пятых, для оздоровления ситуации на сельском рынке труда должна быть разработана специальная программа создания новых рабочих мест в сельской местности, включая социально-бытовую сферу.

И, наконец, последний комплекс мер связан с реализацией программ социального развития деревни. Формирование источников социального возрождения российской деревни связано с возвратом государственных долгов аграрному сектору, с построением отношений между городом и деревней на строго эквивалентной основе. Значимость такого подхода неоднократно подчеркивалась выдающимися учеными-аграрниками России.

Литература

1. **Калугина З.И.** Личное подсобное хозяйство в СССР. Социальные регуляторы и результаты развития. Новосибирск, 1991. С. 240.
2. **Социально-экономические** проблемы России: Справочник / Фонд информационной поддержки экономических реформ. Опубликован в Интернете.
3. **Закон** РСФСР «О земельной реформе» от 27 декабря 1990 г. // Сборник законодательных актов по аграрной реформе в РСФСР. М., 1991.
4. **Указ** Президента РФ «О регулировании земельных отношений и ускорении реализации земельной реформы» от 27 октября 1993 г. // Собрание Актов Президента и Правительства РФ. М, 1993. № 44. Ст. 4191.

5. **Указ** Президента РФ «О реализации конституционных прав граждан на землю» от 7 марта 1996 г. // Собрание Актов Президента и Правительства РФ. М., 1996. № 121. Ст. 1026.
6. **Постановление** Правительства РФ «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» // Собрание Постановлений Правительства РФ. 1992. № 1–2. Ст. 9.
7. **Закон** РФ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // Как получить землю: Сборник основных документов по земельной реформе в России. М., 1992.
8. **Сельское** хозяйство России / Госкомстат РФ. М., 1995.
9. **Российский** статистический ежегодник / Госкомстат РФ. М., 1998.
10. **Хлыстун В.** Стабилизировать работу агропромышленного комплекса России // АПК: экономика, управление. 1997. № 4.
П. **Петриков А.В.** Специфика сельского хозяйства и современная аграрная реформа в России. Энциклопедия российских деревень. М., 1995.
12. **Курцев И.В.** Экономика агропромышленного комплекса Сибири в период перехода к рыночным отношениям. Новосибирск, 1996.
13. **Российский** статистический ежегодник / Госкомстат РФ. М., 1999.
14 **Калугина З.И.** Социальные границы развития крестьянских (фермерских) хозяйств // Изв. СО АН СССР. Сер. Регион: экономика и социология. 1991. Вып. 3.
15. **Россия** в цифрах / Госкомстат РФ. М., 1999.
16. **Артемов В.А.** Изменения условий и образа жизни в Сибири (1972–1993) // Социологические исследования. 1995. № 1.
17. **Крылатых Э.Н.** Трансформационные риски и их учет в процессе приватизации и реорганизации сельскохозяйственных предприятий // Реорганизация сельскохозяйственных предприятий: их эффективность и устойчивое развитие. М., 1999. С. 155–167.
18. **Послание** Президента РФ Федеральному Собранию // Российская газета. 1997. 7 марта.
19. **Гордеев А.** Курсом стабилизации и развития // АПК: экономика, управление. 2000. № 3–4.
20. **Чернина Н.В**. Эксклюзия сельского населения: опыт социологического исследования // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений / под ред. З.И. Калугиной Новосибирск, 1996. С. 80–96.
21. **Руцкой А., Радугин Н**. Аграрный кризис продолжается // АПК: Экономика, управление. 1997. № 1.С. 3–7.
22. **Соболева С.В., Раднаева Д.Б.** Демографическая ситуация в Сибири как индикатор устойчивости социально-экономического развития региона // Экология и экономика: региональные проблемы перехода к устойчивому развитию. Взгляд в XXI век. 1997. Т. 1.С. 89–98.

23. **Концепция** аграрной политики России в 1997–2000 годах / под ред. Е.С. Строева. М., 1997.
24. **Underwood G**. Categories of Adaptation // Evolution. 1954. Vol. 8. P. 372.
25. **Корель Л.В.** Социология адаптаций: этюды апологии. Новосибирск, 1997.
26. **Пошкус В.** Внутренние резервы АПК России // АПК: Экономика, управление. 1997. N 3.
27. **Фадеева О.П.** Сибирское село: альтернативные модели адаптации // Крестьяноведение. Теория. История. Современность М, 1999, С. 227–240.
28. **Философские** проблемы теории адаптаций / под ред. Г.И. Царегородского. М., 1975.
29. **Роберте Б.** Неформальная экономика и семейные стратегии // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М., 1999. С. 313–342.
30. **Никулин А.М.** Предприятия и семьи в России: социокультурный симбиоз // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика / под ред. Т.Н. Заславской. М., 1998. С. 218–229.
31. **Гасанова Н.М.** К этнопсихологической адаптации // Социологические исследования. 1995. № 11.
32. **Радаев В.В.** Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Политические исследования. 1993. № 5.
33. **SPSS** for Windows: Crosstabs. Chicago, 1997.
34. **Ростовцев П.С., Костин В.С., Корнюхин Ю.Г., Смирнова Н.Ю.** Анализ структур социологических данных и их устойчивости // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск. 1999.
35. **Ростовцев П.С., Костин В.С.** Автоматизация типологического группирования. Новосибирск, 1995.
36. **Терентьева И.В.** Женщины о себе и о своей жизни // Социологические исследования. 1999. № 1.
37. **Корель Л.В., Шабанова М.А., Шарнина О., Чистякова Ю.Б.** Человек и рынок: проблемы социальной адаптации // Социологические аспекты перехода к рыночной экономике. Часть 1 / под ред. Ф.М. Бородкина и А.Р. Михеевой Новосибирск, 1994. С. 13–30.
38. **Сметанин Е.Н.** Адаптация населения к современной экономической ситуации // Социологические исследования. 1995. № 4.

СТАНОВЛЕНИЕ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В РЕФОРМИРУЕМОМ АГРАРНОМ СЕКТОРЕ РОССИИ[1]

Функционирование аграрного сектора в условиях трансформации экономических отношений во многом определяется тем, насколько быстро и успешно сельское население адаптируется к меняющимся экономическим условиям, как оно ориентируется в формирующемся пространстве новых организационно-правовых форм, соответствуют или нет требованиям рынка сложившиеся стереотипы сознания и поведения основных социальных групп.

Рыночные преобразования аграрных отношений, базирующиеся на изменении отношений собственности и организационно-правовых форм сельскохозяйственного производства, с необходимостью требуют формирования субъектов хозяйствования нового типа. На смену «человеку-винтику», адекватному принципам ведения социалистического планового хозяйства, должны прийти инициативные, самостоятельные и ответственные экономические субъекты, способные функционировать в условиях экономической свободы.

Специалисты в области социальных изменений, исследуя механизмы модернизации обществ, обращают внимание на важность соответствия доминирующего типа личности происходящим социальным изменениям. «Пытаясь описать параметры современного общества, ряд аналитиков, – пишет Петр Штомпка, – выводят специфический тип личности, который, по их мнению, характерен для современных обществ. Современная личность, как особое сочетание свойств, включает:

I) независимость от традиционных авторитетов, антидогматизм мышления;

2) внимание к общественным проблемам;

3) способность приобретать новый опыт;

[1] Этот материал был опубликован в кн.: Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская. З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 1999, с. 281–308.

4) вера в науку и разум;

5) устремленность к будущему, умение воздерживаться от удовольствий;

6) высокий уровень образовательных, культурных и профессиональных притязаний. Модернизация в этой сфере (сфере личности) означает приближение к такому сочетанию свойств, характеристик и предполагает подавление противоположных, традиционных черт.

В итоге современная личность проявляет способность ориентироваться в расширяющемся социальном пространстве: внутреннюю гибкость, разнообразие интересов, большое понимание ценности самосовершенствования и осознание настоящего как особо значимого временного измерения человеческого существования» [1].

Исследование механизмов формирования субъектов хозяйствования в новых экономических условиях позволит выявить факторы, способствующие этому процессу и сдерживающие его, определить движущие силы модернизации аграрной экономики, обосновать темпы и глубину дальнейших преобразований.

Разработка освещаемой здесь проблемы является логическим продолжением исследований экономического поведения работников АПК в меняющихся условиях хозяйствования, проводимых отделом социальных проблем ИЭиОПП СО РАН [2].

Информационной базой послужили материалы социологического мониторинга хода аграрной реформы в регионах Сибири [3]. Опросы населения проводились в сельских районах Алтайского края (1994 и 1995 годы, объем выборки N=736) и Новосибирской области (1996 г., N=341; 1997 г., N=553). Выборочная совокупность 1994–1996 гг. репрезентировала сельское население выборочных районов, а 1997 г. – сельское население области по полу, возрасту и уровню образования.

Исследование процессов становления новых субъектов хозяйствования в аграрном секторе находится в начале пути. В рамках главы очерчены лишь контуры социологической концепции данного процесса, а в качестве иллюстрации представлены некоторые результаты эмпирических исследований.

Генезис проблемы

Проблема становления субъектов хозяйствования в аграрном секторе России не нова, достаточно вспомнить историю государства Российского. В период крепостного права подневольный труд крестьян не обеспечивал эффективного землепользования. Царское правительство было вынуждено отменить крепостное право, освободить крестьян от личной зависимости от помещика, наделив их землей (за выкуп). Однако радикального изменения системы производственных отношений в деревне не произошло, так как в руках помещиков оставалась часть надельной крестьянской земли (пастбища, леса, луга, выгоны для скота) и орудия труда, сохранялись также возможности внеэкономического принуждения крестьян. Раскрепощенные, но нищие крестьяне не смогли воспользоваться в полной мере дарованной свободой и похозяйски распорядиться землей. Скованные круговой порукой и принципами общинного землепользования, освобожденные крестьяне не стали полноправными хозяевами на земле.

На заре XX столетия П.А. Столыпин решился на проведение радикальной земельной реформы. Российским крестьянам было предоставлено право выхода из общины и организации самостоятельного крестьянского хозяйства. Принятые правительством меры (льготное кредитование крестьян, продажа земли по льготным ценам, выделение средств для переселения аграрного населения из густонаселенной центральной части на свободные земли в районах Сибири) позволили избежать серьезных социальных потрясений. Правом выхода из общины воспользовались в обшей сложности 2,5 млн домохозяйств, или 22% крестьянских дворов, на 14% общинной земли. Однако сельская община не была полностью разрушена, основная масса крестьян была включена в систему общинного землепользования, сковывавшую экономическую свободу крестьян. Смерть реформатора и революционные преобразования российского общества в 1917 г. не позволили до конца провести задуманные реформы.

В 1917–1918 гг. произошла национализация и уравнительное перераспределение земли. Землю получили и сельские люмпены, которые из-за отсутствия необходимых орудий труда и других средств производства не могли самостоятельно обрабатывать выделенную им землю. Сельская беднота вынуждена была либо сдавать свои участки в аренду более зажиточным крестьянам, либо сама арендовать необходимые орудия труда. Задавленное нуж-

дой, неграмотное сельское население не могло решить проблему повышения эффективности аграрного производства. По темпам развития аграрный сектор России существенно отставал от темпов развернувшейся индустриализации страны.

X съезд РКП(б) принял новую экономическую политику, одной из главных целей которой было преодоление диспропорций развития аграрного и неаграрного секторов экономики посредством возрождения товарно-денежных отношений и частного капитала. Новая политика привела к экономическому перераспределению земли между социальными группами аграрного населения. В этот период резко вырос средний класс в деревне, укрепилось богатое меньшинство (сельская буржуазия), произошли пролетаризация и превращение части сельского населения в наемных работников в кулацких хозяйствах. В начале XX столетия в России получила бурное развитие, став в короткий срок одной из развитых в мире, сельская кооперация [4]. Кооперативное движение, развернувшееся в деревне после столыпинской реформы, продолжало свое развитие и в первые годы советской власти, особенно в период реализации новой экономической политики. Так, на 1 января 1924 г. сельскохозяйственная кооперация РСФСР насчитывала 12000 сельскохозяйственных и кредитных товариществ, 1500 маслодельных артелей, 500 других видов сельскохозяйственных кооперативов и около 11000 сельскохозяйственных коммун, т.е. около 25000 кооперативов всех видов. В состав этих кооперативов входило около 1,5 млн крестьянских хозяйств, преимущественно средних и бедняцких [5].

Однако после принятия курса на сплошную насильственную коллективизацию крестьянских хозяйств процесс кооперации в российской деревне замедлился, многочисленный слой самостоятельных хозяев был подвергнут физическому истреблению. Нарушилась связь поколений, воспроизводящая социальный опыт самостоятельного и эффективного ведения сельскохозяйственного производства, что неизбежно вызвало снижение производительности труда в сельском хозяйстве и с новой остротой поставило продовольственную проблему в стране.

Становление колхозно-совхозного производства в аграрном секторе России сопровождалось отчуждением работников от земли и средств производства. Вместо перспективной (длительной) мотивации стала преобладать ситуативная (короткая) трудовая мотивация, что отрицательно сказалось на отношении работников к труду и общественной собственности.

Таблица 1

Генезис проблемы становления субъектов хозяйствования в контексте развития экономической свободы

Реформы	Меры по изменению системы социально-экономических отношений	Результаты
Реформа 1861 г.	Законодательное раскрепощение крестьян, передача земли сельским общинам с последующим выкупом крестьянами	Сохранение экономической и личной зависимости крестьян от помещиков
Столыпинская реформа	Право выхода из общины с наделом земли без выкупа, покупки дополнительных участков земли	Расширение экономических свобод, формирование самостоятельных хозяев, сохранение в основном общинного землепользования, экономическая несвобода членов общины
Революционные преобразования аграрного сектора в I9I7–I9I8 гг.	Национализация и уравнительное распределение земли	Формальная экономическая свобода крестьян
Нэп	Денационализация и раздел земли между крестьянами, восстановление товарно-денежных отношении	Расширение экономических свобод, развитие кооперации, экономическое перераспределение земли и средств производства
Коллективизация	Национализация земли, насильственное объединение крестьянских хозяйств в колхозы, раскулачивание	Исчезновение социального слоя крестьян-хозяев, экономическая и личная несвобода (невозможность выйти из колхоза)
Становление совхозно-колхозного производства	Перманентная реорганизация аграрного сектора, внедрение новых форм организации и стимулирования труда, попытки воспитания чувства хозяина	Раскрестьянивание сельхозпроизводителей, ограниченная экономическая свобода, жесткое регулирование размеров ЛПХ
Современная аграрная реформа	Многообразие форм хозяйствования и форм собственности, приватизация земли, реорганизация колхозов и совхозов	Разрыв между декларируемой и реальной экономической свободой, отчуждение населения от реформ, возрождение частного сектора, снятие ограничений на размеры ЛПХ. расширение масштабов и товарности ЛПХ

Попытки административно-командной системы как-то изменить положение не давали долговременных результатов, так как внедряемые социально-экономические новации, будь то внутрихозяйственный расчет, различные виды подряда, интенсивные технологии и т.п., не меняли существа дела. Положение в сельской экономике улучшалось лишь на короткий срок, да и то в. экспериментальных хозяйствах, где искусственно создавались более благоприятные условия для «маяков». После окончания очередной кампании все возвращалось на круги своя.

Современная аграрная реформа, по замыслу своему, была направлена на создание многоукладной экономики на основе равноправия всех форм собственности на средства производства, включая землю, а также расширения экономических свобод. Однако провозглашенная де-юре экономическая свобода де-факто оказалась в значительной степени ограниченной.

Таким образом, на протяжении многих десятилетий аграрный сектор России подвергался неоднократным преобразованиям, направленным на изменение системы социально-экономических отношений и расширение экономических свобод. Однако реальные результаты, как правило, были далеки от желаемых (табл. 1). Так что в современных условиях проблема формирования субъектов хозяйствования не только не потеряла своей актуальности, но и приобрела новое звучание в связи с попыткой перехода к новой системе экономических отношений.

Понятийный аппарат

Исследование базируется на теоретико-методологических положениях о становлении субъектов хозяйствования как процессе изменения экономических ролей общественных групп в ходе социально-экономических преобразований общества. Поэтому наряду с категориями общей социологии (социальное действие, социальный процесс, социальные изменения, интересы, потребности и др.) используются категории социальной психологии (социальная роль, ролевые ожидания, ролевые возможности, ролевые исполнения, ролевой конфликт) и специальные категории, такие как «экономическая свобода», «субъектность», «хозяйствование», «субъект хозяйствования».

Рассмотрим подробнее каждую из них, тем более что в литературе существует неоднозначное их толкование. Так, А.А. Матуленис, М.Х. Титма, И.Н. Мартынова трактуют субъектность как

осознание отдельными индивидами или группой себя субъектом определенных процессов, в частности инноваций [6]. При этом необходимыми условиями процесса осознания авторы считают информированность отдельных индивидов или групп о намечающихся изменениях, понимание ими сути этих изменений. Субъектность, по их мнению, характеризует потенциальные возможности участия индивида или группы в том или ином процессе. Можно согласиться с позицией авторов о том, что рефлексия, т.е. осознание индивидами или группами своего места, роли и интересов в том или ином процессе, – необходимый элемент становления субъектности, тем не менее процесс формирования субъектности этим не ограничивается.

Понимание и осознание своего места в том пли ином процессе являются необходимыми, но не достаточными условиями превращения пассивного (хотя и мыслящего) наблюдателя в реально действующего агента того или иного социального процесса. Более того, понимая и принимая те или иные преобразования или изменения в обществе на когнитивном уровне, индивид или группа в силу тех или иных причин (например, по состоянию здоровья, вследствие преклонного возраста, отсутствия опыта самостоятельного хозяйствования, низкого уровня образования и т.п.) могут стать не только пассивными наблюдателями, но и своими действиями препятствовать или мешать тому или иному преобразованию в обществе.

Следовательно, субъектом того или иною социальною процесса или деятельности, в том числе экономической, следует считать не просто мыслящего и понимающего, а действующего агента, не столько потенциального, сколько реального.

Используемые в литературе термины «субъекты экономической деятельности», «субъекты экономического поведения», «экономические субъекты», «субъекты экономической жизни», «субъекты экономических отношений», «хозяйствующие субъекты», «субъекты хозяйствования», «субъекты экономического развития» и другие, на первый взгляд, кажутся синонимичными. Однако эти понятия трактуются по-разному. Одни авторы этими терминами обозначают в рассматриваемом контексте предприятия и организации, как, например, В.И. Верховин [7], другие – социальные слои и группы, объединенные по их роли и месту в системе экономических отношений [8], третьи – отдельных индивидов [9]. К тому же субъектность рассматривается относительно

разных сфер деятельности. Для целей нашего исследования важно рассмотреть субъектность в сфере хозяйствования.

Хозяйствование в нашем понимании – это совокупность действий и поступков индивида или группы, связанных с обеспечением функционирования предприятия или подразделения как самостоятельной хозяйственной единицы. Хозяйствование включает в себя как элементы профессионально-трудовой деятельности разных групп работников так и элементы управления (участие в собрании акционеров, работе совета директоров, правлении акционерного общества и др.).

Для уточнения понятия «субъект хозяйствования» обратимся к трудам классиков социологии. Так. М. Вебер рассматривал хозяйствование или экономическую деятельность как одну из форм социального действия. «Социальным» он называл «...такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [10]. Носителями же осмысленных и ориентированных на других людей действий могут быть, по мнению М. Вебера, только сами люди: отдельный человек или группа людей. В последнем случае может идти речь о коллективном субъекте.

Чтобы ориентироваться в социальном пространстве и корректировать свои экономические действия, сообразуясь с действиями и ожиданиями других экономических агентов, субъект хозяйствования должен обладать свободой выбора форм, способов, методов организации и реализации своей экономической деятельности, автономностью (самостоятельностью) принятия решений, а для достижения поставленной и осмысленной (субъектом или коллективом) цели путем выбора наиболее рациональных путей достижения он должен нести полную экономическую ответственность за принятые им решения и результаты экономической деятельности.

Итак, под субъектами хозяйствования будем понимать участников экономической деятельности, которые обладают экономической свободой, принимают самостоятельные хозяйственные решения и несут экономическую ответственность за результаты своей деятельности.

Исходя из этого сформируем и систему индикаторов, характеризующих уровень субъектности экономических агентов в аграрной сфере:

Свобода выбора

1. Возможность выбора формы хозяйствования.
2. Возможность выбора сферы экономической деятельности.
3. Возможность выбора хозяйственных партнеров.

Самостоятельность (независимость) хозяйственной деятельности

1. Доля земельных угодий, находящихся в частной собственности.
2. Доля основных производственных фондов, приобретаемых за собственные средства.
3. Доля обязательных поставок сельскохозяйственной продукции в региональные и федеральные фонды
4. Доля продукции, реализуемой по свободным ценам.
5. Налоговый пресс (доля прибыли, изымаемой налогами).
6. Ограничения по фонду оплаты труда.

Экономическая ответственность

1. Санкции за невыполнение договорных обязательств.
2. Материальная ответственность за бесхозяйственность (падеж скота, потрава посевов, упущенная выгода и др.).
3. Зависимость фонда оплаты труда от результатов хозяйственной деятельности

Сельскохозяйственные предприятия как социальные организации можно относить к субъектам хозяйствования. Важными характеристиками социальной организации с позиций нашего анализа являются наличие цели (целей), совокупность функциональных положений (статусов) и ролей, правила, регулирующие отношения между ролями. В узком смысле слова социальная организация есть не что иное, как «система социальных групп и отношений между ними». Выразителем же интересов предприятий, а также субъектами реализации этих интересов могут выступать как трудовые коллективы в целом, так и отдельные социальные группы: советы акционеров, администрация, руководители и специалисты сельского хозяйства и др. Руководители хозяйств в силу своих функциональных обязанностей призваны организовывать хозяйственную деятельность предприятия и управлять ею исходя из коллективных интересов. Поскольку руководители одновременно могут быть и совладельцами коллективной собственности, в своей хозяйственной деятельности они ориентируются не только на коллективные, но и на личные интересы, которые могут вступать в противоречие между собой.

В качестве субъектов хозяйствования могут выступать и отдельные производственные коллективы, например коллективы акционерных обществ, созданные на базе реорганизованных коллективных хозяйств, которые обладают более широкими правами в хозяйственной деятельности по сравнению с трудовыми коллективами бывших колхозов и совхозов. Они имеют право участвовать в разработке и принятии хозяйственных решений (высшим органом управления акционерного общества является собрание акционеров или его представителей), обладают большей хозяйственной независимостью. Вместе с тем акционерные общества несут большую экономическую ответственность за результаты своей хозяйственной деятельности.

Субъектами хозяйствования могут быть и отдельные производственные бригады, в частности арендные. Арендуя у предприятия землю и другие средства производства, они обладают большей экономической свободой и самостоятельностью в хозяйственной деятельности по сравнению с другими работниками коллективного предприятия. Однако, не являясь собственниками средств производства, в том числе и земли, арендаторы обладают ограниченной субъектностью по сравнению с самостоятельными хозяйствующими субъектами.

В качестве самостоятельных хозяйствующих субъектов в настоящее время могут выступать и отдельные лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью (например, фермеры), так как они не только сами решают все хозяйственные проблемы, но и являются полноправными собственниками и распорядителями произведенной ими продукции.

Наряду с понятием «субъект» в западной социологии существует понятие «актор». Это обусловлено сменой парадигм социального знания. Понятие «актор» наделяет людей, составляющих «массу», активностью. Именно их деятельность, наряду с «игрой» тех, кого определяют как субъекта, по мнению Н.Н. Козловой и Н.М. Смирновой, воздействует на результирующую социальную динамику. Термин «актор» оставляет широкий простор многообразию форм и степеней субъектности. Человек может быть или не быть субъектом, но в любом случае он – актор, деятель [12]. По В.А. Ядову, «частицы массы – не субъекты, но акторы» [13].

Эти принципиальные положения могут оказаться весьма продуктивными и полезными для целей нашего анализа. Действительно, в процессе радикальных преобразований аграрных отно-

шений участвуют различные социальные группы, чьи интересы прямо или косвенно затрагиваются аграрной реформой. Это прежде всего сельское население, за счет которого формируется социальная база этих преобразований; новые социальные слои и группы, порождаемые аграрной реформой (фермеры, арендаторы, акционеры и т.п.); представители новых государственных и негосударственных структур, создаваемых для реализации аграрной реформы и функционирования аграрного сектора в переходный период (земельные комитеты и комиссии, комиссии по приватизации и акционированию предприятий, фонды и др.); представители местных администраций, хозяйственные руководители. Интересы этих социальных групп в аграрных преобразованиях не совпадают. Возможности, способы и рычаги реализации этих интересов также различны, соответственно различны стратегия и тактика поведения данных социальных групп в этих процессах. Другими словами, можно говорить о том, что формы и степень субъектности различных участников проводимой реорганизации аграрного сектора будут неодинаковыми.

В нашем контексте субъектность представляет собой не что иное, как степень реализации индивидом или группой экономической свободы. При этом «экономическую свободу» мы понимаем как возможность волеизъявления индивида или группы в экономической сфере.

Итак, по степени субъектности всех участников экономической деятельности можно подразделить на субъектов и акторов, по степени интегрированности – индивиды, социальные группы и социальные организации. Что касается форм субъектности, то они в современных условиях весьма разнообразны и определяются положением хозяйствующего субъекта в новой системе аграрных отношений. По формам субъектности всех участников экономической деятельности можно разделить на четыре группы: хозяева, т.е. те, кто является владельцами средств производства и полноправными распорядителями полученного результата (продукта); менеджеры (управляющие), выполняющие функции управления предприятием или объединением; акционеры, являющиеся совладельцами предприятия и обладающие определенными правами, связанными с распоряжением собственностью, с распределением получаемой прибыли и с управлением предприятием; наемные работники, оказывающие наименьшее воздействие на стратегию развития предприятий, но играющую

далеко не последнюю роль в его повседневной деятельности. Это акторы, от поведения которых зависят результаты деятельности предприятий, хотя они и не являются полноправными субъектами управления ими (табл. 2).

Таблица 2

Формирующиеся типы хозяйствующих субъектов в реформируемом аграрном секторе России

Основания для группирования	Тип хозяйствующих субъектов
Степень субъектности	Субъекты хозяйствования Акторы Невостребованные хозяйствующие субъекты (безработные, учащиеся, военнослужащие)
Степень интегрированности	Индивиды Социальные группы Социальные организации
Формы субъектности	Хозяева Хозяева-собственники Хозяева-предприниматели Владельцы ЛПХ Менеджеры (управляющие) Менеджеры-акционеры Наемные менеджеры Акционеры Члены кооперативов Члены акционерных обществ Члены колхозов Наемные работники на предприятиях всех форм собственности

Следует отметить, что в настоящее время на селе сформирована достаточно многочисленная группа собственников земельных и имущественных паев, которые не принимают непосредственное участие в производственной деятельности сельскохозяйственных предприятий. Как правило, они сдают свою землю в аренду сельскохозяйственным предприятиям или фермерам, получая за это определенную арендную плату или иные формы вознаграждения. К ним в первую очередь относятся работники социальной сферы, пенсионеры и другие категории сельского населения, не занятые сельскохозяйственным трудом, которые получили имущественные паи и (или) земельные доли согласно

действующему законодательству. Например, в Орловской области численность собственников, не принимающих трудового участия в деятельности предприятия, более чем в 2 раза превышает общую численность работающих владельцев земельных и имущественных паев, а также наемных работников, вкладывающих в производство только свой труд [14]. По мере развития земельного рынка эта группа будет расширяться за счет богатых слоев населения, в том числе горожан, которые смогут покупать землю по рыночным ценам, не занимаясь непосредственно сельскохозяйственным трудом.

Каждая из перечисленных выше групп хозяйствующих субъектов имеет определенную степень свободы в экономической деятельности, обладает определенными правами и обязанностями. Анализ реальной ситуации поможет выяснить, каким образом реализуются права собственников (акционеров), как распределяются права и обязанности между акционерами и управляющими (менеджерами), между хозяевами и наемными работниками, что входит в их компетенцию. Реальный статус, функции и роль каждой из перечисленных групп, определяя их экономические интересы, детерминируют экономическое поведение групп, а также их отношение к проводимым реформам.

Выделение групп по формам субъектности имеет важное значение также для понимания того, кто в современных условиях является реальным субъектом экономической деятельности, кто принимает ответственные хозяйственные решения, кто определяет пути развития предприятий, их стратегию на ближайшую и долгосрочную перспективу, кто распоряжается полученной прибылью и т.п.

Механизмы формирования субъектов хозяйствования в процессе трансформации социально-экономических отношений

Исходя из представлений об экономической деятельности как о социальном действии и о субъектах экономического действия как самостоятельных, свободных и ответственных индивидах становление субъектов хозяйствования следует рассматривать как процесс, включающий в себя несколько взаимосвязанных этапов:

- Законодательное изменение статуса, функций и роли экономических агентов (ролевые предписания);

- Осознание общественными группами своего нового статуса, функций и роли (ролевое сознание);
- Самоидентификация общественных групп в новом социально-экономическом пространстве (адаптация к новому статусу и роли);
- Экономическое поведение субъектов хозяйствования (ролевые исполнения);
- Формирование у работников социальных качеств, адекватных новым экономическим условиям;
- Формирование новой экономической культуры.

На практике эти этапы становления субъектов хозяйствования могут протекать и в последовательном, и в параллельном режиме.

Основными механизмами формирования новых субъектов хозяйствования в процессе трансформации социально-экономических отношений в аграрном секторе являются:

а) изменение отношений собственности;

б) многообразие форм хозяйствования;

в) расширение экономических свобод.

Центральное звено такого механизма как институт собственности – законодательное закрепление права частной собственности на средства производства (включая землю). Являясь правовой базой для формирования субъектов хозяйствования нового типа, оно расширяет диапазон участия граждан в экономической сфере. Так, в настоящее время гражданин России может быть владельцем средств производства (включая землю), принимать непосредственное участие в руководстве и экономической деятельности своего предприятия или компании, т.е. быть хозяином и предпринимателем одновременно. Вместе с тем он может оставаться лишь владельцем земли или других средств производства, сдавать их в аренду, тем самым обеспечивая себе определенный доход, а к оперативному управлению и руководству предприятием, которое арендует принадлежащие ему средства производства, он имеет лишь ограниченный доступ (например, в случае нарушения арендатором условий аренды). Естественно, что функции, роль и возможности этих лиц как субъектов хозяйствования будут различны.

Проведенная реорганизация коллективных хозяйств предоставила работникам сельского хозяйства, пенсионерам и части работников социальной сферы право на получение земельной доли

и имущественного пая. Согласно действующему законодательству владельцы указанных паев в коллективном имуществе имеют право получить их в денежном выражении или в натуре и использовать для ведения самостоятельного крестьянского хозяйства, организации собственного дела или для расширения производства в личном подсобном хозяйстве. Другими словами, создана определенная экономическая база для развития частного сектора сельскохозяйственного производства, агросервисных услуг и других видов предпринимательской деятельности на селе.

Однако, как показали данные нашего исследования, из всех опрошенных, имеющих земельный пай, 77% оставили их в распоряжении предприятий, на которых они работают, или внесли в качестве вступительного взноса во вновь созданные акционерные общества, кооперативы, коллективные хозяйства и лишь 7% использовали на расширение ЛПХ, 2% – на организацию самостоятельного крестьянского хозяйства, 5% – передали свой земельный пай по наследству родственникам или детям. Каждый десятый еще не принял окончательного решения, как использовать свой пай. Примерно такая же картина складывается и с имущественными паями, которые к тому же очень трудно получить в натуре.

Таким образом, большинство сельских жителей не воспользовались своими правами стать самостоятельными хозяйствующими субъектами. На это есть множество причин. Одна из них – наблюдаемая практика ведения фермерских хозяйств и те реальные условия, в которые попадают самостоятельные хозяева сегодня: чрезвычайно высокие налоги, непомерные цены на сельскохозяйственную технику, горючее и прочие ресурсы, незащищенность прав собственника, отсутствие социальных гарантий и пр. По оценкам респондентов, в нынешних условиях только 3% из них смогли бы купить землю по рыночным ценам, более 80% не смогли бы этого сделать, каждый десятый не нуждается в дополнительных участках земли.

Наряду с институтом собственности аграрные отношения регулируются и другими социально-экономическими институтами, такими как кредитно-финансовые, институты налогообложения, государственной власти. Государство призвано обеспечивать нормальные условия функционирования хозяйствующих субъектов, стабильность и правопорядок в стране, соблюдение законности в экономической сфере. Слабость государственной власти, невыполнение государством своих функций по соблюдению законно-

сти и правопорядка снижают эффективность проводимых реформ, порождают хаос в экономической сфере и неуверенность экономических агентов.

Другим существенным механизмом формирования новых субъектов хозяйствования является многообразие форм хозяйствования и свобода их выбора, предоставленная трудовым коллективам и отдельным гражданам в процессе реорганизации коллективных хозяйств. Однако результаты исследований, проведенных нами ранее [15], позволяют сделать вывод о том, что из-за спешности и тотальности реорганизации колхозов и совхозов выбор форм хозяйствования был сделан не осознанно. Большинству рядовых работников эта реформа навязана сверху, они не только не осознали свой интерес в этом процессе, но и не поняли его сути. Выбор организационно-правовых форм мотивировался не столько экономическими, сколько политическими и социальными факторами. Во многих случаях реорганизация носила сугубо формальный характер и не затрагивала сути экономических отношений. Казалось, что с появлением акционерных обществ и товариществ разного типа положение работников как экономических субъектов должно было существенно измениться в сторону расширения их прав по управлению предприятием. Однако до сих пор большинство работников так и не ощутило разницы между их положением на предприятии как наемных работников и как совладельцев средств производства, а потому существенного изменения мотивации труда и моделей их трудового поведения не произошло.

В послании Президента РФ Федеральному собранию 1997 г. отмечается, что «установленные разграничения прав и ответственности между собственниками (акционерами) и управляющими (директорами) не соблюдаются. Во многих случаях директора фактически отстраняют акционеров, в том числе крупных, от принятия важнейших решений, относящихся к непосредственной компетенции собственника» [16]. В связи с этим в качестве приоритетных задач правительства, обеспечивающих проведение реформы, определены защита прав акционеров, четкое разграничение прав и ответственности собственников и управляющих, совершенствование механизма корпоративного управления.

Не заработал пока и экономический механизм реализации права собственности крестьян на земельные доли и имущественные паи. Как показали наши исследования в Новосибирской области,

более 80% опрошенных ничего не получили в качестве дивидендов на имущественные паи и земельные доли, переданные в пользование сельскохозяйственным предприятиям. Большинство предприятий из-за крайне тяжелого экономического положения не в состоянии выплачивать какие-либо дивиденды своим работникам. Такая же ситуация складывается и в других регионах страны.

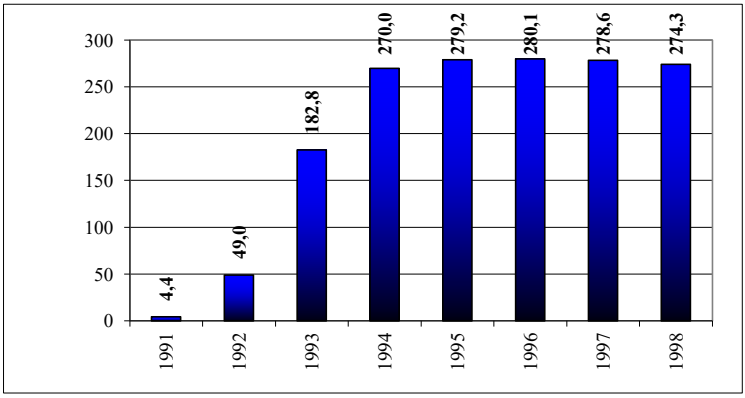
Несмотря на приватизацию и акционирование сельскохозяйственных предприятий, только каждый десятый респондент отметил расширение возможностей влиять на результаты работы своего предприятия, участвовать в его управлении, не зависеть от начальства.

Нам представляется весьма важным проведение глубоких исследований, касающихся изменения положения экономических субъектов на предприятиях АПК различной формы собственности.

Со времени вступления в силу Закона РФ о крестьянском (фермерском) хозяйстве и реорганизации колхозов и совхозов у крестьян появилась реальная возможность стать самостоятельными хозяйствующими субъектами. Как следует из динамики числа крестьянских хозяйств в России, к началу реформ в стране имелась социальная база развития частного сектора аграрной экономики (рис. 1), однако потенции сельского населения страны в становлении самостоятельных хозяйствующих субъектов вопреки декларируемому курсу на приватизацию сельскохозяйственного производства полностью не реализованы. Доля фермерских хозяйств в производстве продукции отрасли стабильно низкая (не более 2%).

При этом нарастает процесс разорения крестьянских хозяйств, отказ крестьян от земли, от самостоятельного ведения хозяйства. Начиная с 1997 г. абсолютное число фермерских хозяйств сокращается. Динамика разорившихся хозяйств свидетельствует о том, что в стране не созданы условия для становления и развития самостоятельных субъектов хозяйствования в аграрном секторе. Главными причинами неустойчивости крестьянских хозяйств в России, как показывают исследования, проведенные во многих регионах страны, являются чрезвычайно высокие налоги, непомерные цены на сельскохозяйственную технику, горючее и прочие ресурсы, незащищенность прав собственника, отсутствие социальных гарантий, неуверенность в завтрашнем дне. Несомненно, что значительна роль и субъективных причин (отсутствие достаточного опыта самостоятельного ведения хозяйства, нехватка знаний, неготовность к работе в Условиях экономического и социального риска).

а)

б)

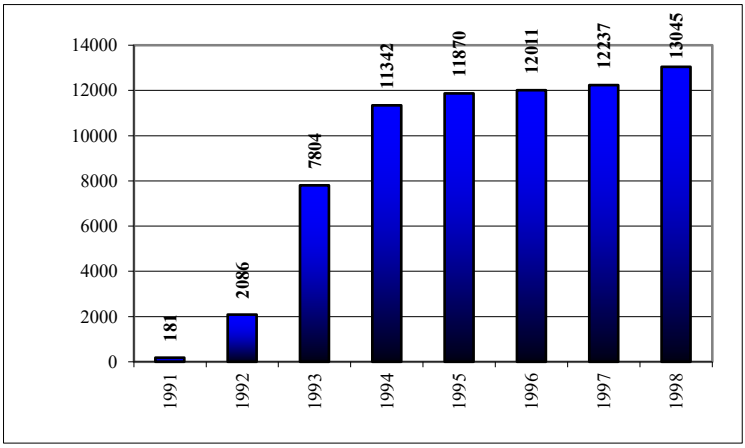

Рис. 1. Развитие крестьянских (фермерских) хозяйств в России в 1991–1998 гг. по статистическим данным (см.*: Российский* статистический ежегодник / Госкомстат России. М., 1997, с. 383; *Россия* в цифрах / Госкомстат России. М., 1998,с. 217).

а) – численность хозяйств (на начало года; тыс.); *б)*– площадь земельных участков (тыс. га).

Принципиальное значение в процессе становления субъектов хозяйствования в аграрной сфере играет расширение экономических свобод. Впервые за многие годы экономические субъекты в АПК получили право свободного выбора формы хозяйствования и экономической деятельности, самостоятельного решения хозяй-

ственных вопросов, взяв на себя при этом большую экономическую ответственность за результаты своей деятельности. Однако, как показывает практика (и подтверждается данными многих социологических обследований, проведенных во многих регионах страны), далеко не все рядовые работники и руководители хозяйств оказались готовыми к работе в новых условиях. Одни группы восприняли расширение свобод, включая экономическую, как благо, другие, потеряв опору в лице государства, с трудом адаптируются к новой социально-экономической ситуации [17].

К тому же декларируемые свободы на практике оказались значительно ограниченными. Основными социальными ограничителями экономической свободы в аграрном секторе в настоящее время являются:

- несоответствие действующих экономических и социальных институтов формирующимся экономическим отношениям, что проявляется в несовершенстве налоговой и кредитной политики государства и коммерческих банков в отношении сельских товаропроизводителей, слабо учитывающей специфику сельскохозяйственного производства, в несостоятельности государства как оптового «скупщика» сельскохозяйственной продукции (в частности, систематическая невыплата долгов крестьянам за произведенную и сданную продукцию), в преждевременном устранении государства от регулирования деятельности в аграрном секторе, в запаздывании, несовершенстве и противоречивости принимаемых законодательных актов, регулирующих деятельность хозяйствующих субъектов АПК;
- социальная практика с характерными для нее диспаритетом цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, энергоресурсы и услуги, незащищенностью прав собственника, фактическим мораторием на куплю-продажу земли, утратой традиций сельской кооперации, низким платежеспособным спросом населения, частичным ограничением закупочных и розничных цен на сельскохозяйственную продукцию федеральными и местными властями;
- неадекватные модели поведения общественных групп в новом социально-экономическом пространстве: неэкономические методы решения хозяйственных проблем, кри-

минальное поведение части экономических субъектов, невыполнение обязательств хозяйственными партнерами, в том числе государством, неисполнение законов и указов президента, в том числе правительством;
- культурологические факторы: несформировавшаяся экономическая культура цивилизованного рынка, несоответствие глубины, направлений и масштабов аграрной реформы состоянию общественного сознания.

Хозяйствующие субъекты в АПК: экономическое сознание, поведение, самоидентификация

Экономическое сознание. В качестве основных индикаторов, характеризующих экономическое сознание сельских работников как субъектов хозяйствования, выделены отношение к проводимым реформам, формам собственности и хозяйствования, а также отношение к земле.

Эмпирический анализ показал, что продолжается отчуждение основных социальных групп от реформ. По данным социологических опросов, проведенных в 1996–1997 гг., до 40% сельского населения не поддерживают ни одно из направлений проводимых аграрных реформ. При этом большая часть сельского населения считает, что было бы лучше, если бы нынешних реформ не было вовсе и все оставалось так, как было до реформы. При этом из прошлого, из той жизни, которая была до начала реформ, каждый пятый сельский житель хотел бы вернуть стабильность, уверенность в будущем, 27% – регулярную оплату труда, 23% – стабильные цены, отсутствие инфляции, 19% – социальные гарантии, 15% – отсутствие безработицы, 11% – порядок, а каждый четвертый – всю ту жизнь, тот строй, социализм. Следует также отметить нарастание разочарования в реформах и их результатах. В целом около 70% сельчан постигло разочарование в связи с реформами.

По нашим данным, положительно оценивают итоги проводимых в стране экономических реформ более трети сельских жителей (ответы типа «Положительно», «Скорее положительно, чем отрицательно»), негативно (ответы типа «Отрицательно», «Скорее отрицательно, чем положительно») – более половины.

Примерно каждый десятый опрошенный не смог дать определенной оценки результатам реформ. При этом молодежь дает более оптимистичные оценки. Так, среди лиц в возрасте до 30 лет положительно оценили результаты реформы 45% респондентов, в возрасте 31–50 лет – 38%, а старше 50 лет – 10%. Доля оценивших реформы отрицательно имеет обратную картину: в группе до 30 лет их доля составила 40%, в группе 31–50 лет – 56%, а среди лиц старших возрастов – 60%.

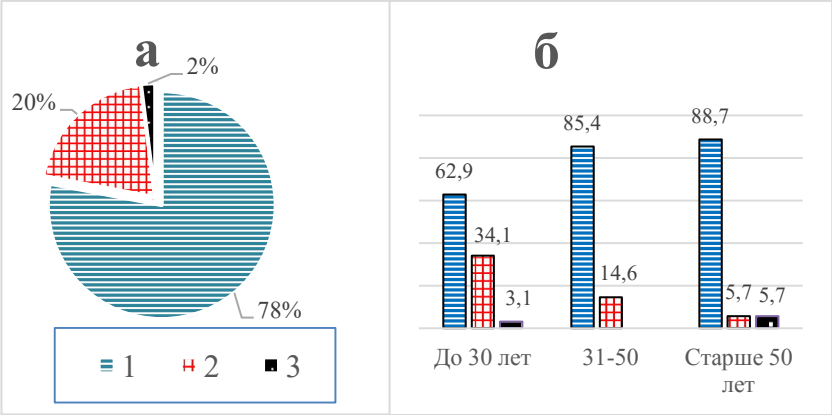

Рис. 2. Предпочтительность разных форм хозяйствования по оценкам сельских работников:

а – распределение ответов на вопрос «Если бы это зависело от Вас, то что бы Вы предпочли: работать в коллективном хозяйстве или вести индивидуальное хозяйство?» (% к числу опрошенных); *б* – дифференциация предпочтений по возрастным группам (%); *1* – работать в коллективном хозяйстве; *2* – вести индивидуальное хозяйство; *3* – затруднились ответить.

Около 80% работников сельского хозяйства по-прежнему ориентированы на коллективные формы сельскохозяйственного производства, рассчитывая на помощь и сотрудничество в трудную минуту (41% ответов) (рис. 2). Коллективный труд привлекателен для сельских работников своей стабильностью, гарантированными заработками, постоянной занятостью. Примерно каждый пятый респондент мотивировал свой выбор коллективных форм трудностями ведения индивидуального хозяйства в

современных условиях. Между тем около 40% опрошенных объясняют свои предпочтения привычкой работать в коллективе, не выделяя каких-либо преимуществ коллективного труда. Очевидно, сила традиции влияет на предпочтения сельских работников более существенно, нежели экономический расчет или личная выгода. Работу в индивидуальном крестьянском хозяйстве предпочитают те, кто ценит независимость, экономическую свободу и самостоятельность (60% ответов), а также те, кому надоело работать на кого-то (38%). По данным опроса 1997 г., примерно каждый пятый сельский житель трудоспособного возраста согласился бы вести индивидуальное крестьянское хозяйство.

Отношение к формам собственности более либеральное, чем к формам хозяйствования, что сказалось на предпочтениях сельских жителей работать на предприятиях с различной формой собственности. Так, из всех опрошенных предпочли бы работать на государственных предприятиях около 60%, поскольку: (*а*) там больше порядка (30% ответов), (*б*) меньшая экономическая ответственность работника в условиях нестабильности и экономического риска (11%), (в) на государственных предприятиях есть возможность получить какие-либо социальные блага (8%). Но более 30% респондентов выбирают государственное предприятие по привычке. Привлекательными сторонами работы на частных предприятиях для сельских жителей являются возможность больше заработать (44%), проявить себя (14%), приобрести опыт самостоятельной работы (8%). Более 18% опрошенных считают, что на частных предприятиях больше порядка.

Важной характеристикой субъектов хозяйствования в АПК является отношение к земле. Одним из замыслов аграрной реформы было превращение работников сельскохозяйственных предприятий в хозяев, землевладельцев, которые составили бы основу среднего класса в деревне. С этой целью осуществлялась приватизация земли и передача ее во владение и распоряжение работников сельского хозяйства и представителей социальной сферы села посредством наделения их земельными долями. Как же ведут себя новоявленные землевладельцы, ощущают ли они себя полноправными хозяевами земли?

Наши исследования показали, что в сознании сельского населения еще не сформировалось отношение к земле, передаваемой им в частную собственность, как к капиталу, признаку богатства, достатка. Наличие земли в частной собственности среди призна-

ков зажиточности занимает одно из последних мест. На это указали лишь 5% опрошенных.

О том же свидетельствуют и ответы на вопрос «Что для Вас значит быть собственником земли?», адресованный владельцам земельных паев. Судя по ответам, российские крестьяне еще не почувствовали себя собственниками, полноправными владельцами земли. Ответы типа «Ничего не значит», «Ничего с нее не имеем», «Не чувствуем, не ощущаем себя собственниками», «Мы еще не собственники, не хозяева» дали более 60% респондентов. Отчасти это объясняется тем, что, по мнению каждого четвертого, передача земли носила формальный характер: землю дали, а обрабатывать ее нечем. Эту группу землевладельцев можно назвать «хозяевами поневоле».

Убежденные землевладельцы, хозяева, для которых важна свобода, независимость, самостоятельность хозяйственной деятельности, работа на себя, составляют не более 15%. Именно эта категория сельских жителей может стать социальной базой для развития частного сектора аграрной экономики и формирования среднего класса в деревне. По своему составу она больше чем наполовину состоит из молодежи в возрасте до 30 лет, около 60% этой группы составляют работники сельского хозяйства, каждый четвертый имеет высшее или среднее специальное образование.

К принципиальным противникам частной собственности на землю можно отнести в обшей сложности не более 2% опрошенных (ответы типа «Не хочу быть собственником земли», «Я против частной собственности, фермерства», «Земля мне ни к чему»). Затруднились с ответом 6% респондентов.

Следует отметить, что отношение сельского населения к частной собственности на землю и ее купле-продаже заметно изменилось. Если в 1993 г. введение частной собственности на землю поддерживала одна четверть сельского населения Новосибирской области, то в 1997 г. – около половины. Аналогичная картина наблюдалась и в отношении купли-продажи земли: в 1993 г. ее поддерживали менее 10% опрошенных сельских жителей, а в 1997 г. – около 30%.

Индикатором формирования субъектности сельских работников может служить также их вербальное поведение на рынке земли. Из ответов на вопрос «Если бы Вам пришлось уехать из данного села, как бы Вы распорядились своим земельным паем?» следует, что около 40% владельцев земельных долей передали бы

землю в распоряжение предприятия, на котором они работают и где находится в настоящее время их пай. Каждый пятый респондент передал бы землю в распоряжение своим родственникам. Остальные попытались бы ее продать или сдать в аренду другим предприятиям или частным лицам. На правах аренды передали бы свою землю предприятию или частным лицам 9% опрошенных, а на основе купли-продажи земли – около 40%.

Из этого следует, по крайней мере, два вывода. Во-первых, сельские жители не исключают возможности рыночных операций с землей, а во-вторых, на рынке земли они скорее доверились бы сельскохозяйственным предприятиям, чем частным лицам.

Бросили бы землю не более 5–6% респондентов. Основную часть этой группы составляют лица старше 50 лет, три четверти которых не имеют среднего общего образования, при этом 65% из них не заняты сельскохозяйственным трудом. Затруднились с ответом 16% опрошенных.

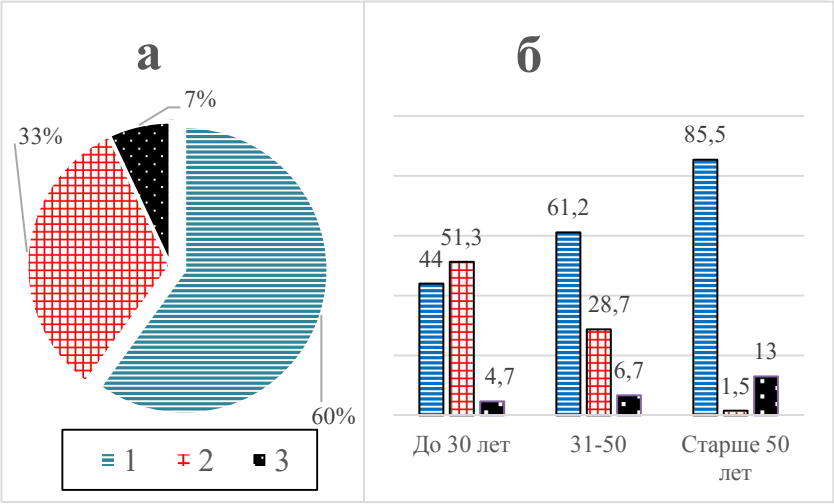

Рис. 3. Предпочтительность форм собственности предприятия по оценкам сельских респондентов:

а – распределение ответов на вопрос «Если бы у Вас была возможность выбора, то что бы Вы предпочли: работать на государственном или частном предприятии?» (% к числу опрошенных); *б* – дифференциация предпочтений по возрастным группам (%); *1* – на государственном предприятии; *2* – на частном предприятии; *3* – затруднились ответить.

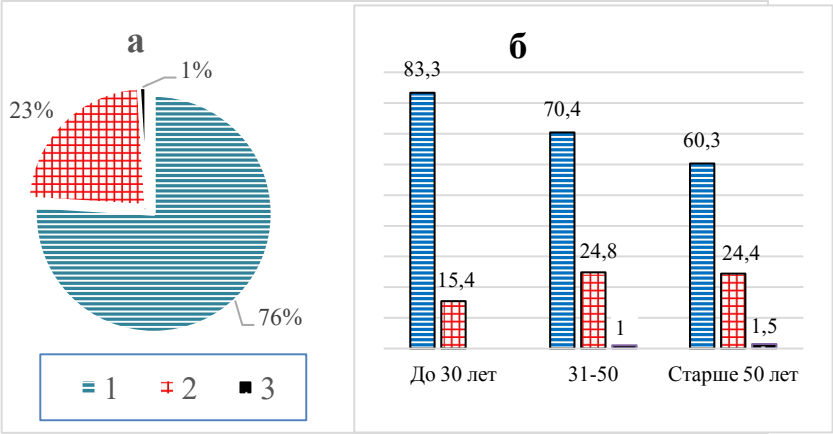

Рис. 4. Готовность сельских респондентов к экономической ответственности

а – распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, что было бы лучше для Вас: быть независимым и нести полную экономическую ответственность за свою деятельность или выполнять указания начальства и ни за что не отвечать?» (% к числу опрошенных); *б* – дифференциация предпочтений по возрастным группам (%); *1* – независимость; *2* – выполнять указания; *3* – затруднились ответить.

Несмотря на превалирование в сознании сельского населения традиционных форм хозяйствования и государственной формы собственности, в настоящее время на селе формируется когорта, готовая к работе в условиях экономической свободы, к экономическому риску, к работе на частном предприятии, к ведению индивидуального крестьянского хозяйства. Немалая доля тех, кто (пусть пока на вербальном уровне) предпочитает свободу и независимость хозяйственной деятельности и готов нести полную экономическую ответственность. При этом большую долю этой когорты составляют люди до 30 лет, имеющие, как правило, более высокое образование по сравнению с работниками старших возрастов (рис. 3 и 4). Уже сейчас более четверти опрошенного населения предпочитают иметь более высокие доходы, хотя и с риском для себя (рис. 5).

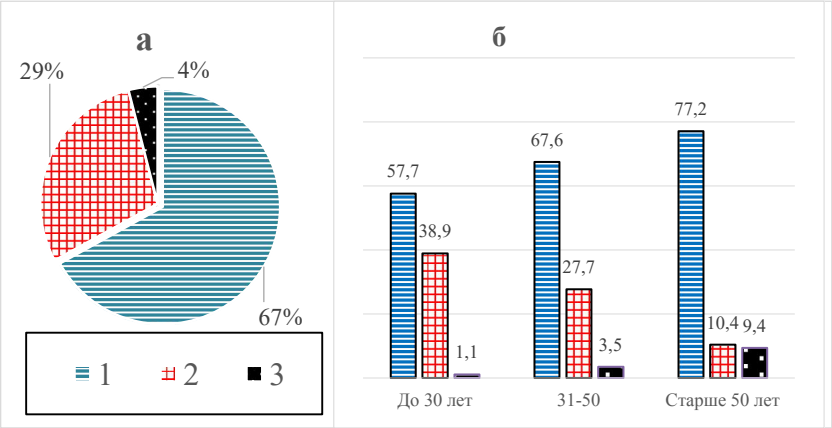

Рис. 5. Предпочтительные ориентации сельских работников на формы заработка

а – распределение ответов на вопрос «Если бы у Вас была возможность выбора, то что бы Вы предпочли: иметь небольшой, но гарантированный заработок или стремиться получать высокие доходы, хотя и с риском для себя?» (% к числу опрошенных); *б* – дифференциация предпочтений по возрастным группам (%); *1* – гарантированный заработок; *2* – высокий доход с риском; *3* – затруднились ответить.

Парадокс аграрных реформ, однако, заключается в том, что они привели, по существу, не к усилению, а к разрушению трудовой мотивации. Наиболее ярко эти тенденции проявились именно в аграрной сфере, где усилился дисбаланс между растущей ориентацией работников на заработок и снижающимися возможностями сельскохозяйственных предприятий для материального стимулирования работников. На сегодняшний день заработная плата работников сельского хозяйства самая низкая в стране: менее 40% общероссийского уровня средней заработной платы, не соответствует прожиточному минимуму, да и ее выплата систематически задерживается. Не случайно на вопрос о том, что волнует больше всего сельских работников, когда они думают о своей работе, самыми распространенными ответами были ссылки на низкие заработки и их систематические невыплаты.

Кроме того, разрушена связь заработной платы с результатами и квалификацией труда работников. По мнению одной трети сельских работников, размер их заработка практически не зависит

от результатов деятельности предприятия, на котором они работают. Полностью отсутствуют моральные стимулы к труду, резко сократились возможности предприятий решать социальные проблемы работников за счет собственных средств.

Заработная плата для сельских работников перестает быть основным источником средств существования. По данным социологического опроса 1997 г., около 40% опрошенных ответили утвердительно на этот вопрос, для других 40% респондентов основным источником денежных и натуральных доходов является личное подсобное хозяйство.

Следствием этого явилось резкое снижение мотивации к профессиональной, качественной и эффективной работе, резкому падению значимости труда в общественном производстве. Последние опросы показали, что более 30% сельских жителей согласились бы вообще не работать, если бы пособие по безработице было достаточным для безбедной жизни. Между тем еще три года назад (в 1993 г.) положительно на этот вопрос ответил лишь каждый десятый сельский респондент. На наш взгляд, наметившаяся тенденция является очень тревожным симптомом.

Однако в сознании населения происходят и положительные сдвиги. Так, на вопрос «На кого или на что Вы рассчитываете в улучшении своей жизни?» более 60% сельских жителей ответило: «Только на себя, на свою активность». Эти факты свидетельствуют об осознании ими своей ответственности за личную судьбу и судьбу своих близких. По данным опроса 1997 г., более 80% сельских жителей считают, что о своем благополучии люди должны заботиться сами. Характерно, что еще четыре года назад положительно на этот вопрос отвечало лишь 35% сельских жителей Новосибирской области.

Экономическое поведение. Проведенный ранее анализ экономического поведения сельского населения на рынке труда, на фондовом рынке и в сфере личного подсобного хозяйства [18] показал, что большинство сельских жителей не использовали свое право на выход из коллективных хозяйств со своими земельными и имущественными паями для организации собственного дела или ведения самостоятельного фермерского хозяйства. Значительная часть ориентирована на традиционную модель занятости и психологически не готова к тому, чтобы в новых социально-экономических условиях занять социальную нишу, адекватную не только их потребностям, но и требованиям форми-

рующейся рыночной экономики: пройти курс переобучения, открыть собственное дело или стать наемными работниками на частных предприятиях. Традиционной сферой самозанятости сельского населения остается личное подсобное хозяйство.

В настоящее время для основной массы сельских жителей характерно, по терминологии Макса Вебера, традиционное и ценностно-рациональное поведение в экономической сфере, в то время как переход к рыночным отношениям требует доминирования целе-рационального экономического поведения, преобладающим мотивом которого является достижение определенных экономических целей (увеличение прибыли, объемов производства, достижение личного материального успеха и т.п.).

Существующий хозяйственный механизм не способствует развитию качеств, адекватных рыночной экономике, и формированию стандартов поведения рыночного типа, развитию трудовой мотивации. По данным наших опросов, среди необходимых качеств респондентами были названы (по мере убывания значимости): трудолюбие; предприимчивость, инициатива, самостоятельность; честность, принципиальность; высокий профессиональный уровень, образованность; ответственность, чувство долга; изворотливость, умение приспосабливаться; умение идти на риск, смелость; терпимость; умение заводить нужные знакомства, связи, коммуникабельность. Среди прочих качеств чаще всего упоминались «бойцовские» – такие как сила воли, решительность, стойкость, выдержка, упорство, настойчивость, твердость характера. Некоторые респонденты считают, чтобы успешно работать в новых условиях, необходимо быть «крутым», наглым, бессердечным и при этом обладать хорошим здоровьем. Затруднились дать определенный ответ 20% опрошенных, что свидетельствует о высокой доле работников, не имеющих четкого представления о тех требованиях, которые предъявляет к ним новая экономическая система. Что касается самооценок сельских работников, то они весьма скромные. Каждый десятый считает, что он не обладает никакими из перечисленных качеств, затруднились с ответом около 28%.

Как видно из ответов, между качествами, которые необходимы, по мнению респондентов, для работы в рыночных условиях, и качествами, которыми они обладают, существуют расхождения. Значительная доля работников вообще не может оценить свое соответствие требованиям складывающейся системе эконо-

мических отношений. По мнению половины опрошенных в 1997 г. сельских работников, за годы реформ ухудшились возможности проявить способности, знания, инициативу, а также работать в полную силу.

Самоидентификация в новом социально-экономическом пространстве. Радикальные преобразования экономических отношений на селе: возрождение института частной собственности на средства производства, в том числе на землю, реорганизация колхозов и совхозов, изменение организационно-правовых форм хозяйствования, развитие частного предпринимательства и фермерства – создали реальную основу для радикального изменения социально-экономической структуры аграрного сектора. Наряду с традиционными социальными группами появились новые социальные слои и группы: предприниматели, фермеры, акционеры, коммерсанты.

В этих условиях чрезвычайно важно выяснить, к какой социальной группе относит себя тот или иной индивид или группа – к старым традиционным или вновь формирующимся, насколько значимы для индивида или группы производственный коллектив как объект идентификации; какие факторы определяют саморазмещение социальных групп в пространстве новых хозяйствующих субъектов. С этой целью в анкете 1997 г. был предусмотрен вопрос о самоидентификации респондентов с формирующимися хозяйствующими субъектами «После всех преобразований на селе кем Вы себя ощущаете, к какой группе себя относите: хозяин, собственник; наемный работник; равноправный член коллектива?». Ответы на него распределились следующим образом (% к числу опрошенных):

Хозяин, собственник	3,7
Наемный работник	35,0
Равноправный член коллектива	29,4
Ни к какой, я сам по себе	16,6
Затруднились с ответом	15,3

Как видим, несмотря на проведенную реорганизацию коллективных хозяйств, наделение крестьян земельными и имущественными паями, лишь незначительное меньшинство почувствовало себя совладельцами средств производства и отнесло себя

к группе хозяев, собственников. Большинство же опрошенных ощущают себя наемными работниками.

Быть хозяином, по представлениям сельских жителей, значит принимать самостоятельные решения, вести самому хозяйство, ни на кого не надеяться (30% ответов), ни от кого не зависеть (26%), обладать свободой действий (13%), работать на себя и жить за счет своего хозяйства (15%). Однако 5% респондентов считают, что хозяин – это человек, которого не любят окружающие. И хотя эти респонденты сами отнесли себя к этой группе, по их мнению, хозяевами они стали в силу обстоятельств и такой судьбы они не пожелали бы другим.

Наиболее негативный образ в глазах сельских жителей формируется относительно наемного работника. В представлениях сельских жителей быть наемным работником – значит быть рабом, наемником, полностью зависеть от начальства, не иметь возможности делать то, что хочется. Быть наемным работником – значит быть бесправным (ответы типа «Наняли – работаем, захотели – выгнали», «Мы ничего не решаем», «Мы не устанавливаем, когда работать, а когда нет, могут и ночью поднять», «Куда податься не знаешь», «Отработал – как принуду отбыл, и каждый орет», «Работаешь и денег не видишь», «Чуть против сказал – ищи другую работу»). Многие респонденты наемный труд характеризуют как подневольный: «Пашешь как батрак», «Батрачим на чужого дядю, пахана, хозяина, испытывая при этом унижение и тягость».

Формирование резко негативного образа наемного работника представляется очень серьезной проблемой. Безусловно отражая реальную картину в сфере сельскохозяйственного труда (частые и серьезные нарушения трудового законодательства на предприятиях всех форм собственности, незащищенность простых сельских тружеников от произвола в трудовой сфере), оно сопряжено с ухудшением самочувствия и неудовлетворенностью своим положением значительной доли сельских работников, которые привыкли работать в коллективных хозяйствах, где ощущали себя равноправными членами коллектива.

В представлениях сельских работников быть равноправным членом коллектива – значит иметь возможность участвовать в делах коллектива и сообща принимать решения (22% ответов), в равноправном и открытом распределении доходов, льгот (17%). Для многих это означает работать как все (17%), общать-

ся с людьми, со своим коллективом (12%), а также открыто высказывать свою точку зрения, быть уверенным, что этот совет будет услышан.

Около одной трети сельских работников составляют маргинальные, «социально дезориентированные», «не нашедшие себя» группы. Они не отнесли себя ни к какой из указанных групп или затруднились с ответом. Анализ социально-демографического состава этой группы показал, что среди них примерно в равной мере представлены лица разных возрастов, имеющих неодинаковый уровень образования, занятые в разных сферах экономики. Это свидетельствует о том, что самоопределение, саморазмещение сельских работников в новом социально-экономическом пространстве в большей степени зависит от внешних социетальных факторов, нежели от факторов субъективного порядка. Следовательно, социальное самочувствие и социальная активность данной группы могут быть улучшены только в результате изменения социально-экономической ситуации в стране, а также в случае коренного изменения системы экономических отношений в аграрном секторе. В посттоталитарном обществе, по мнению В.А. Ядова, «состояние маргинальности становится как бы нормой, привычным самоощущением, следствие чего – распад социальных связей и хаотическая смена неустойчивых социальных самоидентификаций, социальная апатия, снижение мотивации целеустремленной групповой деятельности, доминанта самосохранительного поведения» [19].

Проводимое исследование ставило целью проверить гипотезу о сохранении значимости для сельских работников корпоративной солидарности после реорганизации коллективных хозяйств и развития частного сектора аграрной экономики. Анализ полученных материалов свидетельствует о высокой степени идентификации сельских работников с трудовым коллективом, в котором они работают. Так, на вопрос «Заденут ли Ваше самолюбие слова о том, что Ваш коллектив (бригада, звено) работает плохо, но лично к Вам никаких претензий нет?» положительно ответило три четверти опрошенных. Доля тех, кто ответил «Нет, с какой стати», была значительно меньше – 13%. Не смог дать определенного ответа каждый десятый респондент.

При этом среди молодежи вербализованная связь с коллективом слабее, чем среди лиц среднего и старшего поколения. Так, в группе лиц старше 30 лет на упомянутый вопрос положи-

тельно ответили более 80%, а среди лиц в возрасте до 30 лет – чуть больше 60% респондентов. Доля лиц, давших отрицательный ответ на этот вопрос, среди молодежи вдвое выше, чем среди лиц среднего и старшего возраста, – 22 против 10%. Очевидно, индивидуальные ценности, приходящие на смену корпоративным, коллективистским, с большей готовностью воспринимаются молодежью и более скептически – старшим поколением, воспитанным на социалистических идеалах и не имеющим в прошлом реальной альтернативы коллективному труду на государственных предприятиях или в колхозах.

Существенных различий в отношении к делам коллектива между мужчинами и женщинами не выявилось. О влиянии форм собственности на формирование ориентации сельских работников, на наш взгляд, судить еще рано, так как новые формы хозяйствования находятся на стадии своего становления и вряд ли могли оказать устойчивое влияние на сознание сельского населения, хотя некоторые различия в отношениях к делам коллектива на предприятиях с разной формой собственности уже наблюдаются.

О высокой степени идентификации сельских работников с производственными коллективами свидетельствуют также ответы на вопрос о том, какие характеристики работы наиболее значимы для них. Наличие хорошего коллектива на работе входит в число наиболее значимых характеристик для сельских работников и занимает четвертое место (после хорошей оплаты, содержательности и общественной полезности труда).

Косвенным показателем интеграции сельских работников с производственным коллективом могут служить, на наш взгляд, и ответы на вопрос «Какие проблемы волнуют респондента, когда он думает о работе?». Помимо оплаты труда (низкие заработки, систематическая ее задержка) и безработицы работников волнуют разрушение коллективных хозяйств, их материально-технической базы, отсутствие молодежи, халатное отношение к труду. Тревожным фактом является то, что каждого десятого никакие проблемы на работе не волнуют, а еще каждый десятый респондент вообще не думает о работе. Нам представляется, что основная идея проводимых реформ по их замыслу (по крайней мере, на уровне деклараций) была направлена на активизацию потенциала граждан России, на повышение их экономической и социальной активности. Но реальные процессы, происходящие в стране в це-

лом и в российской деревне, свидетельствуют скорее об обратном. Непоследовательная и непродуманная аграрная политика не содействует преодолению отчуждения работников от труда, так как реального изменения экономических отношений в аграрном секторе в связи со сменой форм собственности и форм хозяйствования не наблюдается.

Выводы

Вектор проводимых аграрных реформ не соответствует сложившейся экономической культуре общества, состоянию общественного сознания, что выражается в противоречии между коллективистским духом значительной части аграрного населения и индивидуальными ценностями, декларируемыми новой экономической политикой. Это противоречие выражается также в том, что взятый курс на сплошную фермеризацию страны идет вразрез с доминирующими ориентациями сельского населения на коллективный труд на крупных сельскохозяйственных предприятиях.

Формальное изменение статуса хозяйствующих субъектов АПК не привело к радикальному изменению экономического мышления и формированию рыночных моделей экономического поведения сельского населения. Формирующееся институциональное пространство деформирует систему ценностей индивида, снижая или сводя к нулю инструментальную ценность труда в общественном секторе аграрного производства, содействует скорее распространению социального иждивенчества, нежели развитию рыночных стандартов поведения и сознания, тем самым лишая социальной базы преобразования общества.

Институциональная дезорганизация и связанная с ней деформация ролевого поведения основных групп сельского населения, невозможность выполнения ими своих функциональных обязанностей снижают эффективность проводимых преобразований, порождают неуверенность и разочарование сельского населения.

Существующие дефекты действующего хозяйственного механизма, тормозя процесс формирования новых субъектов хозяйствования, сдерживают процесс модернизации аграрного сектора.

СЕЛЬСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ[1]

Основываясь на результатах исследований таких известных ученых, как Р. Кантильон, Дж. Шумпетер, Д. Макклеланд, П. Друкер, А. Шапиро, Р. Хизрич и М. Питере и др., предпринимательство можно рассматривать как инициативную хозяйственную деятельность, направленную на получение прибыли (дохода), осуществляемую в условиях неопределенности и риска при полной экономической и социальной ответственности ее субъектов.

В период трансформации экономических отношений в России предприниматели и предпринимательство, в том числе сельское, стали объектом пристального внимания многих исследователей, в частности Ш.Д. Сайитбаева [1993], А.И. Шабыкова [1995], Ш.С. Смагулова [1996], Д.И. Валигурского [1997], А.В. Улезько, А.К. Камаляна, В.Н. Плаксина [1998]. Отметим основные результаты проведенных в этой области исследований:

- рассмотрены *сущность и особенности функционирования предпринимательских структур в аграрной сфере.* При этом выявлена их связь со спецификой сельскохозяйственного производства не только как социально-экономической, но и как биотехнической системы;
- с помощью экономико-математического моделирования выполнены *расчеты оптимальных параметров предпринимательских форм деятельности,* рассмотрены вопросы оптимизации структуры производства сельскохозяйственных предприятий с позиции достижения максимальной эффективности и экологической устойчивости;

[1] Эта статья была опубликована в кн.: Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы., отв. ред Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 2003, с. 193–222.

- изучено *влияние различных форм собственности* на развитие сельского предпринимательства, проанализированы их преимущества и недостатки;
- отражены *региональные особенности* развития сельского предпринимательства в странах СНГ;
- выделены *этапы становления предпринимательства* на постсоветском пространстве, связанные с развитием научно-технического творчества молодежи, принятием законов о кооперации, о предприятиях и предпринимательской деятельности.

Как видим, исследователи, изучающие сельское предпринимательство, делают акцент на экономических вопросах. Настоящая глава посвящена главным образом социологическим аспектам данной проблемы: институциональным основам и социальной базе развития сельского предпринимательства, мотивации выбора формальных и неформальных видов предпринимательской деятельности, анализу проблем ее становления. Наряду с этим в главе рассматривается ряд теоретико-методических вопросов исследования, а также тенденции развития сельского предпринимательства в условиях реформирования аграрных отношений.

Основные характеристики и критерии классификации предпринимательской деятельности сельского населения

Разнообразие видов предпринимательской деятельности, способов ее осуществления, организационно-правовых форм, принципов регулирования, а также форм получения доходов обусловливает необходимость соответствующей классификации. Систематизация может быть осуществлена на основе ряда критериев, отражающих наиболее существенные характеристики данного вида хозяйственной деятельности сельского населения.

Для группирования различных видов предпринимательской деятельности нами были отобраны 12 критериев (табл. 1). Остановимся подробнее на каждом из них.

Таблица 1

Классификация видов предпринимательской деятельности

Основание для группирования	Виды предпринимательской деятельности
1. Формальность	Регистрируемые (формальные) Нерегистрируемые (неформальные)
2. Легальность	Легальные Нелегальные
3. Масштабы	Крупный бизнес Средний бизнес Мелкий бизнес
4. Организационно-правовая форма	Акционерные общества Кооперативы Товарищества Фермерские хозяйства Частные предприятия Индивидуально-трудовая деятельность
5. Тип деятельности	Сельскохозяйственный Несельскохозяйственный
6. Конкретные виды деятельности	Швейное производство Ремонт бытовой техники Медицинские услуги и др.
7. Способ взаиморасчетов	Денежная форма Бартер Смешанные формы взаиморасчетов Обмен трудом Обмен услугами
8. Формы получения доходов	Денежная Натуральная
9. Способ осуществления деятельности	Индивидуально-трудовая деятельность Семейный бизнес Использование наемного труда Собственными силами организации Кооперация с партнерами
10. Способ получения финансовых ресурсов для организации и функционирования дела.	Заемные средства банков и других кредитных организаций Заемные средства частных лиц Собственные средства Помощь родственников Поддержка благотворительных организаций и фондов
11. Регулярность	Постоянная Сезонная Временная Нерегулярная, от случая к случаю
12. Эффективность, рентабельность	Рентабельный бизнес Нерентабельный бизнес

Формальность. По данному критерию выделяются формальные (регистрируемые) и неформальные (нерегистрируемые) виды предпринимательской деятельности. В соответствии со ст. 2 Гражданского кодекса РФ, «предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, *зарегистрированными* (выделено нами. – *З.К.)* в этом качестве в установленном порядке». Однако на практике не все виды предпринимательской деятельности регистрируются, что обусловлено как действующим законодательством, так и поведением экономических субъектов. В настоящее время в сельском хозяйстве, как это будет показано ниже, неформальный сектор экономики доминирует над формальным.

Легальность. На основе этого критерия предпринимательскую деятельность можно подразделить на два вида: легальную и нелегальную. К легальным относятся все виды формальной (регистрируемой) предпринимательской деятельности. Неформальные же (нерегистрируемые) виды предпринимательской деятельности могут осуществляться как легальным, так и нелегальным образом.

Наиболее распространенным видом легальной неформальной предпринимательской деятельности является ведение личного подсобного хозяйства, направленное на получение натуральных и денежных доходов. В эту группу входят также все виды незарегистрированной частной инициативы сельского населения, приносящие доход в натуральной или денежной форме (торговля, предоставление услуг, изготовление предметов домашнего обихода на продажу и др.).

Примером нелегальных видов неформальной предпринимательской деятельности могут служить нелегальное производство алкоголя, наркотических средств, незарегистрированный игорный бизнес, рэкет, вымогательство и т.п.

Масштаб предпринимательской деятельности, что предполагает ее деление на крупный, средний и мелкий бизнес. Как показывает опыт, масштабы деятельности во многом определяют ее эффективность.

Эффективность – критерий, позволяющий выделить эффективный (рентабельный) и неэффективный (нерентабельный) бизнес.

Организационно-правовая форма. Законом предусмотрено, что основными субъектами предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве являются сельскохозяйственные коммерческие организации и крестьянские (фермерские) хозяйства. К коммерческим организациям относятся коллективные хозяйства, реорганизованные в сельскохозяйственные товарищества, акционерные общества и производственные кооперативы. То есть организационно-правовые формы сельского предпринимательства достаточно разнообразны. Они регулируются законом РФ от 25 декабря 1990 г. «О предприятиях и предпринимательской деятельности». Разнообразие организационно-правовых форм предпринимательства предопределяет соответствующие различия в правах и обязанностях участников предпринимательской деятельности.

Способ осуществления деятельности. Этот критерий отражает степень специализации и кооперации между хозяйствующими субъектами. Предпринимательство может осуществляться в форме индивидуально-трудовой деятельности, силами семьи, коллективами коммерческих организаций – самостоятельно или в кооперации с другими хозяйствующими субъектами, с применением наемного труда или без него.

Содержание (предмет) предпринимательской деятельности. В соответствии с этим критерием можно выделить сельскохозяйственный и несельскохозяйственный бизнес сельского населения.

Конкретные виды деятельности. Их набор весьма разнообразен. Например, к несельскохозяйственным видам деятельности относятся предоставление социально-бытовых, торговых и медицинских услуг. Анализ всего спектра предпринимательской деятельности сельского населения может выявить как наиболее привлекательные сферы занятости, так и узкие места в обслуживании сельского населения.

Способ взаиморасчетов. Он отражает степень развитости рыночных отношений и особенности функционирования рынка продовольствия и услуг в переходный период. По этому основанию выделяются денежные и бартерные формы взаиморасчетов участников рынка, а также обмен трудом и услугами на эквивалентной, неэквивалентной или безвозмездной основе. Следует

отметить, что на селе традиционно развиты неденежные формы взаиморасчетов[1].

Формы получения доходов. Способ взаиморасчетов отчасти определяет и форму получения предпринимательского дохода: денежную или натуральную. Следует отметить, что для формальных видов предпринимательской деятельности характерны в основном денежные формы взаиморасчетов и соответственно получения доходов. Для неформального предпринимательства более характерны натуральные формы получения доходов в виде произведенной сельскохозяйственной или несельскохозяйственной продукции, используемой субъектами деятельности как для собственного потребления, так и для обмена с другими экономическими субъектами.

Способ получения финансовых ресурсов для организации и функционирования дела. Данный критерий отражает как стартовые условия организации бизнеса, так и современные условия его функционирования.

Регулярность деятельности. Поскольку для многих сельских жителей занятие предпринимательской деятельностью, особенно неформальными ее видами, не является основным, при анализе важно выделять постоянные (регулярные), периодические (временные или сезонные) и нерегулярные занятия.

Многокритериальный подход в принципе обеспечивает всесторонний анализ сельского предпринимательства. Однако в каждом конкретном случае в силу специфики исследовательских задач может использоваться лишь часть указанных критериев.

Институциональные основы развития сельского предпринимательства

Радикальная экономическая реформа 90-х годов предусматривала конструктивные преобразования в аграрном секторе страны. Она включала проведение земельной реформы, реорганизацию колхозов и совхозов, развитие частного сектора аграрной экономики в целях повышения социальной активности и хозяйственной инициативы сельского населения. Если оцени-

[1] *Фадеева О.П.* Сибирское село: Альтернативные модели адаптации // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: Ученые записки. 1999 / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1999, С. 227–240.

вать аграрную реформу с позиций развития сельского предпринимательства, то можно с уверенностью сказать, что правовая база для его развития была в основном создана.

Во-первых, аграрные преобразования, по крайней мере на декларативном уровне, предусматривали расширение социальных свобод. Речь идет, прежде всего, о предоставленном трудовым коллективам праве выбора форм хозяйствования, адекватных их интересам, потребностям и возможностям, которое было подкреплено правом выхода работников из состава коллективных хозяйств, в том числе и для организации собственного дела, без согласия администрации и коллектива.

Во-вторых, каждый сельскохозяйственный работник был наделен имущественным и земельным паем. Право на земельную долю получили и другие категории сельского населения (работники социальной сферы села, пенсионеры, учащаяся молодежь и др.). Это обеспечивало сельскому населению определенный стартовый капитал для организации собственного дела.

В-третьих, произошло формирование многоукладной аграрной экономики, институционализация новых форм хозяйствования, которые должны были способствовать зарождению свободной конкуренции товаропроизводителей на аграрном рынке. Разнообразие форм хозяйствования позволяло использовать преимущества как крупного сельскохозяйственного производства, так и мелкого, базирующегося на инициативе граждан.

В-четвертых, радикальное изменение отношений собственное должно было обеспечить перераспределение земли и прочих производственных ресурсов в пользу эффективного собственника и создать предпосылки для становления частного сектора аграрной экономики, развития агросервисных и социально-бытовых услуг.

В-пятых, были сняты административные ограничения для развития личного подсобного хозяйства на селе.

Другими словами, в процессе реформ были созданы институциональные основы и правовая база для развития всех видов предпринимательской деятельности на селе.

Реорганизованные коллективные хозяйства как субъект предпринимательства. Доминирующим сегментом формального сельского предпринимательства являются мимикрирующие колхозы и совхозы, называемые теперь акционерными обществами, товариществами и кооперативами. На базе реорганизованных хозяйств было создано 0,3 тыс. акционерных обществ открытого типа, 11,5 тыс. товариществ (всех видов), 1,9 тыс. сельскохозяйственных кооперативов, 0,4 тыс. подсобных хозяйств предприятий и организаций, 0,9 тыс. ассоциаций крестьянских хозяйств, 81,6 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств, 2,3 тыс. прочих формирований. Сохранили свой прежний статус 3,6 тыс. совхозов и 6 тыс. колхозов. По формам собственности сельскохозяйственные предприятия распределились следующим образом (%)[1]:

Государственная	26,6
Муниципальная	1,5
Частная	66,8
Смешанная	5,1

В результате реорганизации, предусматривавшей на декларативном уровне значительное расширение прав трудовых коллективов, был сделан первый шаг на пути превращения сельскохозяйственных предприятий в самостоятельные субъекты предпринимательской деятельности. Однако ощутимых положительных результатов это не принесло. Как абсолютные объемы производства, так и доля коллективных сельскохозяйственных предприятий в производстве продукции после их реорганизации год от года сокращаются. Если в 1990 г. сельскохозяйственные предприятия производили 73,7% общего объема продукции, то в 1999 г. – только 40,3%[2]. Большинство сельскохозяйственных предприятий России находится в тяжелом экономическом положении. Если 1991 г. они закончили с уровнем рентабельности в 43%, то 1995 – с рентабельностью 2,3%, а 1998-й — минус 28%[3]. Начиная с 1999 г. ситуация изменилась к лучшему.

---

[1] Сельское хозяйство России / Госкомстат России. М., 1995, с. 48–49.

[2] Российский статистический ежегодник / Госкомстат России. М., 2000, с. 362.

[3] Российский статистический ежегодник / Госкомстат России. М., 2001, с. 402.

Наши исследования показали, что хотя организационно-правовой статус колхозов и совхозов был изменен, суть экономических отношений осталась прежней. Положение работника в системе производственных отношений практически не изменилось. Большинство работников так и не ощутили разницы между своим положением на предприятии как наемных работников и как формальных совладельцев средств производства. Вследствие этого не изменилась существенно и мотивация их труда и модели трудового поведения. Установленные разграничения прав и ответственности между собственниками (акционерами) и управляющими (директорами) соблюдаются не всегда. Во многих случаях директора фактически отстраняют акционеров, в том числе крупных, от принятия важнейших решений, относящихся к непосредственной компетенции собственника. Не заработал пока и экономический механизм реализации права собственности крестьян на земельные доли и имущественные паи. Большинство предприятий из-за крайне тяжелого экономического положения не в состоянии выплачивать дивиденды своим работникам. Подобная ситуация наблюдается повсеместно. Работников преобразованных коллективных хозяйств лишь с определенной долей условности можно отнести к субъектам предпринимательской деятельности. Реальными ее субъектами являются руководители коллективных хозяйств, которые принимают ответственные хозяйственные решения, определяют пути развития предприятий, их стратегию на ближайшую и долгосрочную перспективу.

Специальное исследование позволило выявить четыре типа (модели) хозяйственных стратегий и соответствующих им форм адаптации сельскохозяйственных предприятий:

модель 1: активная рыночная стратегия – конструктивная инновационная адаптация предприятия, ориентация большинства семей на повышение или стабилизацию имеющегося уровня жизни (соответственно 26 и 49% семей);

модель 2: традиционная хозяйственная стратегия – компенсационная адаптация предприятия, доминирующая стратегия домохозяйств направлена на сохранение имеющегося уровня жизни без расчета на его улучшение;

модель 3: неадекватная (мимикрическая) хозяйственная стратегия – депривационная адаптация предприятия, ориентация на выживание или сохранение имеющегося уровня жизни (40 и 42% семей соответственно);

модель 4: пассивно-выжидательная хозяйственная стратегия – разрушительная деструктивная адаптация (дезадаптация) предприятия, ставящая работников и членов их семей на грань физического выживания.

Исследование показало, что не столько стартовый уровень и внешние условия, сколько личность руководителя определяла выбор и результативность стратегии. Во главе успешно функционирующих предприятий стоят, как правило, так называемые «красные директора». Они хотя и не принимают проводимый курс реформ на когнитивном уровне, но на практике демонстрируют истинно рыночные модели экономического поведения. В противоположность им, молодые руководители, принимая и одобряя курс реформ, но, не имея практического опыта, не всегда демонстрируют способность эффективно работать в рыночных условиях.

Роль лидеров осознается сельскими работниками. По данным нашего опроса, более 40% работников считают, что ухудшение экономического положения предприятий – результат неумелого руководства и неправильных действий начальства. Примерно столько же респондентов причины своих бед видят в ошибочном курсе реформ, непродуманной государственной политике в отношении аграрного сектора, несовершенстве налоговой системы. Перспективы своих предприятий работники связывают с изменением аграрной, налоговой и финансово-кредитной политики государства, со сменой руководства своих предприятий. Каждый пятый работник считает необходимым улучшить стимулирование труда селян и укрепить трудовую дисциплину. Характерно, что только 2% опрошенных свои надежды возлагают на возврат к старой системе и менее 1% считают, что уже ничто не поможет их предприятиям.

После реорганизации экономическое положение практически всех сельскохозяйственных предприятий ухудшилось, но в лучшем положении оказались те из них, которые специализировались на производстве рентабельной продукции, например, зерновое производство.

Превалирующими способами выживания предприятий в сложных социально-экономических условиях являются дивер-

сификация производства, активная инновационная политика, развитие мелких перерабатывающих производств[1].

Положительные изменения, которые произошли в 1999 г. и последующие три года, свидетельствуют об успешной адаптации сельскохозяйственных предприятий к новым экономическим условиям (табл. 2).

Таблица 2

Индексы объема продукции сельского хозяйства России по категориям хозяйств (в сопоставимых ценах), % к предыдущему году*

Год	Хозяйства всех категорий	В том числе		
		сельскохозяйственные предприятия	хозяйства населения	крестьянские (фермерские) хозяйства
1991	95,5	91,0	108,7	–
1992	90,6	82,7	108,1	5,7 раза
1993	95,6	90,9	102,7	166,7
1994	88,0	83,9	95,3	86,2
1995	92,0	84,6	103,4	97,4
1996	94,9	89,9	100,4	95,2
1997	101,5	102,4	99,4	126,3
1998	87,7	81,2	94,9	80,2
1999	104,1	105,4	102,8	116,6
2000	107,7	106,5	107,9	121,8

Источник: Российский статистический ежегодник / Госкомстат России. М., 2000, с. 362; М., 2001, с. 396.

Частное сельскохозяйственное предпринимательство. После вступления в силу закона РФ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и постановления Правительства РФ «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» у российских крестьян поя-

[1] *Калугина З.И.* Парадоксы аграрной реформы в России: Социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2000, с. 71–88.

вилась реальная возможность стать самостоятельными хозяйствующими субъектами.

За последнее десятилетие число фермерских хозяйств выросло до 261,7 тыс. Но начиная с 1994 г. темпы прироста фермерских хозяйств стали сокращаться. Нарастает процесс разорения крестьянских хозяйств, крестьяне все чаще отказываются от земли и самостоятельного ведения хозяйства. Число хозяйств, прекративших свою деятельность, составило в 1992 г. 5,1 тыс., в 1993 г. – 19,1 тыс. и в 1994 г. – 45,9 тыс.[1] Начиная с 1997 г. число разорившихся крестьянских хозяйств стало превышать число вновь создаваемых, что привело к абсолютному сокращению общего числа крестьянских хозяйств в стране. При этом темпы их абсолютного сокращения возрастали до 2001 г. Если в 1997 г. количество фермерских хозяйств по сравнению с предыдущим годом сократилось на 1,5 тыс., то в 1998 г. – на 4,3 тыс., в 1999 г. – на 4,1 тыс., а в 2000 г. – на 9,1 тыс. В 2001 г. число крестьянских хозяйств вновь увеличилось на 600 ед., а площадь земельных участков, предоставленных всем крестьянским хозяйствам, – соответственно на 908 тыс. га[2].

Исследования, проведенные во многих регионах страны, в том числе и в Новосибирской области, свидетельствуют о том, что главными причинами неустойчивости крестьянских хозяйств в России являются:

- чрезвычайно высокие налоги;
- высокие цены на сельскохозяйственную технику, горючее и прочие ресурсы;
- незащищенность прав собственника;
- слабая поддержка со стороны государства;
- предоставление фермерам земельных наделов низкого качества, удаленных от мест основной застройки;
- отсутствие коммуникаций и дорог.

Но, разумеется, часть неудач обусловлена субъективными причинами, связанными с недостатком у российских крестьян опыта самостоятельного ведения хозяйства, нехваткой знаний, неготовностью к работе в условиях экономического и социального риска.

---

[1] Сельское хозяйство России / Госкомстат России. М., 1995, с. 53.

[2] Россия в цифрах / Госкомстат России. М., 2001, с. 203.

По состоянию на 1 января 2001 г. в России насчитывалось 261,7 тыс. фермерских хозяйств с площадью земли 15,3 млн га, в среднем по 58 га на хозяйство. Сельхозугодья в фермерских хозяйствах занимали 13,5 млн га, в том числе пашня – 9,8 млн га. На долю фермеров приходилось 6,7% сельхозугодий страны и 8,1% пашни[1]. При этом более половины фермеров имели по 20 га и менее, пятая часть – по 21–50 га, 12% – 51–100 га, столько же крестьянских хозяйств имели в своем распоряжении свыше 100 га земли[2].

Между тем размер хозяйств существенно влияет на характер и эффективность их деятельности. Это наглядно показали исследования, проведенные органами государственной статистики в Новосибирской области в июле 1999 г.[3] На одно мелкое и среднее хозяйство в области приходилось 80,1 га земли. В них содержалось по 1,1 голове крупного рогатого скота, коров – 0,5, свиней – 1,6, овец и коз – 0,7, птицы – по 4,2 гол. А на одно крупное хозяйство приходилось в среднем 1017 га земли, 16 голов крупного рогатого скота, в том числе по 6 коров, 30 свиней, 3 овцы и козы, 21 голова птицы. Анализ показал, что с увеличением земле-пользования отмечается рост производства продукции, его товарности и эффективности. Около 90% обследованных крестьянских хозяйств Новосибирской области были организованы в 1995 г. и ранее и лишь 12% – в 1996–1999 гг. Руководителями крестьянских хозяйств были в основном мужчины (93%), чаще всего – от 30 до 50 лет (73%), 44% имели среднее образование. Из общей площади земли, предоставленной фермерам, 44% находилось в их собственности, 12% – во владении и пользовании, а 44% – арендовалось[4].

Из-за ухудшения финансового состояния крестьянские хозяйства ежегодно не использовали значительные площади сельскохозяйственных угодий. Так, полностью использовали сельскохозяйственные угодья по назначению только 22% опрошенных фермеров, а 36% – менее чем наполовину. В 1999 г. в

---

[1] Россия в цифрах / Госкомстат России. М., 2001, с. 198, 203.

[2] Российский статистический ежегодник // Госкомстат России. М., 2001, с. 404.

[3] Обследована экономическая деятельность 687 крестьянских (фермерских) хозяйств, в том числе 34 крупных, или 92 % от их общего числа, и 653 мелких и средних.

[4] Основные показатели развития крестьянских хозяйств Новосибирской области в 1999 году, Новосибирский областной комитет государственной статистики, 2000.

Новосибирской области перестали функционировать 57 фермерских хозяйств, имевших 2249 га земли. Основной причиной было отсутствие денежных средств на закупку семян, удобрений, техники, оплату услуг и обработку полей.

В целом по стране доля фермерских хозяйств в производстве продукции отрасли стабильно низкая – примерно 2–3%. Однако за период 1995–1999 гг. наблюдалось незначительное увеличение доли крестьянских хозяйств в производстве зерна, сахарной свеклы, мяса, молока и другой продукции. Следует отметить также положительную тенденцию к укрупнению крестьянских (фермерских) хозяйств. Тем не менее, фермерство отнюдь не стало доминирующей формой хозяйствования на селе.

Еще в 1991 г., анализируя необходимые и реальные условия развития фермерских хозяйств в стране, автор этой статьи отмечала преждевременность сплошной деколлективизации. Исходя из состояния общественного сознания, уровня развития промышленного потенциала, разработанности нормативной базы, особенностей социально-политической ситуации в стране, длительности процесса становления рыночных отношений сделан вывод, что фермерские хозяйства в обозримой перспективе не смогут стать господствующей формой сельскохозяйственного производства в российской деревне. С уверенностью можно было говорить лишь о наличии предпосылок становления многоукладной аграрной экономики, одним из секторов которой мог стать фермерский сектор[1]. Эти прогнозы оправдались.

Следует отметить, что Россия в этом отношении не является исключением среди бывших социалистических стран, вступивших на путь рыночных преобразований. Так, сельское хозяйство Восточной Германии (бывшей ГДР) должно было в короткий срок переориентироваться на принципиально новые социально-политические и экономические условия. При этом наблюдались большие системные различия между сельским хозяйством ФРГ и ГДР. В ГДР основным типом сельскохозяйственного предприятия был крупный кооператив, а в ФРГ – семейное фермерское хозяйство. В соответствии с законом об адаптации сельского хозяйства новых федеративных земель сельскохозяйственные кооперативы должны были преобразоваться в новые правовые формы. Каждый

[1] *Калугина З.И.* Социальные границы развития крестьянских (фермерских) хозяйств // Изв. СО АН СССР. Сер. Регион: Экономика и социология. 1991. Вып. 3.

член кооператива имел право свободно распоряжаться своей собственностью (земельной долей и имущественным паем), избрать форму дальнейшего хозяйствования. В отличие от ожиданий многих политиков и аграрных экономистов, предрекавших преимущественное развитие фермерских хозяйств, во многих случаях бывшие члены кооперативов избрали правовую форму зарегистрированного товарищества и другие формы совместной работы, к которой они привыкли.

У экономистов, теоретиков и политиков имелись большие сомнения в жизнеспособности зарегистрированных аграрных товариществ (кооперативов), так как принципы коллективной демократии, особенно форма участия членов товарищества в управлении предприятием, а также нацеленность товариществ на содействие своим членам, по их мнению, не позволяют принимать последовательно предпринимательские решения. Но жизнь доказала обратное. Сельскохозяйственные производственные кооперативы совершили шаг в рыночные условия так же успешно, как и предприятия других правовых форм. Сегодня аналитики констатируют, что зарегистрированные аграрные товарищества (кооперативы) по экономическим успехам, по соотношению сильных, средних и слабых хозяйств не отличаются от предприятий, действующих на другой организационно-правовой основе[1].

Малое предпринимательство в сельском хозяйстве. Динамика малого предпринимательства[2] в сельском хозяйстве характеризуется следующими данными. В 1997 г. малых предприятий в сельском хозяйстве России насчитывалось 10,9 тыс., в 1998 г. – 11,9, в 1999 г. – 13,8, на 1 января 2000 г. их число уменьшилось до 13,5 тыс., а доля в общем числе малых предприятий России соответственно возросла за этот период незначительно – с 1,3 до 1,5%. О малом предпринимательстве в сельском хозяйстве России в 1999 г. можно судить по следующим данным[3]:

---

[1] *Шпаар Д., Беме К., Дрегер Д.* Десять лет реструктуризации сельского хозяйства в Восточной Германии – результаты и перспективы // Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы. М.: Энциклопедия российских деревень, 2000.

[2] В соответствии с законом РФ 1995 г. «О государственной поддержке малого предпринимательства в России», к малым относятся предприятия всех организационно-правовых форм собственности со среднегодовой численностью работников от 15 до 100 чел.

[3] Россия в цифрах / Госкомстат России. М., 2000, с. 158–160. В скобках показана доля (%) в совокупности малых предприятий России.

Среднесписочная численность работников, тыс. чел.	167,1 (2,3)
Средняя численность внешних совместителей, тыс. чел.	6,3 (1,0)
Средняя численность работающих по договорам гражданско-правового характера, тыс. чел.	6,1 (1,5)
Объем произведенной продукции (работ, услуг), всего, млрд руб.	4,7 (1,1)
В том числе по основному виду деятельности, млрд руб.	4,0 (1,1)

Как видим, малое предпринимательство как сфера занятости экономически активного сельского населения и как сфера производства в России играет пока второстепенную роль. Между тем зарубежный опыт свидетельствует о том, что роль малого бизнеса в решении проблемы занятости населения может быть существенной. В промышленно развитых странах на малый бизнес приходится 50–60% всех занятых и до 70–80% новых рабочих мест. Немалое значение он имеет и в развитии научно-технического прогресса. Так, в США малый бизнес обеспечивает около 50% научно-технических разработок. Малое предпринимательство вносит существенный вклад и в формирование конкурентной среды[1]. В США, например, более 37% валового национального продукта производится мелким бизнесом. Мелкое и среднее предпринимательство ощутимо влияет на экономическую динамику ФРГ. Только в 1% фирм в ее западных землях численность составляет более 300 работников, 23% – это средние фирмы с численностью работников 10–300 чел., а 76% – мелкие предприятия, насчитывающие менее 10 работников[2].

В США ежегодно создается более 2 млн малых предприятий, несмотря на то, что 70% из них обречены на банкротство. При этом новые предприятия создаются в любых условиях, невзирая на экономические спады, инфляцию, высокую плату за кредит, отсутствие необходимой инфраструктуры, неопределенность будущего и высокую степень риска. Более того, исследование, проведенное в одном из крупных городов США, показало, что в пе-

[1] *Смагулов Ш.С.* Экономическая реформа и предпринимательство в АПК. М.: Экономика, 1996, с.109.

[2] *Валигурский Д.И.* Предпринимательство на селе. М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг». 1997, с. 184–185.

риод массовых увольнений количество вновь зарегистрированных фирм возрастало на 12%[1].

Опыт Новосибирской области свидетельствует о том, что обучение и консультирование незанятого населения по вопросам малого бизнеса, которые проводятся службами занятости, действительно способствуют расширению занятости сельского населения предпринимательской деятельностью. Так, по данным за 1997 и 1998 годы в сельских районах Новосибирской области состояли на учете и искали работу соответственно 7854 и 7262 чел. Из числа нашедших работу в этот период занялись предпринимательской деятельностью 285 и 548 чел., или соответственно 3,6 и 7,5%.

Обследование индивидуальных предпринимателей, осуществляющих торговую деятельность в сельской местности, проведенное органами статистики в 2000 г. в 18 районах Новосибирской области, показало, что примерно половина из них используют труд наемных работников на постоянной (84%) или временной (16%) основе. Примерно такие же данные мы получили при обследовании сельских предпринимателей в 2000 г. По нашим данным, каждый десятый сельский житель подрабатывал в течение года в частной фирме или у фермеров. Другими словами, *сельское предпринимательство постепенно становится привычной сферой* (основной или дополнительной) *занятости сельского населения.*

Ведение личных подсобных хозяйств населения как неформальный вид предпринимательской деятельности населения. Личное подсобное хозяйство (ЛПХ) – неформальный сегмент аграрной экономики, базирующийся на использовании ресурсов и трудового потенциала сельских семей. Как специфическая форма производства при социализме личные Подсобные хозяйства сформировались в конце 1920-х годов в процессе Коллективизации индивидуальных крестьянских хозяйств. Они опирались на государственную форму собственности на основные средства производства, включая землю, и личный труд владельцев ЛПХ и членов их семей. С 1991 г. приусадебные участки земли, используемые в личном подсобном хозяйстве, согласно Кон-

[1] *Хизрич Р., Питерс М.* Предпринимательство или Как завести собственное дело и добиться успеха // Предприниматель и предпринимательство: пер. с англ./ общ. ред. В.С. Загашвили. М.: Прогресс, 1993. Вып.1., с. 7–29.

ституции Российской Федерации были переданы в собственность граждан. Как правило, ЛПХ являются сферой вторичной занятости населения, наряду с занятостью в общественном секторе сельскохозяйственного производства.

Свое личное подсобное хозяйство сельские жители ведут самостоятельно, на свой страх и риск. Исходя из потребностей и возможностей семьи они сами определяют структуру и масштабы ЛПХ, способы его ведения, каналы реализации продукции и т.д. Деятельность в рамках личного подсобного хозяйства направлена на самостоятельное производство сельскохозяйственной продукции и получение доходов в натуральной и денежной форме. Ведение ЛПХ осуществляется во внерабочее время, оно не регламентируется государством, а базируется главным образом на внутрисемейном разделении труда. Все это дает основание рассматривать ведение ЛПХ как *неформальный вид* предпринимательской деятельности.

Однако в литературе высказывается и иная точка зрения. Так, по мнению Д.И. Валигурского, личное приусадебное хозяйство фермера и сельского жителя, получившего пай и работающего в своем хозяйстве, не следует считать подсобным, так как оно является органической частью крестьянского подворья. Значит, продукция, произведенная в этом хозяйстве, должна включаться в состав товарной продукции и учитываться при расчете предпринимательской прибыли со всеми вытекающими отсюда экономическими и социальными последствиями[1].

По нашему мнению, соображения подобного рода, во-первых, лишены достаточных методологических оснований, а во-вторых, чреваты серьезными социальными последствиями, так как их реализация в период общественных перемен лишит сельское население последнего источника существования.

По классификации Р. Хизрича и М. Питерса, личные подсобные хозяйства можно отнести к так называемым домашним фирмам, главное назначение которых – давать владельцам средства к существованию. Природа данного типа фирм, цели, которые преследуют их владельцы, а также ограниченность вкладываемых средств определяют их масштабы и перспективы развития.

---

[1] *Валигурский Д.И.* Предпринимательство на селе. М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг». 1997, с. 56.

В условиях длительного и сложного процесса становления новых хозяйственных форм в АПК роль личного подсобного хозяйства как наиболее гибкой, достаточно устойчивой и самонастраивающейся организационно-правовой формы в производстве сельскохозяйственной продукции возросла. Если в общественном секторе наблюдался заметный спад производства, то в хозяйствах населения производство продукции, напротив, росло и в 2000 г. составило 54% от общего объема сельскохозяйственного производства в России[1].

По имеющимся статистическим данным, в 1999 г. 15,5 млн семей в России имели приусадебные участки общей площадью 6,1 млн га, или в среднем по 40 соток на семью. Помимо этого, 14,1 млн семей имели земельные участки в коллективных и индивидуальных садах общей площадью 1,3 млн га, или по 8,9 сотки на семью. Коллективными огородами общей площадью 440 тыс. га пользовались 5,1 млн семей. В расчете на одну такую семью приходилось по 8,5 сотки земли. На 1 января 2000 г. в хозяйствах населения было 10,1 млн голов крупного рогатого скота (в том числе 6 млн коров), 7,8 млн голов свиней, 9,1 млн овец и коз [Российский статистический ежегодник, 2000, с. 369, 382]. В хозяйствах населения производилось 92% общего объема производства картофеля, 77,0% овощей, 59,4% мяса, 49,2% молока, 29,6% яиц[2].

Спад производства в ЛПХ, наблюдаемый в 1994,1997 и 1998 годах, был компенсирован в течение последних двух лет. В настоящее время личные хозяйства населения являются ведущим сектором аграрной экономики России. В процессе реформирования аграрных отношений были созданы законодательные и экономические предпосылки для его развития как равноправной формы сельскохозяйственного производства и для возможной трансформации ЛПХ в самостоятельные крестьянские хозяйства, другими словами, для их перехода из неформального сектора экономики в формальный.

Во-первых, законодательно закреплено равноправие всех форм сельскохозяйственного производства. Личное подсобное хозяйство населения признается полноправной формой хозяйствования в аграрном секторе. Всем трудовым коллективам и индивидам предоставлено право выбора формы хозяйствования в соответствии с их желаниями, возможностями и потребностями.

---

[1] Российский статистический ежегодник / Госкомстат России. М., 2001, с. 396.

[2] Россия в цифрах / Госкомстат России, 2000, с. 199.

Во-вторых, сняты все ограничения на количество содержащегося в ЛПХ скота.

В-третьих, согласно действующему законодательству, приусадебные участки могут быть увеличены до 1 га за счет земель, находящихся в ведении местных советов. Помимо этого, сельские жители, получившие земельные паи (работники сельского хозяйства, пенсионеры и часть работников социальной сферы), имеют право использовать их для расширения личных подсобных хозяйств.

И наконец, согласно действующей Конституции РФ, земля и другие средства производства могут находиться в частной собственности.

В этих условиях у сельского населения появилась возможность выбора: вести свое хозяйство как подсобное, кооперируясь в своей деятельности с другими экономическими субъектами АПК и опираясь на помощь коллективных хозяйств, или преобразовать ЛПХ в самостоятельное крестьянское хозяйство. Возможность последнего решения допускают около 20% сельских респондентов. Базой для превращения в самостоятельные крестьянские хозяйства могут стать крупные ЛПХ товарного типа, на ведение которых ориентированы около четверти сельских семей. Однако больше половины опрошенных нами сельских семей считают трансформацию своих ЛПХ в фермерские хозяйства невозможной, поскольку, по их мнению, ЛПХ не могут существовать без помощи коллективных хозяйств. Последние даже в трудных экономических условиях продолжают оказывать своим работникам разнообразную помощь в ведении ЛПХ, выделяя молодняк животных, семена, сельскохозяйственную технику и транспортные средства по льготным ценам или бесплатно.

Оценка перспектив трансформации ЛПХ в фермерские хозяйства, данная экспертами (руководителями и специалистами сельского хозяйства, опрошено 566 чел.), еще более пессимистична. Только 3% экспертов считают, что ЛПХ может рассматриваться в качестве переходной формы от коллективного хозяйства к частному; более 60% экспертов убеждены, что они могут успешно развиваться только в союзе с коллективными хозяйствами.

На наш взгляд, сохранению личных подсобных хозяйств в их прежнем виде способствует существующий порядок налогообложения, согласно которому они не облагаются подоходным нало-

гом. Выплачиваемый владельцами ЛПХ земельный налог незначителен и потому не оказывает существенного влияния на рентабельность этой категории хозяйств. Она значительно увеличивается благодаря использованию (бесплатно или на льготных условиях, легально или нелегально) ресурсов коллективных хозяйств. Положение ЛПХ как специфической формы неофициальной аграрной экономики осознается большинством сельского населения и отражается на его поведении. Сельские жители понимают, что переход ЛПХ из неформального сектора экономики в формальный грозит им непосильным налоговым прессом и прекращением помощи коллективных хозяйств.

Следует учитывать также вынужденный характер увеличения масштабов ЛПХ для многих сельских жителей. Резкое сокращение доходов, поступающих из сферы формальной экономики, рост безработицы побуждает их использовать ЛПХ как сферу самозанятости и дополнительный источник доходов семьи. Если экономическая конъюнктура в стране изменится в лучшую сторону, то многие сельские жители сократят приусадебные хозяйства.

Как будут складываться пропорции развития формального и неформального сегментов аграрной экономики, покажет время. Во многом это будет зависеть не только от желания крестьян, но и от проводимой государством аграрной политики.

Социальная база сельского предпринимательства[1]

Реальная социальная база сельского предпринимательства. Под социальной базой обычно понимаются движущие силы того или иного процесса, которые представляют собой совокупность людей, активно и сознательно участвующих в данном про-

[1] Информационной базой послужили результаты пилотного исследования проблем развития сельского предпринимательства, проведенного сотрудниками отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН в 2000 г. в сельских районах Новосибирской области (опрошено 300 сельских жителей, не занимающихся предпринимательской деятельностью, и более 100 человек, имеющих свое дело, из них 43 фермера и 57 предпринимателей, занятых Несельскохозяйственным бизнесом). Исследование проводилось при финансовой поддержке INTAS (международный коллективный проект № 99-00965, руководители Л. Лабрианидис, Х. Калантаридис, З. Калугина, А. Махмутов, М. Питюлич).

цессе и способствующих его развитию. Для характеристики реальной социальной базы сельского предпринимательства был выполнен кластерный анализ[1]. В качестве классификационных были выбраны следующие переменные: возраст, образование, стаж работы, тип трудовой мобильности, должность по последнему месту работы, уровень материального благосостояния семьи, количество лет, прожитых в городской местности.

По результатам анализа вся совокупность анализируемых объектов была сгруппирована в два кластера. В первый, наиболее многочисленный, попали 90 объектов, а во второй – 10 (люди преимущественно старшей возрастной группы (средний возраст 62 года), по большей части имеющие высшее или среднее специальное образование, их трудовой стаж составляет в среднем более 43 лет). Примечательным является факт их продолжительного проживания в городах, в среднем по 24 года, в то время как представители первого класса проживали в городах только 5 лет, в основном во время учебы или во время прохождения службы в армии. Тип трудовой мобильности в этом кластере преимущественно восходящий, на последнем месте работы практически все занимали руководящие должности. Этот тип сельских предпринимателей составляет в основном когорта бывших советских руководителей, ориентированных на рыночные отношения и демонстрирующих в новых условиях адекватные модели экономического поведения. Успешность трудовой карьеры, более высокий уровень материального достатка (по сравнению с другими группами населения) и опыт руководящей работы свидетельствуют о высоком адаптивном потенциале данной группы. Можно предположить, что и на поприще самостоятельного бизнеса они также будут демонстрировать конструктивные модели адаптации и активные рыночные стратегии хозяйственного развития.

В первом кластере оказались главным образом предприниматели молодого и среднего возраста (средний возраст 41 год), около 60% из них имеют высшее или среднее специальное образование и продолжительный стаж работы (в среднем около 22 лет), у трети была восходящая трудовая карьера. Более половины считают себя среднеобеспеченными а одна треть оценила свое материальное благосостояние ниже среднего. Многие представители этой группы никогда не проживали в городах, но примерно каж-

[1] Расчеты выполнены А. Олехом.

дый второй имел опыт руководящей работы. Эту группу можно назвать *предпринимателями нового поколения,* стремящимися вырваться из пут нищеты, обеспечить достойный материальный уровень членам своей семьи и добиться успеха. Для них не является принципиальной сфера приложения труда, они работают в разных сферах бизнеса в то время как представители второй группы в основном заняты фермерством.

Потенциальная социальная база. Социологические исследования, проведенные в разных регионах страны, убедительно показали, что на начальном этапе реформ общество располагало потенциальной социальной базой для развития всех форм сельского предпринимательства. Однако впоследствии эта база заметно сократилась из-за непоследовательности аграрной государственной политики, несоблюдения действующего законодательства и договорных обязательств как хозяйственными партнерами, так и государственными структурами всех уровней. Ситуация существенно изменилась к концу 1990-х годов вследствие резкого ухудшения экономического положения коллективных хозяйств после их реорганизации (в настоящее время около 90% этих хозяйств убыточны). Рост безработицы и стремительное падение уровня жизни стали основной причиной изменения ориентации сельского населения в пользу предпринимательства.

В настоящее время, по нашим данным, более 30% сельских жителей согласились бы открыть собственное дело или заняться фермерством при наличии стартового капитала (66% позитивных ответов), снижении налогов (23%), соблюдении гарантий (18%), доступности цен на производственные ресурсы (19%) и организации сбыта продукции (17%).

Доля селян, которые ни при каких условиях не согласились бы открыть собственное дело или заняться фермерством, составляет примерно 40%. Отказ от предпринимательской деятельности мотивируется ими двумя группами причин. К первой группе относятся объективные экономические причины: дороговизна техники и других ресурсов, высокие налоги, отсутствие стартового капитала, отсутствие гарантий, высокие риски и, как следствие этого, трудности ведения сельского бизнеса. Суммарный процент ответов 93,7%.

Вторую группу образуют причины субъективного, социально-психологического плана, такие как преклонный возраст, плохое состояние здоровья, низкое образование, отсутствие опыта и

призвания вести самостоятельное дело, привычка работать в коллективе, негативный опыт занятия предпринимательской деятельностью. Суммарный процент ответов – 76,9%. Убежденных противников частного бизнеса среди опрощенных сельских жителей практически не оказалось.

На основе кластерного анализа были выделены две подгруппы потенциальных предпринимателей, различающиеся по критериям образования, материального положения и опыта работы в управлении. Представители первой подгруппы по сравнению со второй менее образованны и менее материально обеспеченны, а также не имеют опыта управления. В основном это выходцы из квалифицированных (66%) и неквалифицированных (25%) рабочих со средним или неполным средним общим образованием и начальной профессионально-технической подготовкой. По уровню материального благосостояния 42% идентифицируют себя с бедными, а 58% – со средними слоями населения.

Вторая подгруппа потенциальных предпринимателей составляет пятую часть опрошенных. Ее представители имеют более высокий уровень образования, старше по возрасту, причем около половины из них (47%) ранее занимали руководящие должности высшего или среднего ранга, остальные занимали должности специалистов. Доля лиц моложе 30 лет здесь составляет 42% против 62% в первой подгруппе. По уровню материальной обеспеченности три четверти членов этой подгруппы относят себя к средним слоям населения, а одна четверть – к бедным.

С учетом характеристик и ориентации действующих предпринимателей можно предположить, что расширение фермерства будет происходить за счет представителей второй подгруппы, а несельскохозяйственные виды деятельности будут развиваться за счет первой.

Сравнение типологий потенциальных и реально действующих предпринимателей, полученных на основе иерархического кластерного анализа, свидетельствует об их значительном сходстве. Однако ввиду немногочисленности опрошенных к полученной классификации следует относиться с осторожностью и выводы считать сугубо предварительными, требующими дальнейшего уточнения и проверки.

В целом же можно констатировать, что в настоящее время на селе имеется достаточная социальная база для развития предпринимательства. В какой степени будет реализован предпринима-

тельский потенциал сельских жителей, во многом будет зависеть как от проводимой государственной политики, так и от позиции местных властей.

Мотивация предпринимательской деятельности. Анализ побудительных мотивов показал их существенное различие у предпринимателей сельскохозяйственного и несельскохозяйственного профиля. Если у фермеров главными мотивами являются стремление к независимости, самостоятельности в хозяйственных делах, возможность реализации собственных планов, карьерные устремления (желание добиться успеха), то у предпринимателей несельскохозяйственного профиля на первое место выходят мотивы, обусловленные отсутствием работы и устойчивых источников дохода, стремление улучшить свое материальное благосостояние.

В целом можно сказать, что у фермеров превалируют притягивающие факторы, а у предпринимателей несельскохозяйственного профиля – выталкивающие. Иными словами, в период реформ сельские жители становятся предпринимателями несельскохозяйственного профиля поневоле, в то время как фермеры делают осознанный выбор в пользу самостоятельного хозяйствования.

На наш взгляд, это объясняется тем, что активное развитие в сельской местности фермерства и несельскохозяйственных видов бизнеса приходится на разные этапы экономических реформ и разные социально-политические ситуации в стране. Фермерское движение стало активно развиваться в 1994–1995 гг., когда коллективные хозяйства, хотя уже и были реорганизованы, но по инерции продолжали функционировать по старому, не предпринимая решительных шагов по изменению масштабов и специализации производства, сохраняя трудовые коллективы в прежнем составе. Предоставленной в этот период экономической свободой воспользовались те крестьяне и городские жители, которые если не профессионально, то морально были подготовлены к самостоятельному независимому труду. Новые формы хозяйствования дали им возможность реализовать свои планы, существенно улучшить материальное благосостояние, обеспечить уверенное будущее своим детям. Их *привлекала* независимость и самостоятельность хозяйственной деятельности.

К концу 1990-х годов разрушительные последствия реформ стали особенно ощутимы: резко возросли масштабы безработи-

цы и обеднения сельского населения, социальная сфера села, по существу, была полностью разрушена. В этот период без работы и средств существования остались значительные массы сельского населения, которые вынуждены были искать новые сферы приложения труда и источники дохода. Перестройка экономических отношений *вытолкнула* из привычных сфер занятости и вынудила заняться предпринимательской деятельностью часть сельской интеллигенции, занятой в непроизводственных отраслях, а также тех сельскохозяйственных работников, которые не чувствовали в себе силы и не имели желания заниматься фермерством.

Таблица 3

Побудительные мотивы предпринимательской деятельности

Мотив	Фермеры	Занятые несельскохозяйственным бизнесом	В среднем по всему массиву
Безработица	9,3	42,1	28,0
Нужда	11,6	35,1	25,0
Стремление к независимости, самостоятельности	48,8	22,8	34,0
Стремление к материальному достатку, богатству	23,3	31,6	28,0
Желание добиться успеха	27,9	17,5	22,0
Появилась возможность заняться предпринимательством	37,2	17,5	26,0
Исторические корни (продолжение дела отцов)	4,7	3,5	4,0
Другое	7,0	5,3	7,0

Обращает на себя внимание тот факт, что примерно 4% сельских жителей в качестве побудительного мотива к занятию бизнесом указывают на желание продолжить дело своих отцов (табл. 3). Как показывают исследования, проведенные западными учеными, значительную роль при формировании социальной базы предпринимательства играет предшествующий опыт занятия предпринимательством кого-либо из членов семьи. Процесс эволюционного развития сельского предпринимательства в Рос-

сии был прерван в 1917 г.: многие самостоятельные хозяева на селе были репрессированы, физически истреблены. Возрождение частного бизнеса началось лишь в 1980-е годы, после принятия законов о кооперативах и индивидуально-трудовой деятельности граждан.

При этом было отмечено, что мотивация предпринимательской деятельности менялась со временем. На начальных этапах экономических реформ доминировало отношение к бизнесу как к возможности самовыражения. Затем все чаще главным стимулом занятия бизнесом становилось стремление улучшить свое материальное положение, что также подтверждает наш вывод о вынужденном характере сельского предпринимательства на современном этапе его развития и о каналах рекрутирования предпринимателей в несельскохозяйственные виды деятельности.

Каналы и механизмы рекрутирования сельских предпринимателей. Опрос сельского населения 2000 г. показал, что основными каналами рекрутирования предпринимателей, занимающихся несельскохозяйственными видами деятельности на селе (торговое посредничество, частный извоз, бытовое обслуживание и др.), являются *безработица, нужда, вынужденная миграция, расширение масштабов неформальной экономики.*

Зарубежные исследования также подтверждают, что это явление вполне закономерное и объяснимое. В период устойчивого роста экономики инновации перестают быть острой проблемой, и потребность в людях с предпринимательскими наклонностями ограничена. К тому же улучшаются условия занятости, а следовательно, сокращается численность лиц, желающих сменить свои устойчивые позиции на существующих предприятиях на неустойчивое положение предпринимателя. В период же экономического спада ситуация принципиально меняется. Обострение ситуации на рынке труда выталкивает часть трудоактивного населения в сферу предпринимательства. Так, одной из причин массового ухода в предпринимательство, во многом объясняющей возникновение в западном мире его новой волны в 1970–1980-х годах, стала «теснота», возникшая в определенных сегментах рынка труда. Она подталкивала высококвалифицированных специалистов к созданию собственных технологических, информационных и консультативных фирм, а малоквалифицированных работников – к открытию своего небольшого дела в сфере торговли и бытового обслуживания. По данным английских исследо-

вателей, около четверти основателей новых малых фирм в это время были безработными[1]. Исследование, проведенное в США, показало, что в период массовых увольнений количество вновь создаваемых фирм возрастало примерно на 12%[2]. Подобная картина наблюдается и в реформируемой России.

Остановимся подробнее на основных источниках и предпосылках развития сельского предпринимательства в переходном российском обществе.

Вынужденная миграция. Распад СССР, сопровождающийся разрывом устоявшихся хозяйственных связей, обострением межнациональных отношений, резким ухудшением экономической ситуации в бывших союзных республиках, породил масштабные межрегиональные перемещения населения. Несомненно, вынужденные мигранты увеличили нагрузку на все системы жизнеобеспечения российских городов. Ограниченная социальная емкость городов России не справлялась с мощным миграционным потоком из ближнего зарубежья. Положение усугублялось тем, что часть регионов России, в недавнем прошлом привлекавших население, в начале 1990-х годов превратилась в зону его устойчивого оттока. Это, прежде всего, районы Севера, где снижение добычи нефти и газа на ряде крупных месторождений, заметное уменьшение объемов капитальных вложений в добывающие отрасли вызвали сокращение спроса на рабочую силу. Сыграли свою роль и неопределенность правового положения граждан, проживающих на северных территориях, а также резкое сокращение социальных гарантий и льгот, предоставляемых данным категориям населения[3].

Примерно четверть мигрантов не могли найти работу по специальности в городах. Жилищный рынок городов также был недостаточно развит для удовлетворения возросшего спроса. Поэтому значительная доля мигрантов вынуждена была переезжать и трудоустраиваться в сельской местности. При этом многим из них пришлось изменить профиль своей профессиональной деятельности, заняться коммерцией, частным извозом, торговлей.

---

[1] *Радаев В.В.* Экономическая социология: Курс лекций. М.: Аспект-Пресс, 1997, с. 119–120.

[2] *Хизрич Р., Питерс М.* Предпринимательство или Как завести собственное дело и добиться успеха // Предприниматель и предпринимательство: пер. с англ./ общ. ред. В.С. Загашвили. М.: Прогресс, 1993. Вып.1., с. 29.

[3] *Соболева С.В.* Новые линии на старой карте // Миграция. 1998. № 1, с. 25–27.

Расширение масштабов неформальной экономики. Одна из тенденции последнего времени – сужение рамок легальной занятости при расширении неформального сектора экономики. Для мигрантов, как показали результаты наших исследований, в отличие от других групп населения, характерна установка на постоянную работу в сфере формальной экономики. И только потерпев неудачу, они ищут себе применение в неформальном сегменте[1]. Для других групп сельского населения, напротив, неформальный сектор экономики (личное подсобное хозяйство, наем на работу к фермерам и частным лицам без оформления трудовых отношений, нерегистрируемый бизнес и пр.) был наиболее приемлемым в качестве дополнительной сферы занятости альтернативного источника дохода.

Падение уровня жизни сельского населения. Одним из негативных социальных итогов проведенных преобразований на селе стало стреми тельное ухудшение материального благосостояния сельского населения. Заработная плата работников сельского хозяйства остается одной из самых низких в стране и имеет тенденцию к понижению. За 1991–1998 гг. отношение среднемесячной начисленной заработной платы работников сельского хозяйства к среднероссийскому уровню сократилось с 84 до 45%, ее уровень составил 468 руб. на одного работника, в 2000 г. – 40 % и 891 руб. Реальная заработная плата сельскохозяйственных работников в 1998 г. составляла 24% от уровня 1991 г. При этом две трети работников отрасли имели заработную плату на уровне или ниже прожиточного минимума. Систематические невыплаты заработной платы (на начало 1999 г. общая сумма задолженности по заработной плате в отрасли составила более 9 млрд руб.) усугубляли и без того отчаянное положение сельских работников[2]. Низкие доходы сельского населения, стремительное падение уровня жизни послужили для многих сельских жителей дополнительным стимулом занятия предпринимательской деятельностью.

Деградация социальной сферы села, в значительной степени обусловленная ее передачей с баланса сельскохозяйственных предприятий на баланс местных органов власти. Но последние

---

[1] *Калугина З.И.* Вынужденные мигранты в регионах Сибири // Миграция. 1998. №1, с. 28–31.

[2] Труд и занятость в России: Стат. сборник. / Госкомстат России. М., 1999, с. 314, 345.

не располагают в настоящее время достаточными финансовыми и материально-техническими ресурсами для содержания и развития объектов социально-бытовой инфраструктуры, да и сельскохозяйственные предприятия не в состоянии финансировать развитие социальной сферы в силу своей убыточности. В результате резко снизились темпы развития социальной инфраструктуры села. Масштабы жилищного строительства на селе сократились за годы реформ в 2,5 раза, образовательных школ и медицинских учреждений – примерно в 5 раз, детских дошкольных учреждений – в десятки раз. Освободившаяся экономическая ниша может быть освоена новыми хозяйствующими субъектами в лице предпринимателей.

Безработица. Реорганизация колхозов и совхозов, завершившаяся к началу 1994 г., сопровождалась обвальным сокращением сельскохозяйственного производства, что привело к резкому сокращению потребности в рабочей силе и росту безработицы. По данным государственной статистики, за период реформ численность занятых в сельском хозяйстве сократилась с 9,7 млн в 1990 г. до 8,4 млн чел. в 2000 г., или на 13%. Уровень общей безработицы в сельской местности составлял в 2001 г. 10,4%[1], а скрытой (по оценкам руководителей сельскохозяйственных предприятий) – не менее 25%. В условиях массовой безработицы и сокращения уровня Жизни сельское население вынуждено искать альтернативные сферы занятости и источники дохода.

Вот несколько типичных историй сельских предпринимателей.

История первая. Женщина 25 лет, образование неполное среднее, по окончании ПТУ получила профессию повара, но работу по специальности не нашла, в течение 4 лет работала сторожем в одной из местных организаций. Зарплату не платили, пришлось уволиться.

Заняться торговлей заставила нужда. Эта женщина – единственный кормилец в семье. Муж не работает, пьет, находится целиком на иждивении жены. Проживают они в районном центре в доме мужа совместно с родителями – пенсионерами и женой брата с ее малолетними детьми. Брат – в тюрьме. Вся родня не имеет средств к существованию

[1] Российский статистический ежегодник / Госкомстат России. М., 2001, с. 141.

(кроме родителей-пенсионеров). Менять свою личную жизнь респондентка не собирается, так как нет своего жилья и она опасается, что муж выгонит ее на улицу.

Последний год работу сторожа совмещала с занятием предпринимательством, но это оказалось крайне тяжело. При увольнении выдали 3 тыс. руб. Оказала помощь мать-пенсионерка. На эти деньги купила старенький «Запорожец», на котором ездит в город за товарами. Торгово-посредническая деятельность, по мнению респондентки, – занятие выгодное, так как каждый день она имеет живые деньги. Часть денег вкладывается в товар, часть идет на бензин, остальные на еду. В бизнесе ей помогает мать, которая ездит вместе с дочерью на «барахолку» за товаром, подбирая ходовой ассортимент. Покупают товар не по оптовым ценам, а штучно. С каждой вещи имеют примерно по 10–20 руб. Есть лицензия на торговлю в селах данного сельского района. В деле помогает и жена брата: реализует товар, разносит заказанные товары по домам.

В селах района эта женщина-предприниматель пользуется большим уважением за внимание и хорошее обслуживание. В перспективе предполагает продолжить занятие предпринимательской деятельностью, если не «задавят» богатые конкуренты и налоги.

История вторая. Мужчина 23 лет, окончил среднюю школу и профессионально-техническое училище. Два года работал на стройке рабочим, потом два года – на частном предприятии пекарем. После ликвидации предприятия остался без работы, что и вынудило его заняться собственным бизнесом – торговлей. Вначале торговал промышленными товарами, а затем – сельхозпродукцией и продукцией промышленной переработки (масло, крупы и т.п.). Всю информацию, необходимую для организации собственного дела, получил от сестры, которая к тому времени уже занималась частным бизнесом. С финансами помогли родственники. Помещение взял в аренду, необходимое оборудование (весы, столы, холодильник и др.) досталось от сестры. В бизнесе помогают и другие родственники, в частности, мать работает продавцом в его магазине. Основными конкурентами респондент считает других сельских предпринимателей и горожан.

Молодой предприниматель отмечает, что для того чтобы добиться независимости, самостоятельности в хозяйственной деятельности, ему пришлось пожертвовать личным спокойствием. В сегодняшних условиях у предпринимателей часто возникают стрессовые ситуации из-за многочисленных проверок со стороны санитарной службы, налоговой и торговой инспекций, а также из-за конфликтов с соседями и конкурентами по бизнесу. Бизнесом молодой человек рассчитывает заниматься и в перспективе, но сменив сферу деятельности.

История третья. Молодая супружеская пара, имеющая двоих детей, вынуждена была мигрировать из Казахстана. В Новосибирске им не удалось найти работу по специальности (оба имеют высшее техническое образование). Приехали в село, купили дом в районном центре, занялись частным бизнесом (торговлей). Несмотря на высокую конкуренцию, дела шли успешно, что позволило супругам расширить свой бизнес. В этих начинаниях их поддержали родственники, а также местная администрация. Стартовый капитал составили собственные накопления, а также финансовая помощь родственников, что позволило через некоторое время приобрести два магазина. В своем распоряжении они имеют личный легковой и грузовой автотранспорт. На их предприятиях работают по найму на постоянной основе четыре человека, на отопительный сезон нанимается кочегар. Предпринимательской деятельностью занимаются уже восемь лет, дальнейшее расширение бизнеса сдерживается низким платежеспособным спросом населения, которое является основным потребителем товаров.

Предпринимательство позволило молодым супругам не только повысить материальный уровень своей семьи, но и реализовать свои способности, накопленный жизненный опыт и знания.

Таким образом, негативные последствия проводимых социально-экономических реформ, которые привели к резкому изменению социального статуса многих социальных групп, послужили своеобразным пусковым механизмом поиска альтернативных сфер занятости, новых источников доходов и каналов социальной мобильности. Освободившаяся ниша в социально-бытовом обслуживании создала реальные возможности развития несельскохозяйственных видов предпринимательской деятельности.

Специализация предпринимательской деятельности. Согласно статистическим данным, в сельских районах несельскохозяйственный бизнес развивается более быстрыми темпами, чем сельскохозяйственный. Например, в сельских районах Новосибирской области в I квартале 2001 г. функционировали 4140 крестьянских хозяйств, в которых было занято 12893 чел., и 21505 предпринимателей, занимающихся несельскохозяйственными видами деятельности, такими как торговля, бытовое обслуживание, частный извоз, частная медицинская практика и др. Помимо этого, на территории области действовали 3604 малых предприятия, большинство из которых также специализировались на несельскохозяйственных видах деятельности. Подобная ситуация наблюдается и в других регионах.

Этот факт можно объяснить рядом обстоятельств. Во-первых, несельскохозяйственные виды деятельности, например торговля или бытовое обслуживание, не требуют значительного первоначального капитала для организации собственного дела, да и оборачиваемость капитала здесь выше. Во-вторых, деятельность в этих сферах меньше подвержена экономическим и природным рискам. В-третьих, она не требует обязательной профессиональной подготовки. В-четвертых, в этой сфере легче скрыть свои доходы, что в условиях тяжелого налогового пресса весьма существенно для частного бизнеса.

Что касается сельскохозяйственного бизнеса, то анализ показал, что 88% фермерских хозяйств специализируются на производстве зерна примерно четверть занимаются животноводством, 16% – овощеводством, примерно каждое десятое – пчеловодством, около 5% – производством молока.

Более трети предпринимателей за период своей практики меняли род деятельности. Им приходилось заниматься торговлей промышленными товарами (37%) или продуктами питания (49%), переработкой сельскохозяйственного сырья (17%), строительством (11%), частным извозом (6%), закупкой сельскохозяйственной продукции и другими видами деятельности. Основные *причины смены сферы деятельности* – поиск более выгодных видов бизнеса, переход в легальные сферы деятельности, несовершенство налоговой системы и другие мотивы. Каждый десятый сельский предприниматель в целях получения устойчивого дохода

параллельно занимался несколькими видами предпринимательской деятельности.

Основными источниками стартового капитала для 60% сельских предпринимателей послужили собственные накопления, для 40% – кредиты банков и других кредитных учреждений, каждому пятому помогли родственники или знакомые, 6% респондентов заняли деньги у частных лиц.

Способы приобретения материальных и технических ресурсов. Сформированный указанными способами стартовый капитал позволил каждому второму предпринимателю или фермеру приобрести материальные и технические ресурсы (оборудование, технику, транспортные средства, здания, помещения и др.), необходимые для организации собственного дела. Примерно каждый пятый сельский предприниматель арендовал или брал необходимую технику по лизингу, каждый десятый приобретал ее на паях с другими предпринимателями. Процедура реорганизации коллективных сельскохозяйственных предприятий предусматривала наделение крестьян имущественными и земельными паями, что обеспечило им определенную материальную базу для собственного бизнеса. И только пятая часть предпринимателей обошлась имеющимися средствами и ничего не приобретала для своего дела.

Проблемы организации и функционирования предпринимательских структур. Если разделить такие проблемы по уровню их возникновения и решения на глобальные, локальные и индивидуальные (групповые), то получим следующую картину. Наиболее существенными и часто повторяющимися в ответах респондентов (по всему массиву предпринимателей) являются проблемы государственного уровня, такие как несовершенство налогового законодательства, диспаритет цен, неустойчивость государственной политики и др. (суммарный процент 164%). Второе место занимают проблемы, возникающие на местном, локальном уровне. Они проявляются, прежде всего, в противодействии местных властей и бюрократии развитию предпринимательства, ущемлении прав фермеров на получение земельных участков надлежащего качества, расположенных недалеко от села и коммуникаций, установлении высокой арендной платы за производственные и торговые помещения (суммарный процент 67%). И наконец, проблемы, обусловленные взаимодействиями между социальными группами: продав-

цами и потребителями товаров и услуг, работодателями и наемными работниками, хозяйственными партнерами и конкурентами по бизнесу (суммарный процент 19%). Каждый пятый предприниматель указал на низкий платежеспособный спрос населения, который зависит как от политики государства в области доходов, так и от усилий самих граждан (табл. 4).

Таблица 4

Проблемы, с которыми сталкиваются предприниматели, % к числу опрошенных

Проблема	Фермеры		Другие предприниматели	
	сейчас	при организации своего дела	сейчас	при организации своего дела
1	2	3	4	5
Дороговизна топливных и энергетических ресурсов	58,1	34,9	24,6	15,8
Отсутствие и дороговизна техники, оборудования	58,1	37,2	12,3	17,5
Отсутствие кредитных ресурсов и их дороговизна, сложность оформления кредитов	39,5	41,9	17,5	26,3
Высокие, неудобные налоги	30,2	37,2	26,3	31,6
Несовершенство законодательства, неустойчивость государственной политики	25,6	34,9	3,5	21,1
Диспаритет цен	20,9	2,3	–	–
Низкое качество, удаленность выделяемой земли	18,6	27,9	–	–
Низкий платежеспособный спрос потребителей	18,6	11,6	56,1	31,6
Противодействие местных властей, бюрократии	16,3	34,9	33,3	24,6
Незащищенность прав собственника	16,3	16,3	5,3	21,1
Отсутствие производственных помещений, высокая арендная плата	11,6	20,9	10,5	10,5
Отсутствие налаженных каналов реализации продукции	9,3	16,3	12,3	7,0

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5
Недобросовестность партнеров	9,3	2,3	38,6	3,5
Низкая квалификация и исполнительность работников	9,3	7,0	22,8	5,3
Неприязненное отношение населения	4,7	16,3	7,0	5,3
Рэкет		–	1,8	7,0
Проблем не было	–	4,7	5,3	19,3

При этом половина предпринимателей ничего не делают для решения текущих проблем, а только работают и «выкручиваются». Каждый десятый предприниматель обращается в различные инстанции. Другие пытаются лавировать, угождать, оказывать различного рода услуги, не идти на открытый конфликт с начальством. Наконец, третьи что-то предпринимают сами. Вот типичные ответы респондентов: «Кричим ругаемся, пьем валерьянку», «Приспосабливаемся, экономим, где можем», «Стараемся выполнять желания клиентов», «Изучаем спрос» «Разнообразим ассортимент», «Консультируемся», «Пытаемся заработать деньги другими путями, чтобы увеличить оборотный капитал», «Занимаемся маркетингом», «Обучаем рабочий персонал». Многим из них приходилось жертвовать свободным временем, работать без выходных. Небольшая часть сельских предпринимателей пытаются решать проблемы сообща, кооперируясь с другими предпринимателями.

Из бесед с предпринимателями выявилось, что нередки случаи, когда они вынужденно или по доброй воле прибегают к неправовым действиям: нарушают действующие правовые нормы, уклоняются от уплаты налогов, обманывают покупателей и партнеров по бизнесу, дают взятки чиновникам. Вот какую историю поведал нам один респондент, отвечая на вопрос о том, с какими проблемами он столкнулся при организации своей деятельности?

> «У меня была одна проблема, когда я покупал машину себе, не эту, а ту четверку. Я пригнал ее с Урала, такой радостный, довольный, а у меня лицензия еще не закончилась, я еще считался частным предпринимателем. Я купил машину, прихожу в ГАИ, мне говорят: "Парень, 25% от стоимости машины будь добр, заплати". Я говорю: "Вы что, ребята,

сдурели что ли?" Они говорят: "Ты предприниматель". "Какой, – я говорю, – предприниматель?" Я тут за голову схватился. Тут в пору стреляться. Я денег на машину занял, а мне еще 25% платить. В 4 миллиона мне ее оценили по тем ценам, и мне еще миллион надо заплатить. У меня таких денег не было. Мне посоветовали, так и так. Объяснили, что в администрации работает такой человек, он может тебе помочь. Я пришел, не знаю, как к нему подойти, никогда в жизни не сталкивался с этим делом. Я говорю: "Так и так, вот надо бы это что-то..." Он говорит: "Ладно, мы тебе поможем". "Что, – говорю, – я должен?" "Как, ты не знаешь, что должен?" "Нет, – говорю, – не знаю. Может, коньяка купить бутылки две-три?" Он говорит: "Деньги давай". Прямым текстом. У меня глаза на лоб, вот так раз... Я говорю: "А сколько надо денег?" Он говорит: "А сколько у тебя есть?" Я говорю: "Не знаю, сколько у меня есть". Ну, 300 (тыс. руб.) у меня было, 200 я ему отдал. Я вышел ошарашенный, что чиновники наши творят?!».

Здесь налицо неправовые действия как со стороны предпринимателя, так и со стороны официальных органов власти: представитель местной администрации открыто вымогал взятку, а предприниматель эту взятку дал.

Из бесед с респондентами выяснилось, что для сельских предпринимателей неправовые практики не редкость. Часто они работают без лицензии, не регистрируя свою предпринимательскую деятельность, что также является нарушением существующего законодательства.

Специальные исследования показывают, что большинство россиян так или иначе (в виде субъектов или объектов) вовлечены в неправовые социальные взаимодействия, составляющие устойчивую, постоянно воспроизводящуюся часть современной системы социальных взаимодействий, достаточно прочно интегрированную в формирующуюся систему общественных отношений[1].

[1] *Шабанова М.А.* Социология свободы: Трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000, с. 234, 24.

Выводы

Можно выделить два этапа становления сельского предпринимательства в современной России. Первый относится к началу 1990-х годов и связан с созданием рамочных правовых и экономических условий для развития частного сектора аграрной экономики. Однако в этот период лишь незначительная доля селян воспользовалась предоставленными им возможностями. Многократно обманутое государством российское крестьянство не откликнулось на попытки активизировать частную инициативу сверху ожидавшимся своим массовым исходом из «коллективного агрогулага». Выбранная крестьянами стратегия оказалась вполне оправданной и прозорливой. На практике государство не смогло гарантировать права частной собственности, не проводило внятной и последовательной политики в отношении частного сектора экономики и не смогло обеспечить соблюдение контрактных соглашений всеми участниками рынка.

Второй этап развития сельского предпринимательства в России (конец 1990-х годов) можно назвать вынужденной инициативой снизу. Он обусловлен разрушительными последствиями проводимых реформ и причудливыми формами складывающихся экономических отношений (бартерные формы взаиморасчетов, неплатежи и т.п.). В условиях массовой безработицы сельское население вынуждено полагаться только на собственные силы и проявлять частную инициативу, занимаясь ведением личных подсобных хозяйств, народными промыслами, торгово-посреднической деятельностью и другими формами легальной и нелегальной предпринимательской деятельности.

Коллективные хозяйства как субъекты предпринимательской деятельности, несмотря на сходство внешних условий, демонстрируют принципиально различные модели экономических стратегий и способов адаптации к новой социально-экономической реальности. В целом же поставленные в жесткие, не всегда оправданные экономические условия, они не смогли удержать свои лидирующие позиции в производстве сельскохозяйственной продукции, уступив личным подсобным хозяйствам населения. Последние стали ведущим неформальным сектором сельского предпринимательства, в котором на сегодняшний день производится более половины сельскохозяйственной продукции.

Фермерский сектор аграрной экономики находится на стадии своего становления. Его развитие проходит медленно и трудно, многие крестьяне вынуждены отказываться от земли. Начиная с 1997 г. в России наблюдается абсолютное сокращение числа фермерских хозяйств при незначительном увеличении земельных площадей и удельного веса этой категории хозяйств в производстве продукции.

Сфера социально-бытовых услуг осваивается сельскими предпринимателями достаточно интенсивно, в том числе на неформальной основе. Социальная база развития несельскохозяйственных видов предпринимательской деятельности формируется в основном за счет безработных и обедневших слоев сельского населения, а также вынужденных мигрантов.

В условиях транзиций и кризисного состояния экономики преобладающей становится вынужденная мотивация предпринимательской деятельности. Значительное число сельских предпринимателей вовлекается в систему неправовых социальных взаимодействий, а неправовые практики становятся одной из распространенных форм реактивно-адаптационного поведения предпринимателей.

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ РАЗВИТИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ (ФЕРМЕРСКИХ) ХОЗЯЙСТВ[1]

Монопольное положение крупных товаропроизводителей послужило одной из причин кризисного состояния советской экономики, аграрный сектор в этом отношении не составляет исключение. Колхозно-совхозное производство до последнего времени не имело альтернативы. Личная инициатива крестьян, ограниченная рамками приусадебного хозяйства, не решала проблемы, хотя и служила существенным подспорьем в производстве сельскохозяйственной продукции. Необходимость разрешения острейшей социально-экономической и политической проблемы – обеспечение населения страны продуктами питания, а народнохозяйственного комплекса – сельскохозяйственным сырьем, неизбежно требует развития наряду с колхозами и совхозами других форм хозяйствования: кооперативов, индивидуально-трудовой деятельности, арендных форм, самостоятельных крестьянских хозяйств и других. Признание равноправия различных форм собственности является экономической основой для этого.

Поставленные в равные конкурентные условия новые хозяйствующие субъекты могут снизить негативное влияние господ-

[1] Эта статья была впервые опубликована в журнале Известия СО АН СССР. Регион: экономика и социология. – 1991. – Выпуск 3. – С. 35–42. Этот год был началом радикальных рыночных реформ в аграрном секторе России. Общественное мнение относительно реформ было неоднозначным. Часть общества восторженно приветствовала происходящие перемены, наивно полагаясь на рыночные силы регулирования экономических отношений. Другая же часть, напротив, была настроена настороженно, если не враждебно, по отношению к реформам и реформаторам. Приведенная статья была одной из первых попыток автора разобраться в сути происходящих перемен и оценить возможные социально-экономические последствия аграрных преобразований. Экспедиции в сельские районы Новосибирской области и Алтайского края позволили воочию наблюдать трансформационные процессы в российской деревне 1990-х годов. По прошествии 20 лет можно сказать, что основная часть выводов относительно развития частного сектора аграрной экономики, сделанных автором в начале реформ, оказались достоверными.

ствующего положения колхозов и совхозов на аграрном рынке, будут способствовать не только увеличению объемов производства, но и повышению качества продукции, снижению ее потерь, а соответственно снижению издержек производства, а в конечном счете – снижению розничных цен на продукты питания.

Крестьянское (фермерское) хозяйство в нашем понимании – это форма сельскохозяйственного товарного производства, базирующаяся преимущественно на личном труде его владельцев и членов их семей. Оно является самостоятельным хозяйствующим субъектом и использует на правах аренды, частной собственности или пожизненного наследуемого владения выделенный ему местным Советом участок земли.

Для формирования и развития фермерских хозяйств необходимы, по крайней мере, следующие условия:

а) наличие соответствующей социальной базы;

б) адекватное этой форме хозяйствования материально-техническое снабжение и производственное обслуживание;

в) нормативно-правовое обеспечение этой формы хозяйствования, социальные гарантии и правовая защита фермеров.

Проанализируем, имеются ли сейчас условия для проведения радикальной аграрной реформы и для перехода к фермерским хозяйствам?

Непременным условием успешности проведения социально-экономических реформ является наличие в обществе соответствующей социальной базы, т.е. реальных социальных сил, способных активно и сознательно участвовать в данном процессе и содействовать его успешному развитию и распространению. Как позволяют утверждать проведенные исследования, в СССР имеется социальная база для развития фермерства как одного из секторов аграрной экономики. На чем конкретно основываются эти выводы?

Во-первых, социологические опросы, проведенные в разных регионах страны, показали, что примерно 10% сельского населения готовы взять землю для ведения самостоятельного крестьянского хозяйства[1]. Согласно опросу, проведенному накануне вне-

[1] *Башмачников В.* Земли, аренда, человек // Лит. газета. – 1989. – 15 февр.; *Лукинов И.* Есть бумаги, теперь бы – за дело // Эконом. газета. – 1989. – № 52 и др. (Опросы, проведенные отделом социальных проблем ИЭиОПП СО АН СССР летом 1990 г. в Алтайском крае, Кемеровской и Новосибирской областях, дали те же результаты).

очередного Съезда народных депутатов России, только 12,3% опрошенных хотели бы иметь земельный участок размером более 1 га, т.е. участок на котором возможно создание самостоятельного крестьянского хозяйства[1]. Естественно, что в реальной жизни не все из них станут фермерами и не все, кто решится на это рискованное плавание, смогут выжить в условиях становления рыночных отношений, отсутствия соответствующей инфраструктуры, при конкуренции и сопротивлении со стороны колхозов и совхозов и т.п. Если предположить, что только половина желающих осуществит свои планы и только половина из них докажет свою дееспособность в современных условиях, это означает, что по крайней мере 500–700 тыс. ферм могло бы составить основу развития нового сектора сельскохозяйственного производства.

Во-вторых, анализ социально-экономических последствий освоения новых форм хозяйствования в аграрном секторе выявил, что, по меньшей мере, половина сельского населения готова к расширению самостоятельности, повышению экономической ответственности, управлению производством. Другая же половина не готова к радикальной аграрной реформе, адекватному восприятию разгосударствления колхозно-совхозной собственности, частной собственности на землю, к появлению новых хозяйствующих субъектов в советском обществе, таких как арендаторы, кооператоры, фермеры, лица, занимающиеся индивидуально-трудовой деятельностью, и воспринимаются как новые «нэпманы», или кулачество[2]. Воспитанные в духе всеобщей уравнительной системы, многие не согласны с расслоением общества по уровню материального благосостояния, неизбежным при переходе от административно-командных методов управления народным хозяйством к экономическим рычагам, созданию рынка. Зондажное исследование, проведенное нами в сельской местности летом 1990 г., показало нарастание негативного отношения к семейным арендным коллективам, как со стороны руководства, так и со стороны односельчан. Имеются случаи поджогов фермерских усадеб, потравы скота арендаторов. Исторический опыт послереволюционной России свидетельствует о том, насколько опасен слом

[1] Аргументы и факты. – 1990 – № 48.

[2] *Калугина З.И., Мартынова И.Н.* Опыт освоения новых форм хозяйствования в аграрном секторе (социологический анализ) // Изв. СО АН СССР. Регион: экономика и социология. – 1991. – Вып. 2.

общественных отношений без наличия соответствующей социальной базы.

Исходя из этого, считаем передел земли и сплошную деколлективизацию мерой преждевременной и социально опасной. Состояние общественного сознания на селе, доминирующий тип сельского работника и их ориентации могут служить базой для развития многоукладности в аграрном секторе. Не разрушая коллективных хозяйств, необходимо создавать реальные условия для возникновения и развития самостоятельных фермерских хозяйств, кооперативов, ассоциаций и других форм хозяйствования, не навязывая их сверху и предоставляя свободу выбора самим трудовым коллективам и отдельным его представителям.

Принципиальное значение для развития фермерских хозяйств имеет позиция руководителей всех уровней, так как от них во многом зависит обеспечение будущих фермеров землей, кредитами, ссудами, организация материально-технического обслуживания и т.п. Опрос партийных, советских и хозяйственных руководителей Западно-Сибирского региона, проведенного нами в 1990–1991 гг.[1], показал, что примерно 70% экспертов стратегическим направлением в развитии форм хозяйствования применительно к местным условиям считают сочетание крупного и мелкого сельскохозяйственного производства, каждый пятый ратует за преимущественное развитие крупного производства и лишь каждый десятый опрошенный будущее аграрного производства связывает с развитием малых форм (небольших кооперативов, самостоятельных крестьянских хозяйств, индивидуально-трудовой деятельности). Мотивируется эта точка зрения в 25% случаев отсутствием объективных условий для развития малых форм (техники, рынка средств производства, услуг, недостатком ресурсов для перевооружения сельскохозяйственного производства, несовершенством экономических отношений: ценообразования, налогообложения и др.); преимуществами крупного хозяйства (26%), а также представлениями о мелком производстве как отсталой форме. Характерные ответы: «малые формы – это кабала», «возрождение тяжелого ручного труда», «распыление средств», «разобщенность людей», «тормоз прогресса», «застой», «ошибка» и т.п.

Многие эксперты считают, что сами крестьяне не готовы к самостоятельному ведению хозяйства и вряд ли согласятся взять

[1] Опрошено более 500 экспертов.

землю для этих целей. Свою позицию эксперты мотивируют тем, что сельские жители отвыкли, разучились работать по-крестьянски, не имеют тяги к земле, не уверены в своих силах, не желают рисковать, у них нет опыта самостоятельного ведения хозяйства. С последним утверждением вряд ли можно согласиться. Большинство сельских жителей наряду с работой в колхозах и совхозах ведут личные подсобные хозяйства. На своем приусадебном участке сами решают, что им сеять и как сеять, какие виды и в каком количестве содержать скот, по каким ценам реализовать свою продукцию, как обеспечить личный скот кормами, какую технику и транспортные средства использовать в своем хозяйстве, вступать ли в договорные отношения с сельхозпредприятиями, потребительской кооперацией или заготовительными организациями и т.д. Иными словами, личное подсобное хозяйство является не только дополнительным источником продуктов питания и доходов населения, но и способствует сохранению традиций и навыков самостоятельного ведения хозяйства и может служить как бы переходной формой на пути от коллективного к фермерскому хозяйству.

Позиция руководителей и их реальные действия, как это выявил II съезд Ассоциации крестьянских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России, в целом ряде регионов препятствуют становлению новой формы хозяйствования в аграрном секторе. Они строят взаимоотношения с фермерами на кабальных условиях, отказывают им в необходимой помощи и поддержке. Согласно опросу, проведенному ИС АН СССР в1990–1991 гг. в РСФСР, Белоруссии, Казахстане и на Украине, четверть респондентов считают помехи со стороны руководителей одним из главных препятствий в развитии фермерства[1].

Помимо социальных существуют и экономические факторы, сдерживающие распространение семейной формы сельскохозяйственного производства. Позитивный потенциал семьи отнюдь не безграничен. На определенном этапе семье не обойтись без объединения усилий, без тех или иных форм коллективного, кооперативного труда. Кроме того, мелкотоварное производство, при котором единицей хозяйственной деятельности является крестьянский двор, подчас не благоприятствует внедрению передо-

[1] *Бабаева Л.* Земля: не берут или не дают? // Московские новости. – 1991. – № 10.

вой агротехники и тем более механизации сельскохозяйственных работ. В настоящее время, например в Китае, идут дискуссии по поводу наилучшего пути развития деревни: возвращение к совместному труду на основе добровольной «кооперации снизу», создание укрупненных фермерских хозяйств или сочетание семейного подряда с коллективным, так как по оценкам специалистов потенциал крестьянского двора как хозяйственной единицы во многом себя исчерпал[1]. Опыт Польши, где на долю крестьянских хозяйств приходится более 70% сельскохозяйственных угодий, говорит о невысокой экономической эффективности мелких крестьянских хозяйств. По мнению польских специалистов, оптимальными крестьянскими хозяйствами применительно к польским экономическим условиям с учетом технической оснащенности хозяйств и ресурсов рабочей силы считаются такие, площадь которых превышает 7 га. В настоящее время они составляют 29% всех крестьянских хозяйств. Подсчитано, что в ближайшие годы будут включены в процесс укрупнения около 600 тыс. небольших хозяйств. Таким образом, происходит процесс концентрации и создание экономически обоснованных семейных хозяйств[2].

По расчетам Института экономики АН УССР, на организацию семейной фермы с 10 га земли и 10 коровами необходимо затратить около 85 тыс. руб., на ферму с 15 га земли и 15 коровами – 150 тыс. руб., а с 50 га земли и 50 коровами – около 300 тыс. руб. Даже для 10% ферм в пределах Украинской ССР общая сумма капитальных вложений может составить около 2,5 млрд руб. Раздача земли без оснащения фермерских хозяйств техникой и другими ресурсами, без развития специализированной Финансово-кредитной системы, агросервисной службы и т.п. не только не решит проблемы возрождения крестьянства, но и подорвет саму идею.

По оценкам экспертов, отсутствие соответствующей материальной базы будет существенно сдерживать развитие фермерства. Кризисное состояние экономики, ограниченные финансовые возможности, отсутствие опыта по производству малогабаритной сельскохозяйственной техники (за исключением крайне ограни-

---

[1] Правда. – 1989. – 27 февр.

[2] См.: *Майхшак С Х.* Проблемы крестьянского хозяйства и реформа в Польше // АПК: экономика, управление. – 1988. – № 10. – С. 99–101.

ченного выпуска сельхозинвентаря и средств малой механизации для приусадебных хозяйств), незаинтересованность министерств и ведомств, а также предприятий-изготовителей в переходе на выпуск новой продукции, несовершенство экономических отношений не позволяют сделать оптимистический прогноз решения указанной проблемы в ближайшем будущем.

Использование основных производственных фондов совхозов и колхозов для этих целей также проблематично. Во-первых, из-за низкой обеспеченности сельскохозяйственной техникой самих коллективных хозяйств. По расчетам специалистов, для эффективного ведения хозяйства на 100 га сельскохозяйственных угодий требуется не менее 300 тыс. руб. производственных фондов, а фактическая обеспеченность – в четыре раза ниже нормативной и составляет 90 тыс. руб.[1] Во-вторых, из-за неприспособленности имеющейся техники к условиям небольших семейных ферм. В-третьих, получая технику у колхозов и совхозов, фермер ставится в зависимость от их руководителей, отношение которых к фермерским хозяйствам нередко негативное. В-четвертых, из-за нецелесообразности укрепления одного сектора аграрной экономики за счет ослабления другого.

Камнем преткновения на пути развития фермерства, на наш взгляд, будет передел земли и передача ее во владение фермеров. Неизбежно сопротивление со стороны руководителей, значительная часть которых по результатам нашего опроса, считает нецелесообразным передавать землю самостоятельным крестьянским хозяйствам ни при каких условиях. Фермерам выделяются земли малоплодородные, расположенные в отдаленных местах.

Местные Советы еще не имеют реальной власти, а потому не смогут противостоять этому сопротивлению. К тому же многие руководители являются депутатами местных Советов. Выход из этого положения видится в поиске социально-экономических рычагов, вынуждающих руководителей сельскохозяйственных предприятий избавляться от тех земель, которые они не в состоянии эффективно использовать, а местные Советы – передавать эти земли в руки фермеров на конкурсной основе. Такой социально-экономический механизм позволил бы превратить хозяйственных руководителей из противников в сторонников изменений аграрных отношений.

---

[1] Доклад председателя Совета Министров РСФСР И.С. Силаева на внеочередном Съезде народных депутатов РСФСР // Сов. Россия. – 1990. – 25 ноября.

Введение платы за землю в соответствии с ее оценкой, взимание в 1991 г. со всех земледельцев и землепользователей продналога в зависимости от количества и качества сельскохозяйственных угодий, покажет, насколько действенными окажутся эти рычаги как в решении проблемы продовольственного обеспечения страны, так и рационального использования земель.

Принципиальное значение имеют отношения собственности на землю. Внеочередной Съезд народных депутатов России принял историческое решение, законодательно закрепив равноправие государственной, колхозно-кооперативной, частной и коллективно-деловой форм собственности, а соответственно признал равноправие всех форм хозяйствования: колхозов, совхозов, крестьянских хозяйств, кооперативов и ассоциаций.

Вопрос заключается в том, готово ли наше общество к таким радикальным изменениям? Полагаем, что нет! Как было отмечено ранее, значительная часть населения воспринимает частную собственность на землю как посягательство на «завоевания» социалистической революции, как возврат к эксплуатации человека человеком и как акт социальной несправедливости. Крупный вираж в общественном сознании в короткий промежуток времени вряд ли возможен, хотя некоторые подвижки уже наблюдаются[1].

Контент-анализ выступлений народных депутатов РСФСР на внеочередном Съезде, а также писем и телеграмм, присланных в адрес Съезда, подтверждает эти выводы. Противники радикальной земельной реформы считают, что частная собственность на землю – это «предпосылка для формирования слоя "рантье", возрождения класса батраков в деревне, еще один шаг к нестабильности, конфронтации в стране, "к эксплуатации человека человеком". Она "оскорбляет погибших наших отцов, матерей, утверждает победу контрреволюции", "защищает интересы воротил теневой экономики"» и т.д.

Свою позицию они мотивируют отсутствием правового государства, возможностью спекуляции землей и сосредоточения крупных земельных участков в одних руках, неравными стартовыми условиями жителей разных регионов по наличию земель, пригодных для сельскохозяйственного производства, опасением

[1] См.: *Волкова Р., Попов Н.* Сколько земли в одни руки? // Известия. – 1991. 3 апр.

за судьбу колхозов и совхозов, трудностями проведения приватизации и т.п. Некоторые депутаты обращались к наследию А.В. Чаянова, который считал, что «для народа, важна не собственность на земле, а важно то, чтобы ему не мешали работать на ней устойчиво и производительно».

Уместно вспомнить в связи с этим и слова В.И. Ленина: «Аренда земли даже удобнее для чистого капитализма, для самого полного, свободного, "идеального" приспособления к рынку, чем собственность на землю... потому что частная собственность на землю затрудняет ее переход из рук в руки, тормозит приспособление землепользователя к условиям рынка, закрепляет землю в руках данной семьи или лица»[1].

Аренда земли как форма хозяйствования в аграрном секторе широко распространена в развитых капиталистических странах и в наши дни[2].

Сторонники радикальных перемен исходят из того, что введение частной собственности будет служить для крестьянина надежным гарантом экономической дееспособности, обеспечит им право на хозяйственный риск и подлинную свободу, явится экономической основой многоукладности аграрной экономики. Неуверенность в вечности «вечного» пользования землей, по мнению других депутатов, порождает неуверенность в будущем, а неуверенность в будущем создает соответствующую модель хозяйственного поведения. Это поведение пользователя, а не хозяина, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Различие мнений депутатского корпуса в определенной мере отражает состояние общественного сознания. Неготовность значительной части общества к радикальной аграрной реформе безусловно скажется в процессе ее реализации. Не исключено возникновение социальных конфликтов, зон повышенной социальной напряженности. Введение 10-летнего моратория на куплю-продажу земли частными лицами, оформление всех земельных сделок через местные Советы народных депутатов – звенья механизма, смягчающего возможные негативные последствия введения частной собственности на землю.

---

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – Т. 21. – С. 382.

[2] *Коныгин А.А.* Фермерское хозяйство США. – М.: Агропромиздат, 1989; *Павлова З.И.* Государственное регулирование сельского хозяйства во Франции. Организационно-правовые аспекты. – М.: Наука, 1988.

Потребуется достаточно длительный период времени для адаптации населения к новым условиям и нормам поведения. Ведь до последнего времени стремление к богатству, к более высокому социальному статусу осуждалось и расценивалось как рвачество, стремление к наживе, карьеризм и т.п. В глазах, по меньшей мере, одной четверти сельских респондентов, владельцы крупных приусадебных хозяйств были «частниками» и «кулаками». Героями же нашего времени считались «бессеребренники», трудяги «не за славу и не за деньги». Не случайно поэтому так низок уровень материальных притязаний у значительной части населения. По данным социологических опросов, проведенных (до повышения цен) в разных регионах страны, более 1/5 опрошенных достаточной для «выживания» называют сумму 101–150 руб., почти столько же респондентов – 201–300 руб., 1/3 опрошенных – 151–200 руб. и лишь один из десяти назвал цифру 300 руб. и выше. Наименьший уровень притязаний был отмечен у колхозников и работников совхозов. Примерно каждого четвер-того из них устраивала сумма до 100 руб., более половины – 101–200 руб.[1] При этом почти половина населения, по данным ВЦИОМа, предпочитает иметь пусть небольшой, но гарантированный заработок, и лишь 18% ориентированы на получение дохода от собственного дела, хозяйства, ведя его на свой страх и риск[2].

Изменение общественного сознания – процесс длительный и сложный. С этим необходимо считаться, оценивая перспективы развития частного сектора аграрной экономики. Об этом свидетельствует и опыт восточно-европейских стран. Так, в Болгарии не более 18% сельского населения стремится взять землю для ведения самостоятельных хозяйств. Не оправдались и представления о том, что стоит лишь на востоке Германии поставить сельское хозяйство в рыночные условия, как 1200 производственных кооперативов тут же распадутся. Из 325 тыс. тружеников сельского хозяйства в новых федеральных землях выразили желание вернуться на единоличную колею только 2 тыс. Остальные предпочли оставаться членами кооперативов или работниками народных имений[3].

---

[1] Аргументы и факты. – 1990. – № 245.

[2] Общественное мнение в цифрах. – М., 1990. – Вып. 15.

[3] Правда. – 1990. – 8 ноября.

Сдержанное отношение населения к новым формам хозяйствования, включая фермерство, в значительной степени обусловлено неуверенностью в будущем, отсутствием до последнего времени законов СССР и союзных республик о земле, о собственности, об аренде, о крестьянском (фермерском) хозяйстве и других правовых гарантий, неразработанностью механизмов реализации принятых законов.

По данным опроса сельских жителей, проведенного ИС АН СССР, соотношение между теми, кто уверен в стабильности союзного закона о земле, и теми, кто считает вполне вероятной его отмену, примерно 1:3 (17 и 47% соответственно)[1]. В настоящее время в ряде союзных республик разработаны и приняты законы о крестьянских хозяйствах. В них определен порядок предоставления земельных участков гражданам, принципы организации таких хозяйств, правовой и социальной защиты фермеров и наемных работников. Однако неустойчивость социально-политической ситуации в стране, так называемая «война» суверенитетов и законов не гарантируют их строгое выполнение на местах, что, безусловно, сдерживает решимость части населения заняться мелким бизнесом, создав самостоятельное крестьянское хозяйство. Настоящий хозяин еще выжидает. Не случайно первая волна фермеров в основном состоит из горожан, мало представляющих себе все трудности и сложности самостоятельного хозяйствования на земле.

Проведение земельной реформы открывает широкие возможности для развития самостоятельных крестьянских хозяйств, но масштабы и скорость их распространения по регионам страны будут неодинаковы, как в силу имеющихся различий в системе сельского расселения и неодинаковой структуры и численного состава сельских семей, так и в силу исторических особенностей развития аграрных отношений в разных регионах страны.

Достаточно сравнить хуторскую систему расселения в Прибалтике, густо населенный Юго-Запад страны, дисперсную систему расселения с огромными расстояниями между поселениями в районах Сибири и Дальнего Востока. Большие региональные различия имеются в обеспеченности села трудовыми ресурсами. В стране имеются как трудоизбыточные районы (Средняя Азия,

[1] *Бабаева Л.* Земли: не берут или не дают? // Московские новости. – 1991. – № 10.

Закавказье, Северный Кавказ), так и трудонедостаточные районы Сибири и Дальнего Востока, обезлюдевшая деревня Центральной части России. В последние годы резко сократилась численность сельского населения, а соответственно и сельскохозяйственное производство в Тверской, Новгородской, Смоленской, Ярославской и других областях РСФСР[1]. Не менее значительны и межреспубликанские различия в демографической ситуации на селе. В целом наблюдается дальнейшее сокращение численного состава и нуклеаризации сельской семьи. За период между тремя Всесоюзными переписями населения средний размер сельской семьи в РСФСР уменьшился с 3,8 до 3,4 и 3,3 соответственно в 1970, 1979 и 1989 гг.[2] В связи с этим сокращается трудовой потенциал семьи как ячейки сельскохозяйственного производства.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время общество не располагает необходимыми и достаточными условиями для сплошной деколлективизации и повсеместного перехода на фермерские хозяйства. Поэтому, несмотря на принятие законодательных актов о собственности на землю, число фермерских хозяйств в стране увеличивается не столь стремительными темпами. По данным Госкомстата СССР на 1 июля 1990 г. в стране насчитывалось менее 30 тыс. фермерских хозяйств, а в начале 1991 г. – около 50 тыс.

Значительный рост фермерских хозяйств наблюдается в Грузии, Латвии, Эстонии, Литве, Узбекистане и РСФСР. В среднем на одно хозяйство приходится 10,5 га земли, но есть и больших размеров – по 30–50–80 га. В Узбекистане на одно крестьянское хозяйство приходится в среднем по 4 га, а в Грузии – 0,45 га. В 1990 г. крестьянские хозяйства посеяли 48,5 тыс. га зерновых, 61,3 тыс. га кормовых, 9,2 тыс. га картофеля и овощей, 1,6 тыс. га технических культур[3]. Хотя число фермерских хозяйств заметно увеличилось, говорить о формировании полноправного семейного сектора аграрной экономики пока рано. Очевидно, трудности получения земельных участков, недостаточная финансовая под-

---

[1] Доклад председателя Совета Министров РСФСР И.С. Силаева на внеочередном съезде народных депутатов РСФСР // Сов. Россия. – 1990. – 25 ноября.

[2] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. – Т. УН. – М.: Статистика, 1974. – С. 279; Численность и состав населения СССР. – М.: Финансы и статистика, 1984. – С. 221.

[3] Экономика и жизнь. – 1990. – № 46.

держка, материально-техническая необеспеченность, сопротивление руководителей и недоброжелательное отношение односельчан в сочетании с правовой незащищенностью фермеров намного превышают преимущества и привлекательность самостоятельного ведения хозяйства.

Вместе с тем ориентации и готовность примерно десятой части сельского населения, а также определенной доли горожан уже сейчас вести такие хозяйства, объективная потребность в разнообразии форм хозяйствования в аграрном секторе обусловливают необходимость в разработке и реализации государственной (республиканской) программы поддержки фермерских хозяйств. Они должны развиваться как параллельная структура наряду с колхозами и совхозами, и не в ущерб последним. Более того, появление крестьянских хозяйств послужит импульсом для преобразования самих колхозов и совхозов. На развитие фермерских хозяйств в Российской Федерации выделен 1 млрд руб.

Состояние общественного сознания, отсутствие промышленного потенциала, способного в короткий срок обеспечить выпуск малогабаритной техники в значительных масштабах, длительность становления рыночных отношений, а также социально-демографическая обстановка в селе станут сдерживающими факторами для повсеместного распространения фермерских хозяйств и превращения их в обозримой перспективе в господствующую форму сельскохозяйственного производства. С уверенностью можно говорить о формировании одного из секторов сельскохозяйственного производства, который мог бы функционировать на равных правах с колхозами и совхозами и снизить негативное влияние их монопольного положения. Следует особо подчеркнуть социальную значимость развития этого сектора. Она заключается, во-первых; в возможности выбора членами общества той формы хозяйствования, которая в наибольшей степени соответствует их способностям, наклонностям и возможностям. Во-вторых, в условиях обострения ситуации на рынке труда в городе и селе (фермерские хозяйства могут служить своеобразной социальной нишей для части высвободившейся рабочей силы).

В перспективе в условиях рыночной экономики произойдет селективный отбор наиболее рациональных форм хозяйствования в аграрном секторе с учетом особенностей нашей страны.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 1990–2000-х ГОДОВ[1]

Экономическая реформа, начавшаяся в 1990-е годы, предусматривала радикальные преобразования в аграрном секторе страны. Она включала в себя реорганизацию колхозов и совхозов, проведение земельной реформы, развитие частного сектора аграрной экономики и была нацелена на повышение социальной активности и хозяйственной инициативы сельского населения. Аграрные преобразования, по крайней мере, на декларативном уровне предусматривали расширение социальных свобод. Это выразилось в предоставленном праве выбора форм хозяйствования, адекватных интересам, потребностям и возможностям трудовых коллективов, которое было подкреплено правом выхода работников из состава коллективного хозяйства, в том числе и для организации собственного дела, без согласия администрации и коллектива. Каждый сельскохозяйственный работник был наделен имущественным и земельным паем. Право на земельную долю получили и ряд других категорий сельского населения (работники социальной сферы села, пенсионеры, учащаяся молодежь и др.). Это обеспечивало сельскому населению определенный стартовый капитал для организации собственного дела.

В ходе реформы произошла институционализация новых форм хозяйствования, что обеспечило формирование многоукладной аграрной экономики. Эти меры должны были способствовать зарождению свободной конкуренции товаропроизводителей на аграрном рынке. Разнообразие форм хозяйствования позволяло использовать преимущества как крупного, так и мелкого производства, сочетая возможности крупного сельскохозяйственного производства с инициативой граждан. Радикальное изменение от-

[1] Эта статья была впервые опубликована в Ученых записках Московской высшей школы социально-экономических наук: Крестьяноведение. Теория. История. Современность, Ученые записки. 2005. Вып. 5. М.: МВШСЭН, 2006, с. 252–269, а затем – в журнале: Eastern European Countryside, 2007, № 13, pp. 69–82.

ношений собственности должно было обеспечить перераспределение земли и прочих производственных ресурсов в руки эффективного собственника и создать предпосылки для становления частного сектора аграрной экономики, развития агросервисных и социально-бытовых услуг. Были сняты административные ограничения для развития личного подсобного хозяйства на селе, а в последствии, благодаря специальному федеральному закону «О личном подсобном хозяйстве» от 7 июля 2003 г. №112-ФЗ, ЛПХ было признано формой непредпринимательской деятельности по производству сельхозпродукции, на которое распространяются такие же меры государственной поддержки, как и на крупных и средних сельхозтоваропроизводителей.

Другими словами, на входе реформ были созданы институциональные основы и правовая база для формирования многоукладной аграрной экономики и развития всех форм хозяйствования на земле. В последующее десятилетие аграрное законодательство было нацелено на решение проблем отношений собственности, в первую очередь на землю, совершенствование норм, регулирующих деятельность фермерских и личных подсобных хозяйств и стимулирующих развитие сельской потребительской кооперации.

Анализу институциональных преобразований в России и их неоднозначных последствий, в частности, возникновению так называемых институциональных ловушек посвящено значительное число работ известных отечественных экономистов и социологов: В. Амосова, А.В. Алексеева, Т.И. Заславской, Р.М. Нуреева, А. Олейника, В.М. Полтеровича и др.

Институциональная ловушка, в понимании авторов, – неэффективность сложившихся институтов, обусловливающих устойчивые неэффективные нормы поведения. В качестве институциональных ловушек, составляющих угрозу экономической безопасности страны, рассматривались бартер, неплатежи, коррупция, избегание налогов, теневизация экономики и др.

Основными причинами возникновения институциональных ловушек авторы считают: несогласованность изменений общественных институтов[1]; формальность, имитация институциональных преобразований, некомплексность, некачественное выполне-

[1] *Амосов А.* Макроэкономическая политика в лабиринте ловушек // Промышленные ведомости // http: //|www.derrick.ru/pv/dec_2001_03.shtml

ние институтами своих функций[1]; инерционность, традиционализм базовых институтов, сосуществование новых конструктивных правил игры с устаревшими, дисфункциональными, деструктивными нормами[2]; недостаточный контроль за выполнением формальных правил, неоправданное заимствование институтов из чужой культурной среды[3]; неприятие новых правил игры отдельными социальными субъектами, саботаж вновь установленных правил, социальная; существование теневых институтов; противоречия между общественными и частными интересами, между интересами разных социальных групп[4].

Д. Норт указывал на то, что институты необязательно и даже далеко не всегда создаются для того, чтобы быть социально эффективными. Институты, или, по крайней мере, формальные правила, создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил[5]. При этом создание рыночного правового поля не гарантирует возникновения эффективных рыночных институтов, естественного отбора эффективных институтов не происходит, неэффективные нормы поведения могут оказаться устойчивыми.

---

[1] *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.

[2] *Бессонова О.Э.* Институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1999; *Кирдина С.Г.* X и Y экономики: Институциональный анализ. М.: Наука, 2004.

[3] *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы, 1999, Т. 35. Вып. 2. – С. 3–19; *Полтерович В.М.* На пути к новой теории реформ. М.: ЦЭМИ Ран и РЭШ, 1999 // http: //www. cemi.rssi.ru/rus/publicate/e-pubs/ep99004.htm

[4] *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. – М.: Дело, 2004; *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Т. Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: занятость, заработки, потребление. – М.: Эдиториал УРСС, 2001; *Косалс Л.Я., Рывкина Р.В.* Социология перехода к рынку в России. – М.: Эдиториал УРСС, 1998; *Нуреев Р.М.* Стратегия и тактика российской модернизации в свете концепции социального рыночного хозяйства // Интернет конференция «Социальной рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России. http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/274590/print.html; *Ханин Г.И.* Технология экономического рывка в России (чему учит исторический опыт) // ЭКО, 2004, № 10, с. 165–180.

[5] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Пер. с англ. М.: Начала, 1997.

Существование подобных противоречий приводит к серьезным социально-экономическим последствиям, в частности, к быстрой трансляции неправовых практик на макро-, мезо- и микроуровни общества, замедлению процессов модернизации[1].

Примером таких практик может служить теневая, по терминологии Эрнандо Де Сото, «внелегальная» экономическая деятельность[2], рост которой стал совершенно неожиданным последствием рыночных реформ в России. В эпоху горбачевской перестройки общепринятым было мнение, что теневая экономика – это порождение присущих советской системе особенностей, дефектов, которые можно излечить либерализацией и введением частной собственности в рамках перехода к рыночной экономике. В силу этого считалось, что по мере продвижения страны по пути рынка и капитализма теневая экономика будет сокращаться и, соответственно, «световая» ее часть будет расти[3]. При этом теневизация экономики произошла и в неформальном секторе, одним из проявлений которой является скрытая, нелегальная оплата труда[4].

В результате возникла своего рода институциональная ловушка: рост теневого сектора приводит к сокращению легального. Однако при сохранении уровня общественных расходов это означает необходимость увеличения налогов на легальный бизнес, что приводит к растущей привлекательности теневого сектора и т.д.[5]

По мнению В.М. Полтеровича, существуют, по крайней мере, три основных механизма и возникающих в результате их действия эффекта, способствующие закреплению неэффективных норм поведения: «эффект обучения» (неэффективная норма поведения совершенствуется); «эффект сопряжения» (неэффективная норма встраивается в систему других норм, сопрягается с ними); «эф-

---

[1] *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность. 2001, № 5. – С. 13.

[2] *Эрнандо де Сото.* Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004.

[3] *Косалс Л.Я., Рывкина Р.В.* Социология перехода к рынку в России. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – С. 84.

[4] *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Т. Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: занятость, заработки, потребление. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 219.

[5] *Нуреев Р.М.* Социальные субъекты постсоветской России: история и современность http: //www. hse.ru/journals/wrldross/vol03/ nureev_1.htm

фект культурной инерции» (неэффективная норма воспринимается как обычная и ожидаемая)[1].

Институциональная ловушка, в нашем понимании, – *это обусловленное институциональными преобразованиями устойчивое существование неэффективных норм поведения, которые, в свою очередь, поддерживают устойчивое существование неэффективных общественных институтов.* Остановимся подробнее на институциональных ловушках в российском аграрном секторе.

Ловушка мелкотоварности аграрного производства: архаизация вместо модернизации

Одним из неожиданных результатов аграрной реформы, магистральной линией которой было создание эффективного частного сектора на базе фермерских хозяйств, явился рост производства в личных подсобных хозяйствах. Этот феномен можно расценить по-разному.

Ряд отечественных и зарубежных авторов рассматривают расширение производства в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ) как благо для страны и населения. Сторонники этой точки зрения полагают, что это и есть российский путь в светлое капиталистическое будущее: переход от коллективного социалистического хозяйствования к частному капиталистическому, к повсеместному возрождению крестьянского уклада[2].

Да, действительно благодаря значительному (более чем на одну треть) увеличению производства сельскохозяйственной продукции на личных подворьях удалось избежать голода в стране, сохранить общественный порядок. Однако какой ценой это достигнуто? До реорганизации коллективных хозяйств, про-

---

[1] *Полтерович В.М.* На пути к новой теории реформ. М.: ЦЭМИ Ран и РЭШ, 1999. //http: //www. cemi.rssi.ru/rus/publicate/e-pubs/ep99004.htm

[2] *David J. O'Brien.* Entrepreneurial Adaptations of Rural Households: Production, Sales, and Income. In: Ed. D.J. O'Brien and S.K Wegren. Rural Reform in Post-Soviet Russia. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2002, pp. 350–366; *Zvi Lerman.* The Impact of Land Reform on the Rural Population. In: Ed. D.J. O'Brien and S.K. Wegren. Rural Reform in Post-Soviet Russia. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2002, pp. 42–67; *Yamamura Rihito*. A New Phase of Post-Socialist Structural Changes in Russian Agriculture. In Ed. Dr. Ieda Osamu. Sapporo: Slavic Research Center, 2002, pp. 109–133; *Пациорковский В.В.* Сельская Россия. 1991-2001 гг. – М.: Финансы и статистика, 2003.

веденной в начале 1990-х годов прошлого столетия, ЛПХ являлось, в основном, сферой вторичной занятости населения наряду с занятостью в общественной сфере сельскохозяйственного производства. В нем производилась примерно четверть сельскохозяйственной продукции при сохранении ее высокой трудоемкости[1].

В условиях реформирования аграрных отношений и распада колхозно-совхозного производства, роль личного подсобного хозяйства как основного источника продуктов питания и дополнительных доходов сельского населения заметно возросла. По имеющимся статистическим данным, на конец 2005 г. 16,0 млн семей в России имели приусадебные участки общей площадью 7,0 млн га или по 0, 44 га на семью. Помимо этого, 14,1 млн семей имели земельные участки в коллективных и индивидуальных садах общей площадью 1,2 млн га или по 0,09 га в расчете на одну семью. Коллективными огородами общей площадью 0,3 млн га пользовались 3,2 млн семей. В расчете на одну семью приходилось по 0,1 га земли. Личные хозяйства населения наряду с сельскохозяйственными предприятиями являются в настоящее время ведущим сектором аграрной экономики. За годы реформ доля хозяйств населения в производстве сельскохозяйственной продукции выросла более чем в полтора раза и составила в 2006 г. 52,7%[2]. Начиная с 2003 г. наблюдается некоторая стабилизация данного сектора аграрного производства как по числу лиц, занятых ЛПХ, так и по динамике объемов производства. В этот период снизилась также доля лиц, пользующихся коллективными садами и огородами. Наблюдается и незначительное снижение удельного веса данной категории хозяйств в общем производстве сельскохозяйственной продукции.

В настоящее время созданы законодательные и экономические предпосылки для развития личного подсобного хозяйства как равноправной формы сельскохозяйственного производства и ее возможной трансформации в самостоятельные крестьянские хозяйства. Однако большинство сельских жителей пока не решаются вести самостоятельные крестьянские хозяйства. На наш взгляд, сохранению личных подсобных хозяйств в их прежнем

---

[1] *Калугина З.И.* Личное подсобное хозяйство в СССР. Социальные регуляторы и результаты развития. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 146–164.

[2] Россия в цифрах. 2007: Крат. Стат. сб./ Росстат. - М., 2007. – С. 231,234.

виде в значительной степени способствует существующий порядок налогообложения, согласно которому ЛПХ не облагаются подоходным налогом. Выплачиваемый владельцами ЛПХ земельный налог незначителен и потому не оказывает существенного влияния на рентабельность этой категории хозяйств. Она значительно увеличивается и благодаря использованию (бесплатно или на льготных условиях, легально или нелегально) ресурсов коллективных хозяйств. Положение ЛПХ как специфической формы неформальной аграрной экономики осознается большинством сельского населения и отражается в его поведении. Сельские жители понимают, что переход ЛПХ из неформального сектора экономики в формальный грозит им непосильным налоговым прессом и прекращением помощи коллективных хозяйств.

В настоящее время личные подсобные хозяйства населения занимают определенную нишу на продовольственном рынке страны. В них производится наиболее трудоемкая продукция растениеводства и животноводства, производство которой на крупных сельскохозяйственных предприятиях и в фермерских хозяйствах в современных условиях невыгодно. В 2006 г. в хозяйствах населения производилось 90,1% картофеля, 78,3% овощей, 48,7% мяса (в убойном весе), 51,5% молока[1]. В целом объем производства в личном секторе аграрной экономики за период реформирования аграрных отношений увеличился более чем на одну треть. Однако этот рост даже с учетом вклада фермерских хозяйств лишь смягчил, а не компенсировал полностью обвальное падение объемов производства, наблюдаемое в коллективных хозяйствах. В результате в 2004 г. в растениеводстве достигнут уровень 1990 г., то в животноводстве он восстановлен лишь наполовину[2].

При оценке перспектив данного сегмента аграрной экономики следует также учитывать вынужденный характер ведения ЛПХ, на что указывают 60% сельских жителей. Резкое сокращение доходов, поступающих из сферы формальной экономики, рост безработицы побуждает сельских жителей использовать

[1] Россия в цифрах. 2007: Крат. Стат. сб./ Росстат. – М., 2007. – С. 235.

[2] Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы // АПК: экономика, управление, 2007, № 9. –С. 6.

ЛПХ как сферу самозанятости и дополнительный источник доходов семьи. Если бы у сельских жителей была возможность выбора, то, по данным репрезентативных социологических опросов населения, только 7% сельских жителей согласились бы заниматься только ЛПХ. Кроме того, почти 40% мужчин и половина сельских женщин отметили негативное влияние ЛПХ на состояние их здоровья в силу его физической тяжести и высокой трудоемкости[1]. Если экономическая конъюнктура в стране изменится в лучшую сторону, то многие сельские жители сократят приусадебные хозяйства.

Вынужденное увеличение масштабов личного сектора в процессе реформирования аграрных отношений свидетельствует не о развитии частнособственнических настроений среди сельского населения и их нежелании работать в коллективном секторе, а лишь об умении русского крестьянина, уже в который раз брошенного государством на произвол судьбы, выносить на своих плечах все тяготы необдуманных социальных экспериментов. Поэтому рассматривать расширение производства в ЛПХ в качестве магистрального пути развития аграрной экономики, нет никаких оснований.

Таким образом, вместо модернизации сельскохозяйственного производства аграрная реформа привела к его архаизации. Это проявилось, в экспансии мелкотоварного производства, основанного на архаической системе хозяйствования: преобладании тяжелого немеханизированного труда, высокой трудоемкости, натурализации и потребительском характере производства, вовлечении в его сферу всех членов сельской семьи, включая стариков и детей. Как следствие – архаизация всего сельского образа жизни и депрофессионализация кадров.

Стремление реформаторов уничтожить коллективный сегмент аграрной экономики привело к гипертрофированному развитию мелкотоварного сектора, существование которого во многом зависит от коллективных хозяйств. Иными словами консервируется привычный тандем: ЛПХ – коллективные хозяйства. Круг замыкается.

[1] Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 303,305.

Ловушка хронической убыточности сельскохозяйственных предприятий

Одним из печальных результатов реформирования аграрного сектора явилось резкое ухудшение экономического положения сельскохозяйственных предприятий. За годы реформ доля убыточных сельскохозяйственных организаций многократно возросла. Несмотря на положительные тенденции в последние годы удельный вес убыточных хозяйств остается высоким и составляет, по данным за 2006 г., 35,1%. Государство попыталось избавиться от неэффективных собственников с помощью процедуры банкротства.

Действующий институт банкротства сельскохозяйственных предприятий, по меткому выражению одного из респондентов, – «внутренняя диверсия», был нацелен на ликвидацию неэффективного собственника и принудительное превращение наемных работников в рачительных самостоятельных хозяев. Идея по своей сути хорошая, но на практике ее реализация нередко приводит к прямо противоположным результатам.

Во-первых, процедура банкротства влечет за собой тяжелые социальные последствия: высвобождение работников, невыплаченная заработная плата, снижение уровня социальной защищенности работника, недополучение местным бюджетом налоговых поступлений от данного предприятия.

Во-вторых, нередко под процедуру банкротства подводятся далеко не худшие предприятия. Главной целью ее становится откровенный захват собственности: земли, зданий и сооружений, сельскохозяйственной техники. В результате действий исполнительных приставов за бесценок распродаются основные производственные фонды коллективных хозяйств. Лишенные средств производства владельцы земельных паев вынуждены сдавать их в аренду новым хозяевам на кабальных условиях, либо в перспективе расстаться с ними и вовсе. Хотя сейчас многие сельские жители начинают понимать, что единственный капитал, которым они владеют в результате аграрных преобразований, – это земельные паи. Новые хозяева-предприниматели не скрывают своих намерений в перспективе скупить эти самые паи там, где бонитет почв достаточно высок и земельные угодья выгодно расположены.

Там же, где приход новых владельцев не сопровождается закрытием предприятия, первым шагом нового руководства становится коренная реорганизация, жесткая кадровая политика, нередко сопровождающаяся серьезными социальными издержками. Известны случаи, когда новые владельцы сельскохозяйственных или перерабатывающих предприятий, наслышанные о пороках сельских работников (пьянство на рабочем месте, воровство, низкая квалификация) идут на крайние меры: увольняют работавших здесь людей, а вместо них набирают людей из города и доставляют их на поденную работу по вахтовому принципу. Срабатывает так называемое «статистическое» предубеждение, означающее перенос определенных характеристик группы на отдельных индивидов и являющееся одним из источников дискриминации на рынке труда[1].

Стремление новых хозяев поднять эффективность производства и производительность труда, вполне понятно и оправдано. Но зачастую оно сопровождается высокими социальными издержками. Одним из печальных результатов реформирования сельского хозяйства стало массовое появление сел и деревень, где после банкротства сельхозпредприятий практически не остается крупных работодателей. Так, в Новосибирской области таких поселений насчитывается, по разным оценкам, от 200 до 300, еще в 100 селах предприятия находятся на грани закрытия, работы там практически тоже нет. Основным источником выживания в таких условиях является личное подсобное хозяйство. Однако там, где крупные сельхозпредприятия прекращают свое существование, личные подсобные хозяйства заметно сокращаются. Лишенные помощи со стороны коллективных хозяйств, которые и в сложных экономических условиях оказывают помощь своим работникам в ведении ЛПХ, сельские жители вынуждены свертывать свои приусадебные хозяйства. Такая ситуация усугубляет бедственное положение сельских семей, для которых приусадебное хозяйство в современной ситуации является одним из основных источников средств существования.

Таким образом, стремление государства избавиться от нерентабельных сельскохозяйственных предприятий без должной госу-

[1] *Утинова С.С.* Изоморфный рынок труда в России. – М.: Наука, 2003. – С. 31.

дарственной поддержки высвобождаемых работников приводит к резкому ухудшению уровня и качества жизни сельского населения.

В процессе реализации программы финансового оздоровления сельскохозяйственных предприятий в рамках Федерального закона «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей» на базе хозяйств-банкротов стали создаваться новые юридические лица (чаще всего в виде сельскохозяйственных кооперативов (СПК) и муниципальных унитарных предприятий (МУП)), на баланс которых переводится наиболее ликвидное имущество «спасаемого» предприятия (скот, техника, оборотные средства). Передача средств производства сельхозпредприятий в муниципальную собственность и создание на их базе муниципальных унитарных предприятий является одной из попыток решения проблем неплатежеспособных предприятий, сохранения рабочих мест на селе и обеспечения, хотя бы минимальной социальной защиты работников. По мнению экспертов, нерентабельные неэффективные коллективные хозяйства существуют сейчас для перекачки ресурсов сельхозпредприятий в личные подсобные хозяйства населения, которые существуют, во многом, за счет помощи, оказываемой им коллективными хозяйствами.

Однако попытки реанимировать старые институциональные формы в виде муниципальных унитарных предприятий (МУП) не приносят серьезных положительных результатов. Это обусловлено тем, что старые институциональные формы приходят в противоречие с формирующимися новыми экономическими отношениями. Частные инвесторы не рискуют вкладывать свои деньги в сельскохозяйственные предприятия, базирующиеся на государственной «общественной» форме собственности. К тому же социальные последствия подобных преобразований также неблагоприятны для большинства работников предприятия, которые лишаются своих имущественных паев, которые вновь превращаются в коллективное достояние, образуя основные производственные фонды муниципальных унитарных предприятий.

Последняя программа реструктуризации долгов сельских товаропроизводителей представляет собой попытку увязать ее с эффективностью их деятельности. Иными словами, в перспективе выживание села должно будет более жестко зависеть от прибыльности хозяйств. *Отсрочка, рассрочка и частичное списание долгов,*

с одной стороны, заинтересовывают коллективные хозяйства пересмотреть политику в отношении реализации прав акционеров и стимулировать трудовой коллектив на рыночно ориентированное поведение, а с другой – закрепляют в сознании и поведении сельских товаропроизводителей патерналистские настроения.

В связи с этим благое дело о финансовой помощи сельскохозяйственным товаропроизводителям может обернуться очередной институциональной ловушкой, еще и потому, *что закрепляются привычные для советской практики симбиотические отношения личных подсобных и коллективных хозяйств. В результате такой политики мы получаем положительный социальный эффект, помогая населению в ведении ЛПХ и сохраняя рабочие места пусть и невысокого социального качества, но с другой стороны, мы поддерживаем и соответственно продлеваем срок существования неэффективных сельскохозяйственных предприятий.*

Ловушка низкой цены сельскохозяйственного труда и бедности сельского населения

В результате первоначального накопления капитала, происходящего в России в 1990-х годах, большая часть населения, работающая по найму, утратила право на владение средствами производства и прямое пользование результатами своего труда. Подобно тому, как при становлении капитализма одним из главных источников накопления богатства буржуазии были разорение мелкого товаропроизводителя и усиление эксплуатации наемного труда, так и на современном этапе первоначальное накопление шло и продолжает идти путем уменьшения оплаты труда, т.е. необходимого продукта, покрывающего издержки воспроизводства рабочей силы[1]. Сельские жители, как и другие россияне до сих пор переживают так называемую «приватизационную травму». «*Вся администрация, когда началась перестройка с распределением, была у руля, всю технику хорошую забрали. Мне людей жалко. Всю жизнь провкалывали, а сейчас не очень грамотные остались с носом»* (из интервью с сельским респондентом).

[1] *Плышевский Б.* Частный и государственный капитал: проблема взаимоотношений // Экономист, 2004, № 6, с. 28.

Данные обследования бюджетов домашних хозяйств за 1997–2002 гг., говорят о существовании глубоких социальных различий в материальном благосостоянии городского и сельского населения России. Доля бедных в составе сельского населения в 1997–2002 гг. была примерно в 1,5 раза выше, чем среди городского населения. При этом для сельского населения риск стать бедными был намного выше, чем для горожан[1]. При этом разрыв между городом и деревней по уровню бедности не сокращается, а растет.

Оплата труда остается основным источником формирования денежных доходов россиян несмотря на некоторое снижение ее доли по сравнению с дореформенным периодом. По данным государственной статистики, в 2006 г. оплата труда в структуре денежных доходов населения составляла 66,4% (для сравнения в 1992 г. ее доля оставляла 73,6%)[2]. Между тем заработная плата сельскохозяйственных работников является и сейчас самой низкой среди отраслей экономики. В 2006 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников сельского хозяйства составила 4577,7 рубля или 42,7% по отношению к общероссийскому уровню и едва достигла прожиточного минимума трудоспособного населения[3].

Расчеты экономистов показывают, что почасовая заработная плата в России составляет 1,7 долл. США, что в 1,5 раза ниже чем в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), тогда как производительность труда в промышленности России находилась на среднеевропейском уровне. По сравнению с группой стран большой семерки почасовая заработная плата в России отставала в 13,5 раз, а относительно стран Северной Европы (Норвегия. Дания, Швеция, Финляндия) и того больше – 18,2 раза. В то время как по производству добавленной на одного занятого, разрыв не столь велик: он составляет 2,3 раза для «группы семи», и 2,6 раза по сравнению с Северной Европой (табл. 1).

---

[1] *Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С.* Бедность в современной России: масштабы и территориальная дифференциация // ЭКО, 2004, № 11, с. 41–56.

[2] Россия в цифрах. 2007: Крат. Стат. сб./ Росстат. – М., 2007, с. 117.

[3] Россия в цифрах. 2007: Крат. Стат. сб./ Росстат. – М., 2007, с. 118,122

Таблица 1

Соотношение России и других стран мира по заработной плате и производительности труда (Россия =1. 2004 г.)

Страна	Почасовая заработная плата	Производство добавленной стоимости на одного занятого
Северная Европа (Норвегия, Дания, Швеция, Финляндия)	18,2	2,6
«Группа Семи»	13,5	2,3
Средиземноморский регион (Португалия, Греция, Испания, Словения, Турция, Израиль)	5,2	1,5
Юго-Восточная Азия (Южная Корея, Малайзия, Сингапур)	4,0	2,0
Центральная и Восточная Европа (Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Чехия)	1,5	1,0
Латинская Америка (Чили, Колумбия, Мексика, Венесуэла)	1,4	1,0
Новые «центры силы» Азии (Китай, Индия, Индонезия)	0,3	0,5

Источник: IMD World Competitiveness Yearbook, 2005; Доклад А.Р. Белоусова «Долгосрочные тренды Российской экономики», 2005, с. 29. http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/274590/print.html

При этом удельный вес расходов на оплату труда в валовом внутреннем продукте в целом по экономике страны сократился с 37,7% в 1995 г. до 34% – в 2004 г.[1] По данным МОТ, в настоящее время в Россия самая низкая почасовая оплата труда в мире. Согласно рекомендации ООН, оплата труда ниже 3 долларов в час считается недопустимой. При такой зарплате человек теряет стимулы к работе.

Низкая оплата труда позволяет предпринимателям сокращать издержки производства, но одновременно она ограничивает накопление капитала из-за узости внутреннего рынка. Кроме того, она

[1] Труд и занятость в России. 2005: Стат. сб./Росстат. – М., 2006, с. 412.

практически разрушает экономические стимулы к труду, что сказывается, как на заинтересованности, так и на производительности труда сельскохозяйственных работников[1]. Аграрный сектор испытывает двойной прессинг как со стороны низкой цены труда сельскохозяйственных работников, так и со стороны низкого платежеспособного спроса остального населения. *В этом состоит другая институциональная ловушка.*

Не менее опасным следствием обесценивания труда и систематических нарушений в его оплате (длительные задержки заработной платы, высокая доля натуроплаты, отсутствие компенсаций за работу в неблагоприятных условиях труда, невыплата отпускных и т.п.) неизбежно обусловливают деструктивную адаптацию (дезадаптацию) сельского населения. Для нее характерно разрушение трудовой мотивации, снижение инструментальной и терминальной ценности труда, привыкание к бедности, к низким стандартам жизни, ориентация на выживание, а не на улучшение благосостояния, люмпенизация и маргинализация сельского населения.

Известно, что «безработица в легальном секторе увеличивает число преступлений против собственности не потому, что она пробуждает в людях беспокойство и жестокость, а потому, что она сокращает «прибыль» от легальных профессий»[2].

Если исходить из общественных интересов, то *институциональную систему, которая не обеспечивает заинтересованность социальных групп в рациональном поведении, нельзя считать эффективной, а процесс закрепления в практике нерациональных норм поведения можно рассматривать как институциональную ловушку.*

Положение усугубляется широким распространением суррогатных форм оплаты труда, задержки ее выплаты. Замена денежной оплаты труда в формальном и неформальном сегментах сельского рынка труда на суррогатные формы (натуроплата, «отоварка», выдача продукции под запись, обмен услугами и пр.), широкое распространение невыплаты заработной платы обусло-

---

[1] *Плышевский Б.* Частный и государственный капитал: проблема взаимоотношений // Экономист, 2004, № 6, с. 26.

[2] *Беккер Гэри С.* Экономический анализ и человеческое поведение //Thesis, 1993, вып. 1., с. 334.

вили трансформацию денег. Люди на селе, по существу, забыли об истинной роли денег. Вместо денежного вознаграждения работники получают за свой труд зерно, мясомолочные продукты, корма для скота, молодняк животных для личного подсобного хозяйства, дрова, уголь и другие товары или продукцию. Распространенной формой оплаты труда на поденной работе у своих же односельчан стало спиртное.

Безусловно, основной причиной такой ситуации – неэффективность, низкая рентабельность сельскохозяйственного производства, во многом обусловленная существующим диспаритетом цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию и энергоресурсы, низким платежеспособным спросом населения, недостаточными масштабами государственной поддержки сельского товаропроизводителя.

Другая причина – высокий размер социального налога, что вынуждает руководителей хозяйств уводить определенную долю оплаты труда в тень или в натуральную форму, или вовсе ее не выплачивать. Государство за счет такого рода комбинаций не дополучает значительные суммы средств, предназначенные для решения социальных проблем, что усугубляет положение сельских работников. Получается замкнутый круг: правительство, стремясь решить насущные социальные проблемы, увеличивает налоги, а хозяйствующие субъекты, чтобы выжить в существующих условиях всяческими способами избегают этих налогов. В результате социальные проблемы остаются нерешенными. Возможно, намечающееся снижение социального налога с предприятий несколько улучшит ситуацию в будущем, хотя вряд ли поможет полностью избежать подобного рода институциональных ловушек.

Третья причина – недобросовестность некоторых работодателей, которые и при наличии финансовых ресурсов не выполняют своих контрактных обязательств. В результате сельские жители годами не получают денежное вознаграждение за собственный труд, а когда подворачивается редкий случай, то они не знают, что с полученными денежными знаками делать.

Очевидно, эпизодические, неожиданно полученные выплаты воспринимаются работниками уже не как заработная плата, а как случайный неожиданный приработок. Соответственно меняется и целевое предназначение этих денег. Современные исследования

свидетельствуют о том, что деньги сопряжены с «множественной символизацией». Например, даже при абсолютной идентичности полученных сумм люди совершенно по-разному воспримут неожиданный доход, если в одном случае речь идет о премии, а в другом – о наследстве[1]. Следуя логике В. Зелизер, суммы, получаемые работником в виде *регулярного* заработка и *случайного* приработка, будут восприниматься ими как разные деньги, имеющие разное предназначение. Поэтому в случае эпизодической, «неожиданной» выплаты деньги воспринимаются ими как случайные и, как правило, не передаются на нужды семьи, а используются на другие цели, например, выпивку.

Возникновению множественности денег в селе способствует также и натурализация личного подсобного хозяйства. Из-за отсутствия постоянных заработков сельские семьи расширяют свои хозяйства с определенной целью, например, одного бычка держат, для того, чтобы оплатить учебу детей в Вузе, а другого – для того, чтобы «проводить» детей в школу, третьего, чтобы сыграть свадьбу и т.д.

Таким образом, деньги в селе перестают быть мерой труда, накопления и сбережения. В практике экономических отношений и социального обмена широко распространен бартер и немонетарные формы расчетов. Всеобщим эквивалентом, особой формой «социальных денег», по терминологии В. Зелизер, на селе становятся спиртное, корма, зерно, хлеб, молодняк животных, услуги и т.п.

Появление неэффективных социальных практик вследствие некачественного выполнения общественными институтами своих функций также можно считать институциональной ловушкой.

Решению указанных проблем, на наш взгляд, могла бы помочь разработка и реализация государственной программы реструктуризации сельскохозяйственной отрасли, аналогичной той, которая в свое время была применена в угольной промышленности. Эта программа должна предусматривать систему социальной защиты высвобождаемых работников, профессиональное консультирование и

[1] *Зелизер Вивиана.* Создание множественных денег // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. – М.: РОССПЭН, 2004, с. 413-430.

переобучение, организацию общественных работ для обеспечения временной занятости, поддержку развития малого и среднего бизнеса, реконструкцию и развитие социальной сферы села, а главное, – это программу создания новых рабочих мест, в том числе, связанных с переработкой и хранением сельскохозяйственной продукции. Особое место должны занимать мероприятия, обеспечивающие условия ведения личных подсобных хозяйств населения в отсутствии коллективных хозяйств на базе развития сельской кооперации, включающей создание обслуживающих, кредитных, сбытовых и потребительских кооперативов.

По расчетам известных экономистов Д. Фомина и Г. Ханина, дефицит ресурсов в сельском хозяйстве и их избыток в пищевой промышленности и торговле – величины одного порядка. Отсюда следует, что проблемы сельского хозяйства, в том числе и программа реструктуризации отрасли, может быть решена за счет перераспределения доходов между отраслями продовольственного сектора[1].

[1] *Фомин Д., Ханин Г.* Что происходит в продовольственном комплексе: макроэкономический взгляд. // Отечественные записки , 2004, №1, с. 272–282.

СЕЛЬСКИЙ РЫНОК ТРУДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ[1]

Изменения на рынке труда – один из важнейших процессов в переходной экономике, в немалой степени определяющий ход и результаты социально-экономического развития общества в целом. Современные отечественные исследования рынка труда посвящены проблемам сегментации этого рынка, появлению новых видов и форм занятости, конкурентоспособности разных социально-демографических групп (В. Гимпельсон, В. Кабалина, К. Кларк, А.И. Кравченко, В.С. Магун, В.Д. Патрушев, Г.Н. Сергеева, Л.С. Чижова, О.И. Шкаратан и др.), взаимоотношениям государства и субъектов рынка труда, социальным аспектам рынка труда (Г. Мкртчян, И. Чистяков), поведению наемных работников и работодателей в свете западных парадигм экономической социологии (В.В. Радаев, В. Якубович). Комплексному анализу российского рынка труда в пореформенный период посвящена работа Р.И. Капелюшникова. В работах В. Артемова, Л. Бондаренко, В. Васильева, Н. Власова, А. Никулина, О. Фадеевой, В. Чуракова рассматриваются такие проблемы занятости сельского населения как использование времени, формальная и неформальная занятость, женская безработица и др.

Общественные трансформации, в том числе аграрного сектора России, начавшиеся в начале 90-х годов, проявились в становлении многосекторной (многоукладной) экономики, диверсификации производства, формировании системы рынков, включая рынок труда, создании соответствующих инфраструктур. Произошли определенные изменения в сознании и экономическом поведении людей. Регулирование, а, в значительной степени, саморегулирование рынка труда в современной России основывается на новых системообразующих принципах экономической активности населения, обусловленных, прежде всего изменениями в формах собственности. Идут процессы реструктуризации заня-

[1] Эта статья была напечатана в журнале «Регион: экономика и социология», 2004, № 1, с. 145–168, переведена на английский язык и опубликована в журнале «Eastern European Countryside», 2005, № 11, pp. 19–38.

тости, изменения спроса на отдельные профессии, формирования новых сфер приложения труда (самозанятость, предпринимательство, работа по найму у физических лиц, «батрачество» и др.), расширения масштабов негосударственного сектора экономики. Особенностью трансформационных процессов в сфере занятости является также усложнение регулирования рынка труда в связи с тем, что он стал более многомерным и сегментированным.

В данной статье акцентируется внимание на институциональных изменениях в сфере труда, на моделях поведения населения, а также на динамических и структурных сдвигах на сельском рынке труда. Информационной базой анализа послужили данные государственной и региональной статистики, специальных выборочных обследований по вопросам занятости, а также социологических опросов населения, проведенных под руководством и при участии автора в сельских регионах Сибири в период 1990–2008 гг.[1]

Основные задачи исследования:

- проанализировать институциональные изменения в аграрном секторе России, оказавшие существенное влияние на сферу труда;
- выявить специфические характеристики и черты современного сельского рынка труда России;
- определить динамические и структурные сдвиги в занятости сельского населения;
- оценить распространенность формальной и неформальной занятости;
- выявить доминирующие модели поведения сельских работников на рынке труда;
- обозначить наиболее актуальные проблемы сельского рынка труда и пути их решения в перспективе.

[1] Исследования проводились при финансовой поддержке Независимого института социальной политики (Грант № SP-02-1-05), Российского гуманитарного научного фонда (Грант № 02-03-18204а; Грант № 05-03-03290а; Грант № 08-03-00473а), Гранты Президиума СО РАН.

Диверсификация занятости сельского населения

Анализ динамики численности и структуры занятых в аграрном секторе показал, что здесь происходили те же процессы, что и в экономике в целом. Аграрный сектор, как и вся экономика страны, претерпела тяжелейший кризис в период реформ. Сокращение объемов производства достигло угрожающих размеров, встал вопрос о продовольственной безопасности страны. Однако численность занятых в сельском хозяйстве сокращалась значительно более медленными темпами (рис. 1).

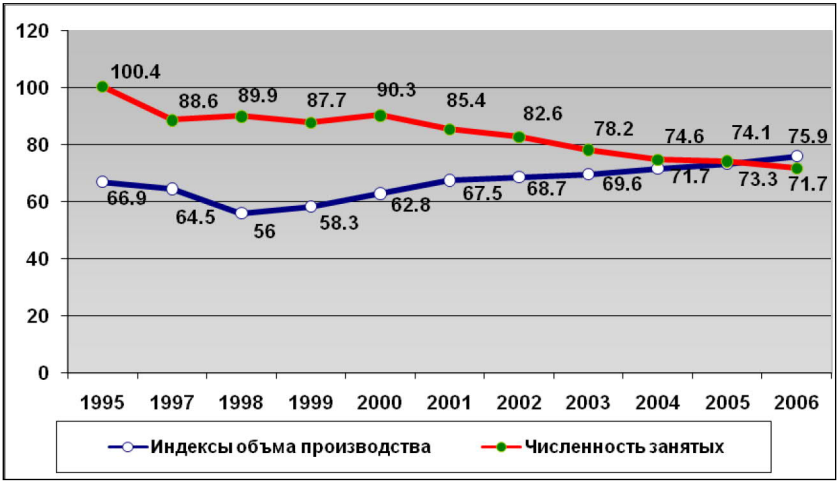

Рис. 1. Динамика объема производства и среднегодовой численности занятых в сельском хозяйстве Российской Федерации в 1995–2004 гг. (1990=100)

Рассчитано по: Россия в цифрах. М.: Госкомстат России, 2003. – С. 202; Россия в цифрах. М.: ФСГС , 2005. – С. 81, 211; Российский статистический ежегодник. – М.: ФСГС, 2004. – С. 141.

Следует отметить, что слабая эластичность характерна не только для сельского, но и для всего российского рынка труда. Так, за 1992–1998 гг. валовой внутренний продукт (ВВП) в Российской Федерации сократился на 40%, тогда как занятость (рассчитанная по методологии МОТ) лишь на 14%. Другими словами, каждый процентный пункт сокращения ВВП приводил

к уменьшению занятости на треть пункта. Недостаточная «отзывчивость» занятости в этот период во многом компенсировалась сокращением рабочего времени и значительным снижением реальной оплаты труда. Эластичность спроса на труд оставалась очень низкой и в 1999–2000 гг., когда произошло некоторое оживление экономики. Если в 2000 г. ВВП превышал уровень 1998 г. примерно на 12%, то совокупная занятость была больше лишь на 2,2%. То есть на каждый пункт роста ВВП приходилось лишь 0,2 пункта роста занятости [Обзор…, с.54]. В последующие годы разрыв между приростом ВВП и уровнем занятости населения увеличился. Так, за период 2001–2005 гг., среднегодовой прирост ВВП составил 6,2%, а среднегодовой численности занятых в экономике – 0,7% [Российский…, 2008, с. 35].

Нестандартное поведение российского рынка труда в условиях трансформации экономики стало предметом пристального внимания отечественных и зарубежных исследователей. Выдвигалось множество гипотез (от договоренности между директорами и местными властями о сдерживании безработицы, об ограничении высвобождения рабочей силы в процессе приватизации, о сложности процедуры высвобождения рабочей силы и др.), объясняющих, почему в условиях формирования рыночных экономических отношений российские предприятия сдерживают высвобождение рабочей силы и почему менеджеры и директорский корпус ведут себя «нерационально». Впоследствии эти гипотезы были отвергнуты. В результате западные и отечественные специалисты пришли к общему выводу о *социальной ответственности менеджеров и директорском патернализме,* как главной причине сдерживания безработицы в российской экономике в начале реформ. Эти выводы были подтверждены результатами опросов директоров промышленных предприятий о причинах сдерживания высвобождения рабочей силы. Главными причинами этого явления, по мнению директоров, являются: *патерналистские установки или социальная ответственность менеджмента* (50–70% ответов), *предпринимательские ожидания* (35–40% ответов) и *значительные издержки,* сопровождающие сброс излишней рабочей силы (30–35% ответов) [Капелюшников, 2001,с. 217–222].

В советский период как промышленные, так и сельскохозяйственные предприятия помимо производственных функций выполняли ряд важных функций по социальному обслуживанию

своих работников, имея на собственном балансе предприятия общественного питания, медицинские, детские дошкольные учреждения и др. Груз социальной ответственности не мог быть полностью сброшен с появлением новой «вывески» предприятия. Бóльшая включенность сельских руководителей в систему неформальных социальных отношений является другим важным фактором, вынуждающим их делать нерациональный с экономической точки зрения, но эффективный с социальной точки зрения выбор. Заведомо идя на экономические издержки, руководители многих сельскохозяйственных предприятий сдерживали и сдерживают рост безработицы во избежание социального взрыва, морального осуждения окружающих. По их собственным оценкам, избыток рабочей силы составляет на их предприятиях не менее четверти численности персонала.

Тем не менее, наблюдается постепенное сокращение численности занятых в сельском хозяйстве на фоне увеличения объемов производства и возрастающей потребности отрасли в дополнительных рабочих кадрах. Это свидетельствует, во-первых, о постепенной адаптации сельскохозяйственных предприятий к условиям рынка, когда они вынуждены избавляться от лишних рабочих рук, а, во-вторых, об имеющемся структурном дефиците рабочей силы. По данным Росстата, с начала 2000-х годов численность занятых в сельском хозяйстве РФ сократилась на 2071 тыс. человек или на 23% [Российский…, 2008, с. 138].

Структурный дефицит кадров обусловлен, с одной стороны, низким уровнем квалификации и другими характеристиками свободной рабочей силы, а с другой – низким социальным качеством вакантных рабочих мест, а именно, неудовлетворительными условиями труда, низким уровнем его оплаты, неопределенными перспективами развития. Вследствие этого сельскохозяйственные предприятия остро ощущают недостаток квалифицированных кадров: механизаторов, механиков, электриков, доярок, специалистов средней и высшей квалификации.

На структуре и уровне занятости сельского населения в процессе реформ сказалась также передача социально-бытовой инфраструктуры с баланса сельскохозяйственных предприятий на баланс местных администраций. Последние к настоящему времени и поныне не имеют в достаточном объеме ни финансовых, ни материальных, ни кадровых ресурсов для ее содержания и развития. Это привело к деградации социальной сферы села,

сузило и без того небогатый выбор рабочих мест, обусловило увеличение диспропорций в структуре рабочих мест на сельском рынке труда (табл. 1).

Таблица 1

Структура занятого городского и сельского населения России по видам экономической деятельности, ноябрь 2008 г., %

Отрасль экономики	Город	Село
Обрабатывающие производства	19,2	9,3
Добыча полезных ископаемых	1,9	1,6
Сельское и лесное хозяйство	1,9	26,8
Транспорт и связь	10,2	6,7
Строительство	7,7	6,4
Оптовая и розничная торговля, гостиницы и рестораны	18,8	12,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,2	2,9
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	7,7	7,3
Образование	8,4	11,3
Культура, искусство, наука и научное обслуживание	3,1	2,5
Финансовая деятельность	9,4	3,9
Государственное управление, безопасность, социальное обеспечение	7,8	8,3
Другие виды экономической деятельности	3,7	3,3

Источник: Обследование населения по проблемам занятости. Ноябрь 2008 года. – М.: Росстат, 2008 (электронная версия).

Сохранению наблюдаемых тенденций на сельском рынке труда способствует также ввод в действие в 2002 г. Закона РФ «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных производителей», устанавливающего правовые основы и условия реструктуризации долгов (отсрочка, рассрочка и полное списание) сельскохозяйственных товаропроизводителей в целях улучшения их финансового состояния. Финансовое оздоровление предприятий, включенных в эту программу, как правило, сопровождается высвобождением излишней рабочей силы. О масштабах этой акции можно судить по доле убыточных сельскохозяйственных пред-

приятий, которые могут быть потенциальными участниками данной программы. В 2005 г. доля убыточных сельскохозяйственных предприятий составила в России 40%. [Российский …2006, с. 442]. В более отдаленной перспективе реализация Государственной программы развития сельского хозяйства на 2008–2012 гг., доля убыточных хозяйств в перспективе должна снизиться до 30% [Государственная…, с. 17], а спрос на рабочую силу – должен повыситься.

Основными работодателями в сельском хозяйстве являются в настоящее время предприятия, учреждения, организации всех форм собственности, фермерские хозяйства. По данным выборочных обследований населения, на них занято (по месту основной работы) более 70% сельскохозяйственных работников. Примерно четверть занимаются предпринимательской деятельностью без образования юридического лица[1], остальные работают по найму у физических лиц. При этом наблюдается тенденция к сокращению постоянной занятости и возрастанию доли случайных заработков и работы по срочному трудовому договору или по договору на выполнение определенного объема работ. По последним данным (на ноябрь 2008 г.), в сельском хозяйстве трудились по найму более 66% занятых, остальные работали не по найму.

Альтернативные сферы занятости. Появление *трудонедостаточных сегментов* на сельском рынке труда в сочетании с существенным снижением уровня занятости свидетельствует о том, что в современной российской экономике сформировался альтернативный рынок труда, успешно конкурирующий с легальной экономикой и предъявляющий значительный спрос на рабочую силу. Притягательность альтернативных форм занятости объясняется высоким уровнем доходов в теневой сфере, хотя по остальным социальным характеристикам они проигрывают традиционным формам занятости [Россия…, с. 165–193].

Деградация социальной инфраструктуры сельских поселений (основные показатели развития социальной инфраструктуры села РФ показано в табл. 2) послужила причиной замещения «организованных» форм услугами, предоставляемыми в основном сегментом *«неформальной» занятости*.

[1] Включая лиц, занятых на индивидуальной основе, а также в домашнем хозяйстве производством продукции сельского хозяйства, предназначенной для реализации.

Таблица 2

Ввод в действие объектов социально-культурного назначения в сельской местности РФ, тыс. мест

Годы	1995	2000	2005	2006	2007
Общеобразовательные учреждения, тыс. ученических мест	86,8	53,5	27,9	28,5	35,7
Дошкольные учреждения, тыс. мест	12,8	3,0	0,9	1,3	3,0
Больничные учреждения, тыс. коек	2,3	1,5	0,9	1,1	0,9
Амбулаторно-поликлинические учреждения, тыс. посещений в смену	6,2	3,3	2,6	3,0	5,0
Учреждения культуры клубного типа, тыс. мест	16,8	9,6	5,7	8,6	5,2

Источник: Россия в цифрах. 2008: Крат. стат. сб./Росстат. – М., 2008, с. 266.

Можно выделить три группы занятых на неформальном рынке услуг: низкоквалифицированные работники с невысоким уровнем притязаний относительно размеров и форм вознаграждения; владельцы (арендаторы) транспортных средств и другого технического оборудования; высококвалифицированные работники или обладатели дефицитного знания, умения, особых навыков и трудового опыта [Россия…, с. 222–252]. Первую группу образуют сельские люмпены, бывшие колхозники и работники совхозов, потерявшие работу и не имеющие личного подсобного хозяйства. Они вынуждены довольствоваться разовыми подработками в крупных семейных хозяйствах односельчан, в том числе пенсионеров, за мизерное денежное вознаграждение, продукты питания или бутылку спиртного. Нередко работодателями в трудоизбыточных селах становятся предприимчивые горожане, организующие производство сельскохозяйственной продукции на брошенных землях. Другими словами, на селе сформировался своеобразный *сегмент поденной работы или «батрачества».* Появление второй группы во многом обусловлено выделением имущественных паев в натуре (техники, транспортных средств и другого имущества) в ходе первичной приватизации колхозов и совхозов. Третью группу образует «элита» наемного труда – квалифицированные плотники, каменщики, газосварщики, автослесари, мастера по ремонту бытовой техники. По сути, это неформальные частные предприниматели, которые не спешат легализовать свой бизнес и превращать свои приработки в основное занятие.

По усредненным данным четырех квартальных обследований населения по проблемам занятости, проведенных в 2008 г., в неформальном секторе было занято около 14 млн человек или 19,6% от общей численности занятого населения. При этом 12,1 млн человек (86,7%) были заняты только в неформальном секторе на основной работе. Для 1,8 млн человек (12,9%) занятость в неформальном секторе была дополнительным источником дохода к работе вне этого сектора. По сравнению с 2007 г. численность занятых в неформальном секторе городских жителей увеличилась примерно на 15%, а у сельских жителей она оставалась стабильной. При этом наблюдаются сезонные колебание в уровне занятости в этом секторе. В частности, летом неформальная занятость увеличивается в сельском хозяйстве и строительстве, что связано со спецификой данных видов экономической деятельности [Обследование, 2008, таб. 7.1–7.3].

Появление *сегмента формальной вторичной занятости* обусловлено снижением уровня жизни сельского населения, систематическими задержками заработной платы и выплатой ее в натуральной форме. По данным обследования населения по проблемам занятости на ноябрь 2008 г. 2,6 млн человек имели дополнительную работу, из них более 60% были заняты сфере предпринимательской деятельности, около 18% – были заняты на предприятиях и учреждениях, а более 13% – трудились у физических лиц и индивидуальных предпринимателей.

По нашим данным, от 10 до 15% сельского населения Сибири имеют дополнительную оплачиваемую работу. При этом 20%, имеют дополнительную оплачиваемую работу по основному месту работы, 16% – на другом предприятии, более 10% трудились у частных предпринимателей и фермеров, а более половины подрабатывают у своих односельчан. Хотя вторичная занятость для большинства является вынужденной, отказаться от нее в перспективе намерена лишь пятая часть опрошенных[1].

Следует отметить, что обострение ситуации на сельском рынке труда привело к изменению экономического сознания и трудового поведения сельских жителей. Наши исследования, проведенные в сельских регионах Алтайского края, показали, что

[1] Данные опроса сельского населения, проведенного ИЭОПП СО РАН при участии авторов в Алтайском крае, Новосибирской области и Республике Алтай в 2002 г. Всего опрошено 1100 человек в 43 сельских районах.

еще семь-восемь лет назад для многих сельских жителей работа на частного предпринимателя или фермера воспринималась как неприемлемая форма занятости. Этот феномен был обусловлен бытующими в то время стереотипами сознания и представлениям сельского населения об «эксплуататорской» сути наемного труда и «преимуществах свободного коллективного труда» [Калугина, 1996, с.40–42].

Самозанятость сельского населения. Резкое ухудшение ситуации на сельских рынках труда, трудности, с которыми сопряжено получение статуса безработного и ограниченная социальная помощь людям, лишившимся основного источника средств существования, обусловили развитие самозанятости населения. Наиболее распространенной формой самозанятости сельского населения является ведение личного подсобного хозяйства (ЛПХ). По результатам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г. на 1 июля 2006 г. насчитывалось 22,8 млн личных подсобных и других индивидуальных хозяйств граждан. В этой категории хозяйств производится в настоящее время около половины сельскохозяйственной продукции. За счет ЛПХ формируется одна четверть располагаемых ресурсов домашних хозяйств селян. [Социальное …, 2005, с. 168]**.**

По итогам сельскохозяйственной переписи 2006 г., 14,8 млн хозяйств (99,1%) основной целью ведения хозяйства считают самообеспечение продуктами питания, более 2 млн хозяйств (14,7%) рассматривают ЛПХ как дополнительный источник денежных доходов, а 98 тыс. (0,7%) хозяйств – как основной источник денежных средств [Предварительные…, с.3]. По сравнению с дореформенным периодом подавляющая часть сельских семей либо увеличили размеры своих хозяйств либо оставили их прежними. В перспективе более четверти опрошенных сельских жителей намерены расширить свои личные подсобные хозяйства, более 40% предполагают оставить их в прежних размерах и только каждый десятый ориентирован на сокращение размеров ЛПХ. Это свидетельствует о том, что для сельских жителей личное подсобное хозяйство остается надежным способом выживания в сложных социально-экономических условиях[1].

[1] О перспективах развития ЛПХ см. *Калугина З.И.* Парадоксы аграрной реформы в России. Социологический анализ трансформационных процессов. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2001, с. 21–26.

С принятием в июле 2003 г. Федерального закона «О личном подсобном хозяйстве» были созданы новые социально-экономические предпосылки для развития этой формы занятости населения. Законом устанавливаются основы регулирования отношений, возникающих в связи с ведением ЛПХ, определяются лица, которые вправе вести личное подсобное хозяйство, их права и обязанности, а также регулируются вопросы учета и государственной поддержки таких хозяйств. Ряд норм федерального закона касается имущества, используемого для ведения ЛПХ, в том числе земельных участков. Закон признает личное подсобное хозяйство формой непредпринимательской деятельности по производству сельхозпродукции. В соответствии с эти законом на личные подсобные хозяйства распространяются такие же меры государственной поддержки, как и на других сельхозтоваропроизводителей. Граждане, ведущие ЛПХ, могут добровольно вступать в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию в соответствии с законодательством РФ.

Исследование адаптационных стратегий сельскохозяйственных предприятий выявило зависимость занятости в сфере ЛПХ от экономического положения предприятия. При этом легко было заметить, что чем ниже уровень социально-экономического развития предприятия, тем большую роль в выживании семей имеет личное подсобное хозяйство. Экономически сильные хозяйства не только снижают потребность работников в ведении крупных ЛПХ, но и значительно улучшают условия его ведения за счет оказываемой помощи [Калугина, 2001, с. 90–110].

По оценкам Госкомстата России, на сегодняшний день численность лиц, занятых в собственных хозяйствах производством сельхозпродукции для реализации, составляет около 2 млн человек. Помимо этого свыше 10 млн человек заняты производством продукции в ЛПХ для собственного потребления. Еще примерно столько же помимо этой деятельности имеют другое доходное занятие. В соответствии с концепцией измерения экономической активности и занятости населения в России деятельность по производству в домашнем хозяйстве продукции для собственного потребления не считается работой или доходным занятием. Однако отнесение части занятых в ЛПХ к экономически активному и, соответственно, к занятому населению

вносит много путаницы в исчислении этих категорий и является лишним поводом для отказа неработающим жителям села в получении статуса безработного, что усугубляет и без того крайне тяжелое положение сельского населения.

Сельская безработица

По данным обследований занятости населения, численность безработных в сельской местности стала стремительно возрастать, начиная со средины 1990-х годов и превысила 2 млн человек в 2006 г. при незначительном снижении численности безработных в последующий 2007 г. (табл. 3). За период с 1992 по 2007 гг. общая численность сельских безработных выросла в 2,7 раза, а число зарегистрированных безработных увеличилось за то же время в 8 раз. Сельские безработные составляют более половины зарегистрированных безработных при значительно меньшей доле работников сельского хозяйства в общей численности занятых в экономике (табл. 3).

Таблица 3

Численность безработных в сельской местности РФ

Параметр	Год					
	1992	1995	2000	2005	2006	2007
Численность безработных, тыс. чел.	639,2	1396,2	1894,7	1956,6	2097,5	1734,1
Доля в общей численности безработных, %	16,4	20,9	26,8	37,6	42,0	41,0
Численность зарегистрированных безработных, тыс. чел.	101,7	671,7	325,3	891,2	890,0	825,2
Доля в общей численности зарегистрированных безработных, %	17,6	28,9	31,4	48,7	51,1	53,1

Источник: Россия в цифрах. 2008: Крат. стат. сб./ Росстат. – М., 2008, с. 103.

При этом экспертами отмечается наличие структурной безработицы в сельских районах, обусловленной, по их мнению, низким уровнем образования и квалификации сельского населения (19,5% ответов), деквалификацией специалистов (14,6%), деградацией сельского населения, нежеланием работать (12,2%). Более половины (53,7%) экспертов склонны считать, что основная причина возникающих диспропорций на сельском рынке труда заключается в низком качестве вакантных рабочих мест (плохие условия труда, низкая его оплата, длительные задержки заработной платы, отсутствие перспектив и т.д.).

При этом для сельского рынка труда характерна застойная безработица с высокой долей молодежи (табл. 4).

Таблица 4

Структура и уровень безработицы по возрасту и типу поселения в РФ в августе 2007 г., %

Возрастные группы	Структура безработных по возрасту		Уровень безработицы по возрасту	
	город	село	город	Село
До 20 лет	8,8	11,6	21,3	21,7
20-29	37,2	34,0	7,0	13,2
30-39	20,2	19,9	3,6	8,7
40-49	18,8	22,3	3,2	7,2
50-59	13,2	11,6	3,0	5,6
60-72	1,9	0,5	2,3	1,3
Итого	100	100	4,4	9,1

Источник: Обследование населения по проблемам занятости. Август 2007 г.– М.: ФСГС. 2007, С. 94, 97, 99, 100.

По данным Госкомстата РФ, доля безработных, ищущих работу более года, в сельской местности составляет 45,9%, в городской – 32,2%, среднее время поиска работы 9,6 и 7,5 месяцев соответственно [Обследование …, 2007, с.104, 105, 106, 107]. В действительности же хронически безработных на селе значительно больше. Отчаявшись найти хоть какую-либо работу, многие из них не обращаются в службы занятости и не регистриру-

ются как безработные. Помимо прочего это связано со значительной удаленностью многих поселений от государственных служб занятости и плохое транспортное обслуживание сельских населенных пунктов. Хотя налицо положительная динамике в численности и доле зарегистрированных безработных.

Условия найма и поведение сельских работников при трудоустройстве

По М. Веберу, рыночный обмен – это социальное отношение, предполагающее конкуренцию за право участвовать в сделке в качестве покупателя или продавца. Применительно к рынку труда предполагается, что и работодатели, и работники ищут соответственно работников и рабочие места, выбирая из альтернативных вариантов. В зависимости от соотношения спроса и предложения может оказаться, что кандидатов на рабочие места больше, чем имеется вакансий, и наоборот. В любом случае дефицит, возникающий из расхождения между предложением и спросом, делает выбор необходимым, по крайней мере, для одной из сторон. Другими словами, *возможность альтернативного выбора рабочих мест* для работника и осуществляемый работодателем *выбор работника из нескольких кандидатов*, можно рассматривать в качестве индикатора рыночного обмена в сфере труда.

Ведение торга является вторым индикатором рыночного обмена. Предметом торга между работодателем и работником могут быть помимо заработной платы условия труда, режимы работы, социальные гарантии, возможность получения от предприятия различных социальных льгот.

Третьим индикатором функционирования рынка труда является *соотношение формальных и неформальных посредников*, к услугам которых прибегают покупатели и продавцы рабочей силы [Якубович, 2002, с. 220].

Попытаемся с этих позиций проанализировать поведение сельских работников на рынке труда.

Изучение условий найма показывает, что более половины (57,3%) опрошенных сельских работников в нынешних условиях *не имеют возможности альтернативного выбора места работы*. Причины этого – специфика отраслевой структуры рабочих мест в сельской местности, отсутствие разнообразия сфер прило-

жения труда вследствие низкого уровня развития производственной и социальной инфраструктуры, узкий спектр перерабатывающих производств, а также «анклавизация» сельского рынка труда. Последнее обстоятельство обусловлено дисперсностью сельского расселения при неразвитых транспортных коммуникациях. Отмеченные диспропорции в структуре рабочих мест на сельском рынке труда увеличились в последнее десятилетие – в период реорганизации сельскохозяйственных предприятий, сопровождавшейся резким сокращением объемов сельскохозяйственного производства и деградацией социально-бытовой инфраструктуры.

Следует отметить, что в современных условиях и работодатель на селе не всегда имеет возможность подбора нужной кандидатуры в силу отсутствия специалистов нужного профиля и квалификации, а также из-за низкого качества вакантных рабочих мест.

Неразвитость инфраструктуры рынка труда на селе, отсутствие до последнего времени формальных посредников трудоустройства привели к тому, что при поиске работы сельский житель вынужден полагаться, в основном, на собственные силы и инициативу. Опрос, проведенный в 2002 г., показал, что в 70% случаев работники сами находили подходящую работу. Около 8% респондентов получили работу по распределению после окончания учебного заведения. Доля работников, воспользовавшихся услугами института государственного распределения рабочей силы через федеральные службы занятости очень мала – менее 2%. Примерно столько же работников воспользовались услугами частных кадровых агентств или других посреднических фирм. Эти данные свидетельствуют о слабом влиянии формальных каналов трудоустройства на сельском рынке труда.

Более 12% сельских жителей устраивались на работу по знакомству – через друзей, коллег, родственников. На наш взгляд, широкая распространенность неформальных социальных сетей, соединяющих работодателей и наемных работников, ограничивает свободную конкуренцию и создает особый механизм подбора работников.

Анализ полученных результатов показал, что сельский работник *не имеет опыта ведения торга с работодателем* в момент найма на работу. Среди опрошенных только 5% сельских работников обсуждали условия найма, 36% – не обсуждали их и

не вели торга, так как были согласны на любые условия, а еще 7% не обсуждали условий найма, так как не смогли этого сделать. Примерно в половине случаев работников устраивали предлагаемые условия.

В прежние годы при поступлении на работу примерно в половине случаев работодатель обещал работнику предоставить ряд социальных льгот, а именно: регулярную оплату труда, получение жилья, места в детских дошкольных учреждениях, помощь в ведении личного подсобного хозяйства. Эти обещания в основном выполнялись, хотя и с большим лагом времени. В настоящее время бедственное экономическое положение большинства сельскохозяйственных предприятий привело к свертыванию социальных программ и нарушению элементарных социальных гарантий.

Другим показателем активного «рыночного» поведения являются действия, предпринимаемые работниками *для своего продвижения по службе*. Однако, как показало исследование, большинство сельских работников не имеют подобных планов. Этот факт свидетельствует не столько о пассивности сельских работников, сколько об отсутствии возможностей для карьерного роста. Только каждый пятый опрошенный рассчитывает продвинуться по службе путем хорошей и добросовестной работы на предприятии, повышения профессионального образования или смены профессии.

Таким образом, можно констатировать, что на формирующемся сельском рынке труда еще не действуют рыночные механизмы найма рабочей силы, слабо развита инфраструктура рынка труда (центры занятости населения, кадровые агентства, рекрутерские фирмы, центры профессиональной ориентации молодежи) и удалена от сельских поселений на значительные расстояния. Все это в сочетании с чрезвычайно узким выбором рабочих мест на селе ставит работников в полную зависимость от работодателя и вынуждают их соглашаться на любые условия без какого-то ни было обсуждения.

Проблемы в сфере труда и занятости

Среди наиболее острых проблем труда и занятости сельского населения можно выделить:

- широкое распространение неформальных, неправовых трудовых практик;

- нарушение контрактных обязательств;
- снижение качественных характеристик рабочих мест и рабочей силы;
- низкая цена труда

Одним из проявлений *неправовых практик является практика устного неформального, неофициального найма на работу*. По оценкам Минтруда РФ, во второй половине 1990-х годов численность людей, для которых неформальная занятость являлась единственной, составляла 7 млн человек. По данным «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения»[1] – в настоящее время, по устной договоренности (не оформлены официально: по трудовой книжке или трудовому соглашению или контракту) трудится не менее 10–12% работников на основной работе, не менее от 25–30% на регулярных дополнительных работах и около 90% на прочих работах. При этом наблюдается тенденция к расширению масштабов неформальной занятости.

Как показали специальные исследования, хотя в большинстве случаев неформальные трудовые отношения происходят по инициативе работодателей, они выгодны и работникам, так как нарушение одних прав (режимы труда, условия труда) компенсируются и нередко перекрываются меньшим нарушением других (более высоким уровнем и регулярной выплатой заработной платы). Различия между формальным и неформальным способом найма не столь велики, так как в случае формального найма работодатели нарушают трудовые права граждан не реже, чем в случае неформального устного найма. Только 20% законно оформленных работников указывают на то, что фактические условия их работы полностью соответствуют письменному договору [Россия…, 2003, с. 165–193].

Неформальная занятость выгодна также тем категориям граждан, которые имеют статус безработного и получают пособия по безработице, чтобы увеличить свои доходы. По данным выше упомянутого российского мониторинга, устный найм происходил по инициативе самих работниках в 24,4% случаев в 1998 г. и 25,7% – в 2000 г. Исходя из этого, можно уверенно утверждать,

[1] Выборочное обследование, проводившееся в 1994–2001 гг. международным коллективом исследователей на основе общенациональной российской выборки.

что практика неформального устного найма будет иметь достаточно широкое распространение и в перспективе, так как она выгодна как работодателям, так и работникам

Социологический опрос сельского населенбия регионов Западной Сибири 2002 г. показал, что среди сельского населения практика неформальных трудовых отношений также широко распространена. О ее масштабах можно судить по следующим данным. На условиях устного найма, устной договоренности работал примерно каждый десятый сельский респондент на основной работе и каждый трети – на дополнительной. Наиболее высокий уровень неформальных трудовых практик эксперты отметили на предприятиях торговли, сельского хозяйства и строительства.

Неправовые практики в сфере труда подрывают авторитет закона и веру граждан в возможность справедливого решения трудовых споров, замедляют формирование современной деловой этики, усиливают социальную дифференциацию общества.

Нарушение контрактных обязательств: невыплаты заработной платы, натурализация части заработной платы и государственных пособий, теневая оплата труда; вынужденные отпуска без сохранения содержания; вынужденная неполная занятость; нарушение режимов труда и отдыха, требований техники безопасности.

По данным госстатистики, на начало 2005 г. число предприятий и организаций сельского хозяйства, имеющих просроченную задолжность по заработной плате уменьшилось в 2,5 раза по сравнению с 2000 г. и составило 8 тысяч. При этом просроченная задолженность по заработной плате из-за отсутствия собственных средств и недофинансирования из бюджетов всех уровней сократилась в указанный период в 2 раза и составила составила 3792 млн рублей. [Социальное …, 2005, с. 133] Очевидно, мера ответственности работодателей за нарушение сроков выплаты заработной платы, установленная новым трудовым кодексом РФ, оказались не столь действенными

Специалисты рассматривают задержки по заработной плате как специфическую форму принудительного беспроцентного кредитования, при которой сроки погашения выбираются самими заемщиками. Вместо участия работников в прибылях предприятий и фирм российские рыночные реформы превратили наемных работников в ответчиков по рискам работодателей. Социальное бремя реформ было переложено на плечи трудящихся [Капелюшников, 2001, с. 271].

Природа этого явления – кризис неплатежей, причудливые формы псевдорыночных отношений (бартер, и другие формы неденежных расчетов), безнаказанность нарушителей трудового законодательства, низкая правовая культура населения, отсутствие индивидуального контрактного опыта у подавляющего большинства российских работников, слабость механизмов социальной защиты трудящихся, долготерпение россиян.

Социологический опрос населения 2002 г. показал, что более 60% сельских работников сталкивались с задержками заработной платы, каждый пятый – с выплатой заработной платы в натуральной форме, каждому десятому было отказано в предоставлении очередного отпуска, 16% отметили отсутствие компенсационных выплат за работу во вредных условиях труда.

Между тем, только пятая часть работников прибегала к активным действиям по защите своих трудовых прав в области оплаты труда, участвуя в акциях профсоюзов или обращаясь к администрации. Сельский работник вступил на формирующийся рынок труда, не отягощенный знаниями своих трудовых прав, и смутным представлением о механизмах защиты своих прав в случае их нарушения. Около 40% опрошенных работников либо ничего не знали об этом, либо имели о своих трудовых правах весьма смутное представление, (ответы типа «ничего не знаю», «что-то слышал об этом»).

Чтобы пополнить свой бюджет в случае невыплаты заработной платы сельские работники прибегают к расширению своего подсобного хозяйства, занимаются собирательством «даров природы» (рыбалка, охота, сбор грибов и ягод), занимают деньги в долг или обращаются за безвозмездной помощью к своим друзьям и родственникам.

Распространенной практикой стала *замена денежной оплаты труда на суррогатные формы (натуроплата, «отоварка», выдача продукции под запись и пр.)*. Вместо денежного вознаграждения работники получают за свой труд зерно, мясомолочные продукты, корма для скота, молодняк животных для личного подсобного хозяйства, дрова, уголь и другие товары или продукцию.

В условиях переходной экономики широкое распространение получила также *неформальная (теневая) оплата труда*. Даже на официально зарегистрированных предприятиях у пятой части работников фактическая зарплата превышает величину, формально определенную условиями трудового соглашения, причем разли-

чия варьируются в пределах от двух до двадцатикратных размеров. В целом в рамках теневого сектора, по разным оценкам формируется от 25% (оценка Госкомстата России) до 50% (оценка МВД) всего фонда оплаты труда.

Низкая цена сельскохозяйственного труда. Заработная плата остается главным источником доходов населения России. Одной из основных причин двукратного падения среднего уровня реальных доходов населения РФ за годы реформ явилось снижение уровня оплаты труда. В первые годы реформ минимальная заработная плата опустилась значительно ниже прожиточного минимума трудоспособного населения. В 1992 г. она составляла 33% от прожиточного минимума трудоспособного населения, к 1995 г. снизилась до уровня 14%, а в 1999 г. она опустилась до 8%. В результате в таких отраслях народного хозяйства, как сельское хозяйство, здравоохранение, образование и культура более 60% работников стали получать заработную плату ниже прожиточного уровня. Негативные тенденции в оплате труда проявилось и в сближении средней начисленной заработной платы с прожиточным минимумом. Если в 1992 г. средняя заработная плата составляла 320% от среднероссийского прожиточного минимума, то в 1999 г. это соотношение стало равным 174%. В марте 2004 г. это соотношение составило 264% от величины прожиточного минимума трудоспособного населения и даже в 2006 г. среднемесячная начисленная заработная плата еще не достигла уровня 1991 г. [Уровень…, с. 9–11; Россия в цифрах, 2007, с. 121].

Ухудшение качества рабочей силы обусловлено как снижением экономических возможностей предприятий, направляемых на профессиональную подготовку и переподготовку кадров, так и социальной недоступностью образования для малоимущих слоев населения. По оценкам Минтруда и социального развития РФ, в сельской местности, около 800 тысяч детей школьного возраста не имеют возможности посещать общеобразовательную школу, что значительно снизит их конкурентоспособность на рынке труда и затруднит в перспективе их трудоустройство. Кроме того, сельская молодежь, заканчивающая школ, стремиться покинуть деревню не только на время обучения в вузах и техникумах, но и закрепиться в городе на постоянное место жительство. И, наконец, неустойчивое положение агропромышленного комплекса,

невнятная государственная аграрная политика делают непривлекательным труд в сельском хозяйстве для специалистов высокой квалификации.

За последние годы резко сократилась подготовка специалистов в сельских профессиональных училищах. Если в 1991 г. выпуск профессиональных кадров для агропромышленного комплекса составил 228 тыс. человек, то в 2001 г. – только 102 тыс. человек. Число специалистов в сельскохозяйственном производстве в этот период уменьшилось на одну треть или на 340 тыс. чел. Остается достаточно низкой и квалификация руководящих кадров. По данным всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г., только 66,5 % руководителей сельскохозяйственных организаций имели высшее профессиональное образование, из них сельскохозяйственное – 41,5%. Среднее профессиональное образование имела примерно пятая часть руководящего состава. Не имели никакого профессионального образования 6% руководителей. При этом на крупных и средних сельскохозяйственных предприятиях уровень образования руководителей был заметно выше по сравнению с малыми предприятиями и крестьянскими (фермерскими) хозяйствами [Российский…, 2008, с. 466]. Низкий профессиональный уровень многих руководителей и специалистов затрудняет их адаптацию к новым условиям хозяйствования, что приводит, в свою очередь, к серьезным негативным последствиям. Расчеты показывают, что различия в эффективности между сельскохозяйственными предприятиями не менее чем на 50% определяются качеством менеджмента [Эпштейн, 2001, с. 83–87].

По всем параметрам уровень образования работников сельского хозяйства ниже по сравнению с другими отраслями и средними данными по экономике в целом (табл. 5).

В целом более половины экспертов оценивают качество рабочей силы на рынке труда в селе как очень низкое. Одна треть считает квалификацию работников адекватной требованиям производства. Около 10% экспертов считает, что квалификация работников достаточно высокая, но они не востребованы современным рынком труда. Таким образом, проблема повышения квалификации кадров и уровня общего образования работников – один из определяющих факторов повышения эффективности сельскохозяйственного производства в современных условиях.

Таблица 5

Распределение численности занятых в экономике Российской Федерации по видам экономической деятельности и уровню образования в 2007 г., %

Уровень образования	Занятые в экономике	Занятые в сельском хозяйстве
Высшее профессиональное	27,8	7,5
Неполное высшее профессиональное	1,5	1,0
Среднее профессиональное	25,9	15,6
Начальное профессиональное	17,6	17,4
Среднее (полное) общее	21,5	36,5
Основное общее	5,3	19,8
Не имеют основного общего образования	0,2	2,3

Источник: Российский статистический ежегодник. 2008: Стат. Сб. / Росстат. – М., 2008. – С. 142.

Подводя итоги выше сказанному можно отметить следующие специфические черты сельского рынка труда**:**

- высокая доля занятости в неформальном секторе экономики;
- узость выбора рабочих мест;
- низкое качество рабочих мест и рабочей силы;
- высокий уровень реальной и скрытой безработицы;
- неразвитость инфраструктуры рынка труда;
- анклавизация рынка труда;
- неадекватный уровень, высокая степень натурализации оплаты труда;
- низкая правовая культура населения, отсутствие опыта ведения торга и контрактных отношений;
- ненаказуемые нарушения трудового законодательства.

Иными словами, проведенные преобразования в аграрном секторе России лишь усугубили положение сельских работников, увеличили существующий разрыв между условиями труда в городе и селе, усилили процессы социальной эксклюзии сельского населения от труда и средств существования, снизили кон-

курентоспособность сельских работников, а также способствовали распространению систематических и ненаказуемых нарушений трудового законодательства, возникновению на сельском рынке труда сегмента поденной работы или «батрачества», значительному расширению масштабов неформальной занятости и самозанятости населения. В перспективе требуется радикальное изменение вектора аграрных преобразований, в фокусе которых должно стать коренное изменение условий жизни и труда сельского населения – хранителя национальных традиций и моральных устоев страны.

Литература

1. **Государственная** программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы // АПК: экономика, управление, 2007, № 9, с. 6–23.
2. **Калугина З.И.** Парадоксы аграрной реформы в России. Социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.
3. **Калугина З.И.** Сельское население Сибири в новом социально-экономическом пространстве: ориентации и поведение // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений / под ред. З.И. Калугиной. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996, с.3 3–51.
4. **Капелюшников Р.И.** Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М.: ГУВШЭ, 2001.
5. **Обследование** населения по проблемам занятости. Ноябрь 2008 г. – М.: Росстат, 2008.
6. **Обзор** занятости в России. Выпуск 1. (1991–2000 гг.). – М.: Бюро экономического анализа, 2002.
7. **Предварительные** итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года (по краткой программе) // *Вопросы* статистики, 2007, № 9.
8. **Россия,** которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина – Новосибирск: Наука, 2003.
9. **Россия** в цифрах. – М.: Госкомстат России, 2007.
10. **Российский** статистический ежегодник. Стат. сб. / Росстат. – М., 2008.

11. **Российский** статистический ежегодник. Стат. сб. /Росстат. – М., 2006.
12. **Социальное** положение и уровень жизни населения России. 2005: Стат. сб. / Росстат. – М, 2005.
13. **Уровень** жизни населения регионов России, 2001, № 11.
14. **Эпштейн Д.** Классификация сельскохозяйственных предприятий в зависимости от их финансового состояния // Вестник Российской академии сельскохозяйственных наук. – 2001, № 2, с. 83–87.
15. **Якубович В.** Институты, социальные сети и рыночный обмен: подбор работников и рабочих мест в России // Экономическая социология. Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.: РОССПЭН, 2002, с. 210–251.

ИНВЕРСИЯ СЕЛЬСКОЙ ЗАНЯТОСТИ: ПРАКТИКА И ПОЛИТИКА[1]

Современное состояние сельского рынка труда обусловлено трансформацией институциональных рамок его функционирования, появлением новых субъектов рынка (фермеров, индивидуальных предпринимателей, крупных агрофирм), формированием новых способов и механизмов их взаимодействия, а также отработкой систем контроля и санкций за нарушение трудового законодательства. Специфическими чертами современного сельского рынка труда являются узкий выбор и низкое качество рабочих мест; неразвитость инфраструктуры рынка труда; анклавизация рынка труда; широкие масштабы безработицы; низкая цена сельскохозяйственного труда, натурализация его оплаты; низкий уровень развития человеческого капитала; отсутствие у работников опыта ведения торга и контрактных отношений; ненаказуемые нарушения трудового законодательства со стороны работодателей. Финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. усилил и обострил проблемы сельского рынка труда вследствие увеличения масштабов и продолжительности безработицы, обусловил дестандартизацию и флексибилизацию занятости.

Под стандартной занятостью принято понимать занятость по найму в режиме полного рабочего времени на основе бессрочного договора на предприятии или в организации. Все формы занятости, отклоняющиеся от принятого стандарта, включая самозанятость, могут рассматриваться как нестандартные [1]. Нестандартные формы занятости слабо регулируются государством, они сопряжены с высокими рисками, отсутствием социальных гарантий, нестабильностью доходов, ограниченностью возможностей для карьерного роста и другими негативными последствиями. К ним можно отнести все виды занятости, отклоняющиеся от установленной нормы рабочего времени: неполную, временную, случайную заня-

[1] Статья опубликована в журнале «Регион: экономика и социология», 2012, № 2 (74), с. 45–67. Основные идеи доложены на IV Очередном Всероссийском социологическом конгрессе «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» Секция 19. Социология села.

тость, занятость по контракту на определенный срок, вторичную и сверхурочную занятость. Нестандартной является занятость в неформальном секторе экономики (в домашнем и личном подсобном хозяйстве, индивидуально-трудовая деятельность, занятость по найму у физических лиц), а также неофициальная, недокументированная занятость в формальном секторе.

Динамика численности и структуры занятости в аграрном секторе

Анализ динамики численности и структуры занятых в аграрном секторе показал, что на сельском рынке труда происходили процессы, аналогичные тем, что в экономике в целом. Аграрный сектор, как и вся экономика страны, претерпела тяжелейший кризис в период реформ. Сокращение объемов производства достигло угрожающих размеров, встал вопрос о продовольственной безопасности страны. Однако численность занятых в сельском хозяйстве до 2005 г. сокращалась более медленными темпами по сравнению с падением объемов производства (рис. 1).

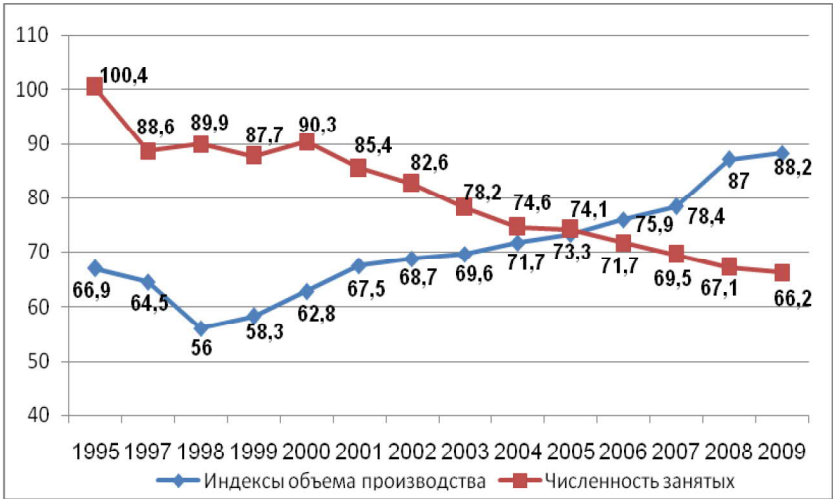

Рис. 1. Динамика объема производства и среднегодовой численности занятых в сельском хозяйстве Российской Федерации в 1995–2009 гг. (1990=100)

Рассчитано по: [2, с. 138,425].

Интенсивное сокращение численности занятых в сельском хозяйстве РФ на фоне увеличения объемов производства стало происходить, начиная с середины 2000-х годов. 2005 год стал точкой бифуркации, которая знаменует начало коренных изменений на сельском рынке труда, обусловленных технологическими и организационными новациями. Сохранение формирующихся тенденций, безусловно, повлечет за собой изменение уровня и моделей занятости сельского населения. С начала 2000-х годов по 2009 г. объем сельскохозяйственной продукции (в фактически действовавших ценах) вырос в 3,4 раза, а численность занятых в сельском хозяйстве сократилась на 2416 тыс. чел. или на 27%.

Высвобождение излишней рабочей силы – явление прогрессивное и закономерное. Складывающиеся тенденции соответствуют общемировым тенденциям. Межстрановые сравнения свидетельствуют о том, что в России доля работников сельского хозяйства в общей численности занятых выше по сравнению с развитыми странами (8,3% против 1,5–4%). Это говорит, во-первых, о более низкой производительности труда в сельском хозяйстве, обусловленной технологической отсталостью аграрного производства, а во-вторых, о наличии социальных барьеров, сдерживающих до последнего времени интенсивное высвобождение рабочей силы. Но в более отдаленной перспективе такого высвобождения не избежать в силу развития новых технологий, робототехники, биотехнологий и генной инженерии.

Если говорить в целом об экономике, то речь идет не просто об устранении определенных профессий и видов работ, а об общей тенденции к сокращению потребности в непосредственном человеческом труде. Поэтому современный экономический рост, основанный на научно-техническом прогрессе, называют ростом без рабочих мест. По мнению Д. Рифкина, новые технологии означают наступление эры производства, в котором почти нет работающих, причем это происходит на фоне интенсивного роста населения. Расхождение между ростом населения и сокращением возможности получить работу, будет долго определять геополитику в условиях возникающей высокотехнологичной глобальной экономики [3]. Уже сейчас в мире и России появляются полностью компьютеризированные фермы, которые обеспечивают повышение производительности при резком снижении объемов живого труда.

Уменьшение численности занятых в сельском хозяйстве сопровождается сокращением рабочего времени работников.

Эту тенденцию можно проследить по показателям фактически отработанных часов за год в расчете на одного работника. По данным выборочных обследований населения по проблемам занятости, в 2008 г. каждый четвертый работник сельского хозяйства был занят менее 30 час., а каждый десятый – менее 16 час. в неделю. В среднем продолжительность рабочей недели работников сельского хозяйства была на 4,3 час. меньше по сравнению со среднестатистическими показателями (рис. 2). Отмеченное сокращение рабочего времени обусловлено как технологическими, так и организационными новациями новых хозяйствующих субъектов, которые проводят гибкую кадровую политику, что безусловно рационально с экономической точки зрения. Между тем неполная занятость для сельского населения неизбежно сопровождается сокращением реальных доходов и ухудшением качества жизни.

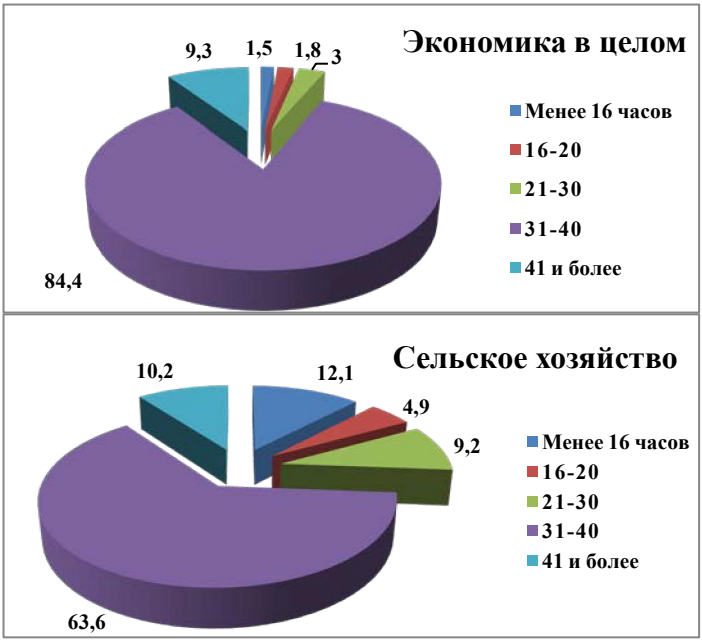

Рис. 2. Структура занятых в экономике Российской Федерации по продолжительности рабочей недели в 2008 г., %

Источник: [4, с. 94].

За последние 20 лет и в кризисные периоды и в периоды относительного благополучия ***масштабы общей и зарегистрированной безработицы сельского населения росли***. По данным обследований занятости населения, численность безработных в сельской местности стала стремительно возрастать, начиная со средины 1990-х годов. В 2006 г. она превысила 2 млн чел. при незначительном ее снижении в 2007 г. и повышении в последующие годы (рис. 3).

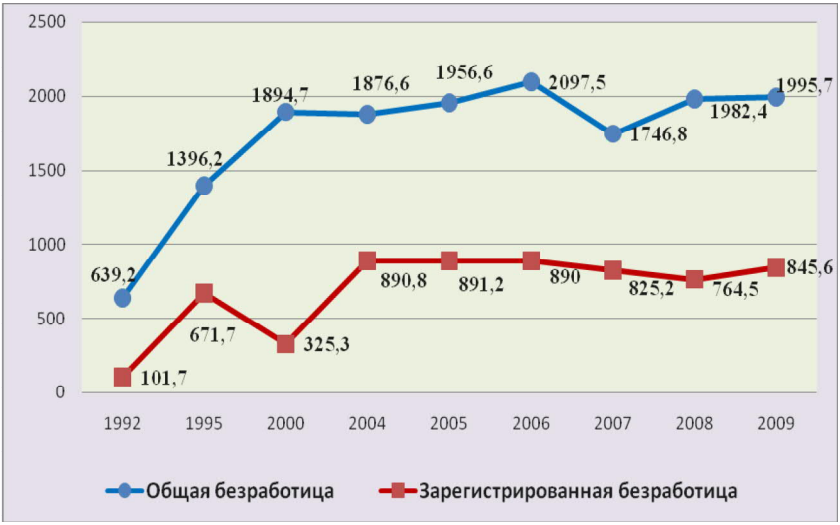

Рис. 3. Динамика сельской безработицы в Российской Федерации в 1992–2009 гг., тыс. чел.

Источник: [5, с. 101].

За период с 1992 по 2009 год общая численность сельских безработных утроилась, а число зарегистрированных безработных увеличилось в 8 раз. В настоящее время сельские безработные составляют более половины зарегистрированных безработных при значительно меньшей доле работников сельского хозяйства в общей численности занятых в экономике. При этом доля работников сельского хозяйства, уволенных в связи с сокращением, превышала средние показатели по экономике в целом: 5,4% против 3,9% в 2007 г. и 4,4% против 3,9% в 2008 г. от общей численности выбывших [4, с. 282].

В целом уровень безработицы сельского населения в трудоактивном возрасте (15–72 лет) намного превышал средние показатели по экономике в целом – 10,5% против 6,3%. Как показало обследование занятости населения, около полумиллиона сельских безработных уже отчаялись найти хоть какую-либо работу, и перешли в когорту экономически неактивного населения.

Использование высвободившихся рабочих рук на российском сельском рынке труда затруднено в силу чрезвычайно узкого выбора рабочих мест, обусловленного неразвитостью производственной и социальной инфраструктуры, низкой степенью диверсификации аграрной экономики. До последнего времени сельское хозяйство остается доминирующей сферой занятости населения, проживающего в сельской местности. Низкая трудовая и территориальная мобильность населения усиливает напряженность на сельском рынке труда. Кроме того, высвобождаемые работники с их устаревшими знаниями и навыками, как справедливо отмечает А. Шевчук [6], в большинстве случаев не могут воспользоваться новыми рабочими местами, создаваемыми в высокотехнологичных секторах аграрного производства, оставаясь за бортом постиндустриальной экономики.

Временная, сезонная, непостоянная занятость

В России, как и во многих странах мира, временная занятость находит широкое распространение, в том числе и в сельском хозяйстве. Она выгодна как предприятиям и фирмам, так и самим работникам. Временная занятость в условиях сужения спектра рабочих мест с полным рабочим временем позволяет незанятому населении найти хотя бы временный источник существования и пережить трудные времена, связанные с потерей или отсутствием постоянной работы. Помимо этого временная занятость позволяет совмещать учебу и работу, предоставляя учащимся и студентам возможность не только получать определенный заработок, но и приобретать практический и социальный опыт.

По данным за ноябрь 2008 г., работающие по найму на основной работе 86,2% – работали постоянно, 7,2% – работали по срочному договору 4,2% – имели случайную работу, 2,4% – работали по договору на выполнение определенного объема работ

или услуг. В России доля работников, стаж которых на данном месте работы меньше года, больше 20% [7].

Наше исследование проблем занятости в Новосибирской области показало также, что сельские безработные активно используют любые возможности подработать, как у частных лиц (колют дрова, пропалывают огород, сбрасывают снег с крыш, чинят заборы), так и на предприятиях, в организациях и предпринимателей. В основном эта неквалифицированная работа (сторож, разнорабочий, уборщица и т.п.). В целом каждый пятый безработный подрабатывал от случая к случаю.

Районные службы занятости со своей стороны организуют временное трудоустройство граждан, испытывающих трудности в поиске работы. Это так называемые социально незащищенные группы населения: одинокие, многодетные, инвалиды, осужденные. Если общественные работы длятся один месяц, то в случае временного трудоустройства договор заключается с какой-либо организацией на три месяца. При этом им оказывается материальная поддержка из двух бюджетов – федерального и областного. По прошествии трех месяцев многие временно трудоустроенные закрепляются на данном рабочем месте.

Практика временного трудоустройства с материальной поддержкой от государства распространяется также и на выпускников учебных заведений начального и среднего профессионального образования, чей возраст составляет 18–20 лет. Если этот выпускник устраивает работодателя, то ему предлагается постоянная работа. Но даже в случае отказа в постоянной работе молодые люди приобретают определенный опыт, получают трудовую книжку.

Активные меры по обеспечению безработных временной занятостью стали доминирующим элементом государственной политики по преодолению кризисных явлений в экономике 2009–2010 гг. и важным сдерживающим фактором, позволившим купировать последствия экономического спада и стабилизировать ситуацию на рынке труда.

Совмещение безработицы с элементами занятости У. Бек называл комбинированными формами занятости. Таким образом, массовая безработица через новые формы многообразной неполной занятости интегрируется в систему занятости [8].

Неформальная занятость

Одним из распространенных видов нестандартной занятости является занятость на основе устного неформального, неофициального найма на работу. По усредненным данным четырех квартальных обследований населения по проблемам занятости, проведенных в 2008 г., в неформальном секторе было занято более 5 млн сельских жителей или 32,9% от общей численности занятого населения, из них примерно половина была занята сельскохозяйственной деятельностью, а другая половина – несельскохозяйственными видами деятельности. При этом 4,2 млн человек (72,2%) были заняты только в неформальном секторе. Для 1,1 млн (22,6%) занятость в неформальном секторе была дополнительным источником дохода к работе вне этого сектора. По сравнению с 2007 г. масштабы неформальной занятости сельского населения незначительно сократились. При этом наблюдаются сезонные колебания в уровне занятости в этом секторе. В частности, летом неформальная занятость в сельском хозяйстве и строительстве увеличивается, что связано со спецификой данных видов экономической деятельности [9].

По данным Центра трудовых исследований Государственного университета «Высшая школа экономики», среди работающих по найму на предприятиях работали без оформления контракта – 4,2%, а среди работающих по найму у физических лиц – 7,3% работников. Помимо этого среди работающих не по найму без регистрации работали 3,4% работников. В общей сложности около 15% занятых в экономике страны работали без официального оформления трудовых отношений [10].

Социологический опрос населения Новосибирской области, проведенный в 2010 г.[1], также показал, что среди городского и сельского населения практика неформальных трудовых отношений является распространенным явлением. На условиях устного найма, устной договоренности работали примерно 13% сельских респондентов. В городе доля «неформалов» была чуть ниже.

Наибольшая доля неформальных работников фиксируется в торговле, строительстве и сельском хозяйстве. Занятые по найму

[1] Социологическое обследование проведено ИЭОПП СО РАН в 2010 г., полевой этап исследования выполнен ООО «Тайга-Инфо Групп». Выборочная совокупность репрезентировала население Новосибирской области от 18 до 65 лет (N=1419 чел.), проживающих в городской (67%) и сельской (33%) местности.

в неформальном секторе зарабатывают примерно на 15–20% меньше, чем аналогичные работники в формальном секторе. Кроме того, многие неформально занятые имеют что-то вроде микробизнеса [10].

Данные других исследований показывают, что различия между формальным и неформальным способом найма не столь велики, так как в случае формального найма работодатели нарушают трудовые права граждан не реже, чем в случае неформального устного найма. Только 20% законно оформленных работников указывают на то, что фактические условия их работы полностью соответствуют письменному договору [11]. Исходя из этого, можно уверенно утверждать, что практика неформального устного найма будет иметь достаточно широкое распространение и в перспективе, так как она выгодна как работодателям, так и работникам. Широкая распространенность, малая изученность и противоречивость этого явления обусловливают необходимость мониторинга социально-трудовой сферы села и продолжения исследований в этой области.

Самозанятость сельского населения

Резкое ухудшение ситуации на сельских рынках труда, трудности, с которыми сопряжено получение статуса безработного и ограниченная социальная помощь людям, лишившимся основного источника средств существования, обусловили увеличение масштабов самозанятости населения. Наиболее распространенной формой самозанятости сельского населения является ведение личного подсобного хозяйства (ЛПХ), которое согласно Федеральному закону «О личном подсобном хозяйстве» рассматривается как форма непредпринимательской деятельности по производству сельхозпродукции. Граждане, ведущие ЛПХ, могут добровольно вступать в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию в соответствии с законодательством РФ.

По результатам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г. на 1 июля 2006 г. насчитывалось 22,8 млн личных подсобных и других индивидуальных хозяйств граждан. В этой категории хозяйств производится в настоящее время около половины сельскохозяйственной продукции. При этом 14,8 млн хозяйств (99,1%) основной целью ведения хозяйства считают

самообеспечение продуктами питания, более 2 млн хозяйств (14,7%) рассматривают ЛПХ как дополнительный источник денежных доходов, а 98 тыс. (0,7%) хозяйств – как основной источник денежных средств [12].

По оценкам Госкомстата России, на ноябрь 2008 г. численность занятых в собственных хозяйствах производством сельхозпродукции для реализации, составила 2,6 млн человек. Помимо этого около 6 млн. человек были заняты производством продукции в ЛПХ для собственного потребления. Примерно половину из них составляли безработные, 3,2 млн человек помимо деятельности в ЛПХ имеют другое доходное занятие. В летнее время уровень занятости в личных подсобных хозяйствах заметно увеличивается.

Практика показывает, что ведение личного подсобного хозяйства для сельского населения является надежным способом выживания в условиях перманентных реформ и экономических катаклизмов.

Неоотходничество, вахтовый метод работы

Отходничество – это временный уход сельских жителей на заработки в города или другие сельские районы. О масштабах этого явления можно судить по экспертным оценкам, согласно которым на 1000 сельчан приходится 10 жителей, регулярно выезжающих на заработки в крупные города. Среди немногочисленных, если не единственных, работ в этом направлении можно назвать исследование неоотходничества в Волгоградской, Самарской и Саратовской областях, проведенных саратовскими социологами под руководством П.П. Великого. Они рассматривают современное отходничество, с одной стороны, как реагирование сельских жителей на ограниченность возможностей локальной среды, а с другой, – как свободную реализацию ими своего трудового потенциала. В ходе исследования были выявлены основные причины сезонной трудовой миграции сельских жителей: отсутствие работы по месту жительства из-за ликвидации предприятий – 23,4% мужчин, 18% женщин, или отсутствия вакансий – 12,1% мужчин и 28% женщин, 52,3% мужчин и 46% женщин не устраивает уровень оплаты труда на имеющихся рабочих местах. Основными мотивами работодателей, предпочитающих сельских отходников гастарбайтерам,

являются готовность работать при любой оплате (20,6%) и сверх установленной нормы: по 10–12 часов в сутки (59%), непритязательность и нетребовательность к бытовым условиям: 25% опрошенных жили в общежитиях, 32,7% – в вагончиках, 23,4% – снимали квартир. На наш взгляд, мотивация отмеченных предпочтений обусловлена также необходимостью получения разрешения на привлечение иностранной рабочей силы, а также внесения определенной платы за ее использование и ответственностью работодателя за соблюдение требований законодательства при работе с трудовыми мигрантами.

П.П. Великий приходит к выводу, что современное отходничество российских крестьян мотивировано не стремлением от хорошего к лучшему, а использованием порой единственного варианта решения насущных проблем своих семей [13].

Вахтовый метод – это, в соответствии с законодательством РФ, специфическая форма осуществления трудовой деятельности за пределами постоянного места жительства работников в случае невозможной ежедневной доставки работников с места работы к месту проживания. Режим работы устанавливается по договоренности сторон, например, работники две недели работают, затем две недели отдыхают. Этот вид занятости сельского населения нашел широкое распространение в период разрушительных аграрных реформ 1990-х годов, когда безработные селяне уезжали на вахту в ближайшие города или регионы, работая на стройках, в нефтедобывающих компаниях, а также на уцелевших заводах и предприятиях. Но и сейчас много селян, в основном мужчины, уезжают на вахту. Из сибирских сел выезжают, чаще всего в Нефтеюганск, Ханты-Мансийск, Нижневартовск. Нефтедобывающие компании через районные Центры занятости или межтерриториальный банк вакансий размещают объявления о работе вахтовым методом. На вахту привлекаются в основном высококвалифицированные специалисты, что еще больше обостряет кадровую проблему на селе. Промышленные предприятия крупных мегаполисов также активно привлекают рабочую силу из села на работу вахтовым методом, с некоторыми из них сельские центры занятости заключают договоры по подготовке рабочих кадров при наличии гарантий их трудоустройства.

Наряду с этим в последние годы заработали как бы встречные программы по ***переселению из городов в сельскую мест-***

ность. Заключается договор между гражданином, Центром занятости и работодателем, либо это может быть четырехсторонний договор с участием главы муниципального образования того села, куда направляются переселенцы. Им выплачивается единовременное денежное пособие на каждого члена семьи, включая детей, оплачивается стоимость проезда и провоз багажа. На новом месте им должны предоставить жилье, а переселенец, с которым заключается договор, обязуется отработать в селе не менее трех лет. При этом работодатель может предоставлять переселенцам и другие льготы, например помощь в обзаведении личного подсобного хозяйства и другие дополнительные гарантии. Из городов и глухих сел люди приезжают из-за отсутствия жилья и постоянной работы. Переселенцам выдают переселенческие билеты, которые действуют в течение трех лет. Если человек уезжает раньше оговоренного срока по собственному усмотрению, то он обязан возместить средства, потраченные на него из бюджета. Организованное переселение в сельскую местность – совершенно новое явление, порядок переселения только формируется, но прецеденты уже имеются.

Предпринимательство и индивидуально-трудовая деятельность

По усредненным данным за февраль–ноябрь 2008 г. 6,5% занятого населения в РФ занимаются предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, включая лиц, занятых на индивидуальной основе, а также в домашнем хозяйстве производством продукции сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства, предназначенной для реализации, 10,5% работают по найму у частных лиц и индивидуальных предпринимателей.

В сельских районах Новосибирской области реализуется программа дополнительных мер по обеспечению стабильного функционирования рынка труда. В рамках этой программы сельским жителям выделяются субсидии на организацию малого предпринимательства и самозанятости в размере годового пособия по безработице плюс районный коэффициент [14]. Например, в Сузунском районе Новосибирской области такими субсидиями воспользовались 57 человек. В результате на территории района появятся прокат электроинструментов, производство со-

временного облицовочного материала, пошив верхней одежды, мини-ферма по выращиванию кроликов, ленточная пилорама и другие малые производства [15].

Появление ***сегмента формальной вторичной занятости*** обусловлено снижением уровня жизни сельского населения, систематическими задержками заработной платы и выплатой ее в натуральной форме. По данным обследования населения по проблемам занятости, на ноябрь 2008 г. 2,6 млн человек имели дополнительную работу, из них более 60% были заняты сфере предпринимательской деятельности, около 18% – были заняты на предприятиях и учреждениях, а более 13% – трудились у физических лиц и индивидуальных предпринимателей.

По нашим данным, от 10 до 15% сельского населения Сибири имеют дополнительную оплачиваемую работу. При этом 20% имеют дополнительную оплачиваемую работу по основному месту работы, 16% – на другом предприятии, более 10% трудились у частных предпринимателей и фермеров, а более половины подрабатывают у своих односельчан. Хотя вторичная занятость для большинства является вынужденной, отказаться от нее в перспективе намерена лишь пятая часть опрошенных[1].

Сельский «фриланс» как новый социальный феномен

Трансформация аграрных отношений 1990–2000-х годов сопровождалась масштабным высвобождением рабочей силы, сужением сфер приложения труда вследствие так называемой «оптимизации» социальной инфраструктуры и банкротства неуспешных сельскохозяйственных предприятий. Потерявшие работу сельскохозяйственные работники образуют социальную группу, практически исключенную из сферы формальной экономики и гарантированной постоянной занятости. Они вынуждены либо полностью переключаться в личное подсобное хозяйство, заняться предпринимательской деятельностью, либо самостоятельно формировать портфель работ или заказов, т.е. превращаться в сельских фрилансеров.

[1] Данные опроса сельского населения, проведенного ИЭОПП СО РАН при участии авторов в Алтайском крае, Новосибирской области и Республике Алтай в 2002 г. Всего опрошено 1100 человек в 43 сельских районах.

Портфель работ – это набор видов деятельности, которые осуществляются индивидом или семьей на протяжении определенного времени. Портфельная занятость радикально меняет уклад и образ жизни сельского населения. Концепция «портфеля работ» предложена английским теоретиком менеджмента Чарльзом Хэнди. Портфель работ представляет собой набор видов деятельности, которые включают в себя работу за оклад, являющийся вознаграждением за отработанное время; работу за контрактное вознаграждение, которое выплачивается за определенный результат работы; домашнюю работу; бесплатную работу; работу по приобретению знаний (обучение, самообразование). Отказавшись от стереотипа восприятия нестандартных форм занятости как неполноценных, и собрав их в единый портфель, человек может умело контролировать финансовые потоки в разные периоды своей жизни с учетом жизненных обстоятельств. В этом смысле самозанятость, занятость неполный рабочий день, временные подработки, производство товаров и услуг в домашних условиях вместо их покупки могут создать более устойчивый и одновременно гибкий фундамент материального существования, не говоря уже о свободе распоряжения собственной жизнью [16].

Согласно определению Д.О. Стребкова и А.В. Шевчука, фрилансер это независимый профессионал высокой квалификации, который не состоит в штате организаций и не включен в традиционные трудовые отношения, а самостоятельно реализует свои услуги на рынке различным клиентам, не являясь субподрядчиком единственного заказчика [17].

По мнению этих авторов, фриланс является разновидностью самостоятельной занятости, характеризующейся высоким уровнем независимости и автономии в трудовой деятельности. Применительно к фрилансу речь идет, как правило, о высококвалифицированных работниках умственного труда, предоставляющих профессиональные услуги.

По мнению специалистов высшей школы экономики, осуществивших массовый интернет-опрос фрилансеров (N=8613), утверждают, что в России сформировался рынок фриланса. При этом для каждого пятого респондента фриланс был единственным источником дохода, остальные сочетали фриланс с другими видами оплачиваемой и неоплачиваемой занятости: 45% являлись штатными сотрудниками учреждений или фирм,

18% обучались в вузе, 9% имели собственный бизнес, 5% находились в отпуске по уходу за ребенком. Основными видами деятельности фрилансеров были дизайн и веб-дизайн, разработка сайтов и программирование, переводы, копирайтинг, журналистика, предоставление рекламных, маркетинговых и консалтинговых услуг, а также проектирование и промышленный дизайн. Оказалось, что быть «чистым» фрилансером более выгодно в финансовом отношении, нежели быть офисным работником. К тому же фрилансеры могут свободно распоряжаться своим личным временем. Беспокоит фрилансеров нестабильность и непредсказуемость будущих доходов и вероятность обмана со стороны заказчиков, так как их трудовые отношения носят, в основном, неформальный характер. Фрилансеры самостоятельно договариваются с работодателем относительно условий найма и работы. Они не включены в систему коллективных договоров и социальной защиты [18–20].

Практика показывает, что привлечение фрилансеров для выполнения какой-либо работы выгодна и работодателям, так как они экономят на социальных расходах (оплата отпуска, больничных листов, декретных отпусков и т.п.), организации рабочего места, профессиональном обучении и т.п.

Как становятся фрилансерами на селе? Приведем несколько типичных историй сельских фрилансеров[1].

История первая. Мужчина 20 лет, без профессионального образования после прохождения срочной службы в Армии остался без работы. До Армии работал грузчиком-экспедитором на хлебокомбинате. Платили мало – 8–9 тыс. руб. в месяц, поэтому возвращаться туда не стал. Ищет работу почти год. Но… «На работу никуда не берут без стажа работы, а откуда стаж, когда на работу не берут?». Получается замкнутый круг. Работать не по месту жительства не согласился бы, так как здесь дом, семья, приусадебный участок, огород. Заняться предпринимательской деятельностью, создать собственное дело не собирается из-за отсутствия образования. В настоящее время (более шести месяцев) подраба-

[1] Данные пилотного исследования проблем занятости в одном из сельских районов Новосибирской области, проведенного при участии автора в июне 2011 г. Проведено 40 углубленных интервью.

тывает ремонтом техники, машин. Условия оплаты труда по устной договоренности, график работы разный, если много заказов, то плотный. Заказчиков находит через знакомых, родственников. Считает свою непостоянную занятость вынужденной мерой, состоит на учете в службе занятости, хотел бы найти постоянную работу, связанную с ремонтом техники. Плюсом фриланса считает наличие свободного времени, а недостатком – непостоянство получаемых доходов, а «ведь надо детей кормить, жену».

История вторая. Мужчина 51 год, пятнадцать лет работал «холодильщиком», сейчас занимается ремонтом бытовой техники. Клиенты сами его находят, когда есть потребность. В селе есть спрос на бытовые услуги, люди готовы платить за сервис. Свою работу старается выполнить качественно, так как в деревне все на виду: что не так сделаешь, – никто больше не придет. В городе расценки в 3–4 раза выше, но туда не пробиться. Была попытка заняться предпринимательством, открыть собственное дело. Походил на курсы, но потом «перестал играть в игры с государством, каждому чиновнику не хочется кланяться». Хотел бы найти постоянную работу. Более полугода стоит на учете в службе занятости. «Если бы не пенсионные отчисления, стаж, не ходил бы не прогибался». С предыдущего места работы вынудили уйти, так как перестали платить. Плюсы в свободной занятости видит в том, что есть возможность больше отдыхать, но… «заболел – кусок хлеба никто не принесет».

История третья. Мужчина 49 лет, профессионального образования не имеет, работал в совхозе лет 10 строителем, платили 120–150 рублей, когда распался совхоз работы не стало. Вначале пил, теперь закодировался. Ездит по деревням на своей машине занимается возведением построек, делает двери, окна, полы. Стал самостоятельно планировать свою работу на год, клиентов либо сам ищет, либо они его находят. Работает с утра до вечера без выходных и праздников. «Заработка хватает, работаю на себя, никому ничем не обязан и мне никто ничего не должен, и детей растим также». Это его личный выбор, постоянную работу в организации или на предприятии не ищет. Летом ездил в город, занимал-

ся строительством, заработал на машину, но хочет жить дома, члены семьи ему помогают, как могут. Отрицательных сторон в самостоятельной занятости не видит.

Сельский фриланс – это вид неформального самостоятельного труда сельских жителей по предоставлению услуг клиентам (заказчикам) согласно договору, заключаемого по соглашению сторон.

Сельские фрилансеры – это мастеровые люди, которые либо по собственному выбору, либо вынужденно во время длительной безработицы или неполной занятости самостоятельно занимаются производством услуг. Они обладают определенным авторитетом и пользуются доверием со стороны односельчан. Сельские фрилансеры, как и городские, самостоятельно формируют портфель работ (услуг) на определенный срок в рамках одной или нескольких профессий (строители, механизаторы, портные, парикмахеры, слесари) на основе устной или письменной договоренности с заказчиком (клиентом). В значительной степени сельские фрилансеры закрывают нишу по бытовому и сервисному обслуживанию населения, сведенному на нет во время перманентных экономических реформ.

Портфельная занятость меняет уклад и образ жизни сельского населения, так как она позволяет фрилансерам самостоятельно распоряжаться своим временем, устанавливать удобный для них режим труда и отдыха, регулировать интенсивность труда, совмещать разные виды занятости, а в период длительной безработицы путем фриланса включаться в сферу занятости. Однако фрилансеры лишены права получать социальные выплаты (оплата больничных листов, отпуска и т.п.) и имеют неясные перспективы с пенсионным обеспечением.

Застойный характер сельской безработицы (в 2010 г. – 38,6%) формирует устойчивую группу лиц, не имеющих постоянной работы, не связанных контрактом с какой-либо организацией, и вынужденных самостоятельно решать проблему занятости. Таким образом, длительно неработающее население образует социальную базу развития сельского фриланса. Ряды фрилансеров пополняются также за счет тех людей, которым надоело «гнуть спину то на колхоз, то на частников». Со временем часть сельских фрилансеров могут зарегистрироваться как индивидуальные предприниматели или создать собственную

фирму. Часть из них при наличии вакансий пополнят ряды наемных работников на предприятиях и в учреждениях, а часть предпочтут фриланс. Во многом их выбор будет зависеть от проводимой политики занятости.

Представленная мозаичная картина свидетельствует о том, что произошла смена моделей занятости сельского населения: переход от гарантированной полной занятости к нестандартным формам на основе срочных или временных контрактов или недокументированной занятости. Причем в аграрном секторе этот переход происходил более остро и болезненно по сравнению с другими сегментами экономики ввиду чрезвычайного узкого выбора сфер занятости в сельской местности и специфики высвобождаемой рабочей силы. Сокращение отработанного времени, внушительные масштабы и застойный характер безработицы обусловили экстремально высокий уровень бедности сельского населения, углубление неравенства и социальных диспропорций. Отсутствие ясных перспектив вынуждает часть сельских жителей покидать родные места в поисках работы в городах и других регионах. Оперативные меры, предпринимаемые властями по созданию временных рабочих мест, безусловно, сыграли положительную роль в смягчении последствий затяжного экономического кризиса, но не решили проблему занятости населения кардинально.

Достойный труд для всех – генеральная линия на ближайшую и отдаленную перспективу

Проблема занятости населения, строительство новых рабочих мест – задача, которую в посткризисный период решают практически все страны мира. Россия не является исключением. Согласно прогнозу Международной организации труда (МОТ) и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), реальный рост занятости до конца 2012 г. в странах «большой двадцатки» может составить менее одного процента, что приведет к нехватке 40 миллионов рабочих мест, а к 2015 г. этот дефицит еще более усугубится. Иными словами, при нынешнем незначительном росте занятости невозможно будет восстановить 20 миллионов рабочих мест, которые были потеряны в странах «группы двадцати» с начала кризиса [21].

В России прирост занятости обеспечивается в основном за счет рабочих мест невысокого качества, растет число нетрадиционных трудовых контрактов, сохраняются большие региональные различия, налицо дефицит ***достойного***, т.е. высокооплачиваемого высококвалифицированного труда. По оценкам экспертов, в России около 10 млн так называемых «плохих» рабочих мест, которые не позволяют получать нормальный трудовой заработок и не соответствуют стандартам. Это означает, что наша экономика реструктуризируется и модернизируется крайне медленно. Более того, по расчетам д.э.н. А.Н. Захарова, доля пятого технологического уклада в России только за 1990–2005 гг. уменьшилась с 6 до 1,2%, четвертого уклада – с 51 до 39%, тогда как третьего увеличилась с 37 до 47%, а реликтовых укладов, базирующихся на энергетике человека и животных, свойственных XIX в. или доиндустриальной эпохе – с 6 до 12,7% (рис. 4). Особенно негативными были эти изменения в российском АПК.

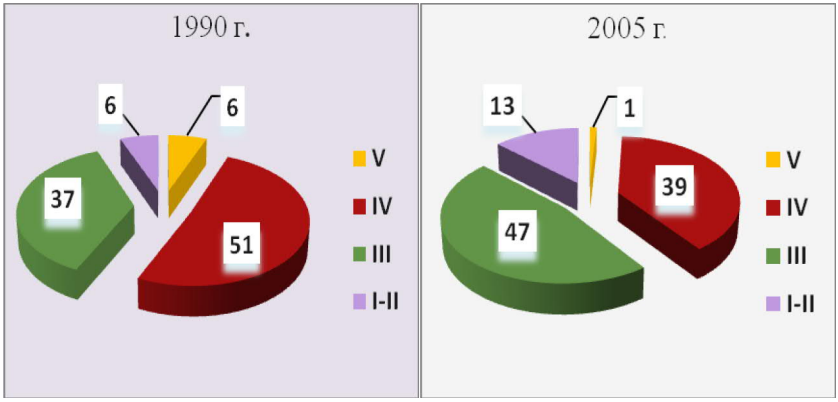

Рис. 4. Доли технологических укладов в экономике России, %

Источник: [22].

Очевидно, что чем масштабнее будет высоко технологичный сектор экономики, тем масштабнее будет сегмент высоко оплачиваемых рабочих мест, тем выше будет спрос на высококвалифицированную рабочую силу. Сейчас же сельскохозяйственный труд самый низкооплачиваемый в экономике. При имеющейся технологической отсталости у России нет шансов достичь уровня передовых стран по производительности труда. В такой си-

туации государство должно создавать более жесткие институциональные условия, которые вынуждали бы отечественный и иностранный бизнес вести активную политику на своих предприятиях по техническому перевооружению производства и внедрению базовых инноваций. В этой связи вполне логичным представляется мнение В. Гимпельсона о том, что решение проблем занятости во многом лежит вне рынка труда. Это касается, прежде всего, инвестиционного климата в регионе. Конкуренция за инвестиции – это конкуренция за рабочие места. Многое здесь зависит и от властей субъектов Федерации, и от муниципальных властей [11].

Одновременно с этим необходимы превентивные меры по расширению сфер занятости сельского населения за счет активного развития туризма, придорожного сервиса, возрождения народных промыслов и местной промышленности, приближения переработки сельскохозяйственной продукции к местам ее производства, содействие реализации продукции из хозяйств населения, а также политики умеренного протекционизма отечественного товаропроизводителя. Эти меры особенно актуальны сейчас в связи с вступлением России в ВТО.

Для качественного прорыва на российском рынке труда, по мнению В.В. Путина, необходимо создать не менее 25 млн новых (обновленных) высокотехнологичных, хорошо оплачиваемых рабочих мест для людей с высоким уровнем образования. Вокруг решения этой общенациональной задачи и нужно строить государственную политику, консолидировать усилия бизнеса, создавать наилучший деловой климат [23]. Однако при отсутствии четкой программы модернизации экономики эти цифры воспринимаются как фантастические.

В докладе МОТ [24] изложена позиция этой международной организации относительно общемировых тенденций в сфере труда и занятости населения, обусловленных несправедливой моделью экономического роста и глобализации экономики. Мир нуждается в новой эре социальной справедливости, подчеркнул генеральный директор МОТ. Необходимо разработать новую модель «эффективного роста», который бы содействовал реализации возможностей достойного труда для всех. В действующих механизмах глобальной экономики заложены глубокие и устойчивые дисбалансы, которые этически неприемлемы и политически несостоятельны. Несоответствие между экономи-

кой и обществом подрывает основы социальной справедливости. Неравенство доходов усилилось в большинстве стран – доходы в самой верхней части шкалы отдаляются от среднего уровня доходов. Во всем мире 80% населения достается 30% мировых богатств. В период с 1990 по 2007 год 20% населения планеты, находящегося на нижней ступени благосостояния, увеличило свою долю в общем объеме доходов с 1,5 до 2%. В период с 1976 по 2007 год доля доходов 0,1% богатейших людей в США выросла более чем в четыре раза с 2,3 до 12,6%. Как показывают результаты многочисленных исследований, существует связь между высоким уровнем неравенства доходов, социальной напряженностью и политической нестабильностью, что замедляет экономический рост. В последние годы 10% населения получает столько же доходов, сколько остальные 90%, вместе взятые.

Подобные неблагоприятные тенденции в распределении доходов наблюдаются и в России. Исследования Института социально-экономических проблем народонаселения РАН показали, что к настоящему времени в России сложился механизм форсированного роста наиболее высоких зарплат. Примерно 50–60% прироста оплаты труда идет на ее повышение у 20% наиболее высокооплачиваемых работников при наличии структурных диспропорций, проявляющихся в более низкой оплате высококвалифицированного труда по сравнению с менее квалифицированным. В результате средняя заработная плата 10% наиболее высокооплачиваемых работников превышает заработную плату 10% наименее оплачиваемых работников в 26–28 раз [25].

Во многих странах мира, отмечается в докладе МОТ, производительность труда опережает рост заработной платы. В развитых странах производительность труда выросла за последнее десятилетие на 10,3%, опередив темпы роста заработной платы примерно вдвое [24].

Волна социального протеста, прокатившаяся по многим странам мира, свидетельствует о том, что наступила эра более сбалансированного роста на основе социальной справедливости и принципов устойчивого развития. Задача национальных правительств – выработка незамедлительных мер по обеспечению равного доступа к достойному труду всех социальных групп во избежание серьезных социальных катаклизмов.

Литература

1. **Нестандартная** занятость в российской экономике / под ред. В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшникова. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 400 с.
2. **Российский** стат. ежегодник 2010 г.: Стат.сб./Росстат. – М., 2010. – 813 с.
3. **Jeremy Rifkin**. The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. New York: G.P. Putnam's Sons. 1996. 350 p.
4. **Труд** и занятость в России. 2009: Стат. сб./ Росстат – М., 2009. – 623 с.
5. **Россия** в цифрах. 2010: Крат. стат. сб./ Росстат. – М., 2010.
6. **Шевчук А.В.** О будущем труда и будущем без труда // Общественные науки и современность, 2007, № 3. С. 44–54.
7. **http:**//www.polit.ru/article/2011/06/20/rinkitruda. Дата обращения 07.11.2011.
8. **Бек У.** Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
9. **Обследование** населения по проблемам занятости, 2008, Таб. 7.1–7.3. Электронная версия. http://www.rg.ru/2011/07/26/work.html Дата обращения 07.11.2011.
10. **Российская** Бизнес-газета. 2011, 26 июля.
11. **Россия**, которую мы обретаем / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 2003, – 728 с.
12. **Итоги** Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года // http://www.gks.ru/news/perepis2006/totals-osn.htm. Дата обращения 23.01.2011.
13. **Великий П.П.** Неоотходничество, или лишние люди современной деревни // Социс, 2010, № 9, с. 44–49.
14. **Псарев В.И., Вавилин В.А., Притула А.А., Казакевич Е.А.** Частно-государственное партнерство в сельском хозяйстве: региональный пилотный проект // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 1. – С. 190–210.
15. **http**://vedomosti.sfo.ru/articles/?article=37407 Дата обращения 10.11.2011.
16. **Хэнди Ч.** Время безрассудства. Искусство управления в организации будущего. Спб.: Питер, 2001. – 288 с.
17. **Стребков Д.О., Шевчук А.В.** Фрилансеры на российском рынке труда. 2010 // http://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-2/Strebkov_Shevchuk.pdf Дата обращения 17.10.2011.
18. **Вязникова В.В., Стребков Д.О.** Финансовое поведение российских фрилансеров: возможности и ограничения // Социологический журнал, 2009, № 4. С. 41–64.

19. **Стребков Д.О., Шевчук А.В.** Фрилансеры в информационной экономике: мотивация и организация труда //Социальная реальность, 2008, № 1. С. 23–39.
20. **Шевчук А.В.** Самозанятость в информационной экономике: основные понятия и типы // Экономическая социология, 2008, Т. 9. № 1, С. 51–64.
21. **http**://www.rg.ru/2011/09/27/trud-site.html Дата обращения 16.11.2011.
22. **Захаров А.Н.** О перспективах развития российского АПК // http://www.isras.ru/files/File/Socis/2006-07/zaxarov.pdf. Дата обращения 23. 12.2010.
23. **Путин В.В.** Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // http://izvestia.ru/news/511884. Дата обращения 5.03.2012.
24. **Доклад** генерального директора МОТ Хуана Сомавия на 100-й юбилейной сессии Международной конференции труда: Новая эра социальной справедливости. – Международное бюро труда. Женева, 2011. // http://www.kalinkom.ru/index.php?option=com_phocadownload&view=category&id=9:&download=262:&Itemid=139. Дата обращения 26.10.2011
25. **Социально-демографическая** безопасность России / под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2008. – 864 с.

ДЕПРИВАЦИЯ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ В УСЛОВИЯХ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ[1]

институциональные и социальные механизмы

Резкое сокращение сельскохозяйственного производства, произошедшее в ходе радикальных экономических реформ, лишило многих сельских жителей рабочих мест и регулярных источников доходов. Банкротство и ухудшение экономического состояния сельскохозяйственных предприятий сопровождалось свертыванием социальных программ и деградацией социальной сферы села, так как объекты социальной инфраструктуры в процессе реорганизации коллективных хозяйств были переданы с баланса предприятий на баланс местных администраций, которые не имеют достаточных финансовых, материально-технических и кадровых ресурсов для их содержания и развития, что повышает напряженность на локальном рынке труда, лишает сельских жителей возможности получать даже минимальный набор социально-бытовых услуг по месту жительства.

В результате на карте России появились сельские поселения, где нет реального работодателя. Наличие последнего предполагает функционирование на территории населенного пункта одного или нескольких финансово устойчивых предприятий (организаций), включая предприятия малого бизнеса, способных рассчитываться по текущей деятельности с бюджетом, кредитными организациями и работниками. Жители таких деревень, лишенные возможности найти оплачиваемую работу в сфере легальной экономики, а также элементарного социального и бытового обслуживания, существуют, в основном, за счет своего подсобного хозяйства, а иногда вынуждены прибегать к криминальным способам выживания. Оторванные от внешнего мира в силу нераз-

[1] Статья впервые была опубликована в журнале «Регион: экономика и социология», 2007, № 1, с. 186–198, переработанная и дополненная была включена в монографию: *Калугина З.И., Фадеева О.П.* «Российская древня в лабиринте реформ. Социологические зарисовки». – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СМО РАН, 2009.

витости транспортных коммуникаций и дороговизны транспортных услуг сельские сообщества, проживающие на таких территориях, постепенно превращаются в депривированные социальные анклавы.

Хотя анализу социально-экономических последствий аграрных реформ посвящено немало работ известных ученых-аграриев[1], тем не менее, проблемам депривации сельского населения уделялось недостаточное внимание. В данной главе предпринята попытка разобраться в механизмах и причинах возникновения экономической и социальной депривации сельских сообществ в процессе радикальных социально-экономических реформ. Депривация, в данном контексте, – это процесс сокращения и/или лишения возможностей удовлетворения каких-либо социальных потребностей. Характерной особенностью депривации сельского населения современной России является резкое ухудшение условий и качества жизни не отдельных социальных групп, а целых сообществ.

Основными механизмами, вызывающими абсолютную и относительную депривацию сельского населения[2], по нашему мнению, являются следующие.

Высокие масштабы безработицы, слабая социальная защищенность сельских безработных. Вследствие тотальной, поспешной и по сути формальной реорганизации многие коллективные хозяйства, являющиеся основными работодателями на селе в советский период, прекратили свое существование. Согласно статистическим данным, число сельскохозяйственных предприятий за годы реформ (1990–2007 гг.) сократилось на 10,6 тыс., или

---

[1] *Великий П.П.* Пожилые женщины российского села: условия жизни, роли и статусные позиции в сельском сообществе. – Саратов: Изд-во Поволж. межрегион. учеб. центра. 2005; *Копач К.В.* Личное подсобное хозяйство сельского населения и его интеграция с общественным производством. – М: ВНИЭТУСХ, 2000; *Пациорковский В.В.* Сельская Россия. И1991-2001 гг. – М.: Финансы и статистика, 2003; *Петриков А.В.* Специфика сельского хозяйства и современная аграрная реформа в России. – М.: «Энциклопедия российских деревень», 1995; *Серова Е.В., Тихонова Т.В., Храмова И.Г., Шик О.В.* Сельская бедность и сельское развитие в России. – М.:ИЭПП, 2004 и др.

[2] Абсолютная депривация – недостаточное удовлетворение основных жизненных потребностей; относительная депривация – осознание индивидом или группой низкого уровня удовлетворения своих потребностей относительно других групп или относительно своих ожиданий.

более чем на 40%. Фермерство же и другие формы предпринимательства на селе в силу объективных и субъективных причин не получили широкого распространения в российской деревне. В итоге произошло катастрофическое падение объемов сельскохозяйственного производства, которое достигло угрожающих размеров. Встал вопрос о продовольственной безопасности страны. Сокращение численности занятых в сельском хозяйстве, хотя было не столь стремительным за счет увеличения занятости в хозяйствах населения, хотя весьма ощутимым. Среднегодовая численность работников, занятых на сельскохозяйственных предприятиях, сократилась с 8,3 до 1,9 млн человек[1].

По данным обследований занятости населения, уровень общей безработицы в сельской местности России в начале реформ вырос почти в четыре раза и составил в 1999 г. 13,8%[2]. Некоторое снижение уровня безработицы наблюдалось в последние годы в связи с улучшением ситуации в сельском хозяйстве страны. При этом для сельского рынка труда характерна застойная безработица с высокой долей молодежи. Если по всему сельскому населению уровень безработицы составил в августе 2007 г. 9,1%, то среди молодежи в возрасте до 20 лет – 21,7, а в возрастной группе 20–29 лет – 13,2%. По данным ФСГС, доля безработных, ищущих работу более года, в сельской местности составляла в указанный период 45,9%, а в городской – 32,2%, а среднее время поиска работы соответственно 9,6 и 7,5 месяца[3].

В действительности же хронически безработных на селе значительно больше. Отчаявшись найти хоть какую-либо работу, многие из сельских безработных не обращаются в службы занятости и не регистрируются как безработные. Это связано со значительной удаленностью многих поселений от государственных служб занятости, плохим транспортным обслуживанием сельских населенных пунктов и высокой оплатой проезда, что затрудняет регулярные посещения центров занятости сельскими жителями отдаленных деревень для перерегистрации, получения консультаций и профессионального обучения.

---

[1] Российский статистический ежегодник. Стат. сб./Росстат. – М., 2008, с. 444.

[2] Обзор занятости в России. Вып. 1. (1991–2000 гг.). – М.: Бюро экономического анализа. 2002, с.. 112.

[3] Обследование населения по проблемам занятости. Февраль 2007 года. – М.: ФСГС, 2007, с. 100, 104, 106, 107,109.

Нередко сельским жителям отказывают в получении статуса безработного из-за наличия у них земельного пая, хотя они не являются учредителями приватизированных предприятий или кооперативов и не используют свои земельные паи в качестве паевого взноса в уставный фонд предприятия. Кроме того, многие владельцы земельных паев не могут сдать свои паи в аренду сельскохозяйственным предприятиям даже за самую низкую плату, так как сами коллективные хозяйства ввиду резкого сокращения объемов производства не нуждаются в свободных сельскохозяйственных угодьях. Что касается фермеров, которые на формирующемся рынке земли выступают одними из основных арендаторов земельных паев сельских жителей, то их, как правило, не так уж много в сельских районах. Следовательно, сельские жители не имеют постоянного дохода со своих земельных долей. Обрабатывать же самостоятельно эту землю крестьяне не имеют возможности из-за отсутствия у большинства из них, а порой и во всем поселении сельскохозяйственной техники и транспортных средств.

В такой ситуации многие сельские жители пытаются вырваться из пут нищеты за счет занятости в неформальном секторе экономики. По данным выборочных обследований по проблемам занятости на конец ноября 2004 г., в сельской местности более 4 млн человек были заняты в неформальном секторе экономики. При этом для большинства из них эта работа была единственной или основной. Занятость в неформальной экономике в селе была в два с лишним раза выше по сравнению с городом[1].

Ограниченные возможности для трудовой мобильности. Территориальная оторванность многих деревень, неразвитость транспортных коммуникаций, дороговизна проезда на личном и общественном транспорте усугубляют положение сельских безработных, так как затрудняют территориальную (маятниковую) трудовую мобильность. Особенно остро это проявляется в сибирских регионах, для которых характерны дисперсность сельского расселения и значительные расстояния между ближайшими населенными пунктами (50 км и более). Тем не менее, обследование, проведенное Федеральной службой занятости по Новосибирской области, показало, что примерно 40% работающих сель-

[1] Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005. Стат. сб./ Росстат. – М., 2005, с. 99.

ских жителей находят работу за пределами своего места жительства. Сельские жители используют трудовую миграцию как способ противодействия безработице. Особенно широко распространена трудовая маятниковая миграция в пригородных районах. Численность маятниковых мигрантов здесь превышает численность занятых по месту жительства в 2,5 раза. В невыгодном положении находятся жители отдаленных деревень.

Низкая оплата сельскохозяйственного труда. Одной из основных причин двукратного падения среднего уровня реальных доходов населения РФ за годы реформ явилось снижение уровня оплаты труда, которая до последнего времени остается основным источником доходов населения. По расчетам профессора С. Меньшикова, в России удельный вес заработной платы в ВВП существенно сократился в постсоветский период. Им установлено, что в 1990 г. заработная в чистом виде составляла 40,5% от ВВП, а в среднем за пореформенный период (с учетом скрытой оплаты труда) – лишь 25,8%. В ведущей капиталистической стране – США доля валовой прибыли экономики в полтора раза ниже, чем в России, а доля оплаты труда – на 27% выше. По его мнению, это результат «пиратского» характера российского капитализма, в котором практически не действуют ограничительные правила, введенные в США и других ведущих индустриальных странах Запада, начиная с 30–40-х годов прошлого столетия. Частный капитал в России «вместе с государственной собственностью присвоил себе и повышенную долю прибавочного продукта, которая раньше доставалась государству»[1].

Основным источником дохода для сельских жителей является личное подсобное хозяйство (ЛПХ) и социальные пособия. Анализ адаптационных стратегий сельских жителей показал, что более 75% респондентов в условиях длительной безработицы были ориентированы на неформальную экономику (занятость в личном подсобном и домашнем хозяйстве). Однако доходы от ЛПХ недостаточны для преодоления бедности. Распределение населения по размеру среднедушевых денежных доходов и располагаемых ресурсов свидетельствует о высокой доле среди сельского населения крайне бедного и малоимущего населения (рис. 1.).

[1] *Меньшиков С.* Анатомия российского капитализма. – М.: Международные отношения, 2004, с. 261.

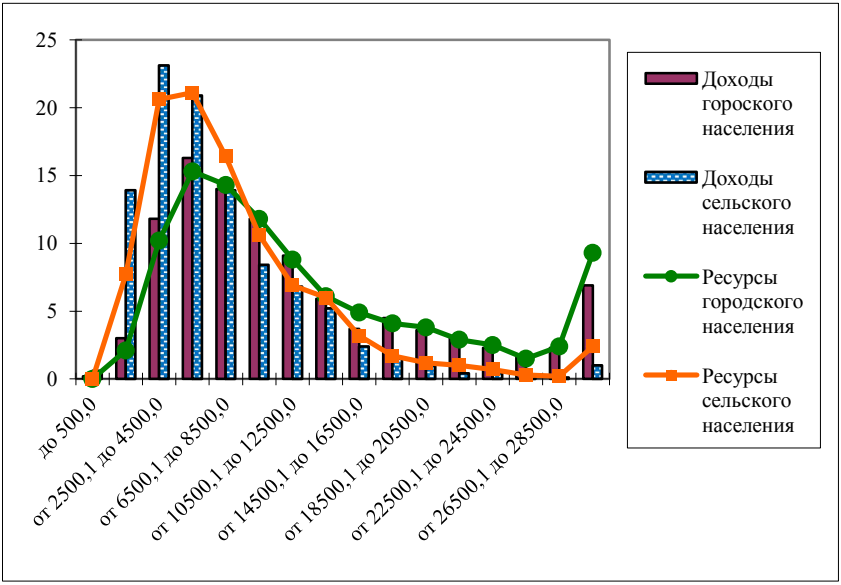

Рис. 1. Распределение городского и сельского населения по величине среднедушевых денежных доходов и располагаемых ресурсов в месяц в I квартале 2009 г., %

Источник: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в I квартале 2009 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). М.: ФСГС, 2009, с. 24.

Основная часть продукции ЛПХ идет на удовлетворение нужд самих сельских семей и их родственников. Денежные поступления, получаемые от продажи «избытков» продукции ЛПХ, носят нерегулярный сезонный характер, а размер ЛПХ ограничивается финансовыми, трудовыми и материально-техническими ресурсами семьи, которые находятся в настоящий момент на грани исчерпания.

Представленная на рис.1. дифференциация располагаемых ресурсов[1] сельского населения, значительную часть которых составляют поступления из личного подсобного хозяйства, по до-

[1] Располагаемые ресурсы – это объем средств (денежных и натуральных), которыми располагали домохозяйства для обеспечения всех своих расходов и создания сбережений в период обследования.

ходным группам свидетельствует о вынужденном характере ведения ЛПХ. По мере увеличения среднедушевых денежных доходов населения из других источников поступления из ЛПХ заметно сокращаются. Кроме того, занятость в ЛПХ не решает проблему аграрного перенаселения и не гарантирует социальную защиту сельского населения в старости, так как труд в ЛПХ не засчитывается в стаж работы. Механизм же накопления страховой части пенсии для занятых в ЛПХ также не отработан.

По данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств россиян в I квартале 2009 г., совокупные располагаемые ресурсы домашних хозяйств в сельской местности были в 1,6 раза ниже по сравнению с городской местностью. По сравнению с тем же периодом 2007 г. этот разрыв сократился незначительно. При этом разница в денежных доходах была еще выше. Структура потребительских расходов селян с высокой долей затрат на питание и низкой долей на оплату услуг составляет 39,1 и 27,8% против 29,1 и 39,2% в городской местности и свидетельствует о бедности сельского населения. Если в городской местности затраты на оплату услуг учреждений культуры и отдыха в этот период составлял 6,2% потребительских расходов семьи, то в сельской – лишь 4.2%[1].

Изменение каналов социальной мобильности. В не меньшей степени депривация сельских сообществ обусловлена тотальной реорганизацией, а нередко и разрушением коллективных хозяйств, несправедливой приватизацией, изменением кадровой политики, основанной зачастую не на профессиональных качествах работников, а на родственных или клановых интересах. Известно, например, что для современной России основным каналом трудоустройства стали родственные или дружеские связи. При поиске работы чаще всего люди обращаются не к формальным посредникам, а к своим родным и знакомым, т.е. используют личные связи или социальные сети. По данным ФСГС, в 2004 г. к этому каналу трудоустройства прибегали 57,6% безработных, в то время как в государственную службу занятости – 33,5%, непосредственно к работодателю обращались 28,5%, подавали объявления в печать либо откликались на опубликованные объявления

[1] Расчеты выполнены по источнику: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в I квартале 2009 года (по итогам выборочного обследования домашних хозяйств). – М.: ФСГС, 2009, с. 11, 20.

– 16,5% безработных, в коммерческую службу занятости – 3,3%, 13,5% использовали другие способы поиска работы[1].

По мнению В. Кабалиной, «абсолютное доминирование неформальных механизмов найма при слабости новых формальных институтов посредничества способствует усилению тенденции к закрытости и сегментации рынка труда и формированию институциональных барьеров для свободного перемещения работников на рынке труда»[2].

Основным каналом восходящей социальной мобильности в развитых обществах является образование. В условиях же массовой бедности обеспечить доступность качественного образования для сельского населения можно только при активной роли государства и стимулировании социальной деятельности бизнеса.

Резкое ухудшение социального обслуживания жителей деревень. Банкротство многих коллективных хозяйств и передача учреждений социальной инфраструктуры на баланс местных администраций, не обеспеченная необходимыми ресурсами (финансовыми, трудовыми, материально-техническими), привели к коллапсу социального обслуживания жителей этих поселений. Явно просматриваются неблагоприятные зоны, где сельское население, по сути, лишено элементарных «благ цивилизации» (табл. 1).

Более четверти сельских поселений не имеют надежной связи с внешним миром из-за отсутствия дорог с твердым покрытием, около 17% – не телефонизированы, а почти 5% – не охвачены сетью почтовой связи.

Таблица 1.

Благоустройство населенных пунктов (на конец 2007 г.), %

Элемент благоустройства	Город	Поселки городского типа	Сельские населенные пункты
Водопровод	100	96	30
Канализация	98	81	5

Источник: Российский статистический ежегодник. 2008: Стат. Сб./ Росстат. – М., 2008, с. 209.

[1] Обследование населения по проблемам занятости. – М.: ФСГС, 2004, с. 247.

[2] *Кабалина В.* Институты посредничества при трудоустройстве и перспективы политики на рынке труда // Отчеты грантополучателей конкурса «Социальная полтика: реалии XX1 века // htpp://www.socpol.ru/grantprog/zip/kabal199zip.

В последнее время особую остроту приобрела проблема отсутствия школ в тех населенных пунктах, где проживают дети школьного возраста. Большинство школьников из этих сел вынуждены обучаться за пределами места жительства. Взятый курс на ликвидацию малокомплектных школ лишь усугубит ситуацию. Учитывая проблемы с отсутствием и техническим состоянием имеющихся школьных автобусов, низким качеством сельских трасс, нерегулярной расчисткой дорог в зимнее время, ростом цен на бензин, можно сказать, что часть детей будут практически лишены возможности получения образования.

Проведенная перепись населения 2002 г. зафиксировала парадоксальный факт уменьшения уровня профессионального образования молодого поколения по сравнению со старшим, особенно четко проявившийся в сельской местности у мужчин, а также выявила увеличивающийся разрыв в уровне образования городских и сельских жителей (рис. 2).

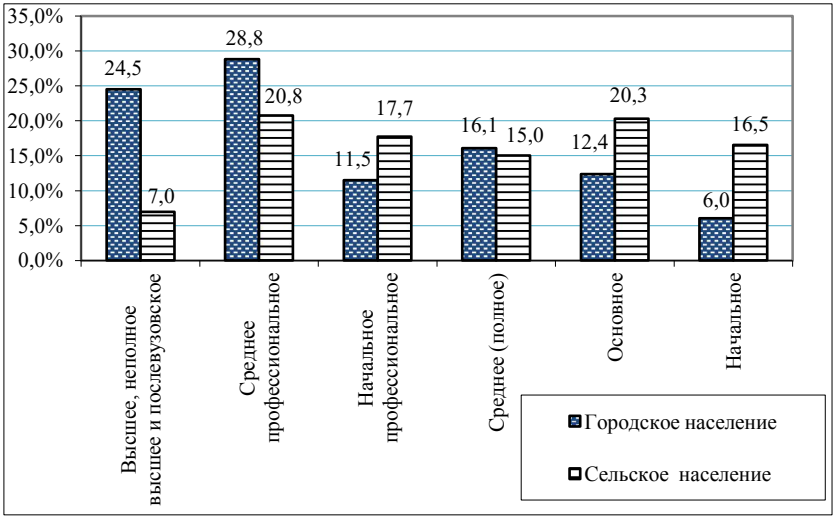

Рис. 2. Структура взрослого городского и сельского населения Новосибирской области (в возрасте 15 лет и более) по уровню образования

Источник: Население Новосибирской области (по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.): Стат. Сб. / Новосибирский областной комитет госстатистики, 2004, с. 46–63.

Так, если в городе доля взрослого населения, имеющего высшее и неполное высшее образование, составляла в 2002 г. 24%, то в сельской местности – только 7%. При этом более половины сельских жителей не имели никакого профессионального образования, а для 17% сельчан уровень образования был ограничен лишь начальной школой. Особенную тревогу вызывает рост неграмотности среди сельских жителей. Высокая степень поляризации городских и сельских жителей по уровню образования в немалой степени снижает шансы последних на жизненный успех, не позволяет раскрыться в полной мере их человеческому потенциалу.

Отсутствие школ в большинстве малых сел и угроза их закрытия там, где они еще функционируют, можно рассматривать как фактор, усугубляющий отмеченное неравенство в получении образования в зависимости от места проживания детей и провоцирующий ухудшение ситуации в образовательной сфере в сельской местности в перспективе. При этом следует учитывать, что школа на селе является своеобразным институтом, способствующим социальной организации сельской жизни. Нередко директора школ являются неформальными лидерами и на общественных началах выполняют функции деревенских старост, а иногда и руководят сельскохозяйственным производством. Поэтому закрытие школы отрицательно сказывается не только на положении детей, но и приводит к распаду сложившихся солидарностей и к дезорганизации сельских сообществ.

Итогами аграрных преобразований стали утрата сельскими жителями жизненных перспектив и их ориентация на «выталкивание» своих детей и внуков из деревни, что, по существу, ставит под угрозу само существование деревни. «Не вижу перспектив ни в настоящем, ни в будущем»; «Развалится и все. Уже есть примеры по району»; «Упадок»; «Ничего не светит»; «Крах, вымирание населения, полная разруха»; «Нет перспективы для деревни»; «Если правительство будет жить в виртуальном мире, все погибнет», совсем все заглохнет». Не видя перспектив, многие сельские жители стараются дать образование своим детям с тем, чтобы они никогда не возвращались в деревню:

«Все распадается. Все к распаду идет. Молодежи некуда податься. Выезжают в город. 10, 11 классы под угрозой закрытия. Не видят заработной платы. Запиваются»; «Сын не хочет дожи-

вать в деревне. Здесь ничего не строят. Разрушить просто, а восстановить невозможно»; «Я здесь корнями, но не хотел бы, чтобы дети и внуки остались в деревне». В деревне остаются лишь те, которым некуда податься, трудно устроится в городе.

Те, кто свыкся с бесперспективностью своего положения, безразличны к будущему своего потомства. Сформировалась когорта родителей, которые уже не видят необходимости в профессиональном обучении своих детей, их не пугает отсутствие у них постоянной работы и перспектив дальнейшего трудоустройства. Их вполне устраивает то, что подросшие сын или дочь «сидят на их шее» или же перебиваются случайными заработками, идут в услужение к своим соседям или к наиболее зажиточным сельским семьям. Из интервью с руководителем сельхоз предприятия: «У некоторых родителей выработалась странная позиция: пусть их дети лучше не работают в хозяйстве, а определяются в батраки: посадить или убрать картофель, бабушке забор подделать, где-то еще подкалымить. Но ведь рабочий стаж такой работник не заработает, пенсии ему не видать».

Инверсия социальной организации сельских сообществ. Прошедшая реорганизация сельскохозяйственных предприятий привела к формированию новых организационно-правовых форм хозяйствования на селе и изменению статуса коллективных хозяйств. Соответственно изменились их функции.

В советские времена сельскохозяйственные предприятия выполняли помимо производственной важные социальные функции по организации отдыха, лечения и досуга работников и членов их семей. Руководители хозяйств были не только наиболее влиятельными представителем власти, но и субъектами, в распоряжении которых находились дефицитные ресурсы, необходимые для ведения личного подсобного и домашнего хозяйства сельских жителей. Именно к ним в тяжелые моменты жизни обращались сельские жители и получали необходимую помощь, если руководитель считал целесообразной ее предоставление.

Частные владельцы, пришедшие на смену руководителям коллективных хозяйств люди более рациональные и не желающие брать на себя бремя социального обслуживания населения. В таких условиях сельское население может рассчитывать толь-

ко на себя, на собственные силы в решении многих социальных проблем. Как верно отмечено П. Великим, в настоящее время наблюдается «ослабление связей деревни с государством и всем обществом»[1].

Коренная ломка традиционного уклада жизни сельского населения, произошедшая в период реформ. За годы советской власти селяне привыкли трудиться в коллективных хозяйствах (оставим за скобкой плюсы и минусы коллективного труда). При этом занятость в общественном производстве, бесплатное медицинское обслуживание и образование были гарантированы действующей в то время Конституцией. Эти гарантии неукоснительно соблюдались. Предприятия брали на себя значительные затраты, связанные с санаторно-курортным лечением и отдыхом работников и членов их семей.

Либеральные реформы лишили население основных социальных гарантий, не обеспечив при этом легальных способов зарабатывания денег и формирования нетеневых доходов, позволяющих каждому гражданину самостоятельно решать свои насущные проблемы. В быстро меняющемся обществе перед индивидом возникает дилемма: выстроить самостоятельную индивидуальную стратегию адаптации, не оглядываясь на способы и направления адаптации социальных групп, социальных организаций, в которые он входит, или поступить прямо противоположным образом – войти в фарватер адаптивных стратегий этих групп и организаций и совместно с ними осуществлять процесс адаптации»[2].

Работники коллективных хозяйств прошли вместе со своими коллективами тяжкий путь преобразований, сопровождающийся невыплатами и систематическими задержками заработной платы, увеличением доли натуроплаты, отсутствием гарантии занятости, сокращением социальных программ, отсутствием перспектив развития. Но, несмотря на все трудности, сельскохозяйственные предприятия и в условиях реформ оказывали помощь

---

[1] *Великий П.П.* Пожилые женщины российского села: условия жизни, роли и статусные позиции в сельском сообществе. – Саратов: Изд-во Поволж. межрегион. учеб. центра. 2005., с. 32.

[2] *Корель Л.В.* , Архитектоника адаптивных механизмов социальных систем: социологический дискурс // Регион: экономика и социология, 2007, № 1, с. 181.

своим работникам, прежде всего в ведении личного подсобного хозяйства, а в критических ситуациях, оказывая им материальную поддержку. Тем самым, облегчая процесс адаптации людей к новым социально-экономическим условиям.

Жители брошенных деревень, где нет крупных работодателей, были лишены такой опоры. Каждая сельская семья была вынуждена выстраивать свою собственную стратегию адаптации, опираясь на собственные ресурсы. В такой ситуации большинство сельских жителей ощущают себя брошенными на произвол судьбы, не нужными государству и обществу. Таким образом, экономическая депривация дополняется еще и социальной депривацией**.** Согласно концепции эксклюзии, современные общества распадаются на качественно различные образования с разными историческими перспективами, находящиеся в мейнстриме и социально исключенные[1]. Жители «брошенных» деревень, лишенные работы и стабильных источников дохода, в большинстве своем принадлежат к таким социально исключенным группам. «*Говорят рынок-рынок, а где ж он этот рынок? Это не рынок, а грабёж средь бела дня. Сначала загнали в колхозы, а сейчас еще мудрее, – хотят замучить людей в деревнях, как каторжных. За что?».*

Респонденты отмечают, что на селе стали появляться маргинальные группы из числа одиноких престарелых женщин, которые пропивают полностью свою пенсию и живут затем на подачки сердобольных соседей. Пьют от одиночества и безысходности, от ощущения своей брошенности и ненужности. *«Одна как в космосе, каждый выживает в одиночку», «Все сами по себе».* Характеризуя одиночество пожилых сельских жителей, П. Великий отмечает, что одинокий человек теряет пространство сопричастности с другими людьми, трансформируясь в непредпочитаемого члена общности – семейной или поколенческой[2].

Сейчас модно говорить о развитии гражданского общества, становление которого предполагает превращение все большей части россиян из пассивных *подданных* государства в свободных,

---

[1] *Тихонова Н.Е.* Ресурсный паодход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социс. – 2006, с. 30.

[2] *Великий П.П.* Пожилые женщины российского села: условия жизни, роли и статусные позиции в сельском сообществе. – Саратов: Изд-во Поволж. межрегион. учеб. центра. 2005, с. 30.

сознательных и активных *граждан*, ясно понимающих свои интересы, знающих свои права и возможности и способных быть самостоятельными акторами общественных процессов[1]. Одним из индикаторов развития гражданского общества может служить отношение общества к детям и старикам.

Если ориентироваться на этот критерий, то современная Россия, судя по всему, далека еще от построения подобного общества. Особенность современной ситуации заключается в том, что социальными изгоями становятся целые сообщества, к которым относятся жители брошенных деревень. Апатия, отказ от элементарных стандартов потребления, переход на натуральное хозяйство, сокращение потребностей, распространение асоциального поведения – воровство, пьянство, снижение профессионализма, нежелание работать – характерные черты сегодняшней жизни жителей сельских поселений, где нет работодателя. В таких поселениях повсеместно наблюдается архаизация образа жизни, проявляющаяся в преобладании архаической системы производства, основанной на тяжелом немеханизированном труде в рамках личного подсобного хозяйства; в преобладании потребительского характера производства; вовлечении в производственный процесс всех членов семьи, включая стариков и детей; Более половины сельскохозяйственной продукции в России в настоящее время производится в хозяйствах населения, практически не включенных в кооперационные связи по обслуживанию, сбыту и переработке продукции. Широкое распространение получили собирательство даров природы (грибов, ягод, орехов и пр.), а также отходничество как способы выживания многих сельских семей.

Статусная неконсистентность отдельных социальных групп. Она возникла вследствие обнищания основной массы сельского населения, в том числе сельской интеллигенции, с одной стороны, и обогащения – других, в результате несправедливой, по мнению сельских жителей, приватизации коллективных хозяйств. К концу 1990-х годов, как показал проведенный автором анализ мотивации и каналов рекрутирования сельских предпринимателей, часть сельской интеллигенции в поисках новых сфер

[1] *Заславская Т.И.* современное российское общество: Социальный механизм трансформации. – М.: Дело, 2004, с. 12.

приложения труда и надежных источников дохода вынуждена была заняться предпринимательской деятельностью вопреки своим профессиональным интересам и предпочтениям[1].

Осознание индивидом или группой своего более низкого уровня удовлетворения потребностей относительно других групп приводит к относительной социальной депривации. «*Вся администрация, когда началась перестройка с распределением, была у руля, всю технику хорошую забрали. Мне людей жалко. Всю жизнь провкалывали, а сейчас не очень грамотные остались с носом*».

Лишенная рабочих мест и, соответственно, стабильных источников доходов значительная часть и без того небогатого сельского населения превратилась в люмпенов. Бедность стала основной чертой существования в таких поселениях. Обследование социального самочувствия различных групп россиян, проведенное Институтом социально-политических исследований РАН в 2003 г. (N=1000), показал, что около 60% бедного населения «пали духом, утратили надежды на улучшение жизни». Среди богатых таких пессимистов не было обнаружено. Начало XXI века ознаменовалось в России тем, что богатые люди стали еще богаче, а бедные – еще беднее[2].

Таким образом, высокие масштабы безработицы и низкая цена труда являются главными причинами возникновения экономической и социальной депривации сельского населения в настоящее время. Инверсия социальной организации сельских сообществ, разрушение привычного уклада жизни усугубили ситуацию.

Фоном, а во многом и детерминантой ключевых проблем качества жизни сельского населения являются изъяны государственной социальной политики, проводимой в стране в 1990–2000-х годах, а именно:

- нелигитимное перераспределение ресурсов в пользу высоко обеспеченных слоев населения;

---

[1] *Калугина З.И.* Сельское предпринимательство в современной России: институциональные основы и социальные практики. // Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 2003, с. 193–222.

[2] *Иванов В.Н.* Социальное самочувствие россиян // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. – 2004, № 1, с. 73–79.

- порочная, с социальной точки зрения, концепция полярного развития регионов при государственном патернализме регионов – локомотивов, закрепляющая региональные социальные неравенства;
- хроническая недооценка труда и рабочей силы;
- резкое сокращение социальных функций государства, лишившего себя традиционных источников социальной поддержки населения, передав сверхприбыльные отрасли в частные руки.

Стратегической целью социальной политики в среднесрочной и долгосрочной перспективе должны стать качественный прорыв в уровне жизни населения и устойчивое развития сельских территорий на основе преодоления необоснованных региональных социальных неравенств, хронического отставания сельских районов от среднероссийских стандартов жизни, развития сельского самоуправления. Политика сельского расселения должна соответствовать требованиям пространственной организации сельскохозяйственного производства, содействовать развитию инициативы и самоорганизации локальных сообществ и опираться на ненасильственные методы решения проблем расселения, обеспечение сельским жителям свободы выбора места проживания и места работы[1].

[1] *Калугина З.И., Фадеева О.П.* Проблемы малых деревень // Новосибирская область: проблемы управления пространственным развитием / под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2005, с. 199–215; *Калугина З.И., Фадеева О.П.* Контуры будущего сибирской деревни //Регион: экономика и социология. – 2006. – № 4, с. 141–158.

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ АГРАРНОЙ ЭКОНОМИКИ[1]

По оценкам МВФ, в 2010 г. мир вышел на положительную экономическую динамику и перекрыл уровень предкризисного периода. Россия же отставала по темпам роста ВВП как от развитых, так и от развивающихся стран мира. В 2010 г. рост ВВП по всем странам мира и составил 5%, по развивающимся странам – 7,3%, по странам БРИК – 8,9%, по странам Центральной и Восточной Европы – 4,2%, а в России – 4%[2]. По данным официальной статистики, этот темп составил в 2010–2011 гг. 4,3%[3].

Предпосылки модернизации российской экономики

Одна из главных причин отставания российской экономики – высокая степень износа и низкий уровень обновления основных производственных фондов вследствие низкой инвестиционной активности хозяйствующих субъектов. Новые владельцы фабрик, станков, пароходов выжимают последнее из оборудования, доставшегося им от советских времен, при молчаливом согласии государства. Степень износа основных производственных фондов увеличилась с 1990 по 2010 год с 37,6 до 47,1%, а коэффициенты обновления в этот период снизились соответственно с 6,3% до 3,9% в год. В сельском хозяйстве коэффициенты обновления основных фондов ниже средних по экономике[4].

---

[1] Эта статья впервые была напечатана в журнале «Отечественные записки», 2012. № 6 (51). С. 117–129, а затем она была опубликована с некоторыми изменениями в журнале «Ekonomika АПК. Міжнародний науково-виробничий журнал. 2011, № 5. С. 171–178», на английском языке статья опубликована online на сайте журнала «Modern Economy».

[2] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2011. Модернизация и развитие человеческого потенциала. М., 2011. С. 29.

[3] Россия в цифрах. 2012: Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2012. С. 39.

[4] Российский статистический ежегодник. 2011:Статистический сборник. М.:Росстат, 2011. С. 333, 334.

Сложившиеся негативные тенденции отразились на качестве материально-технической базы, о которой можно судить по структуре технологических укладов[1]. По расчетам д.э.н. А.Н. Захарова, доля пятого, наиболее прогрессивного технологического уклада в России за годы реформ с 1990 по 2005 год уменьшилась с 6 до 1,2%, четвертого уклада – с 51 до 39%, тогда как третьего – увеличилась с 37 до 47%, а реликтовых укладов, базирующихся на энергии человека и животных, свойственных XIX веку или доиндустриальной эпохе, – с 6 до 12,7% (рис. 1). Особенно негативными были эти изменения в российском АПК. Доминирование отсталых технологических укладов дает основание говорить о деиндустриализации страны. Следствием последней стали низкая производительность труда (в 2,5–3 раза ниже по сравнению с Западной Европой и США), высокие энергоемкость и материалоемкость производства (в 1,5 раза выше по сравнению с развитыми странами), а также низкий уровень жизни населения[2].

О сопряженности экономического и социального развития, обусловленной важностью, значимостью, ценностью человеческого капитала, написаны целые тома. Ежегодные доклады, готовящиеся международными и российскими экспертами, дают исчерпывающую информацию о человеческом развитии в разных странах мира. Доклад о человеческом развитии в РФ 2011 года посвящен проблемам модернизации и развития человеческого потенциала[3]. В докладе подчеркивается, что замещение технологи-

---

[1] Технологический уклад это совокупность технологий, характерных для определенного уровня развития производства. В связи с научным и технико-технологическим прогрессом происходит переход от более низких укладов к более высоким, прогрессивным. Согласно теории Н.Д. Кондратьева длинные волны экономического развития, в том числе кризисы, связаны со сменой технологических укладов. В настоящее время мир уже начинает осваивать 6-й технологический уклад. Ядро этого уклада составляет комплекс производств, основанных на нано- и биотехнологиях, использующих достижения генной инженерии и молекулярной биологии, и на информационно-коммуникационных технологиях. Подробнее см.: *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса (предисловие к новой книге) // РЭЖ. 2010. № 10; *Глазьев С.Ю.*Об антикризисной стратегии России //РЭЖ. 2009. № 6; *Глазьев С.Ю.* Мировой экономический кризис как процесс замещения доминирующих технологических укладов // http://www.glazev.ru/question/84/

[2] *Аганбегян А.Г.* О новой промышленной политике // ЭКО. 2012. № 7. С. 4–22.

[3] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2011. Модернизация и развитие человеческого потенциала. М., 2011. С. 29.

ческих укладов требует соответствующих изменений не только в социальных и институциональных системах, но также в типах потребления и образе жизни населенбия. Конкурентоспособные технологии предъявляют высокие требования к работникам, развитию человеческого потенциала.

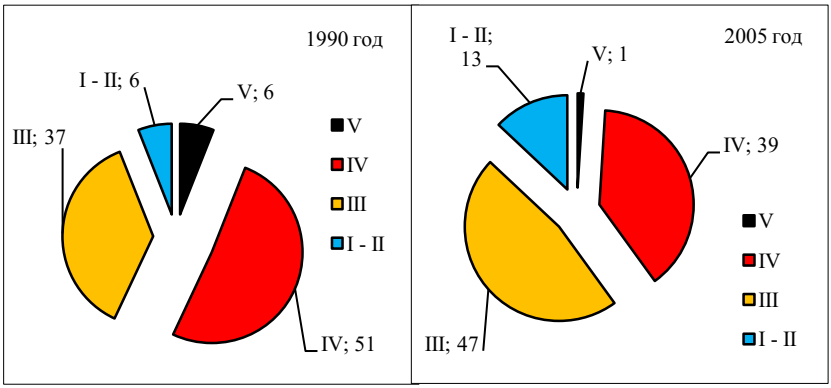

Рис.1. Доля технологических укладов в экономике России, %[1]

Однако низкий уровень жизни большинства россиян, сложившийся вследствие недооценки человеческого труда, не обеспечивает индивидуального инвестирования в здоровье. Образование, культуру, достаточного для развития человеческого потенциала. В этих условиях возрастает роль государственных инвестиций в человеческий капитал путем развития системы здравоохранения, образования, культуры и спорта. Не меньшую роль сможет сыграть государство в формировании институциональных условий, активизирующих инвестиционную деятельность бизнес-структур. Основная задача данной статьи – оценить социальные риски воспроизводства человеческого потенциала в России как главной движущей силы и субъекта модернизации.

[1] *Захаров А.Н.* О Перспективах развития российского АПК //http://www.isras.ru/files/File/Socis/2006-07/zaxarov.pdf

Социальные риски развития человеческого потенциала в России

Общество риска – это по существу новая парадигма, сменяющая концепцию общества производства и распределения богатства. «В развитых странах современного мира общественное производство *богатства* постоянно сопровождается общественным производством *рисков*[1]. Очевидный смысл этого высказывания Ульриха Бека – в возрастающих по мере модернизации производительных сил угрозах для выживания и развития человека. В отличие от опасностей, которые вызываются природными катаклизмами, социальные риски – это неизбежные продукты принятия решений. *Социальные риски, в нашем контексте, – это вероятные негативные последствия проводимой социальной политики, представляющие угрозу человеческому развитию*. Субъектами (производителями) риска могут быть политики, хозяйствующие субъекты, социальные группы. «Потребителями», объектами социального риска, или группами риска, выступают социальные группы, сообщества и индивиды, которые подвергаются негативному воздействию принятых субъектами риска решений. Согласно концепции Энтони Гидденса существующая институциональная среда задает унифицированные варианты поведения индивидов и порождает таким образом коллективные риски[2]. При этом каждая форма общественной жизни в определенный период времени имеет собственный «портфель», или набор рисков.

Попытаемся определить портфель социальных рисков, угрожающих модернизации экономики России. К ним, на наш взгляд, относятся:

- ресурсный дефицит воспроизводства человеческого капитала, обострившийся в условиях кризиса;
- низкие социальные расходы государства, не компенсирующие недостаток индивидуальных вложений в развитие человеческого капитала;
- несправедливая распределительная политика государства, обусловившая гигантское социальное расслоение общества

[1] *Бек У.* Общество риска на пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 21.

[2] *Гидденс Э.* Судьба, риск, безопасность // THESIS. 1994. № 5. С. 107–134.

и определившая незначительную долю среднего класса в социально-экономической структуре населения как опоры модернизационных процессов;
- неэффективная институциональная система, не стимулирующая инвестиционную деятельность бизнеса и модернизацию действующих производств и создающая предпосылки формирования «фиктивного» человеческого капитала.

Это в полной мере относится и к аграрному сектору экономики России.

Ресурсы для развития человеческого капитала

Согласно методике Всероссийского Центра уровня жизни минимальный потребительский бюджет в денежном выражении, равный примерно двум прожиточным минимумам (ПМ), позволяет на минимальном уровне удовлетворять потребности человека и обеспечивает *восстановительный уровень потребления*. Бюджет высокого (по современным стандартам – среднего) достатка, равный примерно 6ПМ и выше, позволяет удовлетворять рациональные физические и духовные потребности населения и обеспечивает *развивающий характер потребления.* Наши расчеты по данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, показали, что в I квартале 2009 г. примерно 62% городского и 87% сельского населения РФ имели среднедушевые денежные доходы ниже минимального потребительского бюджета (10166 руб.)[1], а значит – не располагали достаточными ресурсами даже для восстановления своего человеческого потенциала. То же соотношение по величине среднедушевых располагаемых ресурсов составило 59 и 81%[2].

Главной причиной ресурсного дефицита воспроизводства человеческого потенциала в России является *низкая оплата труда*. Расчеты отраслевого индекса воспроизводства человеческого потенциала показали, что в 2010 г. только работники финансовой сферы и добывающих производств имели заработную плату,

[1] Прожиточный минимум в РФ в I квартале2009 г.: все население – 5083 руб., трудоспособное население – 5497 руб., пенсионеры – 4044 руб., дети – 4857 руб.

[2] Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в I квартале 2009 года (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). М.: ФСГС, 2009. С. 11, 24.

обеспечивающую развивающий тип потребления. Работники обрабатывающей промышленности, строительства, транспорта располагали ресурсами для простого воспроизводства человеческого потенциала (рис. 2). В целом только 3% занятых в экономике имели заработную плату, обеспечивающую развивающий тип потребления, а абсолютное большинство занятых на свой заработок могли лишь восстановить свою работоспособность. Работники сельского хозяйства, являющиеся постоянными аутсайдерами на шкале заработной платы, не располагали и такими ресурсами. Несмотря на положительные тенденции последних лет, заработная плата работников сельского хозяйства, не достигшая величины минимального потребительского бюджета, не позволяет им даже на самом минимальном уровне восстанавливать свой человеческий потенциал. Сельское население не спасает и личное подсобное хозяйство. Доходы, получаемые от него в натуральной и денежной форме. Лишь несколько сглаживают огромный разрыв в доходах городского и сельского населения, но не решают проблемы ресурсного обеспечения воспроизводства человеческого капитала сельских жителей. Распределение населения по размеру среднедушевых денежных доходов и располагаемых ресурсов свидетельствует о высокой доле среди сельского населения крайне бедного и малоимущего населения[1]. Негативные последствия такой ситуации очевидны.

Чтобы обеспечить расширенное воспроизводство человеческого потенциала (на уровне нынешних стандартов) по всем видам экономической деятельности, средняя номинальная заработная плата должна быть повышена не менее чем вдвое, а в отраслях социальной сферы и сельском хозяйстве – как минимум в три раза. По мнению ведущих отечественных экономистов, заработная плата в России является низкой не вообще, а недопустимо низкой по отношению к производительности труда. Поэтому удвоение или даже утроение средней заработной платы и соответственно размера пенсий и пособий является, по мнению академика Д.С. Львова, первоочередной задачей для России. Согласно расчетам профессора С.С. Сулакшина, разрыв производительности труда в России по отношению к

[1] Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в I квартале 2009 года (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). М.: ФСГС, 2009. С. 24.

США составляет 3,6 раза, а разрыв по оплате труда – 9,6 раза, соответственно – ресурс повышения оплаты труда – 2,6 раза [4].

Что касается дальнейшего повышения производительности труда на основе расширения высокотехнологичного сектора экономики, а, соответственно, и сегмента высококвалифицированного высокооплачиваемого труда, то государство должно создать такие *институциональные условия, которые вынуждали бы отечественный и иностранный бизнес вести активную инвестиционную политику на своих предприятиях*.

Между тем согласно данным официального прогноза, среднегодовой ежегодный прирост инвестиций в основной капитал в 2011–2013 гг. составит 7%, что существенно ниже минимально необходимого уровня не только для реализации стратегии опережающего развития, но и для поддержания простого воспроизводства основных фондов. При этом запланированное к концу прогнозируемого периода увеличение нормы накопления до 21,9% неудовлетворительно, ибо данная величина в полтора раза ниже сложившейся в экономике нормы сбережений и свидетельствует о существенном недоиспользования инвестиционного потенциала. Неудивительно, что даже к концу прогнозируемого периода объем инвестиций в основной капитал будет оставаться почти на 20% ниже, чем в 1991 г., т.е. перед стартом постсоветских преобразований. Соответственно неизбежно отставание России не только от стран «золотого миллиарда», но и от группы стремительно прогрессирующих стран «развивающегося» мира [5, с. 8].

Сложившаяся система оплаты труда в коммерческом и государственном секторах экономики, а также проводимая государством политика формирования и распределения доходов привели к *невиданному социальному расслоению общества*. С годами пропасть между богатыми и бедными в современной России только увеличивается: коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов) вырос с 8,0 в 1992 г. до 16,5 в 2010 г. [6, с. 117]. По мнению академика Д.С. Львова, это стало возможным потому, что «новый «класс» менеджеров-директоров и управляющих акционированными предприятиями был, по существу, выведен из-под общественного контроля и юридической ответственности за эффективность использования принадлежащих этим предприятиям активов. Один из стратегических собственников корпоративных предприятий – госу-

дарство – устранился от управления принадлежащим ему имуществом» [7]. В результате примерно половина общей величины доходов сосредоточена в пятой наиболее обеспеченной группе населения, примерно столько же приходится на все остальные группы (рис. 2).

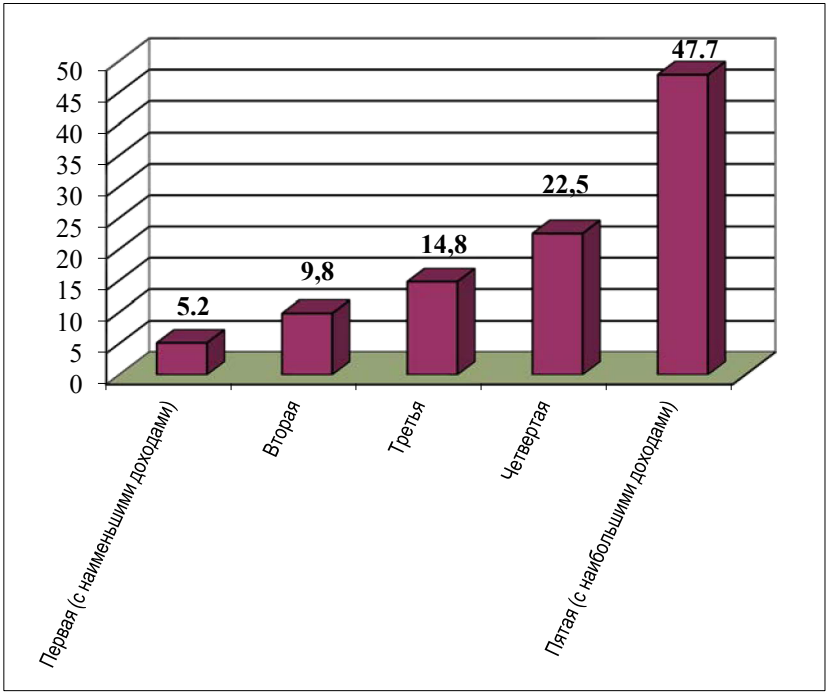

Рис. 2. Распределение доходов населения РФ в 2010 г. по 20%-м группам, %

Источник: [6, с. 125].

Другой причиной столь высокой дифференциации доходов является избыточная дифференциация оплаты труда, которая остается одним из главных источников формирования доходов населения. Исследования Института социально-экономических проблем народонаселения РАН показали, что в современной России сложился механизм форсированного роста наиболее высоких зарплат, когда 50–60% прироста оплаты труда идет на повышение 20% наиболее высокооплачиваемых работников при наличии структурных дис-

пропорций, проявляющихся в более низкой оплате высококвалифицированного труда по сравнению с менее квалифицированным трудом. В результате средняя заработная плата 10% наиболее высокооплачиваемых работников превышает заработную плату 10% наименее оплачиваемых работников в 26–28 раз [8, с. 136].

Неравенство в доходах вызывает неравенство в уровне, структуре и качестве потребления. что четко прослеживается в дифференциации затрат по доходным группам на продукты питания, а также на образовательные, медицинские и рекреационные услуги. Это явилось одной из причин региональных и отраслевых различий в уровне развития человеческого капитала, который является интегральным показателем уровня жизни и благосостояния населения. Однако социальная политика России не способствует снижению необоснованных социальных различий в уровне и качестве жизни социально-экономических слоев населения, что наглядно видно на примере дифференциации энергетической ценности питания и уровне потребления рекреационных и образовательных услуг разных доходных групп населения (рис. 3).

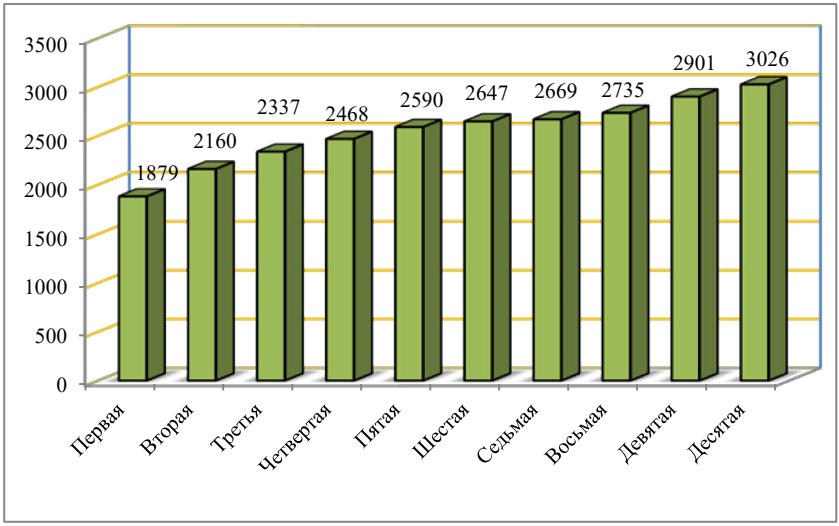

Рис. 3. Энергетическая ценность продуктов питания по 10 %-м группам населения, РФ, ккал., 2008 г.

Источник: [9, с. 26].

Если в первой доходной группе с наименьшими доходами затраты на отдых и культурные мероприятия составляли 2,9% совокупных расходов семьи, то в пятой (с наибольшими доходами) расходы на эти цели составляли 8,8%. Соответственно затраты на образование варьировались в пределах от 0,8 до 2,3% [10, с. 203]. В России неравенство доходов сочетается с неравенством возможностей – создание социальных лифтов – одна из ключевых задач, поставленных В. Путиным.

Таким образом, ресурсная необеспеченность воспроизводства человеческого капитала в ведущих отраслях экономики делает иллюзорными надежды на всеобщую модернизацию вследствие отсутствия спроса на квалифицированный труд и условий для развития главной производительной силы общества – человека.

Необоснованные различия в оплате труда разных категорий работников и распределении доходов оказали негативное воздействие на формирование *социально-экономической стратификации населения России*. По данным выборочных обследований за IV квартал 2009 г., доминирующей группой в составе населения являются бедные и малообеспеченные слои населения. Среди сельского населения крайне бедное население с доходами менее 0,5 прожиточного минимума (ПМ) (экстремальная бедность) составляют – 11,6%, бедное население с доходами ниже прожиточного минимума (от 0,51 до 1 ПМ) – 20,7%, малообеспеченные (от 1,1 до 2 ПМ – 44%). В совокупности более 3/4 сельского населения имеют доходы, не превышающие того минимума, который требуется для простого воспроизводства рабочей силы. Население с доходами от 2,1 до 6 ПМ составляют примерно пятую часть. Доходы, обеспечивающие развивающий стандарт потребления, имели чуть больше 1% сельского населения. Налицо архаизация социальной структуры и обнищания сельского населения. Социальная структура (по доходам) городского населения отличается незначительно, за исключением наличия очень небольшой группы богатых слоев, в руках которых находится примерно половина общей величины доходов. Доля выделенных страт среди городского населения соответственно – 1,9–9,6–41,2–36,5–10,8%. (рис. 4).

Для категории «средний класс» фундаментальной основой является категория собственности. Но собственность священна и неприкосновенна только в том случае, если она легитимна, тогда она находит признание в обществе. И только при этом условии она

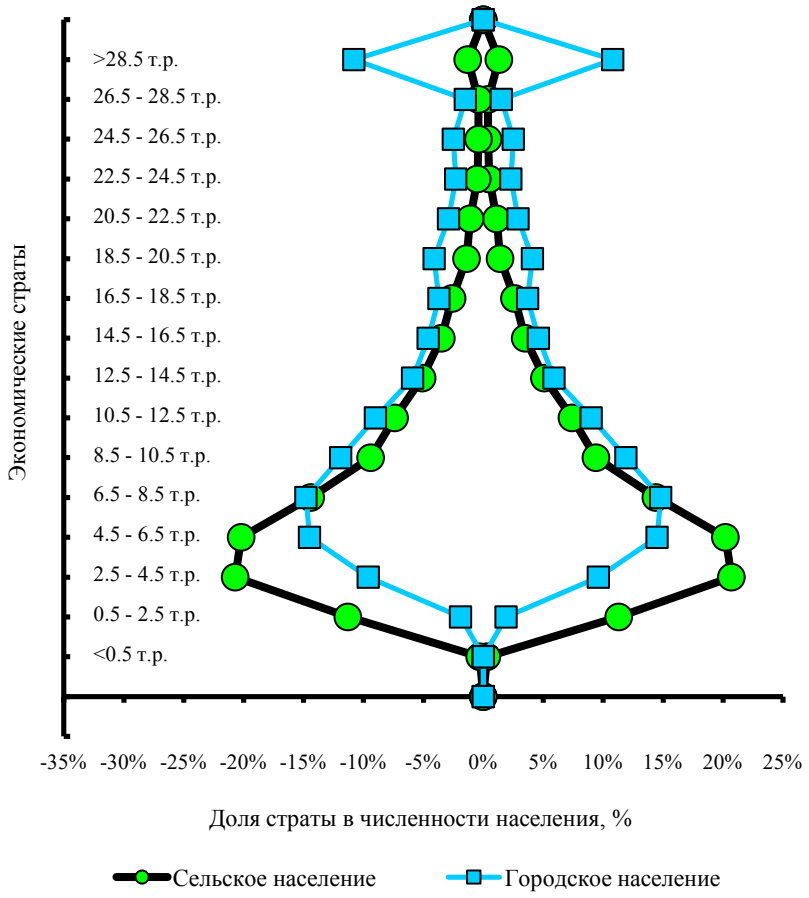

Рис. 4. Экономическая стратификация населения РФ по доходам, ноябрь 2009 г.

Источник: [11, с. 42].

становится основной гражданского общества. Но подавляющее большинство населения России не принимает итогов приватизации 1992–1995 гг., не считает собственность, появившуюся в результате этой приватизации, легитимной [12, с. 45]. Стержнем экономических реформ, проведенных правительством Гайдара была, по мнению академика Т.И. Заславской, приватизация, по-

зволившая новой российской номенклатуре практически бесплатно присвоить основную наиболее перспективную часть государственной собственности. Стоит лишь надеяться на то, что новый виток приватизации государственной собственности, намеченный на ближайшее десятилетие, будет экономически выгодным и социально справедливым.

Перспективы развития среднего класса связываются также с широким доступом к предпринимательскому доходу. Однако рассчитывать на вхождение в средний класс за счет доступа к предпринимательским доходам могут, согласно оценкам экспертов, не более 5% российских семей. Это означает, что общая экономическая среда в России не создает преференций для развития предпринимательства, особенно таких его форм, которые могут выступить локомотивом роста среднего класса с точки зрения материальной обеспеченности. Между тем именно расширение среднего класса – это важный результат и фактор модернизационного развития. Структура доходов населения указывает на то, что в России нет благоприятного климата для предпринимателей, и ситуация стала хуже, чем 20 лет назад [15, с. 50–51].

Между тем в руках государства находится такой действенный инструмент регулирования доходов *как налоговая полит*ика. Россия принадлежит к числу немногих стран мира, где применяется плоская шкала налогообложения. Переход на прогрессивную систему налогообложения – мощный механизм регулирования доходов, способствующий более равномерному распределению налогового бремени между бедными и богатыми, а также способствует формированию рациональной социально-экономической структуры населения. Это соотношение среднего дохода 10% самых богатых граждан относительно 10% самых бедных в пределах 6–8 крат. При этом 10-кратное превышение признается критическим, за которым в обществе возникает чрезмерная социальная напряженность. Поэтому доходы налогоплательщика сверх десятикратной величины, принятой за уровень доходов «бедных», должны облагаться не «благоприятным», а «ограничивающим» налогом. Расчеты специалистов показывают, что при действующей системе налогообложения бремя неизбежных платежей для наименее и наиболее обеспеченных слоев населения существенно разнится. Если сравнить налогоплательщиков с ежемесячными доходами 5, 30, 60 и

100 тыс. рублей, то при соотношении их доходов 1:6:12:20, соотношение средств, остающихся у них после совершения неизбежных платежей (в свободном распоряжении) составляет соответственно 1:20:42:72, а бремя неизбежных платежей самого бедного (доход – 5 тыс. руб./мес., бремя – 76,6%) больше чем самого богатого (доход – 100 тыс. руб./мес., бремя – 16,2%) в 4,7 раза [16, с. 17].

Необоснованные социальные неравенства возможно регулировать грамотной и целенаправленной политикой государства. Нобелевский лауреат в области экономики П. Кругман показал, что политическая воля правительства сыграла ключевую роль в регулировании социального неравенства в США. Всего лишь за несколько лет, благодаря политике Ф. Рузвельта был сформирован американский средний класс. Это политика основывалась на кардинальном изменении системы налогообложения и введении практики регулирования заработной платы в большинстве отраслей промышленности. Следствием стало резкое сокращение разрыва в доходах между бедными и богатыми слоями, а также сокращение дифференциации зарплаты наемных работников. Однако налоговая политика в России остается неизменной.

В руках государства имеется и другой рычаг воздействия на формирование человеческого капитала, а именно – *государственные вложения в развитие здравоохранения, образования и культуры*. Однако статистика свидетельствует о том, что эти вложения слишком малы для того, чтобы компенсировать недостаток индивидуальных вложений, обусловленных низкой оплатой труда. В настоящее время социальные расходы государства в России примерно вдвое меньше аналогичных расходов в развитых странах. По мнению академика С.Ю. Глазьева, сохранение в России двукратного по отношению к мировому уровню недофинансирование науки, образования и здравоохранения, в которых именно сейчас критически важно провести модернизацию и кардинально поднять зарплату, приведет к углублению необратимых тенденций деградации этих сфер и тем самым сделает реализацию инновационного сценария в принципе невозможной [14].

В противовес мировой закономерности увеличения государственных расходов на выполнение современных функций государства (развитие интеллектуально-человеческого потенциала - расходы на образование, здравоохранение, науку и экономиче-

ское развитие), в России бóльшая часть государственных расходов идет на выполнение традиционных функций (оборона и правопорядок). В 2008 г. на эти цели из федерального бюджета предполагалось потратить 7,4% ВВП, что почти на 25% превышает среднемировой показатель. При этом наше государство тратит на современные функции в три раза меньше (4,7% ВВП). Иными словами, в России соотношение расходов на традиционные и современные функции государства составляет 2:1, что соответствуют государству образца XVIII–XIX веков [14, 17.].

Только радикальное изменение социальной политики государства может существенно изменить ситуацию и создать благоприятные предпосылки для модернизации экономики страны.

Литература

1. **Зубков В.И.** Риск как предмет социологического анализа // Социологические исследования. 1994. – С. 3–9.
2. **Маслова М.Е.** Философский и социологический анализ понятия «социальный риск» // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2001. № 6. – С. 36–39.
3. **Доходы,** расходы и потребление домашних хозяйств в I квартале 2009 года. М.: ФСГС, 2010.
4. **Актуальная** статистика Сибири. 2009.
5. **Глазьев С.** Грядут не просто три очередных потерянных года (по поводу прогнозных и бюджетных параметров 2011–2013 гг.) // РЭЖ, 2010. № 4. – С. 3–10.
6. **Россия** в цифрах. 2011. Крат. стат. сб./ Росстат. – М., 2011.
7. **Львов Д.С.** Россия: границы реального и контуры будущего. – Доклад на заседании секции экономики РАН // http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/06/679/31.html
8. **Социально-демографическая** безопасность России / под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2008.
9. **Потребление** продуктов питания в домашних хозяйствах в 2008 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). – М.: ФСГС. 2009.
10. **Российский** статистический ежегодник. 2010: Стат.сб./Росстат. – М., 2010. С. 203.
11. **Доходы**, расходы и потребление домашних хозяйств в IV квартале 2009 г. М.: ФСГС, 2010.

12. **Симонян Р.Х.** Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества (к 20-летию реформ) // Социс, 2012, № 1.
13. **Доклад** о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2009.
14. **Глазьев С.Ю.** Возможности и ограничения социально-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике. Научный доклад. М., 2008 // http://www.ane.ru/documents/doklad-oon-ran.pdf
15. **Доклад** о развитии человеческого потенциала в Российской федерации. 2011. Модернизация и развитие человеческого потенциала. М., 2011 // http://www.undp.ru/documents/nhdr2011rus.pdf
16. **Чичелёв М.Е.** К вопросу об альтернативе плоской и прогрессивной шкал налогообложения доходов физических лиц // Финансовый вестник, 2007.
17. **Рогов С.М.** Функции современного государства: вызовы для России: Научный доклад. М.: Институт США и Канады РАН, 2005.

ИТОГИ РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ АГРАРНОГО СЕКТОРА РОССИИ[1]

В современном быстро меняющемся мире восприимчивость нового, адаптация к происходящим социально-экономическим, политическим, технологическим изменениям и обоснованное предвидение будущего развития становятся важнейшими факторами жизнеспособности социальных систем. Актуальность определения перспектив развития отечественного агропродовольственного комплекса на основе осмысления проведенных реформ обусловлена возрастанием спроса на продовольствие, его удорожанием в связи с ростом народонаселения на фоне ограниченности посевных площадей (земли, воды, энергии, удобрений) в большинстве стран мира, аномальных изменений климата, а также с вступлением России во всемирную торговую организацию (ВТО). На сегодняшний день Россия располагает уникальными природными ресурсами, а также достаточным потенциалом, позволяющим ей, по оценкам экспертов, не только удовлетворять внутренние потребности, но и вносить более заметный вклад в обеспечение глобальной продовольственной безопасности. В России сосредоточено 9% мировой продуктивной пашни, 20% запасов пресной воды, 8,5% производства минеральных удобрений и только 2% мирового населения. При этом на долю отечественного производства приходится лишь 5% мировых объемов производства молока, 3% – зерновых и зернобобовых, 2% – мяса[2].

Рыночные преобразования АПК: к чему стремились?

Экономические реформы 1990-х годов в России предусматривали радикальные преобразования в аграрном секторе страны. Последние включали в себя реорганизацию колхозов и совхозов, проведение земельной реформы, формирование частного сектора

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-03-00710), опубликована в журнале ЭКО, 2013, № 3, с. 31–47.

[2] //http://www.produkt.by/Analitics/show/566

аграрной экономики и была нацелена на повышение социальной активности и хозяйственной инициативы сельского населения. Трудовым коллективам было предоставлено право выбора форм хозяйствования и свободного выхода работников из состава коллективного хозяйства. Сельскохозяйственные работники и ряд других категорий сельского населения были наделены имущественными и земельными паями, что обеспечило им определенный стартовый капитал для организации собственного дела на кооперативных или индивидуальных началах.

В ходе аграрной реформы 1990-х были заложены основы формирования многоукладной аграрной экономики. Разнообразие форм хозяйствования позволяло использовать преимущества, как крупного, так и мелкого производства. Эти меры должны были способствовать зарождению свободной конкуренции товаропроизводителей, перераспределению земли и прочих производственных ресурсов в руки эффективного собственника, а также создать предпосылки для становления частного сектора аграрной экономики, развития агросервисных и социально-бытовых услуг. Были сняты административные ограничения для развития подсобных хозяйств населения (ЛПХ). Полагаясь на «невидимую руку» рынка, государство резко сократило субсидии, выделяемые из бюджета на поддержку сельского хозяйства: в 1999 г. они составили 0,17% от величины ВВП против 0,52% в 1995 г. и 8,8% в 1990 г.[1]

Однако итоги преобразований 1990-х годов были неожиданными (для реформаторов) и парадоксальными по своей сути. Парадоксы аграрной реформы проявились в экспансии мелкотоварного производства, неэффективности «капитализации» аграрной экономики, разрушении трудовой мотивации работников, обнищании сельского населения, деградации социальной сферы села, появлении институциональных ловушек. Все это негативно отразилось на динамике сельскохозяйственного производства, производительности труда и рентабельности отрасли. Если в 1990 г. уровень рентабельности сельскохозяйственного производства составлял 37%, то в 1998 г. – 28%, а число убыточных сельскохозяйственных организаций выросло за этот

[1] *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. – М.: ИВРАН, 2004. – С. 363,386.

период с 3 до 88%[1]. Иными словами вместо критикуемого мало эффективного коллективного сектора в итоге получили неэффективный частный сектор. Сельскохозяйственное производство в стране к 1998 г. достигло своего минимума и составило 56% от уровня 1990 г. (рис. 1.).

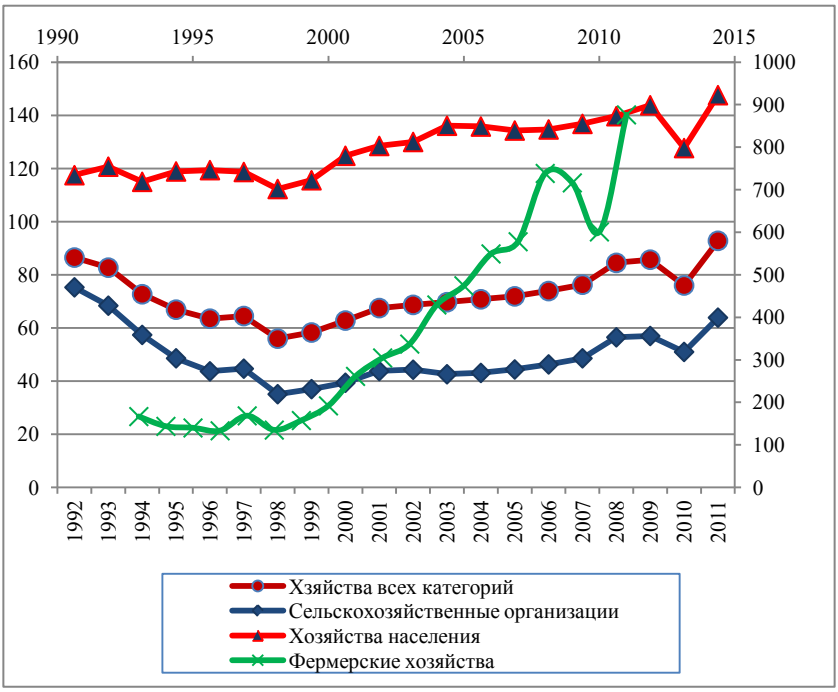

Рис. 1. Индексы объемов производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств в 1992–2011 гг.
(в сопоставимых ценах, 1990=100 – левая шкала;
для фермерских хозяйств 1992=100 – правая шкала), %

Источник: Россия в цифрах. 2012: Крат. стат. сб. / Россстат. – М., 2012. – С. 257; Россия в цифрах: Крат. Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 1999. – С.204; Россия в цифрах. 2003: Крат. Стат. сб./Госкомстат России. – М., 2003. – С. 202; Россия в цифрах. 2004: Крат. Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2004. – С. 208; Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2000. – С.362.

[1] Российский статистический ежегодник: Стат.сб. / Госкомстат России. М., 2003. – С. 406.

В начале 2000-х годов государство вынуждено было изменить свою позицию в отношении аграрного сектора: усилилась финансовая и институциональная поддержка сельских товаропроизводителей, расширились их возможности получения кредитных ресурсов, был разработан и частично реализован приоритетный национальный проект по развитию агропродовольственного комплекса. Он включал три основных направления: ускоренное развитие животноводства, стимулирование развития малых форм хозяйствования в агропромышленном комплексе (личных подсобных и фермерских хозяйств); обеспечение доступным жильем специалистов на селе. Реализация этого проекта положительно сказалась на деятельности отечественного агропромышленного комплекса, хотя и не решила всех его проблем.

Положительные результаты были налицо: увеличилось производство сельскохозяйственной продукции, снизилось число убыточных сельскохозяйственных предприятий с 51% в 2000 г. до 22% – в 2007 г., с 7 до 16% повысилась рентабельность производства[1], уменьшилась нагрузка на личные подворья населения, укрепился фермерский сектор. Но достичь дореформенного уровня сельскохозяйственного производства не удалось. В 2007 г. в стране производилось продукции во всех категориях хозяйств примерно 76% от дореформенного уровня (см. рис. 1). Причина заключалась в том, что предпринимаемые меры не представляли собой звенья целостной концепции развития АПК в новых экономических условиях и были направлены не столько на перспективное развитие отрасли, сколько на решение отдельных текущих проблем, что значительно снизило эффективность принимаемых мер.

Финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. и изменение мировой конъюнктуры заставили российское государство по-новому взглянуть на агропродовольственный комплекс страны. Оказалось, что зерновое хозяйство страны, несмотря на кризис, динамично развивалось. За период 2000–2008 гг. валовые сборы зерновых увеличились с 65,5 млн т. до 108,2 млн т. Средний ежегодный прирост составил 3,8%. Зерновое производство с возрастающей экспортной составляющей стало прибыльным бизнесом. Экспорт зерновых, составляющий в 2000 г. 1,3 млн т (2% от вало-

[1] Российский статистический ежегодник. 2008: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2008. – С. 444.

вого сбора зерна) увеличился к 2008 г. до 18,2 млн т. (16,8% валового сбора) что позволило России войти в тройку крупнейших экспортеров зерна после США и ЕС. В целом продукция сельского хозяйства выросла в 2008 г. по сравнению с предыдущим годом на 10,8%, а в 2009 г. по отношению к 2008 г. – на 1,2% при отрицательной динамике других отраслей экономики[1].

В этот период государство монополизировало экспорт зерна, создав «Объединенную зерновую компанию» (ОЗК), передав на ее баланс в качестве вклада в уставный капитал 31 предприятие, находящееся в федеральной собственности из 40 существующих в этой сфере. Эта компания наделена полномочиями государственного агента при проведении закупочных интервенций для поддержания стабильности на рынке зерна. Однако опыт 2009 г. показал, что реально ОЗК выступила не как регулятор движения товарного зерна на рынке, а как биржевой игрок, стремящийся к получению наибольшей прибыли, сыграв на понижение закупочных цен. Тем самым государство не выполнило функцию гаранта для тысяч сельских товаропроизводителей, которые и в трудные времена выращивали хлеб и другую сельскохозяйственную продукцию, рассчитывая на закупочные цены, обеспечивающие им возмещение затрат и хотя бы минимальный уровень рентабельности производства[2].

В рамках принятой в 2012 г. программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. поддержку доходности сельхозпроизводителей предполагается осуществлять путем выплаты погектарных субсидий, а также субсидий на 1 л реализованного товарного молока.

Таким образом, в последнее двадцатилетие аграрная политика государства характеризовалась ситуативностью, непоследовательностью и недостаточной обоснованностью, что негативно отразилось на положении в аграрном секторе, развитии сельских территорий и на уровне жизни населения. Одной из причин неудач стало возникновение так называемых институциональных ловушек.

---

[1] Российский статистический ежегодник. 2009: Стат. сб. / Россстат. – М., 2009. – С. 418, 412.

[2] *Дерюгина И.В.* Аграрный сектор России: циклы и кризисы 1998–2009 годов // Вопросы статистики, 2010, № 3. – С. 67–69.

Институциональные ловушки на пути рыночных преобразований[1]

Институциональная ловушка (в нашем понимании), – это обусловленное институциональными преобразованиями устойчивое существование неэффективных норм поведения, которые, в свою очередь, поддерживают устойчивое существование неэффективных общественных институтов.

Ловушка мелкотоварности аграрного производства. Одним из неожиданных результатов аграрной реформы, магистральной линией которой было создание эффективного частного сектора на базе фермерских хозяйств, явился рост производства в личных подсобных хозяйствах. За годы реформ доля хозяйств населения в производстве сельскохозяйственной продукции удвоилась и составила в 2000 г. 53,6% против 26,3% в 1990 г. В 2010 г. доля хозяйств населения в структуре сельскохозяйственного производства составляла 48,4%, а в 2011 г. – 43,4%[2].

Вынужденное увеличение масштабов личного сектора в процессе реформирования аграрных отношений свидетельствует не о развитии частнособственнических настроений среди сельского населения и их нежелании работать в коллективном секторе, а лишь об умении русского крестьянина, уже в который раз брошенного государством на произвол судьбы, выносить на своих плечах все тяготы необдуманных социальных экспериментов. Поэтому расширение производства в ЛПХ вряд ли можно отнести к числу достижений. Вместо модернизации сельскохозяйственного производства аграрная реформа привела к его архаизации, так как для ЛПХ характерны тяжелый немеханизированный труд, высокая трудоемкость, натурализация и потребительский характер производства, вовлечение в его сферу всех членов сельской семьи. Как следствие – архаизация всего сельского образа жизни и депрофессионализация кадров.

Ловушка хронической убыточности сельскохозяйственных предприятий. За годы реформ доля убыточных сельскохозяйст-

[1] Подробнее см: *Калугина З.И., Фадеева О.П.* Российская деревня в лабиринте реформ. Социологические зарисовки. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009. – С. 20–33.

[2] Российский статистический ежегодник. 2003: Стат. сб. / Россстат. – М., 2003. – С. 407, 400; Россия в цифрах. 2012: Крат. стат. сб. / Россстат. – М., 2012. – С. 257.

венных организаций многократно возросла, в 2003 г. она составила 49%. Государство пыталось избавиться от неэффективных собственников с помощью процедуры банкротства. Действующий в те годы институт банкротства сельскохозяйственных предприятий (по меткому выражению одного из респондентов – «внутренняя диверсия») был нацелен на ликвидацию неэффективного собственника и принудительное превращение наемных работников в рачительных самостоятельных хозяев. Идея по сути хорошая, но на практике ее реализация нередко приводила к противоположным результатам.

Во-первых, процедура банкротства влекла за собой тяжелые социальные последствия: высвобождение работников, невыплаченная заработная плата, снижение уровня социальной защищенности работника, недополучение местным бюджетом налоговых поступлений от данного предприятия.

Во-вторых, нередко под процедуру банкротства подводились далеко не худшие предприятия. Главной целью ее становился откровенный захват собственности: земли, зданий и сооружений, сельскохозяйственной техники. В результате действий исполнительных приставов за бесценок распродавались основные производственные фонды коллективных хозяйств, под нож отправлялся продуктивный скот. Лишенные средств производства владельцы земельных паев вынуждены были сдавать их в аренду новым хозяевам на кабальных условиях, либо и вовсе расставаться с ними.

Вполне оправданное стремление новых хозяев поднять эффективность производства и производительность труда зачастую сопровождалось высокими социальными издержками. Одним из печальных результатов реформирования сельского хозяйства стало массовое появление сел и деревень, где после банкротства сельхозпредприятий практически не оставалось крупных работодателей. Например, в Новосибирской области таких поселений насчитывается, по разным оценкам, от 200 до 300, еще в 100 селах предприятия находятся на грани закрытия, работы там практически тоже нет. Основным источником выживания населения в таких условиях являются личные подсобные хозяйства, которые заметно сократились, так как были лишены помощи со стороны коллективных хозяйств. Такая ситуация усугубляла бедственное положение сельских семей, для которых приусадебное хозяйство в современной ситуации является одним из основных источников средств существования.

Таким образом, стремление государства избавиться от нерентабельных сельскохозяйственных предприятий без должной государственной поддержки высвобождаемых работников приводило к резкому ухудшению уровня и качества жизни сельского населения

Ловушка низкой цены труда и бедности сельского населения. В результате первоначального накопления капитала, происходящего в России в 1990-х годах, большая часть населения, работающая по найму, утратила право на владение средствами производства и прямое пользование результатами своего труда. Подобно тому, как при становлении капитализма одним из главных источников накопления богатства буржуазии были разорение мелкого товаропроизводителя и усиление эксплуатации наемного труда, так и на современном этапе первоначальное накопление шло и продолжает идти путем уменьшения оплаты труда, т.е. необходимого продукта, покрывающего издержки воспроизводства рабочей силы[1]. Обследования бюджетов домашних хозяйств говорят о существовании глубоких социальных различий в материальном благосостоянии городского и сельского населения России. По данным выборочных обследований, доля бедных в составе сельского населения примерно в 1,5–2 раза выше, чем среди городского. В 2012 г. доля сельского населения с доходами ниже прожиточного минимума – менее 6,5 тыс. руб. – составляла 56,3%, а в составе городского населения – 29,6%[2].

Оплата труда остается основным источником формирования денежных доходов россиян, несмотря на некоторое снижение ее доли по сравнению с дореформенным периодом. Между тем в 2011 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников сельского хозяйства составила 12320 руб., или 52% по отношению к средней заработной плате по экономике РФ, и не достигала величины минимального потребительского бюджета, необходимого для простого воспроизводства человеческого потенциала[3].

---

[1] *Плышевский Б.* Частный и государственный капитал: проблема взаимоотношений // Экономист, 2004, № 6. – С. 22–28.

[2] Источник*:* Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств во II квартале 2012 года (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). – М.: ФСГС. 2012. – С. 14–15. // http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_102/Main.htm

[3] Россия в цифрах. 2012: Крат. Стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – С. 131.

Несмотря на предпринимаемые меры, до настоящего времени не удалось полностью избежать возникших институциональных ловушек. По-прежнему ведущим сектором аграрной экономики остаются мелкотоварные хозяйства населения, сельскохозяйственный труд не вышел из категории низко оплачиваемого, а сельчане представляет собой беднейшую группу в экономической стратификации населения.

От чего ушли – к чему пришли?

Итак, надежды российских реформаторов на невидимую руку рынка не оправдались. Возникновение многочисленных институциональных ловушек, как следствие некомплексности, противоречивости и несогласованности проведенных преобразований, отрицательно сказалось на состоянии аграрного сектора страны. Это проявилось в снижении эффективности сельскохозяйственной отрасли, катастрофическом падении объемов производства, значительном увеличении доли импорта сельскохозяйственной продукции.

Так, валовой сбор зерна за годы реформ сократился почти вдвое: с 104,3 млн т в 1986–1990 гг. (в среднем за год) до 65,1 млн т в 1996–2000 гг. Ситуация несколько улучшилась в первое десятилетие XX1 века. Валовой сбор зерна увеличился до 78,8 млн т в период 2001–2005 гг. и до 85,2 млн т в 2006–2010 гг. Аналогичная картина складывалась и в производстве мяса. Его объемы снизились с 10,1 млн т в 1990 г. до 4,4 млн т в 2000 г., а затем увеличились до 7,2 млн т в 2010 г., что было значительно ниже дореформенного уровня[1]. Поголовье всех видов скота за годы реформ сократилось более чем в 2,2–2,5 раза[2]. Можно сказать, что реформы поставили крест на отечественном животноводстве. Те немногие высокотехнологичные фермы, которые появляются в последнее время в сельской местности, не меняют общей картины.

Динамика структуры производства по категориям хозяйств (рис. 2) свидетельствует о том, что фермерский сектор вопреки ожиданиям реформаторов не стал доминирующим хозяйственным укладом в российской деревне, хотя в производстве отдельных видов продукции доля фермерских хозяйств заметная. К настоя-

[1] Россия в цифрах. 2011: Крат. Стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – С. 418, 428.
[2] Россия в цифрах. 2012: Крат. Стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – С. 269.

щему времени фермеры производят в своих хозяйствах более 20% зерна, 11% сахарной свеклы, около 29% семян подсолнечника, 23% шерсти[1].

Обвальное падение объемов производства и рентабельности продукции на реорганизованных коллективных сельскохозяйственных предприятиях в середине 1990-х годов сменилось некоторой стабилизацией в 2000-х годах, хотя в целом коллективный сектор утратил свои былые позиции. В настоящее время крупными и средними сельскохозяйственными предприятиями производится менее половины сельскохозяйственной продукции. Значительную роль в этом секторе аграрной экономики стали играть крупные государственные и негосударственные агро-холдинги.

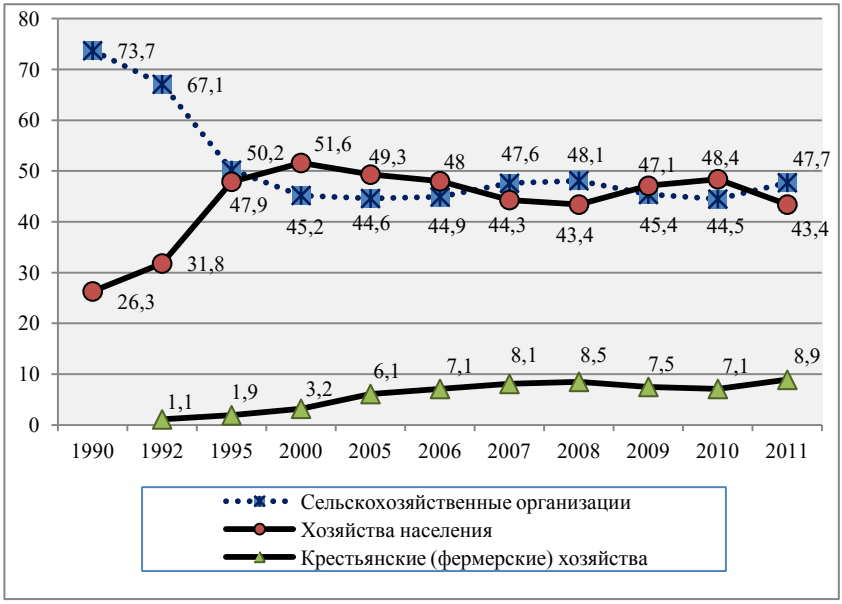

Рис. 2. Динамика структуры продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств, % к итогу (в фактически действовавших ценах)

Источник: Россия в цифрах. 2012: Крат. Стат.сб. / Росстат. – М., 2012. – С. 257.

[1] Россия в цифрах. 2012: Крат. Стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – С. 269.

Агрохолдинг, по определению В.Я. Узуна, – это группа юридически самостоятельных сельскохозяйственных, перерабатывающих и обслуживающих организаций, контрольные (наибольшие) вклады в уставные капиталы которых принадлежат одному лицу (головной организации, собственнику), управляющему (организующему управление) деятельностью группы.

Таблица

Роль агрохолдингов в агробизнесе России (2006)

Параметры	Виды агрохолдингов			
	Негосударственные агрохолдинги	Государственные агрохолдинги	СХО, не входящие в агрохолдинги	Все крупные и средние СХО России
Количество агрохолдингов	319	463		
Количество крупных и средних СХО, всего, % к итогу	1247/ 7,4	2244/13,3	13365/79,3	16856/100
Среднегодовая численность занятых, тыс. чел., % к итогу	218 /10,1	287/13,3	1660/76,7	2165/100
Площадь сельхозугодий, млн га, % к итогу	7800/9,1	9578,11,1	68638/79,8	86016/100
Выручка от реализации продукции и услуг, млн руб., % к итогу	82747/ 15,4	59621/11,1	393990/73,5	536358/100
Прибыль, млн руб., % к итогу	12375 / 21,1	2309/3,9	43843/74,9	58527/100
Уровень рентабельности, %	17,6	4,0	12,5	12,2

Источник: Узун В. Указ. Соч., с. 137.

Поскольку в официальной статистике точных сведений о численности и составе агрохолдингов в России нет, об их роли в агробизнесе страны можно судить по расчетам, выполненным В.Я. Узуном по доступной информационной базе. Автором отмечается, что негосударственные агрохолдинги, особенно с иностранным участием, демонстрируют более эффективную работу, что отражается в соотношении используемых площадей сельхо-

зугодий, численности работников и стоимости товарной продукции и прибыли сельхозпредприятий (табл.). Так, рентабельность агрохолдингов с иностранными головными компаниями составляет 26%, что более чем вдвое превышает его уровень в крупных и средних СХО, не входящих в состав агрохолдингов. Наименьшую эффективность демонстрируют государственные агрохолдинги. Средняя рентабельность входящих в них СХО составляет 4%. Муниципальные агрохолдинги убыточны (–12,5)[1].

Парадоксальным итогом рыночных преобразований аграрного сектора России, как уже отмечалось, стало закрепление за мелкими архаичными хозяйствами населения роли ведущего сектора аграрной экономики. Его увеличение в период трансформации аграрных отношений не является, на наш взгляд, следствием свободного выбора крестьян.

Для большинства сельского населения ведение ЛПХ стало единственным способом выживания в сложных условиях реформ. В федеральном законе «О личном подсобном хозяйстве» от 7 июля 2003 г., эта категория хозяйств была признана формой непредпринимательской деятельности по производству сельхозпродукции, на которую распространялись такие же меры государственной поддержки, как на крупные и средние сельскохозяйственные предприятия. Благодаря этим мерам удалось избежать значительного уменьшения объемов производства в подсобных хозяйствах населения, лишенных поддержки со стороны реорганизованных коллективных хозяйств. В настоящее время в этой категории хозяйств производится 84% картофеля, 71,5% овощей, 82,8% плодов и ягод, 36,5% мяса, 50,4% молока, 22,1% яиц[2]. Часть этой продукции потребляется сельскими семьями, частично безвозмездно передается детям и родственникам, проживающим в городах, а частично реализуется на рынке. По разным оценкам, за счет этого источника формируется от 10 до 30% доходов сельской семьи.

Таким образом, крутой поворот от плановой экономики к рыночной, предпринятый в 1990-х годах, вряд ли можно признать успешным. Выбранная модель аграрных отношений, насаждаемая

---

[1] *Узун В.* Агрохолдинги России: идентификация, классификация, роль, концентрация землепользования // Земельная аккумуляция в начале XXI века: глобальные инвесторы и локальные сообщества. – М.: «Дело», 2012. – С. 126–142.

[2] Россия в цифрах. 2011: Крат. Стат. сб. / Росстат. - М., 2011. – С. 414.

сверху, не учитывала национальные традиции и исторический опыт ведения сельскохозяйственного производства, а также коллективно-индивидуальный характер развития аграрных отношений в России. Реформирование проводилось по традиционной советской «технологии», характерными чертами которой были директивность, тотальность, форсированность и формальность преобразований. В результате поспешных тотальных и во многом формальных преобразований коллективный сектор был разрушен, а фермерский сектор, чуждый по духу большинству российских крестьян и быстро лишившейся государственной поддержки, так и не стал ведущим сектором аграрной экономики страны. Вся тяжесть решения продовольственной проблемы легла на плечи хозяйств населения. В короткий срок Россия превратилась по продовольствию в импортозависимое государство. Например, доля импорта мяса и мясных продуктов достигала в 2000-е годы от 25 до 35%, что превышает порог продовольственной безопасности страны.

Государственная аграрная политика 2000-х годов, ориентированная на сбалансированную поддержку как крупных, так и малых предприятий, а также хозяйств населения, дала положительные результаты. Отечественный АПК начал динамично развиваться. Однако достичь уровня «застойного» советского периода реформаторам не удалось до сих пор. Финансовый и экономический кризис привел к резкому сокращению сельскохозяйственного производства, но уже в 2011 г. отечественный АПК снова показал способность адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим условиям, что дает надежду на то, что в перспективе удастся преодолеть планку сельскохозяйственного производства советского периода и выйти на новую траекторию развития.

Но это возможно, на наш взгляд, лишь в том случае, если социальная политика государства в отношении сельских тружеников будет коренным образом изменена. Нельзя ожидать высокой производительности труда в АПК при пассивности бизнеса и государства в инвестиционной сфере и продолжающейся недооценке сельскохозяйственного труда. Уровень оплаты труда в сельском хозяйстве должен быть достаточным для мотивации производительного труда и создания условий для расширенного воспроизводства человеческого капитала. Игнорирование экономических законов уже многократно доказало свою несостоятельность.

Что сулит отечественному АПК вступление России в ВТО?

Важным драйвером, а возможно барьером сельского развития может стать вступление России в ВТО. Как известно, наиболее острые дебаты велись вокруг наполнения так называемой «желтой» корзины (меры, искажающие условия торговли: поддержка рыночной цены, прямые платежи и субсидии товаропроизводителям, льготы на транспорт, списание долгов и т.п.). Согласно достигнутым договоренностям, субсидии сельскохозяйственному сектору, не превысят 9 млрд долл. в 2012 г. и будут постепенно сокращаться до 4,4 млрд долл. к 2018 г. Другие обязательства России при вступлении в ВТО включают в себя снижение в 2011 г. средней величины тарифов (таможенных) для всех видов продукции с 10 до 7,8%. В частности, на сельскохозяйственную продукцию – с 13,2 до 10,8%, в том числе на молочные продукты – с 19,8 до 14,9%, зерновые – с 15,1 до 10,0%, на масло, жиры, семена масличных культур – с 9,0 до 7,1%. Более трети национальных тарифов будут доведены до уровня соглашения с ВТО на момент вступления. Еще 25% планируемых снижений произойдет через 3 года после вхождения в организацию. Самый долгий срок до принятия окончательных тарифов, оговоренных в соглашении, предусмотрен для свинины – 8 лет. Для отдельных видов продукции (говядина, свинина, мясо птицы) будут введены определенные квоты, в рамках которых тарифы будут ниже, чем для того же вида продукции, ввозимого вне квоты. Например, на говядину в пределах квоты тарифы составят 15%, а вне нее – 55%[1].

Что касается оценки последствий вступления в ВТО, то единой точки зрения среди экспертов нет. Но большинство экспертов приходит к выводу о том, что вступление России в ВТО окажет скорее негативное влияние на отечественное сельское хозяйство. Так, по данным Российской академии сельскохозяйственных наук, после вступления в ВТО российский АПК может терять до 4 млрд долл. ежегодно. Это также приведет к снижению доли России в мировом экспорте продовольствия до 1% и увеличению

[1] *Абдуллин Р.* Профиль России в мировой экономике в свете обязательств по вступлению в ВТО // Общество и экономика, 2012, № 5, с. 65–77.

импорта на 2,3%. Россия вынуждена будет покупать больше, чем продавать, на 7,3 млрд долл[1].

По расчетам других экспертов, совокупные потери сельхозпроизводства могут составить 3,3 трлн руб., или 35% недополученного роста, вследствие возможного увеличения импорта продуктов животноводства до 25–40%, сокращением спроса на фуражное зерно и разорением до 20–30% российских сельхозпроизводителей. В результате будет потеряно до 1,7 млн рабочих мест[2].

Пессимизм экспертов можно объяснить с тем, что аграрный сектор России еще не оправился от рыночного шока, а государственные вложения в аграрное производство значительно отстают от развитых стран. Если в странах ЕС поддержка сельского хозяйства в расчете на 1 га составляла 1386 долл., в США – 136, Канаде – 123, Австралии – 94, то в Росси по данным за 2008 г., всего 36 американских долл./га[3].

Дополнительным направлением поддержки сельскохозяйственного производства в рамках ВТО может стать малый и средний бизнес, масштабы которой не ограничивается ВТО. Российская государственная политика пока не обеспечивает в полной мере защиту интересов данной группы предприятий, рентабельность которых в большинстве случаев остается отрицательной. Дополнительное увеличение объемов импортного продовольствия, в связи с открытостью рынков, может подталкивать малый бизнес к разорению.

Возможности государства поддержать отечественный агропродовольственный комплекс связаны также с наполнением, так называемой, «зеленой» корзины. В нее включаются меры поддержки, не оказывающие искажающее воздействие на торговлю и направленные на совершенствование инфраструктуры, научные исследования, образование, информационные и консультационные услуги, ветеринарные и фитосанитарные меры, информацию, формирование стратегических продовольственных запасов, программы регионального развития, страхование урожая, содействие

---

[1] *Сергеев К.*// http://xn--d1agqr.xn--p1ai/ru/press-center/wto/109-2012-03-05-15-05-39.html.

[2] *Бабкин К.А., Кузнецов А.В., Корчевой Е.А., Пронин В.В., Самохвалов В.А.* Последствия присоединения России к Всемирной торговой Организации. – М., 2012. // http://wto-inform.ru/upload/brochure/brochure_wto.pdf

[3] Там же

реструктуризации сельского хозяйства и т.д. Меры «зеленой корзины» не связаны с обязательствами по сокращению. Характерно, что за 1995–2001 гг. стоимость «зеленой корзины» в ЕЭС увеличилась на 56%, в США – 26%, в Австралии – на 53%. В России, напротив, эти расходы были сокращены более чем наполовину. Такие формы поддержки отечественного АПК одобряют и другие эксперты[1].

Опасения экспертов также связаны также с тем, что законодательство страны еще не приведено в полное соответствие с требованиями ВТО. В России нет специалистов по разрешению споров со странами – членами ВТО. Но наибольшее беспокойство вызывает ожидаемое увеличение внутренних цен на энергоносители, что приведет к увеличению затрат сельских товаропроизводителей со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Тем не менее именно сельское хозяйство, по мнению Е.М. Примакова, в перспективе может стать точкой роста. «По своему потенциалу пахотные земли, пастбища, водные ресурсы могут внести в экспорт не меньший вклад, чем ТЭК, – отмечает он, – особенно с учетом неизбежного обострения мировой продовольственной проблемы и недостатка пресной воды в ближайшие десятилетия и возможного ухудшения конъюнктуры на рынке нефти и природного газа»[2]. Вспомним царскую Россию, когда экспорт сибирского масла в начале XX столетия приносил казне больше, чем вся золотодобыча страны. Основная задача государства в этих условиях состоит, по мнению Примакова, в создании благоприятных условий конкуренции отечественного АПК на внутреннем рынке.

Вступление России в ВТО потребует от политиков и практиков оперативной и гибкой работы по использованию возможностей и ограничений этой международной организации, отстаивания национальных интересов в условиях жесткой конкуренции на мировом агропродовольственном рынке.

[1] Эксперты о ВТО // http://agropraktik.ru/blog/VTO_Agricalture/14.html

[2] Российская газета – 2013. – 15 янв. – Федеральный выпуск. URL:http://www/rg/ru/2013/01/15/primakov.html (Дата обращения628.01.2013)

СОЦИАЛЬНЫЙ ВЕКТОР РОССИЙСКИХ АГРАРНЫХ РЕФОРМ[1]

Двадцатилетие с начала рыночных аграрных реформ побудило многих исследователей и практиков подвести итоги трансформации аграрного сектора России, оценить успехи и неудачи, обсудить причины неудач и перспективах развития. Ведущие научные и общественно-политические журналы страны опубликовали подборки статей известных российских ученых, исследующих трансформационные процессы в аграрном секторе России[2]. Основное внимание в этих работах было уделено организационно-хозяйственным, экономическим и институциональным трансформациям в аграрном секторе страны и их эффективности. В меньшей степени анализировались и оценивались социальные последствия реформ. В данной статье мы попытаемся хотя бы в малой степени восполнить этот пробел, оценив социальные результаты проведенных реформ. Опираясь на имеющиеся статистические и социологические данные, личные наблюдения во время экспедиционных исследований в сельских регионах Сибири и других регионах продемонстрируем, кто выиграл, а кто проиграл в результате проведенных преобразований, интересы каких социальных групп были учтены, а каких – нет. Априори можно сказать, что однозначного ответа нет. Влияние рыночных преобразований на село неоднозначно, а порой и противоречиво.

Рассмотрим социальную эффективность аграрных реформ в трех аспектах: обеспечение продовольственной безопасности страны, изменение благосостояния сельского населения, социальная модернизация деревни.

---

[1] Эта статья была опубликована в журнале «Регион: экономика и социология, 2014, № 4, с. 85–103.

[2] См.: Отечественные записки, 2012, № 6; ЭКО, 2013 № 3, № 5; Мир России, 2013, № 1; ЭКО, 2013, № 1, 3, 5 и др.

Обеспечение продовольственной безопасности

Одним из показателей успешности проводимых аграрных реформ может служить степень обеспечения продовольственной независимости страны, а также доступность качественного продовольствия для всех социальных групп населения. Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации говорится о том, что для ее достижения необходимо обеспечить собственное производство на уровне 95% потребности в зерновых, 95% – картофеля, 85% – мяса и мясных продуктов, 80% – рыбы и 90% – молока и молочных продуктов. При этом должно быть обеспечено требуемое качество продукции и доступность для всех социальных групп населения. Однако реальная картина еще далека от желаемой, о чем свидетельствуют уровень самообеспечения страны основной сельскохозяйственной продукцией (табл. 1).

Таблица 1

Уровень самообеспечения основной сельскохозяйственной продукцией, %

Продукция	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012
Зерно	102,5	116,3	148,2	134,8	93,3	135,9	108,3
Мясо	67,0	62,6	66,6	70,6	72,2	74,0	76,1
Молоко	88.3	82,5	83,2	82.9	80.5	81.5	80,2
Яйца	97,5	98.7	98,9	98,8	98,3	98,0	98,0
Картофель	99.6	100,7	100,0	102,0	75,9	113,0	97,5
Овощи и бахчевые культуры	85,6	84,9	86,8	87,3	80,5	93,2	88,7

Источник: Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2013: Стат. сб./ Росстат. – М., 2013, с. 142.

Несмотря на предпринимаемые меры по защите отечественных товаропроизводителей, затраты на импорт сельскохозяйственной продукции в Россию в наблюдаемый период времени существенно возросли. По расчетам С. Вегрена и И.В. Троцук, расходы на импорт продовольствия в Россию выросли в 2000–2012 гг. в 5,4 раза и составили к концу периода 40,2 млрд долл.

США. Россия вложила в импорт продовольствия больше средств, чем в поддержку отечественных товаропроизводителей в 2011 г. – в 7,7 раза, а в 2012 г. – в 7,3 раза[1].

Остается высокой зависимость от импорта мясной продукции, что явилось следствием резкого сокращения поголовья крупного рогатого и мелкого скота как в сельскохозяйственных организациях, так и в хозяйствах населения. По сравнению с 1991 г. поголовье крупного рогатого скота во всех категориях хозяйств сократилось с 54,7 млн голов до 20 млн голов (сокращение в 2,7 раза), в том числе коров с 20,6 млн голов до 8,9 млн голов, (сокращение в 2,3 раза). Поголовье свиней в этот период времени снизилось с 35,4 млн голов до 18,8 млн голов (сокращение – в 1,9 раза), а овец и коз уменьшилось соответственно с 55,3 млн голов до 24,2 млн голов[2].

Реализация приоритетного национального проекта по развитию АПК, направленного, в том числе и на решение проблем животноводства, не устранила всех проблем. Полностью преодолеть отставание в животноводстве не удалось до сих пор. В настоящее время Россия может обеспечить себя самостоятельно только зерновыми культурами, картофелем, а также сахаром и яйцом.

В течение 2000-х годов потребление мяса и мясопродуктов увеличилось в России в расчете на душу населения в 1,6 раза, молока и молочных продуктов 1,1 раза. При этом энергетическая ценность продуктов питания увеличилась за последние 10 лет лишь на 73 ккал и составила в 2011 г. 2624 ккал в сутки. Однако, по данным за 2011 г., потребление россиянами мяса и мясопродуктов, молока и молочных продуктов, а также фруктов и овощей было ниже установленных рациональных норм питания. Только картофель и хлебопродукты россияне потребляют с превышением этих норм и по сравнению с другими странами. По потреблению мяса, молочных продуктов, фруктов и ягод Россия явно отстает от развитых стран.

---

[1] *Вегрен С., Троцук И.В.* Продовольственная безопасность в Российской Федерации // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки 2013. Вып. 8; под ред. А.М. Никулина, М.Г. Пугачевой, Т. Шанина. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013, с. 246–247.

[2] Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013, с. 92.

Одним из важных индикаторов продовольственной безопасности страны является ценовая доступность продуктов питания всем социальным группам. Анализ потребления продуктов питания в зависимости от уровня среднедушевых доходов свидетельствуют о том, что не всем группам населения доступно качественное питание (рис. 1).

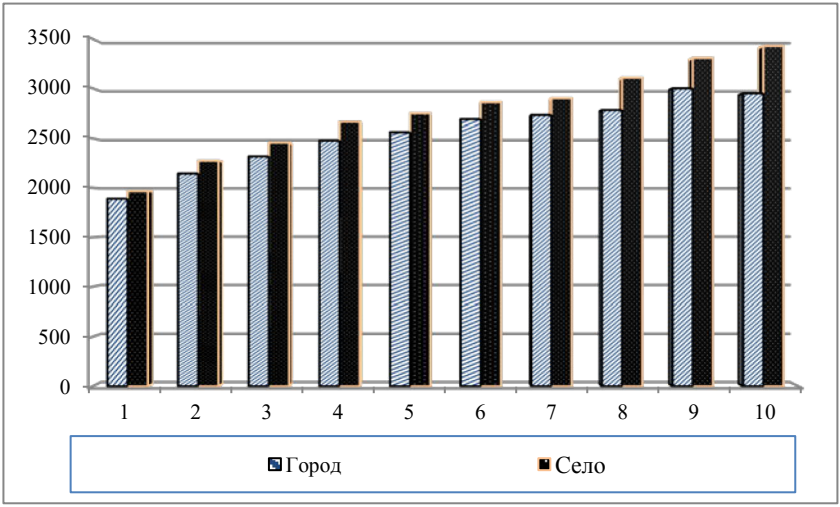

Рис. 1. Энергетическая ценность суточного рациона по 10% группам населения, различающимся уровнем среднедушевых располагаемых ресурсов, ккал

Источник: Россия в цифрах. 2009. – М.: Росстат, 2009.

Энергетическая ценность суточного рациона первой децильной группы по уровню среднедушевых располагаемых ресурсов ниже минимальной установленной нормы рационального питания в 2000 килокалорий. Калорийность потребляемых пищевых продуктов в крайних группах городского и сельского населения различается в 1,6–1,7 раза. По калорийности пищи сельское население питается лучше горожан, хотя по структуре питания картина может быть иной. Согласно приведенным данным, каждый десятый россиян недоедает. Однако по данным ФАО, каждый третий взрослый россиянин страдает от ожирения. Это дало основание экспертам утверждать, что «главная

продовольственная проблема Российской Федерации – не недоедание, а переедание и плохое питание вследствие нездоровых пищевых пристрастий»[1].

Таким образом, важнейшая задача прошедших преобразований в аграрном секторе России – обеспечение продовольственной безопасности страны не выполнена. Зависимость России от импорта продовольственных товаров не ликвидирована, самообеспечение страны сельскохозяйственной продукцией остается на низком уровне, качественное питание в необходимом количестве доступно не всем группам населения.

Повышение благосостояния сельского населения

Эмпирическими индикаторами, характеризующими благосостояние сельского населения, могут служить динамика заработной платы и доходов населения, социальная структура населения, состояние социальной инфраструктуры села. Несмотря на наблюдаемые в России положительные тенденции в оплате сельскохозяйственного труда, она остается самой низкой в стране (рис. 2).

Приведенные на рис.2 данные свидетельствуют о том, что вплоть до начала 2000-х годов уровень оплаты труда в сельском хозяйстве был ниже установленной черты бедности. В результате доля малоимущих домашних хозяйств в сельской местности в 2011 г. составлял 37,7%, а доля крайне бедных домашних хозяйств (среднедушевые доходы в которых не превышали половины прожиточного минимума) составляла 49,5% при доле сельского населения в общей численности населения страны – 26%. Низкая оплата труда не позволяла сельским труженикам обеспечить даже восстановительный уровень потребления, что отрицательно сказывалось на развитии человеческого потенциала.

Положительные тенденции последних лет обеспечили повышение заработной платы в сельском хозяйстве до уровня минимального потребительского бюджета или двух прожиточных минимумов[2], но и сейчас заработная плата в сельском хозяйстве,

[1] Доклад о человеческом развитии в РФ. 2013. Устойчивое развитие: вызовы РИО. М. 2013.

[2] Величина прожиточного минимума трудоспособного населения РФ в 2012 г. составляла 7049 рублей.

равная 14017 руб. в месяц, вдвое меньше среднемесячной Заработной платы по экономике в целом. Такой уровень доходов обеспечивает только восстановительный тип потребления, что недостаточно для расширенного воспроизводства человеческого капитала адекватного задачам современного общества и модернизации экономики.

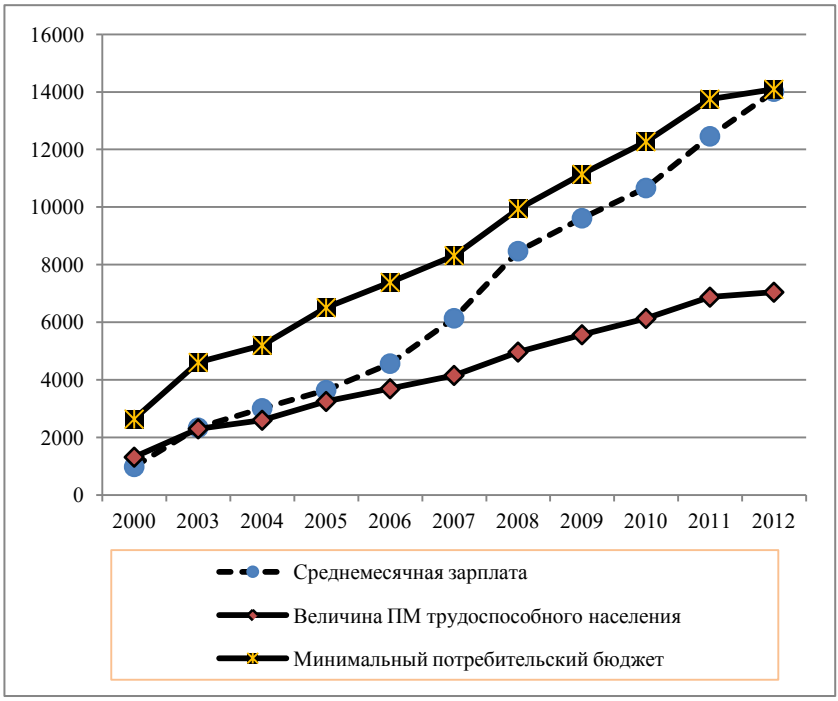

Рис. 2. Динамика среднемесячной заработной платы работников сельского хозяйства и величины прожиточного минимума, РФ, 2000–2012 гг.

Источник: Россия в цифрах. 2009. – М.: Росстат, 2009, с. 119, 123,124; Россия в цифрах. 2013: Крат. Стат.сб. / Росстат. – М., 2013, с. 135, 139, 140.

Ресурсная необеспеченность расширенного воспроизводства человеческого потенциала отрицательно сказывается на состоянии здоровья, продолжительности жизни и уровне образования сельских работников. Так, по данным за 2012 г., ожи-

даемая продолжительность мужчин, проживающих в городской местности, составила 65,1 года, а у проживающих в сельской местности - 63,12 года, у городских женщин – 76,27 года, а у сельских – 74,66 года[1]. Согласно данным за 2013 г., разница в ожидаемой продолжительности жизни городского и сельского населения сохраняется примерно на том же уровне с небольшим уменьшением разрыва. Для того, чтобы обеспечить работникам сельского хозяйства развивающий тип потребления, их заработную плату необходимо увеличить как минимум втрое, так чтобы она достигла уровня 6 ПМ.

Низкий уровень оплаты труда является одной из причин и более низких пенсий сельских тружеников по сравнению с городским населением. Средний размер назначенных пенсий в сельской местности примерно на 15% ниже, чем у горожан. Тем не менее, проведенная пенсионная реформа, периодическая индексация пенсий, валоризация пенсий[2] и регулярность их выплаты сделали сельских пенсионеров «зажиточным» слоем с устойчивыми доходами. Если в составе сельской семьи есть пенсионеры, то эта семья в глазах местных жителей считается в материальном плане вполне благополучной.

В целом величина располагаемых ресурсов в расчете на одного члена семьи в сельской местности примерно на 6 тыс. руб. или на 38% в месяц меньше по сравнению с городским населением. В результате риск оказаться в числе бедных у сельского населения, особенно в малых населенных пунктах, значительно выше по сравнению с горожанами и населением в целом (рис. 3). Не спасают селян и натуральные поступления продуктов питания из хозяйств населения, которые по сумме составляют примерно десятую часть всех располагаемых ресурсов сельской семьи.

---

[1] Демографический ежегодник России. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013 // http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm

[2] *Валоризация* – это переоценка денежной стоимости пенсионных прав, которые были приобретены гражданами до пенсионной реформы 2002 г. Валоризация была проведена в 2010 г. в отношении всех застрахованных лиц, имевших стаж до 01.01.2002 г. Валоризация коснулась всех нынешних пенсионеров, а также всех россиян, работавших в до 2002 г. С 1 января 2010 г. расчетный пенсионный капитал был умножен на 10%. Кроме того, пенсионный капитал дополнительно был увеличен на 1 % за каждый год стажа, выработанного до 1991 г.

Низкий уровень жизни сельского населения и повышение доли платного сегмента в профессиональном обучении существенно снизили его доступность для сельских жителей. Так, в период с 2005 по 2011 год выпуск квалифицированных рабочих и служащих с начальным профессиональным образованием для сельского хозяйства сократился в государственных и муниципальных образовательных учреждениях с 77,4 тыс. чел. до 43,1 тыс. чел. Численность специалистов со средним профессиональным образованием уменьшилась в этот период времени с 28,3 до 15,2 тыс. чел., а специалистов с высшим профессиональным образованием – с 34,8 до 33,3 тыс. чел. В результате уровень образования работников, занятых в сельском хозяйстве, заметно ниже, чем по экономике в целом (табл. 2).

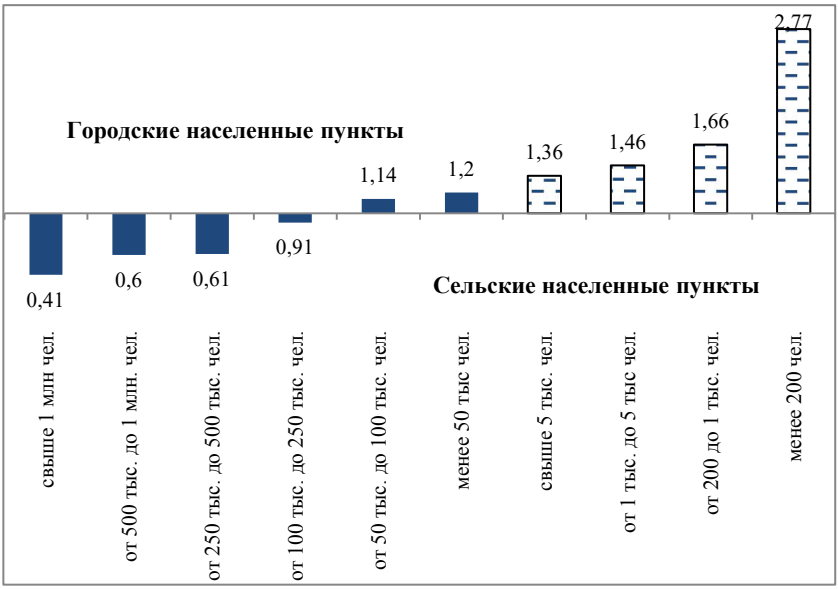

Рис. 3. Индекс риска бедности в городской и сельской местности по населенным пунктам с различной численностью населения в 2011 г.

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2012: Стат. сб. / Росстат – М., 2012, с. 107.

Таблица 2

Распределение численности занятых в сельском хозяйстве по уровню образования в 2011 г., %

Вид образования	Всего в экономике	В сельском хозяйстве
Высшее профессиональное	29,3	9,1
Послевузовское	0,2	0,0
Среднее профессиональное	26,9	17,4
Начальное профессиональное	19,5	21,1
Среднее (полное) общее	19,7	35,7
Основное общее	3,9	14,7
Не имеют основного общего образования	0,3	2,1

Источник: Российский статистический ежегодник. 2012: Стат. сб./Росстат. – М., 2012, с. 138.

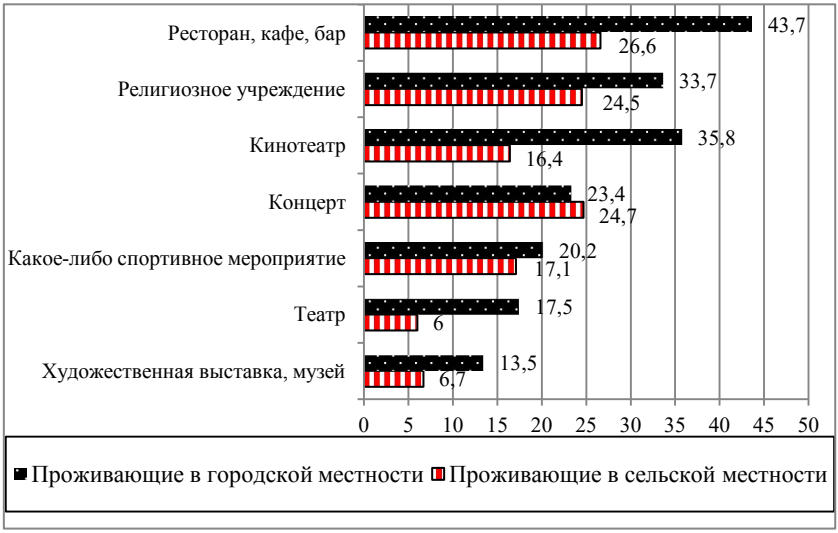

Рис. 4. Посещение различных мероприятий и мест отдыха за последний год в зависимости от места проживания, % к общей численности соответствующей группы респондентов в возрасте 15 лет и старше

Источник: Итоги Комплексного наблюдения условий жизни населения. – М.: Росстат, 2012 //http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/knujn/tabl4.htm//http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/kn-ujn/tabl4.htm

Бедность населения, а также специфический сельский образ жизни сокращают возможности для проведения свободного времени. Комплексное наблюдение условий жизни населения показывает, что сельские жители выезжают в места отдыха, участвуют в туристических или экскурсионных поездках, а также посещают те или иные культурные мероприятия в примерно в два раза реже, чем городские жители (рис. 4, 5).

Рис. 5. Участие в туристических (экскурсионных) поездках в зависимости от места проживания и пола респондентов, % к общей численности соответствующей группы респондентов в возрасте 15 лет и более

Источник: Итоги Комплексного наблюдения условий жизни населения. – М.: Росстат, 2012 //http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/kn-ujn/tabl4.htm//http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/kn-ujn/tabl4.htm

Таким образом, недооценка крестьянского труда порождает дефицит ресурсов для обеспечения расширенного воспроизводства рабочей силы. Это, в свою очередь, обусловливает низкий уровень развития человеческого потенциала в сельской местности, что негативно отражается на эффективности труда в аграрном секторе производства.

Необоснованные различия в оплате труда разных категорий работников и распределении доходов по группам населения оказали негативное воздействие на формирование социально-экономической стратификации населения России. По данным выборочных обследований за II квартал 2012 г., доминирующей группой в составе населения являются бедные и малообеспеченные слои населения. Среди сельского населения крайне бедное население с доходами менее 0,5 прожиточного минимума (ПМ) (экстремальная бедность) составляли – 5,1%, бедное население с доходами ниже прожиточного минимума (от 0,51 до 1 ПМ) – 32,2%, малообеспеченные (от 1,1 до 2 ПМ) – 33,9 %. В совокупности более 70% сельского населения имеют доходы, не превышающие того минимума, который требуется для простого воспроизводства рабочей силы. Население с доходами от 2,1 до 6 ПМ составляют примерно одну четверть (рис. 6). Доходы, обеспечивающие развивающий стандарт потребления, имели не более 2–3% сельского населения. Развивающий стандарт потребления может служить индикатором отнесения той или иной группы населения (по доходам) к среднему классу. Как видим доля среднего класса в сельской местности весьма незначительная. Налицо архаизация социальной структуры (по доходам) вследствие недооценки сельскохозяйственного труда.

Перспективы развития среднего класса связываются также с широким доступом к предпринимательскому доходу. Однако рассчитывать на вхождение в средний класс за счет доступа к рыночным источникам дохода может, согласно оценкам экспертов, не более 8% населения России, тогда как в развитых странах – 20–25%. При этом в период с 1995 по 2010 год доля доходов от предпринимательской деятельности в РФ снизилась с 16,4 до 9,3%, а в Сибирском федеральном округе – с 17,2 до 10,4%. Доходы от собственности в СФО уменьшились с 7,9 до 3,4%, а в РФ они практически не изменились и составляли в структуре денежных доходов 6,5–6,3%. Это означает, что общая экономическая среда в России не создает преференций для развития предприни-

мательства, особенно таких его форм, которые могут выступить локомотивом роста среднего класса с точки зрения материальной обеспеченности. Между тем именно расширение среднего класса – это важный результат и фактор модернизационного развития. Структура доходов российского населения указывает на то, что в стране не созданы институциональные и экономические предпосылки для расширения доступа к рыночным источникам доходов, а соответственно и для роста среднего класса.

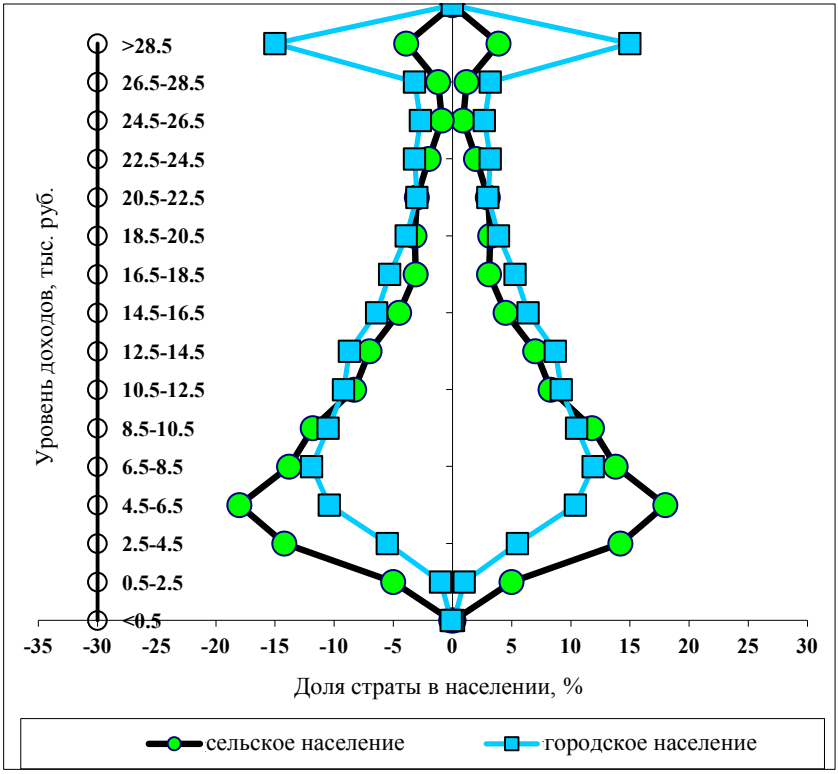

Рис. 6. Декомпозиция социальной структуры городского и сельского населения России, 2012 г.

Источник: Доходы**,** расходы и потребление домашних хозяйств в II квартале 2012 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). М.: Росстат, 2012, с. 15.

Мировая практика свидетельствует о том, что в странах с малой долей среднего класса в социальной структуре общества и, соответственно, доминированием потребителей с низкой покупательной способностью многими компаниями в целях повышения прибыли и конкурентоспособности проводится политика, которая, по существу, приводит к «экологическому демпингу», то есть снижению издержек за счет сокращения затрат, связанных с сохранением окружающей среды. Такая бизнес-практика возможна в первую очередь в условиях недостаточного государственного природоохранного регулирования в странах с переходной экономикой и в развивающихся странах, в том числе, в России. На рынках с доминированием потребителей среднего класса высокая степень экологической ответственности товаров становится конкурентным рыночным преимуществом[1].

Таким образом, наличие обширного среднего класса в обществе является своеобразным движителем «зеленой» экономики, повышения экологичности и безопасности производимой продукции, а соответственно и сохранения здоровья населения.

В последнее десятилетие социальная инфраструктура села динамично развивалась, но и сейчас около 30% сельских населенных пунктов не имеют связи по дорогам с твердым покрытием с сетью путей сообщения общего пользования, примерно в каждом десятом селе нет телефонной и почтовой связи с внешним миром. Сегодня только половина сельского жилого фонда оборудована водопроводом, 40% – канализацией, 61% – отоплением, одна четверть – горячим водоснабжением, 74% газифицировано.

С середины 2000-х годов в сельской местности идет оптимизация сети малокомплектных школ и небольших медицинских учреждений. Предполагалось, что укрупнение должно повысить качество услуг образования и здравоохранения, но основной критерий оптимизации – соответствие нормативу бюджетных расходов. Именно этот критерий до 2012 г. учитывался при оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти в регионах. Однако практика показала, что резкое сокращение числа общеобразовательных и медицинских учреждений снижает территориальную доступность базовых социальных ус-

[1] Доклад о человеческом развитии в РФ. 2013. Устойчивое развитие: вызовы РИО. М., 2013.

луг, особенно в сельской местности. И как подчеркивалось в Докладе о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2013 г., для максимально возможного сохранения территориальной доступности процесс сокращения сети и укрупнения школ должен быть увязан с особенностями расселения в регионе.

Таким образом, состояние социальной инфраструктуры в современной российской деревне хотя и свидетельствует об улучшении бытовых условий селян, но не отвечает требованиям времени, закрепляет в сознании, в первую очередь молодежи, негативное представление о сельском образе жизни и способствует их миграционному оттоку жителей села в города. Сельский труд остается самым низкооплачиваемым трудом, что сужает экономические возможности для расширения среднего класса и развития человеческого каптала в деревне.

Социальная модернизация деревни

Оценивая социальную модернизацию в России, директор Института социологии РАН М.К. Горшков[1], отмечает ее замедленный характер и противоречивость. Степень урбанизированности страны не соответствует стандартам, характерным для стран, находящихся на этапе перехода от индустриального общества к позднеиндустриальному. Следствием этого становится слабая распространенность городской культуры, являющейся важнейшей предпосылкой формирования личности современного типа, новой модели социальных отношений, новой системы социальных институтов. При этом, пишет автор, происходят быстрое разложение традиционной сельской культуры и интенсивная маргинализация значительной части жителей сел и деревень. С последним утверждением автора вряд ли можно согласиться.

Социологический мониторинг аграрной реформы в сельских регионах Сибири, осуществляемый отделом социальных проблем ИЭОПП СО РАН в течение последних 20 лет, позволяет сделать иные выводы. Практически ежегодные экспедиции в сельские регионы Сибири убеждают нас в том, что на селе про-

[1] *Горшков М.К.* Социальные факторы модернизации российского общества с позиции социологической науки // Социс, 2010, № 12, с. 35.

исходят заметные положительные перемены. Об этом свидетельствуют не только положительная динамика в уровне и качестве жизни сельского населения, о которой шла речь выше, но и визуальные наблюдения во время социологических экспедиций в сельскую местность. Да, в Сибири тоже исчезают деревни, и молодежь уходит в города, и пьют в сибирских селах не меньше, чем в других регионах, но налицо и положительные сдвиги. Улучшается внешний облик села, дома стали богаче и улицы – чище. Как отмечается на сайте одного из сельских районов Новосибирской области, «строят здесь много и красиво: и объекты социальной сферы, и жильё». И это действительно так. Что же касается не столь стремительного распространения городской культуры в современном ее виде, так это скорее благо, а не беда для сельских жителей. Не случайно одна из последних программ развития сельских территорий Новосибирской области наряду с мерами по повышению благоустройства сельских территорий, улучшением условий труда и быта сельского населения была нацелена на создание условий для сохранения сельского образа жизни.

О происходящей социальной модернизации свидетельствует также формирование класса собственников в российской деревне**.** Проведенная реорганизация коллективных хозяйств предоставила работникам сельского хозяйства, пенсионерам и части работников социальной сферы право на получение земельной доли и имущественного пая. Согласно действующему законодательству указанные категории сельского населения получили причитающуюся им долю в коллективном имуществе в денежном выражении или в натуре и использовали ее для ведения самостоятельного крестьянского хозяйства, организации собственного дела или для расширения производства в личном подсобном хозяйстве. Однако в большинстве случаев права крестьян на землю не были оформлены юридически, им не были известны конкретное местоположение и границы земельных участков. Собственность была лишь номинальной. Массовая передача долевой земли в распоряжение бывших колхозов и совхозов на правах аренды или взноса в уставный фонд реорганизованных хозяйств привела к расщеплению прав собственности. В результате владельцы земельных паев из реальных хозяев превращались в виртуальных. Сельскохозяйственные организации, не имея реальных конкурентов, устанавливали практически

символическую арендную плату за землю в виде уплаты сельхозналога и небольшой натуроплаты в конце года.

С приходом в аграрный бизнес крупного капитала, в том числе и городского, возросла конкуренция за арендуемые участки земли. Владельцы земельных долей почувствовали, что у них в руках не просто «бумажки», удостоверяющие их права, а реальный капитал. Можно говорить о формировании у сельского населения рыночного сознания, которое проявляется в осознании сельскими жителями ценности земли как капитала, особенно в условиях обострившейся конкуренции между крупными игроками на рынке земли за земельные паи жителей села, включая пенсионеров. В таких условиях владельцы земельных участков могут торговаться относительно арендной платы и выбирать более «щедрых» арендаторов, продать свою земельную долю уже не по бросовым ценам или передать ее по наследству своим родственниками.

За неимением спроса в 1990-е годы земельные участки нередко оставались невостребованными, брошенными и невозделанными. Однако, по расчетам Н.И. Шагайды, сокращение площади сельхозугодий как главного сельскохозяйственного ресурса за 20 лет реформ в России не катастрофичным и составляет 13%. При этом 12,5% сельхозугодий закреплено за фермерскими хозяйствами, 23 – за гражданами (не фермерами), 56,7 – за негосударственным сельхозорганизациями – 4,7 – за государственным и муниципальным организациям, 2,6% – за прочими организациями[1].

Справедливости ради следует отметить, что возможностью вести самостоятельное крестьянское хозяйство, вопреки ожиданиям реформаторов, воспользовалась незначительная доля сельских жителей, Тем не менее за время реформ на селе сформировался слой инициативных, профессионально грамотных людей, рискнувших в условиях непоследовательных и противоречивых реформ 1990-х годов пуститься в самостоятельное плавание. Речь идет о фермерах. Хотя фермерский сектор в российской деревне не стал доминирующим укладом в силу существования экономических и социальных барьеров, доля крестьянских (фермерских) хозяйств в сельскохозяйственном производстве страны выросла с

[1] *Шагайда Н.И.* Земли сельскохозяйственного назначения: 20 лет спустя. // ЭКО, 2013, № 5, с. 6–7.

1,9% в 1995 г. до 9,0% в 2011 г. По производству зерна доля фермерских хозяйств увеличилась в этот период до 22%[1].

Повышается социальная активность сельских жителей в сфере предпринимательской и коммерческой деятельности, в создании частных предприятий, в расширении личных подсобных хозяйств, в развитии сельского фриланса.

В контексте формирования рыночных субъектов хозяйственной деятельности, акционирование сельскохозяйственных предприятий, проведенное в России в 1990-х годах, вряд ли можно считать успешным проектом. Если акции в реорганизованных хозяйствах были рассредоточены по многим акционерам, то были размыты и их права. Соответственно стереотипы поведения людей практически не менялись. При создании таких акционерных обществ даже названия сельхозпредприятий оставались прежними. И появились такие парадоксальные названия, как, например, ЗАО «Колхоз имени Карла Маркса» или ОАО «Колхоз Путь к коммунизму». Нередко подобные акционированные сельхозпредприятия оставались не просто местом работы, но и своеобразным «собесом», т.е. органом социального обеспечения, куда можно было обратиться за помощью в трудных жизненных ситуациях. Как правило, на таких предприятиях содержались так называемые «лишние» работники. В основном это ветераны, которым до выхода на пенсию оставалось доработать один-два года. В таком возрасте, да с учетом состояния здоровья они не могли найти работу в другом месте. Уволить их – значит получить неодобрение сельского сообщества. Ведь сельский социум специфичен.

Но такая ситуация была не повсеместной. Сформировался и существует другой тип акционерных сельскохозяйственных предприятий, где контрольный пакет акций (нередко его доля превышает 90% акций) сосредоточен в одних руках. Как правило, это руководителя предприятия, которые прибирали к рукам невостребованные участки земли или выкупленные у односельчан по символическим ценам. В таких случаях вряд ли можно говорить о совместном управлении и распоряжении собственностью. На одном полюсе – хозяин, а на другом – наемные работники. По-существу это частные предприятия, где есть хозяин-собственник и наемные работники.

[1] Российский статистический ежегодник. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М,. 2013, с. 383, 386.

Специфика современной ситуации заключается в том, что в аграрный сектор пришел крупный бизнес, который диктует свои условия. На селе появляются оснащенные по последнему слову техники сельскохозяйственные комплексы животноводческого и иного профиля, работающие по самым современным технологиям. Они предъявляют высокие требования к уровню образования и квалификации работников. На таких предприятиях соблюдаются высокие стандарты трудовой дисциплины, предъявляются жесткие санкции, в том числе и материального характера, к нарушителям. Здесь выше производительность и оплата труда. Такие предприятия становятся маяками модернизации аграрной экономики. В то же время они повышают конкуренцию на рынке труда, высвобождая часть излишней рабочей силы, и увольняя тех работников, которые не выдерживают высокой напряженности и интенсивности труда. Часть работников уходят с таких предприятий по доброй воле. Они пополняют ряды трудовых мигрантов, вахтовиков, отходников или сельских безработных.

Таким образом, новые игроки на сельском рынке труда предъявляют более высокие требования к качеству человеческого капитала, повышают конкуренцию за рабочие места. С одной стороны, они стимулируют профессиональную активность работников, а с другой, – усиливают социальную напряженность в сельском социуме и способствуют оттоку рабочей силы из села.

Качественные сдвиги в социальной модернизации села могут произойти только при наличии соответствующих институциональных и финансовых предпосылок для развития местного самоуправления и локальных сельских сообществ.

* *
*

За последние несколько месяцев на отечественном продовольственном рынке существенно изменилась вследствие введения Россией продовольственного эмбарго. Отказ от импорта ряда продовольственных товаров, ориентация на внутреннее производство дали отечественному АПК исторический шанс для социально-экономического прорыва. Однако это возможно только при мощной государственной поддержке отечественного производителя и мобилизации внутренних резервов аграрного сектора. Время покажет, сможет ли российская деревня воспользоваться этим историческим моментом.

НОВАЯ ПАРАДИГМА СЕЛЬСКОГО РАЗВИТИЯ[1]

Сельские территории как объект стратегического планирования

Для проверки гипотезы о неоднородности сельской территории как объекта стратегического планирования был выполнен типологический анализ социально-экономического положения сельских районов Новосибирской области. Исходные показатели, используемые для группирования районов, отражают долю района в территории области, численности населения, производстве сельскохозяйственной и промышленной продукции, а также эффективность и условия сельскохозяйственного производства.

Иерархический кластерный анализ на основе стандартизованных переменных позволил выделить пять кластеров районов, размещение которых на территории области представлено на рис. 1. Перечень исходных показателей, а также их средние значения по выделенным кластерам представлены в таблице 1.

В отдельный, *первый* кластер выделился Новосибирский район, который занимает лидирующее место среди районов области.

Второй кластер образуют пять наиболее развитых районов, расположенных в пригородной зоне или вблизи железнодорожных и автомобильных магистралей: Искитимский, Коченевский, Ордынский, Тогучинский и Черепановский.

---

[1] Статья написана в соавторстве с к.с.н. О.П. Фадеевой. В данной статье авторы, опираясь на многолетний опыт исследования аграрных проблем, излагают свое видение перспектив развития российской деревни, исходя из представлений о многофункциональности сельских территорий, многопрофильности и многоукладности сельской экономики, приоритетности задач по человеческому развитию. Авторы попытались ответить на три взаимосвязанных вопроса: является ли сельская территория однородной как объект стратегических разработок; в чем состоит предмет стратегического планирования применительно к сельской местности; неизбежна ли смена парадигмы стратегического развития при переходе от среднесрочной к долгосрочной перспективе? Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Проект № 08-03-00473а).

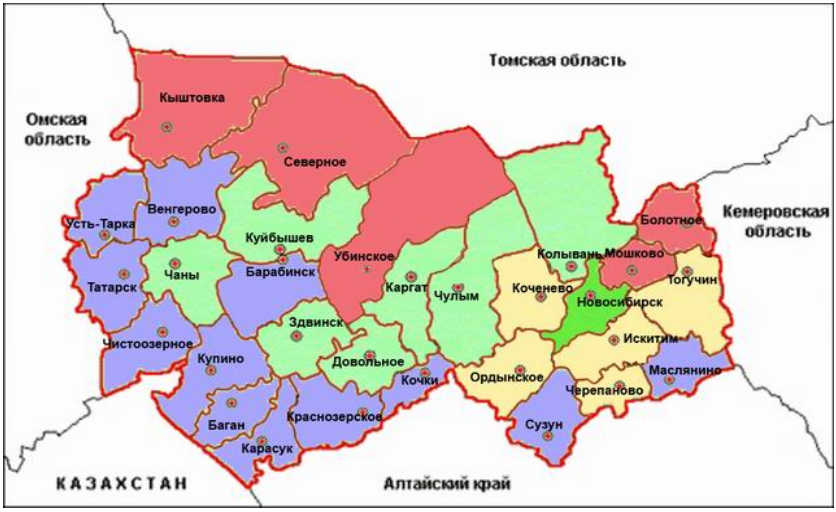

Рис. 1. Размещение выделенных кластеров районов по территории Новосибирской области

В *третий* кластер вошли 12 районов, расположенных в Кулундинской зоне и Южной Барабинской подзоне: Карасукский, Краснозерский, Кочковский, Барабинский, Усть-Тарский, Венгеровский, Баганский, Купинский, Татарский и Чистозерный, которые, хотя и не обладают хорошими природно-климатическими условиями, демонстрируют стабильное развитие. В этот кластер вошли также два района, расположенные в центрально-восточной зоне: Маслянинский и Сузунский, удаленные от областного центра и железных дорог. Этот класс районов имеет средние показатели развития.

В *четвертый* кластер вошли семь районов, расположенных преимущественно в Южной и Центральной Барабинской подзонах: Доволенский, Здвинский, Каргатский, Куйбышевский, Чулымский, Чановский, Колыванский. По основным социально-экономическим показателям они занимают пограничное положение между третьим и четвертым кластерами районов.

Таблица 1

Средние показатели развития сельских районов Новосибирской области по выделенным кластерам

Основные показатели	Кластеры				
	1	2	3	4	5
Число районов в кластере	1	5	12	7	5
Удельный вес района в территории области, %	1,6	2,6	2,6	3,9	5,2
Удельный вес района в численности постоянного населения области, %	4,3	2,0	1,0	0,9	0,9
Удельный вес района в объеме продукции сельского хозяйства, %	11,7	5,4	2,8	2,2	1,7
Удельный вес района в объеме промышленной продукции, %	4,2	1,2	0,2	0,1	0,3
Среднемесячная заработная плата одного работающего в сельском хозяйстве, руб.	4428	2643	1565	1436	1223
Объем производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий, млн руб. за год	2146	1392	765	602	410
Доля сельскохозяйственных предприятий в производстве продукции, %	41,0	51,2	58,7	51,6	33,2
Доля прибыльных хозяйств в 2004 г., %	82,0	74,4	81,3	52,4	40,6
Прибыль в расчете на одно хозяйство, тыс. руб.	4823	8639	4504	3992	1554
Доля перспективных хозяйств*, %	55,0	47,8	62,5	22,6	25,4
Число фермерских хозяйств, единиц	138	375	106	58	41
Балл бонитета почв	29,63	21,75	17,53	17,90	16,44
Производство молока на 100 га кормовой площади, ц	409	217	152	97	96
Производство мяса на 100 га кормовой земли, ц	22,2	12,2	11,4	7,2	7,0
Миграционный прирост / отток населения за 2004 г., чел.	+1514	+150	-134	–77	–112

* Экспертные оценки Института экономики СО РАСХН [Основные показатели 2004; Сельское хозяйство 2003].

Пятый кластер образуют пять наименее развитых (маргинальных) районов из трех природно-климатических зон, характеризующихся низким бонитетом почв, малонаселенностью при наибольшей доле в территории области, низкой эффективностью сельскохозяйственного производства, сокращением роли коллективных хозяйств и слабым развитием фермерства. Основное производство сельскохозяйственной продукции в маргинальных районах области сосредоточено в личных хозяйствах населения.

В этот кластер вошли две подгруппы районов: Убинский, Кыштовский, Северный с наихудшими природно-климатическими условиями и низкими экономическими показателями, а также Болотнинский и Мошковский районы, обладающие относительно благоприятными природно-климатическими условиями (бонитет почв здесь составляет 20,09 и 19,36 балла), но наихудшими экономическими показателями. Так, в Мошковском районе в 2004 г. из 9 сельхозпредприятий только одно было прибыльным, а в Болотнинском районе только три хозяйства из 11 отнесены, по экспертным оценкам СО РАСХН, к числу перспективных. В этих районах одна из самых низких заработных плат сельскохозяйственных работников – 1329 и 1263 руб. соответственно. Как следствие – низкая производительность труда и незаинтересованность жителей в сельскохозяйственном труде. Пригородное положение районов способствует трудоустройству населения в городе.

Как видим, наибольшая дифференциация уровня социально-экономического развития районов наблюдается по географическому положению: близость к мегаполису, а соответственно – к рынкам сбыта; а также по плодородию сельскохозяйственных угодий и природно-климатическим условиям.

Размер заработной платы сельскохозяйственных работников также сильно дифференцирован: размах колебаний составляет 3205 руб. Низкая заработная плата, с одной стороны, является следствием неэффективности ведения хозяйства, а с другой – ее фактором. К тому же недооценка рабочей силы является мощным «выталкивающим» фактором. Результирующим показателем, отражающим условия жизнедеятельности населения в районе, является миграционный прирост или отток населения, который показывает вектор перемещений сельского населения из неблагополучных в более развитые районы.

Развитие сельских районов в зеркале современных концепций

Концепция югославского экономиста Рудольфа Бичанича о поворотных пунктах (точках бифуркации) в динамике сельского хозяйства

В концепции постулируется, что каждая из трех стандартных групп факторов производства (труд, земля, капитал) проходит в своем историческом развитии три стадии [*Bicanic,* 1972].

На первой стадии численность занятых в сельском хозяйстве растет, господствует натуральное хозяйство, нацеленное на максимизацию продукта. Производство полностью зависит от наличия земли и ее естественной продуктивности. Капитал на первой стадии либо крайне скуден, либо вообще отсутствует – главными являются природные факторы и риски, опора делается на трудовой потенциал села.

На второй стадии абсолютный рост численности занятых в сельском хозяйстве прекращается, их доля падает, происходит поворот к товарному рыночному производству и максимизации дохода от продажи продукции. Наблюдается исчерпание лучших земель, сокращение угодий в ходе урбанизации, вывод из оборота маргинальных земель. Отмечается резкий рост капиталоемкости при выравнивании нормы отдачи, окупаемости инвестиций в сельском хозяйстве и за его пределами, что провоцирует приток средств из других отраслей. Здесь главными являются коммерческие факторы.

На третьей стадии серьезно сокращается занятость в сельском хозяйстве, приоритетным становится увеличение дохода на одного занятого. Осуществляется интенсификация землепользования, замещение естественного плодородия капиталом через механизацию, химизацию, мелиорацию; земля теряет позиции ключевого фактора, превращается в «обычный товар». Происходит насыщение капиталом и даже его ограничение. Акцент делается на финансовые и инновационные факторы.

По оценкам специалистов, в России в сельском хозяйстве первая стадия была самой длительной. В советский период ее удалось преодолеть лишь в конце 1950-х – начале 1960-х годов, когда на государственном уровне было принято решение о существенном увеличении финансирования развития АПК. При этом колхозы и совхозы не стали вполне рыночными хозяйства-

ми, так что перехода на вторую стадию в полной мере не произошло. К тому же вывод из оборота земель, характерный для второй стадии, в России происходил крайне медленно, так как долгие годы дотациями поддерживались неэффективные хозяйства, использующие малоплодородные земли.

Частичный переход от второй к третьей стадии произошел в России на излете кризиса 1990-х годов, когда возник интерес к некоторым наиболее сильным предприятиям АПК и наиболее плодородным сельским территориям, как инвестиционно привлекательной сфере. Однако кризис 1990-х годов заставил сельское население вернуться к натуральному хозяйству в рамках ЛПХ, ставшего ведущим сектором сельскохозяйственного производства, так что значительная доля сельскохозяйственного производства в России вновь была отброшена на первую стадию.

По мнению специалистов, специфика России заключается в неравномерном и неодновременном прохождении стадий сельского развития в разных уголках огромной страны, так что даже в рамках одного региона можно зафиксировать существование разных типов хозяйствования на земле [*Нефедова,* 2003; *Грицай*, *Иоффе* и др., 1991].

Типология сельских районов Новосибирской области подтверждает этот тезис. Если оценить сельское развитие выделенных кластеров с позиции этой теории, то с определенной долей вероятности можно утверждать, что большинство сельских районов области (третий и четвертый кластеры) находятся на стадии перехода от первой ко второй стадии развития. Пятый кластер районов, представленный пятью самыми отсталыми районами области, проходит еще первую стадию; первый и второй кластеры наиболее благополучных районов проходят вторую стадию развития; и лишь в отдельных хозяйствах-«маяках» наблюдаются признаки перехода от второй к третьей стадии развития.

Географическая концепция эволюции сельской местности Т. Нефедовой

Согласно этой концепции [*Нефедова,* 2003], сельская эволюции состоит из пяти стадий, которые соответствуют этапам урбанизации сельской территории.

Стадия первая – природная, когда сельхозпроизводство, расселение, образ жизни – все вписано в природу. Преобладает

натуральное хозяйство, чья продуктивность зависит от природных условий. Характерно разнообразие, самодостаточность и обособленность природно-этнических сельских ареалов.

Стадия вторая – раннегородская, природно-национальная, когда урбанизация стимулирует отток сельского населения, но благодаря высокому естественному приросту сохраняется его многочисленность, идет процесс дифференциации специализации и культуры землепользования. Роль индивидуального сектора для выживания села высока, но дифференцирована слабо.

Стадия третья – среднеурбанизационная. Происходит резкое деление территорий, обладающих благоприятными (юг) и неблагоприятными (север) природно-климатическими условиями для ведения сельского хозяйства. Природа и капитал – взаимодополняющие друг друга факторы. На этой стадии происходит концентрация и поляризация производства и сельского расселения, стягивание населения и жизнеспособного общественного производства к городам.

Стадия четвертая – позднеурбанизационная, где усиливаются зональные различия. Капитал уже заменяет труд, не требуя роста сельского населения.

Пятая стадия – неоприродная (экологическая). Сельское пространство перестает быть аграрным и становится рекреационно-дачным и экобиотехнологическим.

По мнению автора концепции, в настоящее время Россия в целом проходит третью стадию эволюции, а некоторые регионы, такие как Подмосковье, живут уже в следующей.

Как показывает анализ, сельское развитие Новосибирской области ближе всего соответствует среднеурбанизационной стадии по модели Т. Нефедовой. Для него также характерны зональная дифференциация развития территорий, стягивание производства и населения к мегаполису.

С позиции устойчивого развития сельское хозяйство проходит также несколько стадий развития, характеризующихся социальной, экономической или экологической ориентацией. В ходе исторического развития производительных сил аграрный сектор решает три указанных группы проблем последовательно. Сначала преодолевается проблема голода – на этом этапе находятся страны социально-ориентированного сельского хозяйства; затем решается проблема низкого уровня благосостояния занятых в аграрном секторе – на этом этапе находятся страны экономи-

чески ориентированного сельского хозяйства; наконец осуществляется задача минимизации загрязнения окружающей среды в результате аграрной деятельности – как в странах экологически ориентированного сельского хозяйства.

Анализ ситуации в Новосибирской области показывает, что за годы реформ, когда ослабла государственная поддержка аграрного сектора и часть «лишних» земельных угодий была выведена из обращения, сельхозпроизводство и переработка сельхозпродукции наиболее успешно развивались в пригородной зоне. Доля периферийных районов в производстве сельхозпродукции сократилась, местным властям все труднее было сдерживать процессы разорения и ликвидации сельхозпредприятий, а также местных молочных и мясоперерабатывающих производств. Как следствие, стихийно нарастало количество необрабатываемых земель, сокращалось количество скота, так как производство молока и мясо стало убыточным.

Процессы сельского развития, происходящие в пригородах и на периферии, были разнонаправлены. Если в пригороде оставшиеся на плаву коллективные хозяйства и поднявшиеся фермерские хозяйства получили более-менее стабильный рынок сбыта, почувствовали заинтересованность переработчиков и покупателей в своей продукции, сумели привлечь инвестиции для материального перевооружения своего производства, тона периферии вслед за разрушением местной переработки сузился рынок сбыта, посредники все жестче стали диктовать свои условия, возможности для окупаемого земледелия практически сошли на нет. Поэтому на периферии население было вынуждено все больше времени и внимания уделять ЛПХ, как основному источнику существования, – за счет самоэксплуатации.

Высокая доля производства в личных подсобных хозяйствах, характерная для всех групп районов Новосибирской области, свидетельствует о преимущественной социальной ориентированности сельского хозяйства, которая способствует выживанию, но не решает проблему повышения уровня благосостояния сельского населения. В свою очередь, низкая рентабельность сельскохозяйственной деятельности, не обеспечивающая даже простого воспроизводства, не позволяет предприятиям перейти на стадию экологически ориентированного хозяйствования.

В целом специфика России заключается в неравномерном и неодновременном прохождении стадий сельского развития в

разных уголках огромной страны, так что даже в рамках одного региона существуют разные типы хозяйствования на земле.

Типология сельских районов Новосибирской области подтверждает этот тезис, что с необходимостью требует дифференцированного подхода к выработке стратегии по выделенным группам районов, так как они развиваются по разным траекториям и, по сути, представляют разные социальные миры.

Второй вывод – развитие сельской экономики, сельских территорий и населения взаимосвязаны. Такой подход частично отражает *концепция устойчивого сельского жизнеобеспечения,* которая базируется на комплексном использовании сельским сообществом пяти видов основных ресурсов – природных, материально-технических, финансовых, социальных и человеческих. В центре такой системы стоит сельский житель, его потребности и интересы. В число основных задач устойчивого сельского жизнеобеспечения входят: защита прав сельских граждан на землю; повышение уровня знаний сельского населения в области сельхозпроизводства; улучшение доступа к финансовым ресурсам (схемы микрокредитования); улучшение доступа к услугам и развитие кооперации; развитие сельских сообществ, местного самоуправления и несельскохозяйственных видов бизнеса [*Янбых,* 2006].

Переплетение, взаимозависимость и значимость социальных, экономических и природных факторов в развитии сельских территорий обусловливает необходимость комплексного подхода при решении стратегических задач.

Из этого вытекает вывод о том, что предметом стратегических разработок применительно к сельским территориям должно стать сельское развитие в целом, включающее три основных элемента: развитие сельской экономики, развитие сельских территорий и развитие человека.

Полифункциональность аграрного сектора

Традиционно аграрный сектор рассматривался как поставщик для экономики страны и городского населения сельскохозяйственной продукции, а сельское население – как ее производитель. Между тем аграрный сектор помимо производственной выполняет по отношению к обществу и своему населению ряд важных социально-экономических функций. К ним относятся

следующие функции: рекреационная; социального контроля за территорией; и воспроизводства населения [Методология и методика, 1980].

Рекреационная функция состоит в оздоровлении городского и сельского населения за счет использования природных рекреационных ресурсов (горных и лесных ландшафтов, морских и речных пляжей, минеральных источников, целебных грязей и т.д.). Большинство санаториев, загородных больниц, домов отдыха, детских оздоровительных и спортивных лагерей, дачных поселков, туристических баз, садово-огородных участков расположено на сельской территории. Село, бесспорно, является главным исполнителем рекреационной функции.

Вторая социальная функция села заключается в относительно равномерном заселении, хозяйственном освоении и социальном контроле внегородской территории страны. Аграрное население «ответственно» перед обществом за освоение и поддержание в освоенном состоянии сельскохозяйственных угодий, лесов, озер и других природных ресурсов и за соблюдение правопорядка на внегородской территории. Велика роль сельского населения в сохранении биологического многообразия и в борьбе с деградацией земельных ресурсов, а также в трансляции и сохранении и традиционных знаний и методов землепользования.

С потерей сельских поселений общество теряет социальный контроль за своей территорией, что угрожает территориальной целостности страны в условиях дефицита земельных и природных ресурсов в сопредельных государствах при высокой плотности их заселения. Это приводит также к резкому сокращению используемых рекреационных ресурсов, что является дополнительным фактором ухудшения и без того крайне неблагоприятной демографической ситуации в стране.

Выполнение сельскими территориями функции социального контроля освоенного географического пространства должно стать одним из элементов доктрины национальной безопасности страны. В соответствии с этой доктриной должны быть разработаны меры по поддержанию и развитию системы городского и сельского расселения, обеспечивающей социальный порядок и территориальную целостность страны. Основную функцию по обустройству и развитию приграничных поселений, в том числе контрольно-пропускных пунктов в сельской местности, должно взять на себя государство.

Воспроизводственная функция деревни заключается также и в передаче от поколения к поколению умений, навыков природопользования и ведения сельскохозяйственного производства, сельского уклада жизни и традиционных норм и ценностей.

Выполнение сельскими территориями воспроизводственной функции непосредственно связано с кардинальным повышением качества жизни сельского населения, которое в настоящий момент значительно отстает от городского, что обусловливает значительно худшие показатели состояния здоровья селян, продолжительности их жизни и развития человеческого потенциала в целом.

Перспективы сельского развития должны определяться исходя из необходимости выполнения аграрным сектором всех перечисленных функций. При этом роль и значимость отдельных функций со временем могут принципиально меняться. В отдаленной перспективе основными функциями аграрного сектора должны стать не только производство сельскохозяйственной продукции, что необходимо для обеспечения продовольственной безопасности страны, но и развитие других видов производственной деятельности. В первую очередь это касается реанимации сельской социальной и производственной инфраструктуры, развития переработки сельскохозяйственной продукции, возрождения народных промыслов, вовлечения в хозяйственный оборот разнообразных рекреационных ресурсов, размещения в сельской местности промышленных производств, опирающихся прежде всего на использование местных природно-сырьевых ресурсов. Иными словами, речь идет о диверсификации сельской экономики. Не меньшее значение имеет возрождение производства традиционных сельскохозяйственных культур, резкое сокращение объемов которого в советские времена было обусловлено существующим тогда разделением труда между союзными республиками. Это касается, например, производства льна, характерного для аграрного производства Сибири в прошлом.

Кроме того, выполнение аграрным сектором производственной функции требует не только интенсификации, четкой специализации и диверсификации экономики, но и повышения эффективности использования материально-технических и человеческих ресурсов, развитие которых становится важнейшим приоритетом в эпоху становления экономики знания.

Однако, как ни парадоксально это звучит, профессиональные навыки и знания работников не всегда востребованы и не во всех случаях используются эффективно. По данным социологического обследования городского и сельского населения Новосибирской области, проведенного ИЭОПП СО РАН в 2006 г.[1], примерно каждый пятый работник в городе и каждый десятый в селе указали на то, что их квалификация, опыт и знания практически не востребованы на их теперешней работе. Отчасти это можно объяснить тем, что у половины опрошенных городских и сельских работников работа не соответствовала полученной специальности. При этом у 48% городских и около 70% сельских работников, по их мнению, отсутствуют перспективы для профессионального и карьерного роста на их работе. Между тем специалисты отмечают, что информация и знания отличаются от денежных, природных, трудовых и технических ресурсов своей недолговечностью, способностью к устареванию, что требует их постоянного возобновления и обновления [*Стюарт,* 1999].

Низкая востребованность высокой квалификации проявляется и в уровне оплаты труда. Как показали исследования формирования заработной платы по профессионально-квалификационным группам, российские специалисты высшего уровня квалификации (доля обладателей вузовских дипломов в их числе приближается к 73%) зарабатывают столько же или даже меньше, чем «синие воротнички» (квалифицированные рабочие, операторы, аппаратчики, машинисты). Заработная плата специалистов среднего звена даже недотягивает до среднего уровня (чуть более 80%) [*Гимпельсон, Горбачева* и др., 2007, с. 57, 63].

Всероссийская перепись населения 2002 г. зафиксировала другой парадоксальный факт: снижение уровня профессионального образования молодого поколения по сравнению со старшим. Особенно четко эта тенденция проявилась в сельской местности и характерна для мужчин [*Калугина,* 2007а]. Низкий уровень профессионального образования молодого поколения может стать сдерживающим фактором сельского развития в будущем.

[1] Всего было опрошено 717 чел., в том числе 412 чел.– жители г. Новосибирска, 305 чел. – сельские жители Новосибирской области. Полевой этап исследования выполнен «ROMIR MONITORING. Новосибирск».

В перспективе возрастает роль деревни как обладательницы разнообразных рекреационных ресурсов, начиная с чистого воздуха и заканчивая уникальными бальнеологическими ресурсами: природными минеральными и термальными источниками, лечебными грязями, водными и лесными угодьями. Использование этих ресурсов обеспечивает сельскому населению новые сферы занятости по обслуживанию курортов, санаториев, зон и баз отдыха [*Копотева,* 2006].

В этой связи необходимо подчеркнуть важность сохранения неурбанистического уклада жизни в сельской местности, что послужит дополнительным фактором привлекательности сельской местности не только для туристов и отдыхающих, но и для горожан, предпочитающих тихий, размеренный уклад жизни. Опыт развитых стран и современной России демонстрирует *новые типы расселения*, когда вокруг мегаполисов возникают пригородные поселения-спутники, превращающиеся в спальные районы и зоны отдыха обеспеченных слоев населения, готовых вкладывать деньги в создание фамильных усадеб, загородных домов и дач. В таких поселениях сформируется специфическая инфраструктура по снабжению и обслуживанию горожан.

Однако это не снимает задачи благоустройства сельских территорий на уровне современных стандартов. Только сочетание сельского уклада жизни с современным уровнем обслуживания и благоустройства обеспечит стабильный приток городского населения в сельскую местность на отдых, туризм и лечение. Уход от моноотраслевой структуры производства на селе будет способствовать также расширению сфер занятости трудоспособного населения, что существенно повысит социальную привлекательность сельской местности в качестве постоянного места жительства.

Обеспечение высоких стандартов жизни сельских жителей является приоритетным направлением сельского развития. Все существующие проблемы качества жизни населения наиболее остро проявляются в сельской местности. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, более низким уровнем заработной платы. По мнению 70% сельских работников, их труд оплачивается несправедливо и не соответствует их квалификации и трудовому вкладу [*Сергиенко, Калугина* и др., 2004]. Такие оценки имеют объективные основания. На протяжении десятилетий и в настоящий момент заработная плата сельскохозяйственных ра-

ботников остается самой низкой среди всех отраслей экономики. Если среднемесячная заработная плата в экономике страны составляла в 2006 г. 10633,9 руб., то в сельском хозяйстве – всего 4568,7 руб., или 43% от средних показателей [Российский статистический ежегодник, 2007, с. 184]. В результате сельская местность превратилась в зону высокой концентрации бедности. Доля семей с доходами ниже прожиточного минимума на селе вдвое выше, чем в городе.

Во-вторых, в сельской местности выше уровень безработицы. При этом отмечается наличие структурной безработицы, что обусловлено, с одной стороны, низким уровнем образования и квалификации сельского населения и частичной деквалификацией специалистов в процессе длительной безработицы и разрушения системы профессиональной переподготовки. А с другой стороны, безработица на селе вызвана низким качеством вакантных рабочих мест (плохие условия труда, низкая его оплата, длительные задержки заработной платы, отсутствие перспектив и т.д.). Ситуация усугубляется дисперсностью сельского расселения, порождающей анклавизацию сельского рынка труда. При этом для сельского рынка труда характерна застойная безработица с высокой долей молодежи.

В настоящее время на карте страны появилось немало деревень (в Новосибирской области, например, их около 300), где нет крупного работодателя, способного не только обеспечить постоянной работой основную часть трудоспособного населения, но и регулярно выплачивать заработную плату. Жители таких деревень лишены возможности найти оплачиваемую работу в сфере легальной экономики, а также элементарного социального и бытового обслуживания; они существуют в основном за счет своего подсобного хозяйства, а иногда вынуждены прибегать к нетрадиционным, в том числе криминальным, способам выживания. Оторванные от внешнего мира в силу неразвитости транспортных коммуникаций и дороговизны транспортных услуг, сельские сообщества, проживающие на таких территориях, постепенно превращаются в депривированные социальные анклавы [*Калугина,* 2007б].

В условиях длительной безработицы основным источником дохода для сельских жителей является личное подсобное хозяйство (ЛПХ) и социальные пособия. Однако доходы от ЛПХ недостаточны для преодоления проблем бедности. Основная часть

продукции ЛПХ идет на удовлетворение нужд самих сельских семей и их родственников. Денежные поступления, получаемые от продажи «избытков» продукции ЛПХ, носят нерегулярный, сезонный характер, а размер ЛПХ ограничивается финансовыми, трудовыми и материально-техническими ресурсами семьи, которые находятся в настоящий момент на грани исчерпания. Ведение ЛПХ для многих семей носит вынужденный характер. При наличии постоянной работы многие из них существенно сократили бы его размеры или отказались бы от него вовсе. Кроме того, занятость в ЛПХ не решает проблему аграрного перенаселения и не гарантирует социальную защиту сельского населения в старости, так как труд в ЛПХ не засчитывается в стаж работы. Механизм накопления страховой части пенсии для занятых в ЛПХ также неотработан.

И наконец, одним из негативных факторов, резко снижающих качество жизни в сельской глубинке, является произошедшее в годы реформ разрушение социальной инфраструктуры вследствие передачи социально-бытовой инфраструктуры с баланса сельскохозяйственных предприятий на баланс местных администраций. Последние к настоящему времени не имеют в достаточном объеме ни финансовых, ни материальных, ни кадровых ресурсов для содержания и развития социально-бытовой инфраструктуры. Это привело к деградации социальной сферы села, сузило и без того небогатый выбор рабочих мест, обусловило увеличение диспропорций в структуре рабочих мест на сельском рынке труда.

Повышение уровня и качества жизни сельского и городского населения увеличит спрос на экологически чистую сельскохозяйственную продукцию, что подтверждает опыт развитых стран, где в настоящее время создаются ассоциации ответственных производителей и потребителей сельскохозяйственной продукции, произведенной по органическим технологиям и без ущерба для окружающей среды. Наличие в России незагрязненных территорий и резкое снижение применения минеральных удобрений, а также различных химических веществ в сельскохозяйственном производстве в последнее время благоприятствуют развитию этого направления аграрной экономики. Трудности сертификации такой продукции вполне преодолимы.

Одним из немногих положительных результатов аграрных реформ в России является формирование многоукладной аграр-

ной экономики на основе институционализации новых форм хозяйствования. Разнообразие форм хозяйствования создает предпосылки для зарождения свободной конкуренции товаропроизводителей на аграрном рынке, обеспечивает наиболее рациональное использование земельных, трудовых и материально-технических ресурсов отрасли, позволяет использовать преимущества как крупного сельскохозяйственного производства, так и мелкого, базирующегося на инициативе граждан. Многоукладность, а не гипертрофированное развитие какой-либо одной хозяйственной формы, будь то крестьянские (фермерские) хозяйства или крупные агропромышленные холдинги, может обеспечить аграрному сектору России устойчивое развитие.

Ориентация только на малые формы, как это предлагают, например, представители Общероссийской общественной организации «Опора России» и ряд ученых-аграриев [*Узун,* 2007], не только не полезна, но и вредна для страны. Такая политика по существу консервирует мелкотоварность, а следовательно, и низкую рентабельность сельскохозяйственного производства и связанную с ней бедность сельского населения, она на веки вечные обрекает сельское население, включая стариков и детей, на тяжелый, малопроизводительный и малооплачиваемый физический труд. Мировая практика доказала высокую эффективность крупных специализированных производств. Зачем же идти против мейнстрима? Зачем искать свой «особый» российский путь? «Взлет» производства в хозяйствах населения в годы реформ носит вынужденный характер и является проявлением не свободного волеизъявления сельских жителей, а лишь способом их выживания в условиях целенаправленного разрушения коллективных хозяйств. Так, данные лонгитюдного исследования, проведенного в 1975–2005 гг. ИЭОПП СО РАН в сельской местности Новосибирской области, показали, что ведение личного подсобного хозяйства считают вынужденной необходимостью от 50 до 70% сельских респондентов. В период с 1999 по 2004 год, когда произошла некоторая стабилизация социально-экономической ситуации в стране, доля респондентов, намеренных сократить свои ЛПХ или отказаться от них совсем, возросла соответственно с 5 до 11% и с 2 до 16%; а доля намеренных расширить ЛПХ, напротив, сократилась с 34 до 26% [*Артемов, Новохацкая,* 2006, с. 220].

На наш взгляд, возврат к мелкотоварному производству останавливает или обращает ход времени вспять в данной географической точке, на данной территории – происходит пространственно-временная реверсия. Этот вывод лежит в русле концепций «временно́й географии» Т. Хагерстранда, пространственно-временно́й конвергенции Д. Джанелле[1], а также пространственно-временно́го структурирования социальных взаимодействий Э. Гидденса [*Гидденс,* 2005, с. 174–235]. Из этих концепций вытекает вывод о том, что при социальном проектировании необходимо учитывать особенности и факторы функционирования социальных систем во времени и пространстве и не сводить время к измеримому календарному времени. Опираясь на постулаты этих концепций, можно предположить, что ускорение или замедление научно-технического прогресса, качество институциональной среды, развитие человеческого капитала не только обусловливают скорость и траекторию перемещения сельских территорий на пространственно-временных осях, но и определяют качество пространственно-временной зоны (локальности или места действия по Гидденсу), обусловливающее эффективность деятельности отдельных субъектов и – в конечном итоге – социальной системы в целом.

Опора только на крупные агрохолдинги также вряд ли приемлема в силу имеющегося в регионах России разнообразия условий сельскохозяйственного производства. Единой модели обустройства сельского хозяйства и одинакового комбинирования разных форм хозяйствования для такой огромной страны, как Россия, быть не может.

Контуры концепции сельского развития

Среднесрочные тренды развития деревни во многом уже предопределены проводимой аграрной политикой, попыткой правительства поправить положение дел с помощью реализации национальных проектов. Однако бессистемность, некомплексность принимаемых мер и отсутствие стройной концепции развития отечественного АПК не внушают особого оптимизма, хотя само

[1] Понятие пространственно-временной конвергенции предложено Джанелле для описания феномена «сжатия» времени, возникающего вследствие усовершенствования транспортных систем (от повозок до реактивных самолетов).

включение развития АПК в качестве приоритетного направления развития России – факт знаменательный. Кардинальное изменение положения дел в аграрном секторе страны потребует неординарных и нетрадиционных подходов к сельскому развитию.

Переход страны к рынку, резкое ослабление роли государства в решении социально-экономических задач обусловливают необходимость поиска и нахождения новых источников сельского развития. В долгосрочной перспективе необходима и смена парадигмы сельского развития.

Новая парадигма сельского развития предполагает**,** во-первых, смену ориентиров: переход от государственного патернализма к саморазвитию с опорой на внутренние ресурсы и равноправное партнерство государства, бизнеса и населения.

Эта парадигма находится в русле общемировых тенденций. В условиях глобализации и открытости национальных экономик обостряется конкурентная борьба за рынки сбыта, повышаются требования к качеству продукции со стороны потребителя, экономические сообщества вынуждены прибегать к квотированию производства отдельных видов продукции, сокращать площади обрабатываемых земель. Государственные субсидии и дотации сельскохозяйственного производства во многих странах, хотя и остаются весьма существенными и значительно превышают общероссийские показатели, имеют тенденцию к сокращению. В этих условиях актуализируется поиск дополнительных источников развития сельских территорий.

Одним из таких дополнительных источников развития является диверсификация сельской экономики. Опыт развитых стран показывает, что в настоящее время растет доля фермеров, имеющих в своих хозяйствах несельскохозяйственные структуры. Например, в Англии доля таких хозяйств приближается к 50% [*Франкс,* 2007, с. 213]. В США большинство мелких ферм принадлежит сельским жителям, основным источником доходов которых является внефермерская деятельность [*Протопопов,* 2007, с. 101]. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г., в России осуществляли сельскохозяйственную деятельность только 69% сельскохозяйственных предприятий, около 50% крестьянских (фермерских) хозяйств и 67% индивидуальных предпринимателей [Предварительные итоги…, 2007, с. 3]. Иными словами, диверсификация экономической деятельности основных хозяйствующих субъектов аграрного сектора

происходит и в нашей стране [*Чепурных, Новоселов, Мерзлов* и др., 2006, с. 137–147].

Стратегическая цель сельского развития в рамках новой парадигмы: обеспечение качественного прорыва в повышении уровня и качества жизни сельского населения и устойчивого развития сельских территорий на основе полифункциональности аграрного сектора, многопрофильности сельской экономики, многоукладности аграрного производства, сохранения неурбанистического образа жизни населения.

Механизмы достижения стратегической цели

Достижение стратегической цели сельского развития с опорой на внутренние ресурсы может быть обеспечено с помощью следующих институциональных, экономических, организационных и социальных механизмов:

- совершенствование институциональной среды (земельного, водного и лесного кодексов);
- закрепление и защита прав собственности;
- государственная политика по защите интересов отечественного товаропроизводителя;
- диверсификация сельской экономики (развитие несельскохозяйственных видов деятельности, народных промыслов, зон рекреации, сельского туризма);
- вывод из сельхозоборота маргинальных земель;
- развитие малого и среднего бизнеса;
- возрождение сельской кооперации;
- реализация национальных проектов;
- развитие местного самоуправления;
- социальное партнерство между государством, бизнесом и населением;
- формирование в общественном мнении положительного образа российского крестьянина.

Совершенствование указанных механизмов должно обеспечить рост конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности аграрного сектора, снижение инвестиционных рисков в данной сфере, повышение эффективности деятельности всех хозяйствующих субъектов, включая малый и средний бизнес.

Поясним свою позицию относительно государственной поддержки отечественного АПК.

По нашему мнению, ориентация сельского развития на внутренние ресурсы не снимает ответственности государства по защите интересов отечественных товаропроизводителей и созданию благоприятных институциональных условий для их деятельности. Предусмотренный Государственной программой развития сельского хозяйства на 2008–2012 гг. проект комплексной компактной застройки и благоустройства 220 сельских поселений – капля в море. Отметим, что в США на развитие сельской местности из бюджета министерства сельского хозяйства ежегодно выделяется в среднем более 15,5 млрд долл. [*Протопопов,* 2007, с. 100].

По мнению выдающегося мыслителя современности Эрнандо де Сото, главной причиной экономических неудач бывших социалистических стран является неразвитость института собственности. Поскольку собственность нелегальна, она не может быть капитализирована. В первую очередь это касается собственности на землю. Как следствие, земля в настоящий момент не является предметом залога. Ущербное оформление прав собственности, неотработанность и пробуксовка механизмов их защиты являются тормозом на пути рыночных преобразований [*Де Сото,* 2004; *Шагайда,* 2006].

Экономические интересы федерального центра, местных властей и частного бизнеса не должны входить в противоречие с социальной составляющей аграрной политики. Главной движущей силой в достижении целей социально-экономического развития сельских территорий должен стать средний класс, который сейчас на селе находится в зародышевом состоянии в силу обнищания основной массы сельского населения, снижения качества жизни и уменьшения социальной доступности образования.

Идеи диверсификации сельского хозяйства, многофункциональности аграрной экономики, а также развития местного самоуправления нашли частичное отражение в действующем Федеральном законе РФ от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», реализация которого рассчитана на период до 2010 г. Согласно этому закону, работа по переустройству села должна быть передана вниз – на уровень районных администра-

ций и муниципальных образований. Чиновникам следует превратиться в менеджеров нового типа, обладающих всеми чертами классического предпринимателя. В их компетенции должны быть подготовка идей, разработка бизнес-планов создания новых производств, привлечение инвесторов и стимулирование развития местного предпринимательства, предоставление объективной информации, содействие в аренде пустующих помещений и подборе работников. Местные власти могли бы взять на себя роль координирующего центра в создании экономики нового типа. Уже сейчас в ряде регионов страны на сельских территориях воплощаются в жизнь идеи диверсификации сельской экономики, активно вовлекаются в оборот местные рекреационные ресурсы, развивается туризм, местная и перерабатывающая промышленность с привлечением внешних инвесторов для реализации конкретных проектов.

Литература

1. **Артемов В.А., Новохацкая О.В.** Сельская повседневность в 1970–2000 годы: данные к анализу // Экономическое развитие России. Новосибирск: ИЭОППСО РАН, 2006.
2. **Вопросы** статистики. 2007. № 9.
3. **Гидденс Э.** Устроение общества: Очерк теории структурации. 2-е изд. М.: Академический проект, 2005.
4. **Гимпельсон В., Горбачева Т., Капелюшников Р. и др.** Формирование заработной платы: взгляд сквозь призму профессий // Вопросы экономики. 2007. № 10.
5. **Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И.** Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991.
6. **Де Сото Э.** Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: Олимп-Бизнес, 2004.
7. **Калугина З.И.** От среднего класса – к креативному// ЭКО. 2007а. № 10.
8. **Калугина З.И.** Депривация сельских сообществ в условиях несостоятельности сельскохозяйственных предприятий // Регион: экономика и социология. 2007б. № 1.
9. **Копотева И.** Сельский туризм как одно из направлений в разработке стратегий развития сельских территорий // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2005. Вып. 5. М.: 2006.

10. **Методология** и методика системного изучения советской деревни / отв. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. Новосибирск: Наука, 1980.
11. **Нефедова Т.** Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М.: Новое издательство, 2003.
12. **Основные** показатели социально-экономического положения городов и районов Новосибирской области. Стат. сб. Новосибирск: Облкомстат, 2004.
13. **Предварительные** итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года // Вопросы статистики. 2007. № 9.
14. **Протопопов И.В.** Информационный образ аграрного сектора США // США и Канада: экономика – политика – культура. 2007. № 8.
15. **Российский** статистический ежегодник. 2007. Стат. сб. М.: Росстат, 2007.
16. **Сельское** хозяйство в Новосибирской области. Сборник. Период 2000–2002 гг. Новосибирск: Облкомстат, 2003.
17. **Сергиенко А.М., Калугина З.И., Родионова Л.В., Фадеева О.П., Муронова И.Ю.** Экономическое поведение населения и социальные эксклюзии на сельском рынке труда // Социальная политика: реалии XXI века. Вып. 2. М.: Поматур, 2004.
18. **Стюарт Т.** Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
19. **Узун В.Я.** Семейное хозяйство – основа устойчивого сельского развития // Многофункциональность сельского хозяйства и устойчивое развитие сельских территорий. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2007.
20. **Франкс Дж.** *P.* Аграрная политика Великобритании // Регион: экономика и социология. 2007. № 4.
21. **Чепурных Н.В., Новоселов А.Л., Мерзлов А.В.** Региональное развитие. Сельская местность. М.: Наука, 2006.
22. **Шагайда Н.И.** Особенности оборота сельскохозяйственных земель в России: институциональный анализ. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2006.
23. **Янбых Р.Г.** Программы устойчивого сельского развития: понятийный аппарат и опыт реализации в России и зарубежных странах // Доклад на II Всероссийском конгрессе экономистов-аграрников по проблеме «Устойчивое развитие агропродовольственного сектора как важнейший фактор социально-экономической стабильности России». Москва, 13–15 февраля 2006.
24. **Bicanic R.** Turning Points in Economic Development. Paris: The Hague; Mouton, 1972.

ВЕКТОР ПОСТКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ[1]

В современном быстро меняющемся мире восприимчивость нового, адаптация к происходящим социально-экономическим, политическим, технологическим изменениям и обоснованное предвидение будущего развития становятся важнейшими факторами жизнеспособности социальных систем. Актуальность определения перспектив развития отечественного агропродовольственного комплекса и сельского развития в целом обусловлена возрастанием спроса на продовольствие, а также его удорожанием в связи с ростом народонаселения на фоне ограниченности посевных площадей (земли, воды, энергии, удобрений) в большинстве стран мира.

В данной статье на базе многолетних аграрных исследований автором предпринята попытка очертить контуры посткризисной модели сельского развития России[2]. С этой целью проанализировано современное состояние аграрного сектора, выявлены характерные черты современной модели сельского развития, сформирован образ будущего российской деревни, определены вектор и этапы предстоящих изменений, а также механизмы реализации стратегических целей.

Среднесрочные тренды сельского развития страны во многом предопределены как проводимой аграрной политикой, так и глобальными вызовами, обусловленными, прежде всего, мировым финансово-экономическим кризисом. Что касается более отдаленной перспективы, то кардинальное изменение положения дел в аграрном секторе страны потребует неординарных и нетрадиционных подходов к сельскому развитию.

---

[1] Эта статья была опубликована в журнале «Регион: экономика и социология», 2010, № 3, с. 115–135, а затем переведена на английский язык и опубликована в журнале» «Regional Research of Russia». Vol. 1. No 2 . 2011, pp. 149–156.

[2] Сельское развитие включает три элемента: развитие сельской экономики, сельских территорий и человека.

Итоги трансформации аграрного сектора России

Экономическая реформа 1990-х годов предусматривала радикальные преобразования в аграрном секторе страны. Она включала в себя реорганизацию колхозов и совхозов, проведение земельной реформы, развитие частного сектора аграрной экономики и была нацелена на повышение социальной активности и хозяйственной инициативы сельского населения. Трудовым коллективам было предоставлено право выбора форм хозяйствования и свободного выхода работников из состава коллективного хозяйства. Сельскохозяйственные работники и ряд других категорий сельского населения были наделены имущественными и земельными паями, что обеспечило им определенный стартовый капитал для организации собственного дела на кооперативных или индивидуальных началах. В ходе реформы произошла институционализация новых форм хозяйствования, ставшая основой формирования многоукладной аграрной экономики.

Эти меры должны были способствовать зарождению свободной конкуренции товаропроизводителей на аграрном рынке. Разнообразие форм хозяйствования позволяло использовать преимущества, как крупного, так и мелкого производства, сочетая возможности крупного сельскохозяйственного производства с инициативой граждан. Радикальное изменение отношений собственности должно было обеспечить перераспределение земли и прочих производственных ресурсов в руки эффективного собственника и создать предпосылки для становления частного сектора аграрной экономики, развития агросервисных и социально-бытовых услуг. Были сняты административные ограничения для развития личного подсобного хозяйства населения (ЛПХ). Полагаясь на «невидимую руку» рынка, государство резко сократило субсидии, выделяемые из бюджета на сельское хозяйство. В 1999 г. они составили 0,17% от величины ВВП против 0,52% в 1995 г. и 8,8% в 1990 г.[1]

Казалось бы, на входе реформ были созданы институциональные основы и правовая база для равноправного и эффективного развития всех форм хозяйствования на земле. Однако итоги

[1] *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. – М.: ИВРАН, 2004, с. 363, 386.

проведенных преобразований 1990-х годов были неожиданными (для реформаторов) и парадоксальными по своей сущности. Парадоксы аграрной реформы проявились в экспансии мелкотоварного производства, неэффективности «капитализации» аграрной экономики, разрушении трудовой мотивации работников, обнищании сельского населения, деградации социальной сферы села[1]. Падение объемов собственного производства был столь стремительным, что встал вопрос о продовольственной безопасности страны.

В последующее десятилетие аграрное законодательство было нацелено на решение проблем отношений собственности, в первую очередь на землю, совершенствование норм, регулирующих деятельность фермерских и личных подсобных хозяйств и стимулирующих развитие сельской потребительской кооперации, а также улучшение условий кредитования сельских товаропроизводителей, организацию страхования производственных рисков. Принятые меры, безусловно, дали положительный эффект, однако полностью преодолеть кризисное состояние отрасли не удалось и до настоящего времени.

Динамика структуры производства по категориям хозяйств свидетельствует о том, что фермерский сектор вопреки ожиданиям реформаторов не стал преобладающим хозяйственным укладом в российской деревне, хотя в производстве отдельных видов продукции доля фермерских хозяйств стала заметной. К настоящему времени фермеры производят в своих хозяйствах более 20% зерна, 11% сахарной свеклы, около 29% семян подсолнечника, 23% шерсти (рис. 1).

Обвальное падение объемов производства и рентабельности продукции на реорганизованных сельскохозяйственных предприятиях к концу 1990-х годов сменилось некоторой стабилизацией в средине 2000-х годов и их росту к концу наблюдаемого периода, хотя в целом коллективный сектор утратил свои былые позиции.

Что касается личного подсобного хозяйства, то его увеличение в период трансформации аграрных отношений не является следствием свободного выбора крестьян. Для большинства сельского населения ведение ЛПХ стало единственным способом вы-

[1] *Калугина З.И.* Парадоксы аграрной реформы в России: Социологический анализ трансформационных процессов. 2-е издание. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2001.

живания в сложных условиях реформ. Стабилизация ситуации в экономике страны в целом и сельском хозяйстве, наблюдаемая со средины 2000-х годов сопровождалось снижением объемов производства в хозяйствах населения. Если в 1990-е годы прирост производства в хозяйствах населения составлял 3–8% в год, то к средине следующего десятилетия – 1–2%. В Федеральном законе «О личном подсобном хозяйстве» от 7 июля 2003 г., эта категория хозяйств была признана формой непредпринимательской деятельности по производству сельхозпродукции, на которую распространялись такие же меры государственной поддержки, как на крупные и средние сельскохозяйственные предприятия.

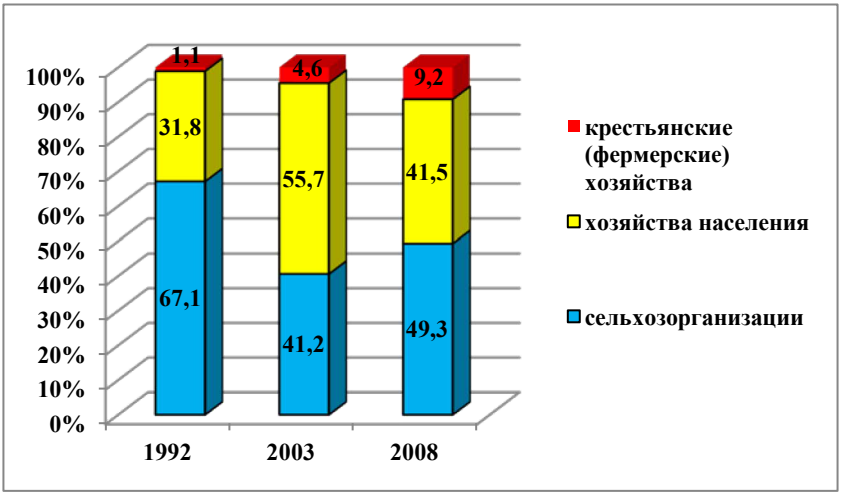

Рис. 1. Структура продукции сельского хозяйства России по категориям хозяйств

Источник: Россия в цифрах. 2009: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2009, с. 237.

В лучшем по результатам последнего десятилетия в 2008 г., объем сельскохозяйственной продукции в России в сопоставимой оценке оказался на 20% ниже уровня 1990 г. Если в 1990 г. удельный вес сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте страны составлял 16%, то в 2007–2008 гг. – только 4%. Согласно последнему докладу Всемирного банка мирового развития, показатель производительности труда в сельском хозяйстве, измеряемый величиной добавленной стоимости в расчете на одного

работника, в России в среднем за 2003–2005 гг. составил 2037 долл., в то время как в США – 23 тыс. долл., в Канаде – 20, в Германии – 14 тыс. долларов[1]. Иными словами, производительность сельскохозяйственного труда в России была ниже по сравнению с развитыми странами в 7–10 раз, в то время как к концу 1980-х годов это соотношение составляло 1:4.

На протяжении всего рассматриваемого периода росли объемы импорта продовольственных товаров. К концу 2000-х годов доля импорта в общем объеме ресурсов продовольствия РФ составляла в среднем 36%, что на 10–15% превышало порог продовольственной безопасности. По ряду продуктов российские производители не выдерживают конкуренции со стороны поставщиков импортного продовольствия не только из-за более низких показателей продуктивности и производительности, но и из-за неравных конкурентных условий. В Россию по большей части импортируется «субсидируемая» сельскохозяйственная продукция. Часть издержек на производство этой продукции компенсируется бюджетными ассигнованиями стран-импортеров. В 2009 г. из-за финансового кризиса доля импортной продукции заметно снизилась.

Характерные черты современной модели сельского развития

Бессистемность, некомплексность и несогласованность принимаемых мер, отсутствие стройной концепции развития отечественного аграрно-промышленного комплекса на перспективу сформировали специфическую модель сельского развития, которая характеризуется следующими чертами:

- хозяйственная многоукладность;
- технологическая многоукладность;
- симбиоз разных институциональных систем, характерных для реципрокной, раздаточной и рыночной экономики (институциональная «многоукладность»);
- непоследовательная аграрная политика государства;
- неравномерность и несогласованность скорости и траектории перемещения сельских территорий на пространственно-временны*ы*х осях;

[1] *Сычев М.Ф.* Проблемы развития аграрного сектора региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2009, № 3 (7), с. 55.

- высокая доля неформальной и теневой экономики;
- глубокая трансформация рынка труда;
- отставание, неготовность, невосприимчивость социальной среды к быстрым социально-экономическим переменам и инновационному развитию.
- отсутствие надежных механизмов артикуляции, реализации и согласования интересов ключевых субъектов сельского развития.

Остановимся подробнее на каждой из указанных характеристик.

Хозяйственная многоукладность. В результате неоднозначных и разнонаправленных аграрных трансформаций в России сформировалась многоукладная сельская экономика, основанная на разных способах ведения хозяйства и образе жизни занятых здесь людей. На сегодняшний день выделяют четыре основных хозяйственных уклада: 1) коллективные предприятия (производственные кооперативы, государственные предприя-тия, открытые и закрытые акционерные общества, другие сельскохозяйственные организации); 2) крупные агрохолдинги, базирующиеся на вертикальной интеграции агропредприятий, перерабатывающих и торговых предприятий; 3) мелкие индивидуальные хозяйства населения; 4) крестьянские (фермерские) хозяйства[1]. Государственная статистика объединяет все сельскохозяйственные организации в одну группу, тем самым фиксируя три основных хозяйственных уклада: сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства и хозяйства населения.

Границы между хозяйственными укладами весьма условны. Например, трудно провести границу между крупными хозяйствами населения и небольшими крестьянскими (фермерскими) хозяйствами. При этом вклад каждой формы сельскохозяйственного производства меняется со временем. Так, в настоящее время доля хозяйств населения весьма значительна и примерно равна доле коллективного сектора, в пореформенное время – она превышала его, а в советские времена в личных подсобных хозяйствах производилась четверть сельскохозяйственной продукции. Возникшие новые хозяйственные формы, конфликтуя между собой в

[1] *Нефедова Т., Пэллот Д.* Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? –М.: Новое издательство, 2006, с. 31.

борьбе за земельные, трудовые и финансовые ресурсы, вынуждены вступать в кооперацию друг с другом, нащупывая эффективные способы сосуществования, и, выполняя взаимодополняющие и компенсаторные по отношению друг к другу функции[1].

Разнообразие форм хозяйствования создает предпосылки для свободной конкуренции товаропроизводителей на аграрном рынке, обеспечивает наиболее рациональное использование земельных, трудовых и материально-технических ресурсов отрасли, позволяет использовать преимущества, как крупного сельскохозяйственного производства, так и мелкого, базирующегося на инициативе граждан.

Однако это возможно только при активной политике государства, защищающего интересы всех игроков агропродовольственного рынка. Практика показывает, что до сих пор *отсутствуют надежные механизмы артикуляции, репрезентации и согласования интересов ключевых субъектов сельского развития*. На фоне падения доверия к формальным институтам при разрешении возникающих конфликтов превалируют неформальные, в том числе неправовые практики. Кристаллизация новых форм хозяйствования на селе сопровождается формированием маргинальных групп населения, исключенных из сферы формальной экономики. При отсутствии механизма преодоления социальной изоляции маргинальных групп их наличие служит своеобразным «запалом» социальной напряженности и социальных конфликтов в сельских сообществах.

Как справедливо замечают башкирские коллеги, в пореформенный период аграрный сектор стал объектом разрушающего воздействия разнонаправленных групповых интересов, ориентированных в основном не на созидательную и инновационную деятельность, а на перераспределение и потребление ранее созданных ценностей и природных благ[2].

---

[1] *Калугина З.И., Фадеева О.П., Давыдова И.А., Франкс Дж.* Сельские сообщества в условиях многоукладности: проблемы взаимодействия и согласования интересов // ЭКО, 2004, № 10.

[2] *Барлыбаев А.А., Айдарбаков Ф.Ф., Рахматуллин И.М.*. Развитие сельских территорий в постсоветский период: институциональный аспект // http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=2009/5/08

Институциональная «многоукладность». Хозяйственные уклады базируются по существу на разных типах экономик, регулируемых релевантными институциональными системами. К настоящему времени в России реально сосуществуют три типа институциональных систем, характерных для реципрокной, раздаточной (редистрибутивной) и рыночной экономики. Они различаются между собой доминирующей формой собственности, основополагающими принципами распределения ресурсов и благ, механизмами взаимодействий между хозяйствующими субъектами, формой контроля и санкций за нарушение существующих норм и правил, типом трудовых отношений, доминирующей мотивацией экономической деятельности и формами обратной связи[1].

Подобная хозяйственная и институциональная многоукладность характерна для трансформирующегося общества, когда старые институциональные системы и уклады разрушаются, а новые еще не сформированы. В аграрном секторе России еще не завершен полностью переход от «колхозно-совхозной» экономики раздаточного (редистрибутивного, распределительного) типа к рыночной. Наряду с элементами рыночной экономики преобладающей остается неформальная экономика сельских домохозяйств, базирующаяся на нерыночной (реципрокной) системе взаимодействий и сетевой взаимопомощи.

Быстроменяющиеся правила игры, не устоявшиеся системы хозяйствования усиливают неопределенность и риски в аграрном секторе, способствуют дезинтеграции сельских сообществ и усложняют процесс адаптации населения.

Непоследовательная аграрная политика государства. Можно выделить три периода государственного регулирования аграрной экономики конца 20-го столетия, характеризующиеся направленностью, масштабами и формами государственного вмешательства.

Первый период, охватывающий 1990-е годы, характеризуется активным участием государства в реорганизации коллективного сектора аграрной экономики, формированием институционального каркаса для становления новых форм хозяйствования,

[1] *Барлыбаев А.А., Айдарбаков Ф.Ф., Рахматуллин И.М.*. Развитие сельских территорий в постсоветский период: институциональный аспект // http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=2009/5/08

закреплением многообразия форм собственности, но резким ослаблением бюджетной поддержки сельских товаропроизводителей. В результате поспешных тотальных и во многом формальных преобразований коллективный сектор был разрушен, а фермерский сектор, чуждый по духу большинству российских крекрестьян и быстро лишившейся государственной поддержки, так и не стал ведущим сектором аграрной экономики страны. Вся тяжесть решения продовольственной проблемы легла на плечи хозяйств населения. В короткий срок Россия превратилась по продовольствию в импортозависимое государство.

В начале 2000-х годов государство вынуждено было изменить свою позицию в отношении аграрного сектора: усилилась финансовая и институциональная поддержка сельских товаропроизводителей, расширились их возможности получения кредитных ресурсов, был разработан и частично реализован приоритетный национальный проект по развитию АПК. Государственная аграрная политика этого периода была направлена на устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий, т.е. их стабильное социально-экономическое развитие, увеличение объемов производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, рациональное использование земель, повышение уровня жизни сельского населения. Положительные результаты были налицо: увеличилось производство сельскохозяйственной продукции, снизилось число убыточных сельскохозяйственных предприятий, повысилась рентабельность производства, уменьшилась нагрузка на личные подворья населения, укрепился фермерский сектор, хотя не все проблемы аграрного сектора были решены.

Аграрная политика государства в период мирового экономического кризиса. Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. и изменение мировой конъюнктуры заставили российское государство по-новому взглянуть на агропродовольственный комплекс страны. Оказалось, что зерновое хозяйство страны, несмотря на кризис, динамично развивалось. За период 2000–2008 гг. валовые сборы зерновых увеличились с 65,5 млн т. до 108,2 млн т. Средний ежегодный прирост составил 3,8%. Зерновое производство с возрастающей экспортной составляющей стало прибыльным бизнесом. Экспорт зерновых, составляющий в 2000 г. 1,3 млн т (2% от валового сбора зерна) увеличился к 2008 г. до 18,2 млн т. (16,8% валового сбора) что позволи-

ло России войти в тройку крупнейших экспортеров зерна после США и ЕС[1]. В целом продукция сельского хозяйства выросла в 2008 г. по сравнению с предыдущим годом на 10,8%, а в 2009 г. по отношению к 2008 г. – на 1,2% при отрицательном росте других отраслей экономики[2].

В этот период, как показал анализ, выполненный И.В. Дерюгиной, государство, по существу монополизировало экспорт зерна, создав «Объединенную зерновую компанию», (ОЗК) передав на ее баланс в качестве вклада в уставный капитал 31 предприятие, находящееся в федеральной собственности из 40 существующих в этой сфере. Эта компания наделена полномочиями государственного агента при проведении закупочных интервенций для поддержания стабильности на рынке зерна. Однако опыт 2009 г. показал, что реально ОЗК выступила не как регулятор движения товарного зерна на рынке, а как биржевой игрок, стремящийся к получению наибольшей прибыли, сыграв на понижение закупочных цен[3]. Тем самым государство не выполнило функцию гаранта для тысяч сельских товаропроизводителей, которые и в трудные времена выращивали хлеб и другую сельскохозяйственную продукцию, рассчитывая на закупочные цены, обеспечивающие им возмещение затрат и хотя бы минимальный уровень рентабельности производства.

Таким образом, в последнее двадцатилетие аграрная политика государства характеризовалась ситуативностью, непоследовательностью и недостаточной обоснованностью, что негативно отразилось на ситуации в аграрном секторе, развитии сельских территорий и на уровне жизни населения.

Технологическая многоукладность. Известно, что мировая экономика развивается путем замещения одного технологического уклада другим. На смену доминирующего в развитых странах пятого технологического уклада, базирующийся на электронике и вычислительной технике, приходит шестой технологический уклад, ключевым фактором которого являются биотехнологии и нанотехнологии, а одной из несущих отраслей, по мнению специа-

---

[1] *Дерюгина И.В.* Аграрный сектор России: циклы и кризисы 1998–2009 годов // Вопросы статистики, 2010, № 3, с. 67.

[2] Российский статистический ежегодник. 2009: Стат. сб. / Россстат. – М., 2009. С. 418, 412; Актуальная статистика Сибири, 2009, № 4, с. 5.

[3] *Дерюгина И.В.* Аграрный сектор России: циклы и кризисы 1998–2009 годов // Вопросы статистики, 2010, № 3, с. 68–69.

листов, может стать сельское хозяйство благодаря применению достижений молекулярной биологии и генной инженерии.

По мнению академика С.Ю. Глазьева, распространения нового технологического уклада в России идет с отставанием. Но это отставание может быть преодолено, если сочетать стратегию лидерства в тех направлениях, где российский научно-промышленный комплекс имеет технологическое превосходство, стратегию догоняющего развития в направлениях со значительным отставанием и стратегию опережающей коммерциализации в остальных направлениях. Если возможности структурной перестройки российской экономики на основе нового технологического уклада будут упущены, в дальнейшем ее эволюция будет идти по инерционному сценарию и ограничено сырьевой периферией мировой экономики[1].

Готов ли российский АПК к переходу к шестому технологическому укладу? Как сказались на технологическом состоянии отечественного агропрома либеральные реформы? По оценкам специалистов, доля пятого технологического уклада в России только за 1990–2005 гг. уменьшилась с 6 до 1,2%, четвертого уклада – с 51 до 39%, тогда как третьего увеличилась с 37 до 47%, а доля реликтовых укладов, базирующихся на энергетике человека и животных, свойственных XIX веку или доиндустриальной эпохе удвоилась с 6 до 12,7%. Особенно негативными эти изменения были в российском АПК[2]. Таким образом, вместо модернизации сельскохозяйственного производства аграрная реформа привела к его архаизации. Это проявилось, в экспансии мелкотоварного производства, основанного на архаической системе хозяйствования: преобладании тяжелого немеханизированного труда, высокой трудоемкости, натурализации и потребительском характере производства, вовлечении в его сферу всех членов сельской семьи, включая стариков и детей. Как следствие – архаизация всего сельского образа жизни и депрофессионализация кадров. Совершенно очевидно, что преодоление технологической отсталости всей отрасли, усугубившейся мировым экономическим кризисом, не может быть осуществлено без актив-

[1] *Глазьев С.Ю.* Перспективы социально-экономического развития России //Экономист. 2009, № 1, с. 3–18.

[2] *Захаров А.Н.* О перспективах развития российского АПК // http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2008/10/30/0000325017/zaxarov.pdf

ного участия государства. Истощенным в период радикальных аграрных преобразований сельскохозяйственным предприятиям и формирующемуся фермерскому сектору эта задача вряд ли под силу.

Что касается масштабного производства генетически модифицированной продукции, характерного для шестого технологического уклада в АПК, то оно не является бесспорным для России. Располагая третьим по величине (после США и Индии) земельным фондом, пригодным для производства продуктов питания, Россия может сосредоточить свои усилия на производстве экологически чистой сельскохозяйственной продукции, пользующейся спросом у населения богатых стран. Хотя организация органического производства в промышленных масштабах дело хлопотное, отечественный опыт организации биоферм уже имеется[1].

Неравномерность и несогласованность скорости и траектории перемещения сельских территорий на пространственно-временных осях. Специфика России, по мнению специалистов, заключается в неравномерном и неодновременном прохождении стадий сельского развития в разных уголках огромной страны, так что даже в рамках одного региона можно зафиксировать существование разных типов хозяйствования на земле[2]. Наши расчеты, выполненные по Новосибирской области, подтверждают данные выводы[3]. Наряду с районами-лидерами с высоким уровнем социально-экономического развития существуют группы слабо развитых и маргинальных районов. В частности, выделенные на основе типологического анализа кластеры районов существенно различались между собой по доминированию той или иной формы хозяйствования. Так, доля хозяйств населения в производстве сельскохозяйственной продукции различалась более чем в пять раз, а численность фермерских хозяйств – в девять.

---

[1] *Борисова Е.* Мясной букет //Эксперт, 2010, № 13, с. 27–36.

[2] *Нефедова Т.Г.* Социально-экономическая и пространственная самоорганизация всельской местности // Мир России, 2003. № 1; *Грицай О.В. Иоффе Г.В.. Трейвиш А.И.* Центр и периферия в региональном развитии. – М.: Наука, 1991.

[3] *Калугина З.И., Фадеева О.П.* Контуры будущего сибирской деревни // Регион: экономика и социология, 2006, № 4, с. 141–158**;** *Калугина З.И., Фадеева О.П.* Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2009, с. 273–299/

Экспансия мелкотоварного производства, каковым является производство в хозяйствах населения, основанного на архаической системе хозяйствования, преобладании тяжелого немеханизированного труда, высокой трудоемкости, натурализации и потребительском характере производства, вовлечении в его сферу всех членов сельской семьи, включая стариков и детей, проявившаяся в отдельных группах сельских районов, привела, в конечном счете, к архаизации всего уклада и образа жизни населения.

На наш взгляд, возврат к мелкотоварному производству как бы останавливает, обращает ход времени вспять в данной географической точке, на данной территории. Иначе говоря, происходит пространственно-временна́я реверсия. Этот вывод лежит в русле концепций «временно́й географии» Т. Хагерстранда (Hagerstrand T.), пространственно-временно́й конвергенции Д. Джанелле (Janelle D.G.)[1], а также пространственно-временно́го структурирования социальных взаимодействий Э. Гидденса[2]. Опираясь на постулаты этих концепций, можно предположить, что ускорение или замедление научно-технического прогресса, качество институциональной среды, развитие человеческого капитала определяют, во-первых, скорость и траекторию перемещения сельских территорий на пространственно-временных осях, а во-вторых, – качество пространственно-временной зоны (локальности или места действия по Гидденсу), обусловливающее эффективность деятельности не только отдельных субъектов, но и в конечном итоге социальной системы в целом.

Глубокая трансформация рынка труда, которая проявилась в дестандартизации и флексибилизации занятости, широком распространении неформальных и теневых видов занятости, угрожающих масштабах общей и регистрируемой безработицы.

Дестандартизация и флексибилизация (гибкость) занятости[3]. Реорганизация коллективных хозяйств, становление новых форм хозяйствования, технологическое обновление производства сопровождались сокращением, а точнее сказать, разрушением

---

[1] Понятие пространственно-временной конвергенции предложено Джанелле для описания феномена «сжатия» времени возникающего вследствие усовершенствования транспортных систем (от повозок до реактивных самолетов).

[2] Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурации. – 2-е изд.- М.: Академический проект, 2005, с. 174–235.

[3] *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000, с. 202–223.

системы постоянной гарантированной занятости, сопровождающемся широким распространением нестандартных гибких форм занятости: отходничество, сезонные, временные, разовые, случайные, общественные работы, различные виды самозанятости. Самозанятые сочетают в себе черты предпринимателя и наемного работника. Распространенной формой самозанятости на селе – является труд в личном подсобном хозяйстве. Сегодня расширился спектр работ, выполняемых на дому, а также по совместительству.

Новым явлением для российского рынка труда стали такие нетрадиционные формы занятости как дистанционная занятость, самостоятельное предоставление услуг разного рода независимых, как правило, высококвалифицированных профессионалов, не состоящих в штате какой-либо организации. Это, так называемый, «фриланс» (от англ. «freelance»). Сельский «фриланс» носит вынужденный характер и обусловлен масштабным высвобождением рабочей силы в аграрном секторе, приходом новых инвесторов, проводящих жесткую кадровую политику, сужением сферы приложения труда, банкротством многих сельскохозяйственных предприятий. Сельские фрилансеры – это длительно безработные, использующие любые возможности, чтобы заработать по найму у частных лиц, фермеров, на предприятиях, выезжая на вахту, на лесозаготовки и т.п. Новые формы сельской занятости основаны на индивидуально-семейных стратегиях действий на рынке труда, в частности, на формировании индивидуального или семейного портфеля работ. «Портфель работ» – это набор видов деятельности, которые осуществляются индивидом или семьей на протяжении определенного времени.

Нетрадиционные формы занятости слабо регулируются государством, они связаны с высокими рисками, отсутствием социальных гарантий, нестабильностью доходов, ограниченностью возможностей для карьерного роста и другими негативными последствиями[1]. Следует отметить слабую изученность новых явлений на современном российском рынке труда.

[1] *Хэнди Ч.* Время безрассудства. Искусство управления в организации будущего. Спб.: Питер, 2001; *Вязникова В.В., Стребков Д.О.* Финансовое поведение российских фрилансеров: возможности и ограничения // Социологический журнал, 2009, № 4, с. 41–64.

Высокие масштабы занятости населения в неформальном секторе экономики. Резкое ухудшение ситуации на сельских рынках труда, трудности, с которыми сопряжено получение статуса безработного и ограниченная социальная помощь людям, лишившимся основного источника средств существования, обусловили развитие неформальной занятости (самозанятости) населения. Наиболее распространенной формой самозанятости сельского населения является ведение личного подсобного хозяйства (ЛПХ).

По результатам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г. на 1 июля 2006 г. насчитывалось 22,8 млн личных подсобных и других индивидуальных хозяйств граждан. В этой категории хозяйств производится в настоящее время около половины сельскохозяйственной продукции. За счет ЛПХ формируется одна четверть располагаемых ресурсов домашних хозяйств селян[1]. При этом подавляющее большинство сельских домохозяйств 14,8 млн хозяйств (99,1%) основной целью ведения хозяйства считают самообеспечение продуктами питания, более 2 млн хозяйств (14,7%) рассматривают ЛПХ как дополнительный источник денежных доходов, а 98 тыс. (0,7%) хозяйств – как основной источник денежных средств[2] [Предварительные…, с. 3]. По сравнению с дореформенным периодом подавляющая часть сельских семей либо увеличили размеры своих хозяйств либо оставили их прежними.

По оценкам Госкомстата России, на сегодняшний день численность лиц, занятых в собственных хозяйствах производством сельхозпродукции для реализации, составляет около 2 млн человек. Помимо этого свыше 10 млн человек заняты производством продукции в ЛПХ для собственного потребления. Еще примерно столько же помимо этой деятельности имеют другое доходное занятие. В соответствии с концепцией измерения экономической активности и занятости населения в России деятельность по производству в домашнем хозяйстве продукции для собственного потребления не считается работой или доходным занятием. Однако отнесение части занятых в ЛПХ к экономически актив-

[1] Социальное положение и уровень жизни населения России. М. ФСГС. 2005. – С. 168).

[2] Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года (по краткой программе) // Вопросы статистики. – 2007, № 9.

ному и, соответственно, к занятому населению вносит много путаницы в исчислении этих категорий и является лишним поводом для отказа неработающим жителям села в получении статуса безработного, что усугубляет и без того крайне тяжелое положение сельского населения. Основным источником дохода в условиях длительной безработицы для сельских жителей является личное подсобное хозяйство (ЛПХ), оказание услуг частным лицам, сбор дикоросов и социальные пособия. Однако доходы от ЛПХ недостаточны для преодоления проблем бедности и ресурсного обеспечения расширенного воспроизводства рабочей силы. Кроме того, занятость в ЛПХ не решает проблему аграрного перенаселения и не гарантирует социальную защиту сельского населения в старости, так как труд в ЛПХ не засчитывается в стаж работы. Механизм накопления страховой части пенсии для занятых в ЛПХ также не отработан.

Широкое распространение в последнее время в России получила *теневая занятость,* которая не отражаются в официальных документах – контрактах, в трудовой книжке или хозяйственных договорах и не регистрируется официальной статистикой. Исследование неправовых трудовых отношений, проведенное Т.И. Заславской и М.А. Шабановой[1], показали, что в этой форме занятости заинтересованы как работодатели, так и работники. Многие из них имеют статус безработных, получая пособие по безработице, а работодатели не платят социальный налог.

Высокий уровень регистрируемой и общей безработицы. По данным выборочного обследования населения по проблемам занятости, уровень безработицы в сельской местности РФ в 1,5 – 2 раза превышал аналогичный показатель по городской местности. Но темпы прироста безработных на селе был ниже, чем в городе: в феврале 2009 г. численность городских безработных (по критерию МОТ) увеличилась по сравнению с ноябрем 2008 г. на 42,2%, а сельских жителей – на 21,3%. Среди без-работных, классифицируемых по методологии МОТ, примерно 10% составляли граждане, которым не мог быть присвоен статус безработного в органах службы занятости населения. Среди них 43% составляли лица старше или моложе трудоспособного возраста, 39% –

[1] Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина, – Новосибирск: Наука, 2003, с. 153–193.

студенты и учащиеся в трудоспособном возрасте очных образовательных учреждений и 18% – пенсионеры по возрасту, выслуге лет или на льготных условиях. Все эти категории в обследуемый период занимались поиском работы и были готовы приступить к ней, т.е. отвечали критериям для отнесения их к безработным по методологии МОТ.

Самый высокий уровень безработицы отмечался в возрастной группе 15–19 лет (32,1%), а также 20–24 года (18,0%). Коэффициент превышения уровня безработицы среди молодежи в среднем по возрастной группе 15–24 года по сравнению с уровнем безработицы взрослого населения в возрасте 30–49 лет составляет 2,6 раза, в том числе среди городского населения – 2,7 раза, сельского населения – 2,2 раза. При этом среди сельских жителей доля застойной безработицы существенно выше, чем среди городских: соответственно, 37,5 и 22,4%, а средняя продолжительность безработицы составила в сельской местности – 8,2, а в городской – 6,2 месяца[1].

В настоящее время на карте страны появилось немало деревень, где нет крупного работодателя, способного обеспечить постоянной работой основную часть трудоспособного населения и регулярно выплачивать заработную плату. Жители таких деревень, лишенные возможности найти оплачиваемую работу в сфере легальной экономики, а также элементарного социального и бытового обслуживания, существующие, в основном, за счет своего подсобного хозяйства, а иногда вынужденные прибегать к нетрадиционным, в том числе, криминальным способам выживания. Оторванные от внешнего мира в силу неразвитости транспортных коммуникаций и дороговизны транспортных услуг сельские сообщества, проживающие на таких территориях, постепенно превращаются в депривированные социальные анклавы[2].

Отставание, неготовность, невосприимчивость социальной среды к быстрым социально-экономическим переменам и инновационному развитию. Анализ показал, что *условия воспроизводства человеческого потенциала сельского населения замет-*

[1] Занятость и безработица в Российской Федерации в I квартале 2009 года (по итогам обследований населения по проблемам занятости) // http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/71.htm

[2] *Калугина З.И.* Депривация сельских сообществ в условиях несостоятельности сельскохозяйственных предприятий // Регион: экономика и социология, 2007, № 1, с. 186–198.

но хуже городского, что негативно сказывается на человеческом развитии, измеряемом уровнем образования, доходов и продолжительностью жизни населения.

Так, к середине 1990-х годов практически исчезли различия между продолжительностью жизни городского и сельского населения (соответственно 64,7 и 64,2 года). К началу 2000-х годов средняя продолжительность жизни селян была заметно ниже по сравнению с горожанами и составила у мужчин 57,8 года, а у женщин – 71,2 года, а у городского населения соответственно 59,2 и 72,3 года. В средине 2000-х годов эта разница не сократилась.

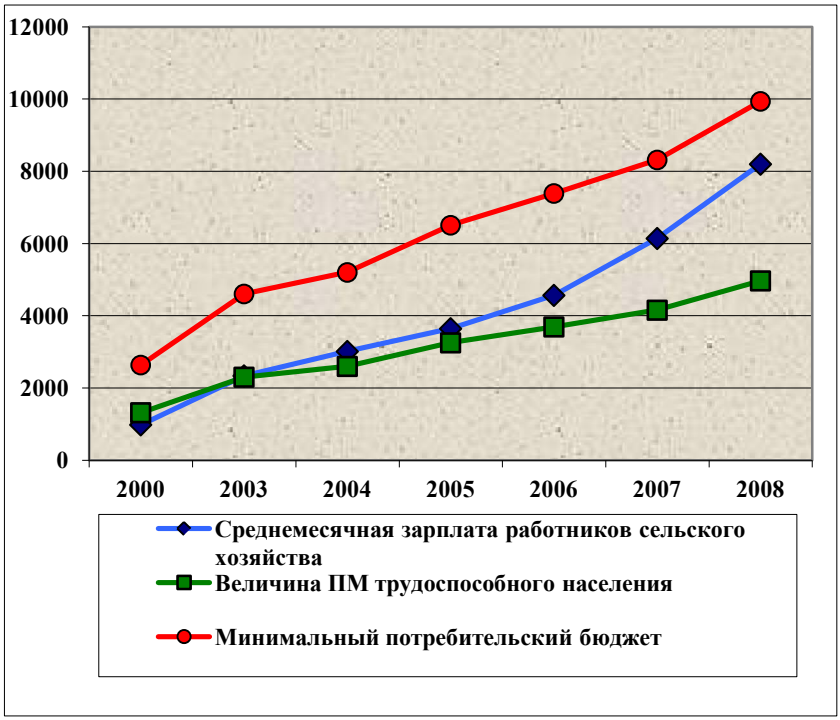

Рис. 2. Соотношение заработной платы в сельском хозяйстве РФ с величиной прожиточного минимума, 2000–2008 гг.

Расчеты выполнены по источнику: Россия в цифрах. 2008. – М.: ФСГС, 2009, с. 119, 123, 124.

Несмотря на положительные тенденции последних лет, оплата труда работников сельского хозяйства остается самой низкой среди отраслей экономики. Номинальная заработная плата в отрасли составляет примерно 45% от средней заработной платы по всей экономике и не превышает минимальный потребительский бюджет, необходимый для воспроизводства рабочей силы на восстановительном уровне[1], что отрицательно сказывается на качестве рабочей силы (рис. 2).

В общественном мнении существует миф о том, что сельские жители получают несметные доходы от личного подсобного хозяйства. Однако расчеты показывают, что для сельской местности характерна высокая концентрация бедности. Под данным за 1 квартал 2009 г., доля семей с доходами ниже прожиточного минимума на селе в 2,5 раза выше, чем в городе.

Структура потребительских расходов селян с высокой долей затрат на питание и низкой долей на оплату услуг 39,1 и 21,2% против 29,1 и 22,4% – расходов горожан также свидетельствует о бедности сельского населения. Если в городской местности затраты на организацию отдыха и культурные мероприятия в I квартале 2009 г. составляли 6,2% потребительских расходов семьи, то в сельской местности – 4,2%, а на образование соответственно: 1,9 и 1,8%[2].

Низкие доходы населения сокращают их возможности дать детям хорошее образование. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., 7% сельских жителей (в возрасте от 15 лет и более) имели высшее образование, 20,8% – среднее профессиональное, 17,7% – начальное профессиональное образование. В то время как в городе уровень профессионального образования

[1] Согласно методике Всероссийского Центра уровня жизни, минимальный потребительский бюджет в денежном выражении, равный примерно двум прожиточным минимумам (ПМ), позволяет на минимальном уровне удовлетворять потребности человека в питании и приобретении более широкого набора непродовольственных товаров и платных услуг, чем в составе прожиточного минимума, и обеспечивает восстановительный уровень потребления. Бюджет высокого (по современным стандартам – среднего) достатка, равный примерно 6ПМ и выше, позволяет удовлетворять рациональные физические и духовные потребности населения и обеспечивает развивающий характер потребления.

[2] Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в I квартале 2009 г. (По итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). – М.: ФСГС, 2009, с. 49.

населения был значительно выше – 24,5; 28,8; 11,5% соответственно. Более половины сельских жителей не имели никакого профессионального образования, а для 17% сельчан уровень образования был ограничен лишь знаниями начальной школы. Неблагоприятные тенденции сохранились и в последующие годы (табл. 1).

Таблица 1

Распределение численности занятых в экономике Российской Федерации по видам экономической деятельности и уровню образования в 2007 году, %

Уровень образования	Занятые в экономике	Занятые в сельском хозяйстве
Высшее профессиональное	27,8	7,5
Неполное высшее профессиональное	1,5	1,0
Среднее профессиональное	25,9	15,6
Начальное профессиональное	17,6	17,4
Среднее (полное) общее	21,5	36,5
Основное общее	5,3	19,8
Не имеют основного общего образования	0,2	2,3

Источник: Российский статистический ежегодник. 2008: Стат. Сб. / Росстат. – М., 2008, с. 142.

Большую роль в восприятия нового на селе играют социокультурные факторы, которые, с одной стороны обусловлены природной крестьянской осторожностью, а с другой – негативным социальным опытом, которые приобрели сельские жители в ходе реформ. Не подготовленная для деятельности в условиях рынка значительная часть сельских семей продолжает держаться за традиционные формы и способы хозяйствования, позволяющие уходить от необходимости адаптироваться к быстро меняющейся среде, усваивать новые знания, приобретать новые навыки[1].

[1] *Великий П.П., Дакирова С.Т.* Социетальные предпосылки распространения инноваций в АПК //Роль инноваций в развитии агропромышленного комплекса. – М.: ВИАПИ: Энциклопедия российских деревень, 2008, с. 27–29; *Барлыбаев А.А., Айдарбаков Ф.Ф., Рахматуллин И.М.* Развитие сельских территорий в постсоветский период: институциональный аспект // http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=2009/5/08

Контуры будущей модели сельского развития

Предшествующие исследования, базирующиеся на представлениях о многофункциональности сельских территорий, многопрофильности и многоукладности сельской экономики, приоритетности задач по человеческому развитию, позволили ответить на три взаимосвязанных вопроса. Во-первых, являются ли сельские территории гомогенным объектом стратегических разработок? Во-вторых, в чем состоит предмет стратегических разработок применительно к сельской местности и, в-третьих, – неизбежна ли смена парадигмы сельского развития при переходе от среднесрочной к долгосрочной перспективе[1]. Главные выводы заключались в следующем.

Единой модели обустройства сельского хозяйства и одинакового комбинирования разных форм хозяйствования для такой огромной страны, как Россия, существовать не может, так как разные субъекты Федерации, разные регионы развиваются по разным траекториям, занимают разные пространственно-временные позиции и представляют, по сути, разные социальные миры.

Второй вывод, вытекающий из анализа современных концепций сельского развития, касался переплетения, взаимозависимости и значимости социальных, экономических и природных факторов в развитии сельских территорий, что обусловило, с одной стороны, необходимость комплексного подхода при решении стратегических задач сельского развития, а с другой – определило предмет стратегических разработок применительно к сельским территориям, включающий в себя три основных элемента: развитие сельской экономики, развитие сельских территорий и развитие человека.

И, наконец, третий вывод заключался в том, что переход страны к рынку, резкое снижение роли государства в решении социально-экономических задач, необходимость кардинального изменения положения дел в аграрном секторе страны с целью обеспечения продовольственной безопасности страны обусловливают необходимость поиска и нахождения новых источ-

[1] *Калугина З.И., Фадеева О.П.* Контуры будущего сибирской деревни // Регион: экономика и социология, 2006, № 4, с. 141–158; *Калугина З.И., Фадеева О.П.* Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2009, с. 291.

ников сельского развития. В соответствии с этим в отдаленной перспективе необходима и смена парадигмы сельского развития. Ее суть заключается в смене ориентиров: от государственного патернализма к саморазвитию с опорой на внутренние ресурсы и сбалансированное партнерство государства, бизнеса и населения.*Образ будущего российской деревни:*

- диверсифицированная сельская экономика;
- производство экологически чистой сельскохозяйственной продукции;
- широкий выбор сфер занятости населения;
- уровень оплаты труда в сельском хозяйстве не ниже средней в экономике страны;
- соответствие реальных доходов сельского населения стоимости жизни;
- модальной группой в социально-экономической структуре населения станут средние слои со среднедушевыми доходам от 6 прожиточных минимумов и выше;
- благоустройство сельских территорий на уровне современных стандартов, преимущественно малоэтажная застройка усадебного типа;
- развитое самоуправление сельских территорий;
- доминирование самобытного неурбанистического образа жизни при повышении социальной и территориальной доступности всех видов материальных и духовных благ.

Механизмы достижения целей развития

Достижение стратегической цели сельского развития с опорой на внутренние ресурсы может быть обеспечено с помощью институциональных, экономических, организационных и социальных механизмов:[1]

✓ Совершенствование институциональной среды: уточнение, дополнение и согласование земельного, водного и лесного кодексов;

[1] *Калугина З.И., Фадеева О.П.* Российская деревня в лабиринте реформ. Социологические зарисовки. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2009, с. 298–299.

✓ Закрепление и защита прав собственности. По мнению выдающегося мыслителя современности Эрнандо де Сото, главной причиной экономических неудач бывших социалистических стран является неразвитость института собственности. В первую очередь это касается собственности на землю. Как следствие земля в настоящий момент не является предметом залога Ущербное оформление прав собственности, неотработанность и пробуксовка механизмов их защиты являются тормозом на пути рыночных преобразований[1].

✓ Диверсификация экономики как способ устойчивого развития сельских территорий, предусматривающая диверсификацию видов продукции и диверсификацию видов деятельности. Последняя включает в себя развитие местной промышленности, переработку сельхозсырья и дикоросов, лесопереработку, развитие сферы торговли и услуг, в т.ч. придорожного сервиса, создание зон рекреации и туризма на территориях с уникальными природно-климатическими условиями, развитие производственной и рыночной инфраструктуры. размещение на сельских территориях промышленных производств.

✓ Развитие и эффективное использование человеческого потенциала на базе расширения высокотехнологичного сегмента экономики, повышения уровня оплаты труда не ниже минимального потребительского бюджета (в денежном выражении это примерно два прожиточных минимума), расширения и диверсификации сфер занятости, создания условий для трудовой и профессиональной мобильности, улучшения качества рабочих мест, преодоления диспропорций на локальных рынках труда, вовлечения неработающего населения в трудовую деятельность, противодействия безработице среди сельской молодежи, развития социальной инфраструктуры, повышения социальной доступности общего и профессионального образования. Главной движущей силой в достижении целей социально-экономического развития сельских территорий должен стать средний класс, который сейчас в селе находится в зародышевом состоянии в силу обнищания основной массы сельского

[1] *Де Сото Э.* Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / Пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004; *Шагайда Н.И.* Особенности оборота сельскохозяйственных земель в России: институциональный анализ. – М.: ВИАПИ: «Энциклопедия российских деревень». 2006.

населения, снижения качества жизни и снижения социальной доступности образования.

✓ Развитие бизнес-среды и улучшение инвестиционного климата на основе организационной, правовой и ресурсной поддержки предпринимательства, создания интегрированных производственно-сбытовых структур для развития малых форм хозяйствования, а также поддержки социальных инициатив бизнеса.

✓ Модернизация условий жизнедеятельности населения путем наращивания темпов и масштабов малоэтажного жилищного строительства, повышения комфортности условий проживания, развития социальной инфраструктуры в стационарных и мобильных формах, повышения доступности социальных услуг, развития транспортных коммуникаций и средств связи.

✓ Повышение конкурентоспособности сельских территорий за счет использования внутренних ресурсов (земельных, лесных, водных, рекреационных, трудовых ресурсов и полезных ископаемых) и привлечения внешних инвестиций для повышения экономического потенциала.

✓ Сохранение сельского уклада жизни на основе формирования новых стандартов сельского образа жизни, сохранения традиций, культуры и морально-нравственных основ сельской экономики, укрепления сплоченности и солидарности сельских сообществ, интегрированности села в социально-экономическое пространство страны, формирования в общественном мнении положительного образа российского крестьянина.

✓ Оптимизация системы сельского расселения с позиции рационального размещения производства, гармонизации интересов города и села, сохранения сельского уклада жизни населения, обеспечения национальной безопасности и территориальной целостности страны. Сохранение неурбанистического уклада жизни в сельской местности послужит дополнительным фактором привлекательности сельской местности не только для туристов и отдыхающих, но и горожан, предпочитающих тихий размеренный уклад жизни. Опыт развитых стран и современной России демонстрирует новые типы расселения, когда вокруг мегаполисов возникают пригородные поселения-спутники, превращающиеся в спальные районы и зоны отдыха обеспеченных слоев населения, готовые вкладывать деньги в создание фамильных усадеб, загородных домов и дач. В таких поселениях

формируется специфическая инфраструктура по снабжению и обслуживанию горожан. Только сочетание сельского уклада жизни с современным уровнем обслуживания и благоустройства обеспечит стабильный приток городского населения в сельскую местность на отдых, туризм и лечение.

Опыт западных стран свидетельствует о том, что так называемые «неперспективные», проблемные сельские территории могут сыграть важную роль в общественном разделении труда, поскольку именно в силу экономической отсталости на этих территориях сохраняются ареалы дикой природы, очаги народных промыслов и ремесел, благоприятная экологическая обстановка. Только нестандартный инновационный подход к развитию этих территорий, как показывает мировой опыт, дает заметный социальный и экономический эффект[1].

Формирование эффективной модели государственного регулирования АПК адекватного вызовам времени, обеспечивающей: систему государственных гарантий для сельских товаропроизводителей; сбалансированность ценообразования на основные виды сельскохозяйственной продукции с нижним пределом рентабельности; справедливое распределение прибыли между товаропроизводителями, перерабатывающими предприятиями и торговыми организациями; реализацию антимонопольного законодательства, регулирующего взаимодействие сельских товаропроизводителей с поставщиками энергоресурсов, переработчиками и перевозчиками сельхозпродукции.

[1] *Прауст Р.Э.* К вопросу об инновационных стратегиях развития проблемных сельских территорий России // Роль инноваций в развитии агропромышленного комплекса. – М.: ВИАПИ: «Энциклопедия российских деревень», 2008, с. 327–330.

Научное издание

З.И. Калугина

РЫНОЧНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА РОССИИ

Социологический дискурс

ISBN 978-5-89665-290-8

Художник обложки *А.В. Саваровский*
Компьютерная верстка *В.В. Лысенко, А.П. Угрюмов*

Подписано в печать 2 февраля 2015 г.
Формат бумаги 60×84 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «Таймс».
Объем 21,4 п.л. 19,9 уч.-изд. л. Тираж 300 экз. Заказ № 8.

Издательство ИЭОПП СО РАН.
Участок оперативной полиграфии ИЭОПП СО РАН.
630090, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, 17.